ВЯЧЕСЛАВ
ЗИЛАНОВ

АННА
ЛУГОВСКАЯ

ДЕТИ ВОЙНЫ О ВОЙНЕ

ВЯЧЕСЛАВ
ЗИЛАНОВ

АННА
ЛУГОВСКАЯ

ДЕТИ ВОЙНЫ О ВОЙНЕ

Москва
издательство
РОДИНА
2022

УДК 82-94
ББК 84(7)
З 61

Издание книги осуществлено при поддержке рыбопромышленных компаний ЗАО НПП «Вега», холдинга «Норебо» и консорциума Северо-Западной Рыболовной Компании (СЗРК)

Зиланов В., Луговская А.

З 61 Дети войны о войне. Издание 2-е, исправленное и дополненное / В. Зиланов, А. Луговская. — М.: Родина, 2022. — 494 с.

ISBN 978-5-00180-456-7

В книге представлены 40 оригинальных очерков – воспоминаний детей, на долю которых выпали тяжелейшие лишения в годы Великой Отечественной и Второй мировой войны. Впервые в отечественной литературе, посвящённой этой теме, наряду с воспоминаниями детей нашей страны приведены и воспоминания детей зарубежных стран. Посредством детского восприятия они возвращают нас к тем суровым временам, когда каждый день надо было бороться за то, чтобы... прожить до завтрашнего дня. И так все 1418 (!) дней и ночей военного лихолетья. Сотни тысяч детских сердец, по обе стороны фронта, остались в горниле войны, не увидев мирного неба.

Дети, опаленные войной, страстно ждали ПОБЕДЫ, и она пришла к ним на плечах их отцов, матерей, братьев, сестер, бабушек и дедушек. Но и наступивший мирный период, особенно его первых лет, потребовал неимоверного напряжения человеческих сил для того, чтобы послевоенное детство стало поистине счастливым.

С теплотой и с пониманием всех трудностей, которые им пришлось пережить вместе со всей страной, дети войны отдают свои признание и любовь тем, кто бережно хранил их жизни и ввел в мирное время.

Книга предназначена для широкого круга читателей, включая подрастающее поколение.

УДК 82-94
ББК 84(7)

ISBN 978-5-00180-456-7

© Зиланов В., Луговская А., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

Посвящается нашим матерям, бабушкам,
отцам, дедушкам, всем родным и близким,
кто сохранил нам жизнь

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие 8
Вместо предисловия к первому изданию 10

Андреассен Р.Н. Мальчик и человек с девятью жизнями 14
Богданов С.И. Моя Война 20
Вигум А.С. Аннушка из Киберга 30
Курт Вишнер Из моей жизни 43
Вульфович Б.А. Это было вчера 68
Городничева М.В. Дорогами войны 104
Горячкин В.И. Детские воспоминания о войне 111
Гуляев Ф.С. Вспоминая о детстве и войне 122
Данилова Ф.К. В огне войны сгорело детство 129
Журин Л.В. Пережитое 132
Журкова М.А. Детство пришлось на военное время 173
Зиланов В.К. Военное детство 177
Зиланова Л.О. В глубоком тылу 195
Змиевской Ю.Н. Война: Беларусия—Германия—Родина. 197
Зуева В.И. Наравне со взрослыми 228
Иванова М.Ф. В землянке 231
Каргин М.И. Детство в войну 234
Киданов В.В. Дети войны — труженики тыла 270
Кодисова Э.М. Как сейчас, вижу зарево от пожара 277
Кудрин Б.Д. Мое военное детство 279
Кудрявцева Е.Н. Мой отец глазами ребёнка войны 285

Лановой В.С. Родом из войны..... 287
Латышев И.А. Из военного дневника 302
Лебедев А.М. Брест под ударами войны 327
Лидер Г.И. Война и начало блокады..... 342
Луговский А.А. Немцы часто заходили в дом 345
Луговская Н.И. «Ты что делаешь?
Там же малютки!» 348
Лукашов В.В. Размышляя о прошлом..... 350
Лукашова Е.А. Об этом не забыть никогда 355
Макаров Л.А. Мы в эвакуации. 360
Максимова А.И. Память..... 381
Овчинников В.В. Детство, блокада..... 386
Пенина И.П. Война 393
Саранчев С.И. Моё военное детство 409
Серебряков В.П. Шёл разрушительный 1941 год... 416
Уманская Т. Я. Два самых счастливых дня 426
Шепель Л.И. Война, на которой мы не сражались,
но нам пришлось её пережить и помнить 432
Юртин Б.О. Это страшное слово «война»..... 450
Юртина В. И. От первого до последнего дня войны.. 456
Янек Л. В. Защитим наших внуков и правнуков.... 463
Луговская А.А. От принимающих эстафету..... 470

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Проект. Федеральный закон
«О детях войны» 479

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Закон г. Москва 487

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Перечень субъектов, имеющих
региональные законы «О детях войны» 491

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время неумолимо забирает тех, кто прошел тяжелейшими дорогами Великой Отечественной войны и ценой своих жертв выковал всему миру великую ПОБЕДУ над фашисткой Германией и милитаристской Японией.

Память об их подвигах бережно сохраняется в сердцах нашего народа и, прежде всего, в его детях, которые оказались в те суровое время в пламени войны. Это пламя, не щадя никого, вобрало в себя около 1,3 млн. детских сердец нашей страны.

Миллионы детей оказались в оккупационных зонах, в концлагерях, в эвакуации. Они познали все ужасы войны. Именно дети войны, лишенные мирного детства, пришли на смену уходящих своих отцов-победителей. Именно они, дети войны, в настоящее время стали единственной последней нитью памяти об ужасах того всепожирающего кровавого периода.

К сожалению, время неумолимо забирает и детей войны. Ещё двадцать лет назад в России было около 20 млн. детей, оказавшихся ранее в горниле войны; сейчас их осталось всего 10 млн., и с каждым днем их становится все меньше и меньше. Тем значимее для нас, будущих поколений, помять о пережитом в годы войны самими детьми войны.

Об этом говорится в предлагаемой читателю книге, в которой объединены оригинальные без каких-либо правок воспоминания 40 свидетелей — детей войны, проживающих на момент написания ими очерков в России, Украине, Беларуси, США, Израиле, Норвегии и Германии. По существу — это

воспоминания детей, не только выживших в годы Великой Отечественной войны, но и Второй Мировой войны, что свидетельствует об общности судеб детей войны независимо от страны и национальности.

Очерки представлены в книге в алфавитном порядке и без биографических сведений об их авторах, поскольку всех их объединяет одно — они дети войны и этим всё сказано. Хотя в послевоенные годы многие из них достигли немалых успехов, которые были отмечены обществом и государством, в котором они трудились. Это и Герой Социалистического Труда, Лауреаты Государственных премий, Народный артист СССР, общественные деятели, всемирно известные ученые, писатели, журналисты, доктора и кандидаты наук, специалисты высокого класса в своей области деятельности. Некоторых из них, к сожалению, ушли преждевременно, в чем имеется и доля пережитого ими в годы военных лет. Их очерки были представлены родственниками, некоторые из них были ранее опубликованы в их воспоминания, о чем сделаны соответствующие ссылки.

Завершает сборник Приложения к нему, в которых представлены сведения и документы, касающиеся принятых, а также рассматриваемых властями Российской Федерации решений по медицинскому, бытовому улучшению детей войны.

Ознакомление с книгой поможет не только увидеть глазами детей войны пережитое ими, но и понять те народные корни, которые позволили всему нашему многонациональному народу стать победителями в Великой Отечественной войне и Второй Мировой войне.

Особую признательность выражаем Светлане Якобсен за предоставление очерков из Норвегии и их перевод с норвеж-

ского на русский язык, а также Ольге Вишнер за предоставление очерка из Германии и перевод его с немецкого на русский язык.

Зиланов В.К., Луговская А.А.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Традиционно мы, те, на долю которых выпало жить в годы Великой Отечественной войны, собираемся 9 мая в ДЕНЬ ПОБЕДЫ, чтобы отметить этот для нас великий день. Вспомнить добрым словом павших на войне и ушедших уже в мирное время.

За праздничным столом с годами все меньше и меньше тех, кто с оружием в руках освобождал Отечество от фашистов. Они покидали нас в силу перенесенных военных лишений, ноющих ранений. Да и время их забирает.

На смену им пришло новое поколение, которое в детстве прошло через жернова войны и выжило. Им сейчас за 70–75 и более. Для нашей страны весьма уже преклонный возраст. Но и их с годами за праздничным столом становится все меньше и меньше. Время и здесь нещадно отбирает их.

И вот замечаю. Чаще стали собираться на похоронах. Нерадостное это событие — расставаться с теми, с которыми войну пришлось пройти в детские годы. Пусть и в разных местах нашего некогда большого Советского Союза.

За поминальным столом воспоминания об ушедшем. По обычаю нашему — только хорошее. Да еще о том, что и война отняла у него часть жизни. Вот не прошел бы усопший ее в детстве, глядишь, и больше прожил бы.

Молодежь, в основном родственники, с интересом нас (уже стариков по их меркам, да и действительно это так) слушают. Иногда с заинтересованностью задают вопросы о том времени. Они и покидают стол поминальный первыми. Никаких обид. У них жизнь впереди, да еще и в по-своему трудные, без «тормозов», рыночные времена.

За завершающим столом остаются только самые близкие родственники и мы — дети войны. В один из таких дней предложил своим соратникам — надо бы оставить сменяющему нас поколению память о том детстве, пережитом нами в военные годы. Большинство поддержало это предложение. Так и родилась эта книга. В ней воспоминания тех, кто близок мне, и тех, с кем столкнула меня жизнь. Их повествования воспроизведены в книге в оригинальных, ими представленных текстах, без какой-либо редакции.

Посчитал также, что нет необходимости давать краткую биографию каждого и достигнутые за годы жизни успехи. А они есть и немалые. Это и Герой Социалистического труда, Лауреат Государственной премии Правительства СССР, Почетные граждане городов, областей, генерал, выдающиеся журналисты, доктора и кандидаты наук, специалисты высокого класса в своей области деятельности. Все они получили в послевоенный период бесплатно прекрасное образование и состоялись, как специалисты в своей области, в Советском Союзе. Но в военное время все мы были объединены одним, но емким понятием — детством, что и составляет основу воспоминаний, которые и расположены в книге в алфавитном порядке по их фамилиям. В настоящее время авторы этих очерков живут в России, Белоруссии и Украине, там, где их «определила» судьба военного времени и неожиданный развал Советского Союза.

Надеюсь, что книга найдет своего читателя и особенно среди сменяющего нас поколения. Мирного им неба над головой и памяти о тех, кто отстоял его. Пусть помнят и пронзительную песню «Дети войны» на стихи Митча Радича:

Дети войны. Смотрят в небо глаза воспалённые.
Дети войны. В сердце маленьком горе бездонное.
В сердце, словно отчаянный гром, Ленинградский
гремит метроном.
Неумолчный гремит метроном.

Дети войны набивались в теплушки открытые.
Дети войны хоронили игрушки убитые.
Никогда я забыть не смогу крошки хлеба на белом
снегу,
Крошки хлеба на белом снегу.

Вихрем огненным, чёрным вороном
Налетела нежданно беда.
Разбросала нас во все стороны,
С детством нас разлучив навсегда.

Дети войны в городках, в деревеньках бревенчатых.
Дети войны. Нас баюкали русские женщины!
Буду помнить я тысячи дней руки близких чужих
матерей,
Руки близких чужих матерей.

Застилала глаза ночь кромешная.
Падал пепел опять и опять!
Но спасением и надеждою
Нам была только Родина-мать.

Дети войны. Стали собственной памяти старше мы.
Наши сыны, этой страшной войны не видавшие —
Пусть счастливыми будут людьми! Мир их дому,
да сбудется мир.
Мир их дому, да сбудется мир!

Пусть счастливыми будут людьми! Мир их дому,
да сбудется мир.
Мир их дому, да сбудется мир.

Дети войны.

Зиланов В.К.

Андреассен Р.Н.

Мальчик и человек с девятью жизнями*

Во время войны 13-тилетнему
Оттару Педерсену пришлось во что
бы то ни стало хранить тайну

Когда это случилось, ему было всего лишь 13-ть. Оттар Педерсен как раз закончил обедать вместе с матерью Ханной и старшим братом Юханом. На обед были рыба и картошка, как это часто бывает у тех, кто живёт вдоль побережья Северной Норвегии. Они были втроём, так как отец Альфред был на промысле на Лофотене.

Вдруг входная дверь в дом резко распахнулась, и в маленький домик ввалился незнакомец, испачканный кровью.

---

* Рассказ переведен с норвежского на русский и любезно прислана Светланой Якобсен (Svetlana Jakobsen); опубликована в Норвегии автором Руне Н. Андреассеном, журналистом NRK.
Примечание переводчика: Ян Болсруд был одним из членов диверсионной группы, которая уже в самом начале операции была раскрыта немцами по подсказке местного предателя. Те, кто не погиб в бою с немцами, были расстреляны. Единственный, кому удалось спастись, был Ян Болсруд. Его побег с острова Реббенсёйа в Швецию, несмотря на все трудности и нечеловеческие испытания, оказался успешным благодаря местным жителям Северной Норвегии, которые, рискуя собой, прятали его, лечили и переправляли до следующего места, где он мог укрыться. Через два месяца он был в нейтральной Швеции. (Светлана Якобсен)

Обмороженное лицо опухло, ноги тоже. Он что-то бормотал, тихо и бесвязно, сильно щурясь. Вид его был ужасен.

Он сразу же накинулся на остатки еды на кухонном столе. С жадностью заглотал рыбу и картофельную кожуру. Даже выхлебал жир со дна сковороды. Потом осел, скорчившись, на пол.

Играли с солдатами в снежки

Оттар Педерсен жил на хуторе Грёнволл, в посёлке Фуруфлатен в коммуне Люнген в Северном Тромсе.

Хутор был на пригорке, с которого хорошо было видно море. За хутором громоздились величественные Люнгенские Альпы, а вокруг на склонах хорошо было кататься на лыжах, что Оттар и делал вместе со своими товарищами.

Дом, в котором он провёл детство, был срублен из брёвен и имел всего две комнаты. И хотя дом был совсем небольшой, Оттару в нём было хорошо. В соседнем доме жил дядя Мариус, а чуть дальше стоял выкрашенный красной краской хлев. Здесь они держали коров, несколько овец и лошадь.

На апрель 1943 война в Норвегии длилась уже полных 3 года. Немецкие оккупанты пришли и в Фуруфлатен. Там они реквизировали здание школы. Оттару была видна школа с Грёнволла. Она была всего в 800 метрах от его дома.

Для Оттара и других учеников немецкие солдаты стали частью их школьных будней: солдаты занимали один этаж, дети — другой. Но солдаты были не очень-то страшными, скорее наоборот. Они, кажется, любили детей и на переменках с удовольствием играли с ними в снежки.

Иногда Оттару и другим ребятам позволялось сидеть в немецких грузовиках, которые возили гравий, хотя это было

строго воспрещено. Солдаты казались Оттару вполне нормальными людьми.

Ботинки и носки примёрзли к ногам

Тот, кто только что ввалился в дверь, казался тогда страшнее. Может быть, ничего странного в этом не было, потому что не каждый день на Грёнволле появлялись окровавленные и опухшие люди в ботинках и носках, примёрзших к ногам.

К счастью, дома был дядя Мариус, и брат Оттара стремглав помчался за ним через двор. Тётки тоже пришли. Они тут же начали помогать раненому, который лежал в полузабытьи на полу.

Оттару было страшно смотреть. Особенно ужасно было видеть примёрзшие ботинки. Их осторожно срезали, затем тёплой водой отмораживали носки. После этого начали массировать замёрзшие части тела. Массировали снегом. В те времена это было обычным способом при обморожениях. Работа длилась много часов, и Оттару с братом приходилось всё время выбегать за новым снегом. Человек почти всё время был без сознания.

Вдруг жителей Грёнволла как током пронзило: раненый был одет в военную форму, и более того — у него был при себе пистолет.

Дядя Оттара тут же спросил человека, кто он. Человек пробормотал, что заблудился, что ему надо в Эвергод в Балсфьорде, но дядя ему не поверил. Поэтому Мариус выставил Оттара, Юхана и женщин за дверь и поговорил с незнакомцем наедине.

Потом мальчики поняли, что незнакомец всё-таки не был так опасен.

В забытьи

Гость, как казалось Оттару, был замкнутым. Он ел и пил немного молока, а так всё больше лежал в полусне. Единственным, с кем он говорил, был дядя Мариус.

Кем был этот человек, ни Оттар, ни его брат не знали. Этой информацией взрослые на хуторе делились только между собой.

Взрослые давали им одно наставление за другим. Никто в деревне не должен был знать об их тайном госте.

Оттару и Юхану было строго-настрого наказано держать язык за зубами, иначе будет беда. Братьям даже дали инструкции, что им надо будет говорить и чего нельзя будет говорить, если немцы вдруг будут их допрашивать.

Вечер опустился на Грёнволл, и Оттар устроился спать на своей постели в общей комнате. Но в этот вечер было не так, как всегда, потому что рядом на полу была устроена ещё одна постель.

Время от времени Оттар поглядывал через кромку кровати, потому что там на полу лежал неизвестный и спал. Рука его покоилась на пистолете, который лежал у него на груди. Оттару всё это казалось захватывающим приключением.

Люди, жившие по западной стороне Люнгенфьорда, были добрыми соседями. Они часто заходили друг к другу, и не только чтобы поговорить за чашкой кофе, но и чтобы помочь друг другу по хозяйству.

Но сейчас добрососедские отношения порождали опасения, потому что неожиданный визит соседа мог разоблачить тайного гостя.

Оттару и Юхану поручили как бы быть на страже. Если на хутор зайдёт одна из соседок, чтобы навестить мать,

мальчики тогда должны выйти ей навстречу и сказать, что матери нет дома. Так же встречали и товарищей, тогда уже с предложением покататься на лыжах. Важно было держать соседей на расстоянии.

Вера в Бога

Спустя два дня, которые незнакомец был в доме, его переместили в хлев на чердак. Оттару и Юхану было наказано держаться подальше от хлева, потому что дядя Мариус хотел, чтобы там было как можно меньше передвижений. Еду незнакомцу женщины приносили в связи с работами в хлеву. Время от времени туда заходил Мариус, чтобы поговорить с ним на чердаке. А так всё было тихо.

Несмотря на это настроение в Грёнволле становилось всё мрачнее. Оттар видел это по выражению лиц взрослых и по тому, как они говорили. Мать и тётки были уверены, что это кончится катастрофой, что незнакомец не сможет покинуть хутор незамеченным.

Всего несколько дней тому назад приходил с обыском немецкий солдат. Оттар знал его со школьного двора. На Грёнволл он пришёл с автоматом через плечо и с мощным фонарём в руке. Даже картофельный погреб был им обследован. Понятно, что настроение стало мрачным.

Тогда было хорошо иметь веру в Бога — свет в темноте. Мать Оттара тоже верила в Бога, и опираясь на эту веру она успокаивала сыновей как могла. Если действительно что случится и их возьмут немцы, то они не должны бояться, говорила мать. Все они дети Господа Бога и попадут на небеса.

Незнакомец исчез так же внезапно, как и появился. Пробыв на Грёнволле почти неделю, он ушёл под прикрытием ночи. Оттар даже не заметил его ухода. Кто ему помог уйти, и куда он отправился — этого Оттар также не узнал. Он исчез.

Вскоре всё на Грёнволле вошло в привычную колею, и ни Оттар, на Юхан не задавали вопросы об этом необычном госте. То, что говорить об этом было опасно, они уже давно поняли. Воспоминания о человеке, который приходил к ним на Грёнволл в апрельские дни 1943, вытеснили другие события.

Когда война закончилась, Мариус всё рассказал. Человек, которого они у себя прятали, был норвежским солдатом, который бежал от немцев. Его побег продолжался несколько недель — он прошёл от Реббенсёйа на побережье Тромса до Швеции.

За это время он попал под снежную лавину, лежал в снежной норе, выжидая непогоду, ему пришлось отрезать себе пальцы ног из-за гангрены. После нескольких дней на Грёнволле его поместили на сани и отвезли к морю всего на расстояние броска камнем от расположения немецких солдат в Фуруфлатене.

Далее его переправили лодкой через Люнгсфьорд, и он продолжил свой путь. То, что солдату пришлось пережить, казалось Оттару непостижимым.

В один майский день несколько лет спустя после окончания войны на Грёнволл пришёл солдат. Оттар его сразу узнал. Он был в форме и с пистолетом на поясе, но на этот раз он много говорил и смеялся. Потом солдат обошёл хутор, чтобы посмотреть, где его прятали. «Спать на чердаке было всё равно что жить в гостинице, — сказал солдат. — Единствен-

ное, чего не хватало, так это горячей и холодной воды». «Да, у него была непоколебимая воля выжить», — подумал Оттар.

Поэтому, может быть, не странно, что солдату Яну Болсруду дали прозвище «девять жизней».

После войны Ян Болсруд не раз повторял, что это не он герой этой истории. Героями были все те, кто помогал ему в пути. Оттар Педерсен так говорит об этом: «Мы помогали человеку в беде, норвежскому солдату, который сражался за родину».

Богданов С.И.

Моя Война

Это моя Война всегда со мной. С неё не вернулся мой отец и много близких людей.

Я родился 4 августа 1941 года в Больнице 10-го Октября, что на набережной Фонтанки, рядом с Калинкиным мостом и Адмиралтейским судостроительным заводом. Ленинград люфтваффе бомбили уже давно и завод был одной из главных целей. В день моего рождения бомба попала в соседний корпус больницы. Роды были непростыми, и мы вернулись домой только 15 августа.

Отец работал мастером на Кировском заводе и должен был ехать на Урал организовывать новое производство. Кировский строил КВ.

Но мама побоялась ехать в эшелоне на последнем месяце. И он записался в добровольческий танковый батальон Кировского завода. До войны служил в танковых войсках, а уходя бабушке говорил-нашу броню не пробивают. 9 августа эшелоны ушли, а он даже не смог подойти к роддому. Прислал только с дедом записку — назовите Сергеем.

10 и 11 августа он отправил два небольших письма со станций Мга и Бологое.

Наша семья мама, папа и его родители жили в ближайшем пригороде Ленинграда, дачном поселке Володарский (до революции и в последнее время — Сергеево).

В саду уже был вырыт окоп, куда все прятались во время бомбёжек. Правда мама ночью обычно оставалась в доме даже во время бомбёжки. Однажды это чуть не стоило нам жизни. Бомба попала в соседний маленький домишко. В результате дверь в нашу комнату уложило на диван, на котором мама обычно лежала со мной. Но в этот налёт она спряталась под кровать в другом конце комнаты. Нашему домику конечно досталось, но летом 1944 мы нашли его сруб с пробоинами в стенах и без крыши. От большинства соседних домов остались только печные трубы.

Конечно ничего этого я не могу помнить по — возрасту. И все мои воспоминания — это рассказы мамы и бабушки, но некоторые моменты с лета 1944 я точно помню сам. Моё детство, школьные и студенческие годы проходили здесь же. Поэтому все рассказы мамы и бабушки легко привязывались к местности. Кроме того, начиная с окончания 5-го класса

я каждое лето ходил в велопоходы с нашим учителем физкультуры Александром Николаевичем. Это были путешествия по 20–25 дней по ленинградской, новгородской, псковской областям и даже Эстонии.

Наш учитель, выпускник физкультурного техникума, всю войну прошёл в дивизионной разведке. А в те годы война ещё проглядывала там и там. Особенно в этих местах.

Вернёмся в Володарку. Хотя мы и находимся на перекрёстке двух "царских" дорог — Царское Село — Петергоф и Павловск — Стрельна, никаких боёв вокруг нас не было. Однако 15 сентября в поселок вошли, практически без боя немецкие части. Говорят, в конце нашей улицы какой-то парень отстреливался из винтовки, но был быстро убит. Немцы продвинулись ещё 4–5 км в сторону центра города и в районе Лигово встали на 900 дней. Совсем недавно я узнал, что блокаду на этом участке держала норвежская дивизия СС.

Зато нас стали периодически обстреливать корабли Балтийского флота, которые были установлены на мель в Маркизовой луже и работали как дальнобойные батареи.

Немцы быстро установили порядок. Но однажды ночью кто-то убил немецкого солдата, и все лица мужского пола главным образом старики — пенсионеры, включая мое деда Степана, были угнаны в неизвестном направлении. Как выяснилось потом на лесоповал в Ленинградской области. Дом, в котором располагалось гестапо, стоит до сих пор.

В нашем доме квартировал немецких врач. Он занимал большую часть дома, а мама со мной и бабушкой занимали одну комнату.

Когда кончились продукты, бабушка и мама ходили в другие поселки, чтобы выменять какие-нибудь продукты.

Зима в 1944 году пришла рано и в ноябре батюшка, который жил недалеко от нас, крестил меня в проруби в пруду у своего дома. Моя бабушка придерживалась старообрядческой веры. А я был её единственным внуком от единственного оставшегося в живых сына.

Где-то в это время по рассказам мамы я заболел дифтеритом и был обречён. Но доктор, который жил в нашем доме высосал пленку через трубочку и тем спас мне жизнь.

Понимая, что они здесь застряли, немцы стали зачищать территории между линией фронта у Ленинграда и Ораниенбаумским пятачком от гражданского населения.

Они строили женщин и детей с санками, с пожитками в колонны и гнали эти конвои до станции Красное Село. Там грузили в товарные вагоны и везли до станции Веймарн. Наш конвой был последний в конце декабря 1941-го. Где-то в районе Новоселья конвой был обнаружен с Пулковских высот и корабли нанесли удар. Всё обошлось, но на санках, где я лежал, осколок отрубил кусок доски.

Этот путь прошли в разных конвоях и две моих будущих одноклассницы. Большинство детей из этого района не вернулись.

В товарняке нас везли 3 дня. Выходить не разрешалось. При попытке выйти из вагона стреляли насмерть. На станции из вагонов вышла только половина. Построили колонну, вещи приказали оставить у вагонов. Путь колонны лежал в концлагеря в Эстонии.

У выхода из станционного посёлка мама и бабушка поняли, что им нечем перепеленать ребёнка. Они вышли из колонны и сделали вид что пеленают ребёнка. Когда колонна прошла, мама побежала на станцию, где увидела, что съезжаются

окрестные крестьяне и разбирают пожитки. Она нашла наши санки, но когда вернулась, не обнаружила бабушку. Правда, осмотревшись, увидела бабушкин платок на крыльце дома.

В доме жила бездетная эстонская семья, которая стала уговаривать оставить ребёнка, т.к. их всё равно гонят на смерть. Но утром мама и бабушка продолжили путь за колонной. Отойти было невозможно. Через сутки в большом селе Ивановское, где колонна пережидала непогоду, бабушка подкупила старосту, и тот сказал немцам, что это люди из нашего село и могут здесь остаться.

Именно в этой точке наши жизни были спасены, хотя впереди ждали не меньшие опасности.

Нам выделили комнату в доме на берегу озера. Мама сразу заболела тифом, но бабушке удалось её выходить. Главная проблема для бабушки была достать для меня козье молоко.

Наступила весна и бабушка пошла пасти коз. Маму с местными крестьянами немцы стали гонять в окрестные леса, где проходил Лужский рубеж, чтобы захоранивать останки наших солдат. Этот ужас остался у неё на всю жизнь. И, конечно, рассказывать об этом она не любила.

Улица села Ивановское, на которой нас поселили, была на отшибе и проходила вдоль берега очень глубокого озера, шириной 500–700 метров. Сразу за озером начинались бесконечные глухие леса. В селе не было постоянного гарнизона немцев, но они частенько здесь проезжали.

Как известно, партизанское движение в Ленинградской области в основном представляли отряды, созданные НКВД и переброшенные через линию фронта. Условия местности, леса, болота, позволяли делать это довольно легко. Один из таких отрядов присматривал за Ивановским. Мама не мог-

ла остаться в стороне, и стала регулярно ходить на станцию вроде за керосином, солью и др., что можно было купить там для себя и соседей. 15км в одну сторону, 15 км обратно. Бабушка была очень недовольна этим, упрекая, что она не думает о ребёнке. На случай внезапного ухода в лес зимой у меня были штаны с пришитыми валенками и пальто с пришитыми рукавицами.

Из рассказов мамы и бабушки я помню, что с местными они жили дружно, и когда я однажды летом 1943-го я заснул под банкой в лодке, меня искала вся деревня. Иногда я ходил к соседнему дому и просил: «Ольга, дай хлеба». Наверное, всё же еды не хватало.

Очевидно кто-то стуканул немцам, что в селе бывают партизаны. И когда мама ушла в очередной раз на станцию, к нам нагрянуло гестапо. Они перевернули нашу комнату, взяли фотографии и бумаги, включая 2 письма отца, говорили, что, когда гестаповец ударил бабушку, я стал на него нападать и тоже получил оплеуху. Но это, возможно, легенда.

Маму они ждали в доме у дороги, куда она обычно заходила на обратном пути. Но она никогда не брала в дом поклажу, зарывала её в снег. Улик не было. Но операция по прорыву блокады уже началась.

С гестапо в Кингисеппе, куда её привезли, был один допрос с побоями, потом два дня шум, гам в здании и затем тишина. На следующий день дверь открыл полицай-эстонец и выпустил ее домой.

Очень скоро мама стала работать в снабжении НКВД в Кингисеппе, и мы с бабушкой переехали к ней. Мама получила пропуск в Ленинград, куда ездила по делам и где нашла в больнице тётю Катю, которая вскоре умерла.

В это время мы не знали ничего ни об отце, ни о дедушке, поэтому бабушка хотела скорее вернуться в Володарку.

Недалеко на нашей улице от немцев осталось целой баня. Саперы быстро превратили её в приличное жилье с настоящей русской печью, в которой можно было мыться.

В июне 1944 года мы с бабушкой и мамой приехали в Володарку в сопровождении злющей козы, которая не раз наказывала меня за потерю бдительности. Вскоре вернулся дед. Старый русский солдат, отдавший свои серебряные кресты на газету «Правда», недолго пробыл на лесоповале. Поскольку охрану несли пожилые немцы, он использовал момент, когда сторож приснул и рванул на Псковщину, где жили его сестры.

Когда стало ясно, что отец не вернётся, мама вышла замуж за офицера и с ним уехала в Германию. Через полгода я тоже проезжал через развалины Берлина. Во время жизни в Германии я очень не любил немцев. Хотя взрослые были гораздо спокойнее. Я мог напасть на детсадовскую группу под прикрытием нашей немецкой овчарки. Мама перестала брать меня в магазин, потому что я какого-нибудь немчурёнка обязательно зацеплю.

А дружил я со взводом охраны командира дивизии, казарма которого стояла в нашем дворе.

В 1947-м мы вернулись в Ленинград. Мама уже взяла участок, и к осени можно было въезжать в дом, которой отец и братья отчима срубили в Архангельских лесах.

Росли мы на земле, на которой не было живого места. Траншеи, окопы, блиндажи, противотанковые рвы, доты дзоты — всё это адреса наших игр. В 1944–1945-м танки без башен наши, немецкие — на всех дорогах. К 1947-му крупный металлолом был убран. Но оставались мины, снаряды, патро-

ны, порох. Много пацанов ушли из жизни или покалечились. Оружие перестали находить только годах 1955–1956-м. И все мы хотели быть летчиками или разведчиками.

Где-то в 1947 году мы получили бумагу, что отец пропал без вести в марте 1944-го. Но бабушка, конечно, ждала его всю жизнь. Не верила...

К 30-тилетию Победы в газете «Кировский рабочий» была опубликована статья со списком Добровольческого батальона, в котором отец уехал с завода. С помощью музея Кировского завода мне удалось найти человека, с которым отец воевал в самом начале. Этот человек жил в Одессе и прислал длинное письмо, из которого мы узнали, как воевал отец и что он был жив ещё в ноябре 1941 года. Вот это письмо.

"Добрый день, уважаемый Сергей Иванович!

Получил Ваше письмо и решил написать то немногое, что помню о Вашем отце. Времени прошло много и в памяти многое конечно стёрлось.

Меньше всего я ожидал именно от Вас получить письмо, ибо зная судьбу Ленинграда 1941 года, трудно было представить себе, что такая кроха, каким Вы были в то время, осталась жить. Это великий подвиг Вашей матери.

О том, что Ваш отец ждал ребёнка и отправил жену в больницу, мы все знали, ибо он этим поделился с нами и очень сожалел, что не смог попрощаться с Вами и конечно эта деталь врезалась мне в память и об этом случае при воспоминании о Кировском батальоне, не раз рассказывал дома, хотя фамилия вспоминалась, как в тумане.

Под Ленинград из Кубинки мы прибыли в конце августа 1941 г., а 3-го сентября вступили в свой первый бой и в этом бою понесли потери, бой был жестокий, под Синявиным нас

встретили с воздуха и с земли, но первое боевое крещение все выдержали хорошо.

122-я Отдельная Танковая Бригада имени Наркомсредмаша вела бои на нескольких участках, и рота была расчленена повзводно. В одном из боёв взвод л-та Ульянова, в котором был и Ваш отец, под населённым пунктом Вороново разгромил колонну немецких танком и даже 2 захватил целыми.

В октябре, в роте у нас осталось всего два или три танка, а экипажи были уже смешанными, так как мы несли потери не только в танках, но и в людях. Оказалось так, что мы с Вашим отцом в одном экипаже. Я в то время был младшим механиком/заряжающим.

Ваш отец был храбрый и выдержанный танкист, в какое бы мы положение ни попадали, он никогда не терялся. Очень часто нам приходилось совершать марши, чаще всего ночные, не было случая, чтобы танк у него отказал.

Тяжелый бой нам пришлось выдержать под деревней Плеханова. Чтобы добраться до места боя, пришлось переправиться через реку Волхов по ж\д мосту ночью. Ваш отец провёл танк блестяще.

К ноябрю нам подремонтировали танк, и мы на нём участвовали в ряде боёв, как тогда писали местного значения, а они были жестоки не менее, чем на главном направлении, Только то, что нас, кроме пехоты, никто не поддерживал.

Вся сложность ведения боёв в этой местности то, что танк мог двигаться только по дорогам, ибо, съехав с дороги, танк попадал в трясину торфяных болот, и даже морозы не спасали от этого.

Больше всего потерь мы несли при выходе из леса на опушку. Многие считали, что раз танк имеет броню, значит его и не надо прикрывать.

В бою многое зависит от механика-водителя, отец Ваш хорошо знал танк и был хорошим механиком-водителем. Не раз он своим опытом и выдержкой выручал экипаж и танк. За давностью времени конкретные факты не могу привести. В последнем бою мы вместе были 22 ноября 1941 года под Хотовскими горками. Наш танк был головным, нам для ведения корректировки артиллерийского огня посадили офицера-артиллериста. Двигались мы в колонне, и при выезде на опушку леса нас обстреляла зенитная батарея 85-мм орудий. Для борьбы с танками КВ они применяли 85-мм зенитные орудия. Танк получил несколько пробоин, были тяжело ранены радист и офицер артиллерист. Я же был контужен и ранен. Наш командир орудия Александров уничтожил одно орудие противника. Ваш отец начал выводить танк из-под огня, но сзади стоял второй танк, и командир танка приказал мне выпрыгнуть из танка и отвести задний танк, что я и сделал. Командир 2-го танка начал помогать вывезти наш танк из-под огня, а со своим танком вступить в бой. Мне же он приказал немедленно следовать в медсанвзвод, откуда меня направили в полевой госпиталь.

В часть я прибыл только в декабре месяце. В части я уже не застал Вашего отца. Это я хорошо помню. По прибытии на мой вопрос, что стало с танком и экипажем, сказали, что танк разбит и отправлен на ремонт, а экипаж отправлен в госпиталь. В январе я убыл из части, так что с Вашим отцом больше не встречался. С Волховского участка нас уже тогда мало осталось.

Вот, пожалуй, и всё что мог Вам сообщить, извините, пожалуйста, что очень мало написал Вам о Вашем отце, но память подводит, очень много времени прошло с осени 1941 года. Человеческая память вещь ненадёжная.

Если будете в Одессе, обязательно заходите к нам, мы будем рады этому.

С уважением Юдовин М.Б.

P.S. Буду очень рад, если моё письмо что-то Вам помогло узнать хотя бы немного о своём отце. Он был стойкий и храбрый воин, и просто пропасть без вести он не мог. Очень часто танкисты погибали вместе с танками, и тогда никаких следов о себе не оставляли.

Юдовин"

Это письмо открыло мне дорогу к поиску. И я прошёл боевой путь 122-й ОТБ имени Наркомсредмаша день за днём, с сентября 1941 по март 1944 года. Увы, в журналах боевых действий практически нет фамилий. Но представить тяжесть этой борьбы и работы просто невозможно.

К сожалению, поиски в архиве МО и на поисковых сайтах пока не дали результатов. Но надежда остаётся.

Вигум А.С.

Аннушка из Киберга*

Побег на полуостров Рыбачий

После 14 дней сопротивления в Норвегии сменилась власть. Нам пришлось жить под нацистской оккупацией. Было известно, что уже в декабре 1939 года министр юсти-

* Рассказ переведен с норвежского на русский и любезно прислан Светланой Якобсен (Svetlana Jakobsen); опубликован в Норвегии:

ции в правительстве Квислинга посетил Киркенес, чтобы зарегистрировать коммунистов, левых и других потенциальных сторонников сопротивления в губернии. Позднее он был назначен министром полиции. В тесном сотрудничестве с высокопоставленными офицерами разведки и другими он в течение короткого времени получил хорошее представление об участниках сопротивления и их сторонниках здесь.

Мой отец Ральф и мои два дяди Сверре и Гюннар Сёдерстрём были среди тех, кто был противником немецко-фашистских оккупантов. Они чувствовали за собой слежку настолько, что немцы стали угрозой их безопасности и деятельности. Люди, особенно рыбаки, подвергались всё более частым и дотошным проверкам.

Побег в Советский Союз в это время был бы очень рискованным делом. Россия и Германия заключили пакт о ненападении, и ситуация была пока неясная. Для многих решиться на побег было бы странно. Но кто-то был более тверд в своей вере, что всё будет благополучно. Старые добрые связи, которые существовали на протяжении многих поколений, всё ещё были живы в сознании людей. И хотя после революции 1917 года существовал миф об «опасной России», для сторонников сопротивления было ещё опаснее оставаться в Киберге.

Игра в пакт о ненападении между Советами и Германией скоро закончилась. Советы перешли на сторону союзников и сражались против нацистской Германии вместе с Норвегией.

«Anny Søderstrøm Wigum: Annusjka fra Kiberg. Beallječohkka Innovation», 2019.

Подготовка

Мне как раз исполнился один год, когда в полной секретности было принято решение бежать, переправившись через море. Эта поездка должна была храниться в глубокой тайне. Спустя время легко говорить о том, что это было странное и рискованное решение, но на тот момент никакой альтернативы собственно не было. Мама рассказывала, что папа однажды пришёл домой и почти шёпотом сказал ей, что теперь надо готовиться к поездке, и быстрее — уже на следующий день. Другим членам семьи тоже надо было ехать из опасений репрессий и всего, что могло с ними случиться, если они останутся. Но опасения касались также тех из близких, кто оставался дома. Эта спешная поездка в полной секретности должна была вызвать волнения и страх. Бабушке Матее было над чем ещё задуматься. Так как меня ещё не окрестили, бабушка спешила организовать крещение. Перед такой необычной и не совсем безопасной поездкой важно было окрестить ребёнка. Послали за Яном Ларсеном, сельским проповедником, который при различных обстоятельствах исполнял обязанности пастора. Он не задавал ненужных вопросов.

Я и раньше не один раз встречалась с Осе Халвари, а в 2000 году я вновь встретилась с Осе и Хансом Кристианом Эриксеном в Киберге. Осе хорошо помнила крещение: «Было уже поздно. Моя мать Гюдрун Халвари со мной и двумя моими сестрами Ригмур и Карен Ингер тоже должна была участвовать в побеге. Мой отец Хокон Халвари ещё осенью исчез на баркасе «Испытание» в стране на востоке. Мне было одиннадцать лет, когда мама Гюдрун отправила меня и моих сестёр вперёд к дому Матеи и Саламона Исвика на Слетте. Она должна была подойти попозже. Мы, дети, не понимали,

что это было началом поездки в Советский Союз. Я и мои сёстры проскользнули в дверь. Потом пришёл Ян Ларсен. Теперь мы были в сборе: мать Эльвида, отец Ральф, брат Фритьёфт, бабушка Матеа, дед Саламон Исвик и дядя Оттар. Мы встали в круг, Ян пропел псалом и произнёл соответствующие слова. С благословения свыше малышку окрестили Анной Сёдерстрём. Можно было отправляться в опасный путь через Варагнер-фьорд на полуостров Рыбачий на русской стороне».

Ещё раньше летом мои дяди Гюннар и Сверре Сёдерстрём и некоторые другие мужчины отправились морем на восток. Теперь было решено, что отправятся вместе на трёх рыбацких баркасах «Северное сияние», «Вперёд» и «Нордхейм», на которых должны были разместиться 37 (количество неточное) человек. Теперь, когда побег уже был заранее спланирован, надо было проявлять большую осторожность. Заранее на баркасы в полной секретности были небольшими частями принесены кое-какая еда и необходимое снаряжение. Хотя места для багажа было мало, мама умудрилась прихватить швейную машинку. Она, наверно, думала, что машинка может пригодится. Осе, которая была на десять лет меня старше и с которой я позже много общалась, хорошо помнила эту поездку...

Побег

Был вечер накануне 25 сентября 1940 года. К счастью погода была хорошая. Море было зеркально-спокойное. Говорили, что туман, насколько могли припомнить, никогда не был таким плотным. Для нас это было удачей.

Хотя это было нелегко, но подошло время прощаться с теми, кто оставался на Слетте: с бабушкой Матеей, Саламоном Исвиком и дядей Оттаром (который был не совсем здо-

ров). Потом спустились к морю — всего на расстояние нескольких бросков камня от дома. Мы могли видеть только на несколько метров вперёд. Сели в шнеку и тихо поплыли, едва касаясь веслами поверхности воды. Скоро мы были уже на баркасе, который нас ожидал. Детям сказали вести себя тихо, как мыши. Бывший на страже враг не обнаружил нас в тумане и темноте. Дети не понимали, или собственно не знали, что происходило, а Китти Хеиккеле, которая была на несколько лет старше меня, думала, что мы отправились в поездку в Вардё.

После капитуляции Норвегии многих из местных направили работать на немцев, в том числе работать охранниками. Позднее кто-то сказал, что в тот вечер на вахте были норвежцы, и что поэтому легче было уйти незамеченным. И мама, и Свейн Хейккиле, который был на пять лет меня старше, хорошо помнят и описывают этот день и эту ночь.

Вскоре пришлось на некоторое время связать вместе три баркаса, чтобы не потерять друг друга в тумане. Вначале мотор работал только на одном баркасе, чтобы не привлекать лишнего внимания. «Казалось, дети тоже понимали всю серьёзность, потому что они затихли как мышки и не говорили ни слова. Хуже было со взрослыми», — писал Отто Ларсен№. Через какое-то время, достаточно далеко от берега, чтобы не быть обнаруженными, включили другие двигатели. Кто-то взял с собой граммофон, и когда его достали, напряжение немного отпустило. Эти морские просторы, которые для многих поколений было местом работы, норвежским судоводителям были хорошо знакомы.

Мы были на пути в страну, о которой мечтали. Теперь мы могли только надеяться на лучшее. Может быть, и здесь тоже была «богиня свободы»...

Мама и те, кто не слишком хорошо переносил море, были счастливы, что погода во время нашего побега так к нам благоволила. По крайней мере мы избежали морской болезни.

Наконец в России

После четырёх — пяти часов пути, рано утром мы приблизились в Цыпнаволоку на полуострове Рыбачий на российской стороне. Был поднят белый флаг. Туман рассеялся, и над небольшим рыбацким посёлком проглянуло солнце. Рассекая поверхность моря, подошли суда с русскими пограничниками и встали вплотную к нашим баркасам. Большие дети смеялись, потому что они говорили так странно, и они дали детям сладости.

Когда мы вышли на берег в Цыпнаволоке, кто-то говорил по-русски и по-норвежски. Дело в том, что в поморские времена и до революции 1917 года здесь рыбачили также и норвежцы, и многие из них здесь осели. Когда началась зимняя война между Финляндией и Советским Союзом в 1939–1940 годах, здесь проживало около 200 кольских норвежцев, но из-за зимней войны многие покинули эти места. Теперь эти территории занимали прежде всего военные.

В 1990-е годы я несколько раз встречалась с кольскими норвежцами Владимиром Горнипровским и его женой Александрой, которые после войны получили вид на жительство в Вардё. Владимир, которому тогда было 17 лет, рассказал, что, когда мы туда приехали в качестве беженцев, ему выпало быть переводчиком.

Когда мы зашли в гавань, мы обнаружили там баркас Хокона Халвари (отца Осы), и все так обрадовались. Он пропал в море 30 августа того же года, а теперь они надеялись,

что он был здесь. Но Хокон сидел в тюрьме в Мурманске. Прошло несколько месяцев, прежде чем мы смогли его увидеть.

«Норвежцы думали, что аресты были простой формальностью, но они тогда не знали советскую бюрократию. Советские пограничники лояльно следовали полученным ими из Москвы директивам, которые требовали строгого обращения с теми, кто незаконно пересекал границу, сколько бы они не считали нас друзьями...», — пишет Мортен Йентофт*.

Мы были разочарованы и растеряны: наши семьи разбивали. Здесь нам пришлось расстаться с папой, и мы даже не знали, когда мы сможем опять увидеться с ним. И, конечно, не только мама испытывала чувство тревоги и неуверенности, беспокоясь о том, что может потом случиться. Пока мы во всяком случае оказались на надёжном расстоянии от нашего худшего врага.

В Лавне

В Цыпнаволоке мы были всего несколько часов. Нас посадили на военный корабль, который доставил нас в Лавну недалеко от Мурманска. Нас, то есть, женщин и детей, да пару подростков поместили в бревенчатый дом, и каждая семья получила по комнате. Здесь был сельскохозяйственный коллектив. Дом, в котором нас поселили, был домом отдыха для семей работников совхоза, когда они приезжали сюда на выходные. Была осень, и дом стоял частично пустой, так

* Morten Jentoft: «Mennesker ved en grense» («Люди у границы»). Gyldendal, 2005.

что мы могли здесь временно находиться — где-то около месяца. Здесь мы встретились с Хильдур Хёльволд из Киркенеса и с её двумя детьми Бьёрном и Ваней шести и двух лет. Хильдур ждала третьего ребёнка.

Несколько позднее осенью, в ноябре, из Киберга отправился, очевидно, последний баркас. Это были Боргни Эриксен (Сканке) со своими родителями, братом и сёстрами, Оддни Юнсен с родителями и некоторые другие. Боргни рассказывает: «Погода была хорошая, выпал снег, сияла луна. К счастью, нас не заметили с берега. При переходе к Рыбачьему поднялись волны и началась страшная непогода. Нам пришлось укрыться не в той гавани, в которую мы направлялись, и мы чувствовали себя скорее мёртвыми, чем живыми. На следующий день нас подобрало большое русское судно, которое доставило нас в Мурманск, где нас накормили и дали всё необходимое, последовала обычная процедура. Мужчин отправили в тюрьму, где их допросили по подозрению, что они подосланы немцами*».

Брат Боргни, Карстен, которому было десять лет, рассказывал, что им сказали смотреть вниз, когда они поднимались к месту расположения военных. Больших детей также допросили в присутствии переводчика. Потом все семьи очутились в Лавне, а затем в Апатитах, где были другие норвежцы.

* * *

В 1999 году, когда мой муж Магне, наш сын Стиг со своей невестой Анной и я были в Киркенесе и Мурманске

---

* Borgny Schanche: Varanger Årbok 1989 (Ежегодник Варангера, 1989).

в трёхдневной туристической поездке на автобусе, нас пригласила к себе в Киркенесе Хильдур Хёльволд, и мы остановились у неё на пару дней. Ей исполнилось 90 лет, она давно овдовела, но была бодрой, милой и гостеприимной. Она хотела показать нам Музей Приграничья, прекрасное новое здание — и мы туда поехали. Она дополнила эту историю воспоминаниями о нашей встрече в Лавне и о времени, когда мы потом были вместе в Апатитах и Шадринске.

Семья Хёльволд приехала в этот дом отдыха за месяц до нас. Они ускользнули от немцев в самый последний момент, покинув Киркенес и перебравшись через море на российскую сторону. Они тоже оказались сначала в Цыпнаволоке: Хильдур, Готфред и их дети Бьёрн и Ваня. В этом побеге участвовали также брат Хильдур Гуннар Берг и его жена Сульвейг, по рождению Йоргенсен, оба из Вардё. Также с ними бежали Оскар Нюстрём и Йорген Даль. Муж Хильдур как раз вернулся из тюрьмы, где его допрашивали в течение месяца. Тюремное заключение и допросы были обязательными для мужчин, даже если они были коммунистами.

Именно на Готфреда мы могли потом опереться во время нашей дальнейшей поездки и пребывания в Шадринске. Ещё до того, как он встретил Хильдур и они поженились, он три года учился в Москве. Он говорил по-русски и имел контакты в системе. Поэтому Готфред стал надёжной опорой и сопровождающим для всех нас норвежцев. Семья Хёльволд жила вместе с нами первый год в Апатитах и позднее один год в совхозе в Шадринске до лета 1942 года, когда Готфред вместе со всей своей семьёй отправился в Москву, где они пробыли до окончания войны в 1945 году. В Москве он работал на «Радио Москва», откуда велись передачи

на норвежском языке. До и после войны Готфред Хёльволд был известным лидером коммунистов в Финмарке. Он умер в 1979 году в возрасте 76 лет.

* * *

В Лавне нас теперь было 26 норвежских детей, 35 взрослых и несколько холостых мужчин. Также были три пожилые женщины из Киберга: Юзефине Ловисе Карила (Фина), 1882 г.р., Биргитте Альбертине Утне (Гитта), 1880 г.р. и Сандра Эмилие Юхансен, 1893 г.р. Сандра приходилась матерью Оддни Ирене Юхансен. Каждой семье выделили отдельную комнату, кухня была общей, и мы готовили вместе. Хильдур, которая ни слова не понимала на этом языке, смеялась, рассказывая, что Ваня и мой брат Фритьоф, которым было по два с половиной года, лучше её говорили по-русски. Рассказывая о тех днях, добрым словом вспоминала она невысокую русскую начальницу, возможно, шеф-повара совхоза. Появившись, она спросила Хильдур: «Kossen du har det?» (Как дела? — прим. пер.) Хильдур так обрадовалась, потому что здесь фактически также могли нормально говорить. Хотя еда была несколько непривычна для норвежцев, недостатка в ней вообщем-то не было. Во всяком случае картошки было достаточно. Русские мужчины, работавшие в совхозе, занимались уборкой урожая картофеля и овощей. До обеда они варили картошку в большой бочке. А потом был пир с картошкой, солью и хлебом.

Дальше в Апатиты

Спустя месяц, проведённый в Лавне, в октябре нас перевели на окраину Апатитов — небольшого промышленного

города примерно в центре Кольского полуострова. Здесь тоже был совхоз с большими полями и теплицей. Здесь выращивали зерновые, картофель, овощи, ягоды и фрукты. Странные красные фрукты, которые они называли помидорами, мы никогда не ели и не видели в Киберге. Молока тоже было вдоволь. Такие большие стада коров также, по словам мамы, никогда не встречались в Киберге. «Выходцы из Финмарка остались стоять, разинув рты от удивления, когда увидели, что размножение происходит с помощью искусственного оплодотворения с пробирками, которые были доставлены самолётом из Крыма. Социализм и советское сельское хозяйство действительно делало успехи — это все видели», — пишет Мортен Йентофт в «Люди у границы» в 2005 году.

Мама рассказывала, что когда мы со временем привыкли к здешней еде, то всё было хорошо, недостатка в еде не было — пока. Мы приехали сюда осенью1940 года, и взрослые приняли участие в сборе урожая. Хуже были условия проживания. Нам, норвежцам, выделили для проживания длинный бревенчатый барак с длинным коридором и комнатами по обе стороны. Здесь было так много вредных насекомых, что его пришлось дезинфицировать и посыпать известью перед тем, как мы смогли там разместиться. Все норвежцы получили теперь по комнате.

Спустя некоторое время к нам стали приезжать навестить нас мужчины, которые оставались в Лавне для допросов. Сидевшие в тюрьме норвежцы через месяц вышли на свободу. Нас теперь считали действительными беженцами, а не засланными сюда немецкими шпионами. Но это произошло не так скоро. Сколько было радости

и ликования, когда папа наконец смог к нам приехать. Нас также навестил дядя Сверре. Мама рассказывала, что у них было несколько спокойных, хороших дней, потому что им потом пришлось носить по несколько дополнительных килограммов.

В норвежской колонии за год, что мы там жили, появилось на свет две девочки. Родильный дом был в Кировске — небольшом местечке недалеко от Апатитов, где мы жили. Здесь родилась Кира. Это был третий ребёнок Халфрид и Франца Хейкиле. Другой девочкой была Герд. Она стала третьим ребёнком у Хильдур и Готфреда Хёльволд.

Русские рабочие хорошо приняли норвежских беженцев, и день 17 мая 1941 года стал большим праздником для норвежских детей в Апатитах. По словам Осе Халвари, празднование было больше, чем то, что она когда-либо видела в Киберге. Она рассказывала: «В Киберге мы не праздновали 17 мая, потому что несправедливость, которую мы видели вокруг, была слишком большой. Тогда мы принадлежали к тем, кто был настолько беден, что трудно себе представить. Мои родители трудились не покладая рук, но к рождеству мы не могли позволить себе купить даже хотя бы один апельсин. Социально-классовые различия были настолько сильны, что это было трудно принять. Но первого мая мы с радостью отмечали. Моя семья и наши друзья хотели свободы, равенства и уважения человеческого достоинства. Мы не нашли этого в Киберге — и мы стали коммунистами».

В это время, с осени 1940 по июнь 1941 года, мы чувствовали себя как будто бы в безопасности в Апатитах и надеялись, что так будет и дальше. До сих пор это было наименее отягощённое проблемами пребывание за всё вре-

мя нашего побега. Здесь у нас, во всяком случае было достаточно еды. Помимо заработной платы в совхозе каждый кормилец получал, благодаря контактам Готфреда Хёльволда, по 200–300 рублей через МОПР — Международную организацию помощи борцам революции.

Но постепенно среди людей стало распространяться беспокойство. Взрослые говорили о том, что между Страной Советов и Германией скоро будет война. Она разразилась 22 июня 1941 года — началось вторжение по плану «Барбаросса». Ситуация резко изменилась, в нашей жизни начался тягостный период. Только месяц спустя мы смогли отправиться дальше, а пока нам тоже приходилось прятаться в бомбоубежище от немецких бомбардировок.

Осе какое-то время жила теперь в Мурманске вместе со своим отцом и другими членами семьи, и начало немецкой операции застало её здесь. Осе рассказывала: «Немецкие бомбовые налёты были мощные и страшные. Мы видели горящий военный госпиталь и — любопытные дети — побежали посмотреть на самолёты. На следующий день бомба упала на дом рядом с нами. Это было страшно. Мы так испугались, что бросились бежать и спрятались в расщелине между скал. Было решено, что мы не можем здесь находиться, и мы вернулись в Апатиты, а там население готовилось к эвакуации».

Немцев остановили у реки Лица, приблизительно в 100 км от Киркенеса и в 50 км от Мурманска. Дальше они не прошли. Немцы планировали захватить Мурманск за три дня. Но простояли здесь более трёх лет, ведя позиционную войну, пока им не пришлось отступить.

Курт Вишнер

Из моей жизни*

«Жили-были...». Так начинаются все сказки. «Жили-были...». Так начинаются и мои воспоминания.

Сам я, конечно, не могу этого помнить, но так рассказывали мне родители и так записано в моем свидетельстве о рождении: я родился в деревне Леопольдсхаген 19 февраля 1928 года. Кстати, это было воскресенье, и поэтому мне суждено было вырасти счастливым «воскресным ребенком».

Леопольдсхбген, в то время деревня с населением около 1000 человек, расположен в земле Передняя Померания и входил в округ Анклам. Леопольдсхаген находится на севере Федеративной Республики Германии, на юго-западе от Щецинского залива. К северу от деревни около 3 км до лагуны с лугами, болотом и карьером, напоминающим первобытный лес. К югу простираются километры леса. На за-

---

* Отрывки из воспоминаний Курта Вишера „Из моей жизни". Книга была написана для детей и внуков. Эти отрывки воспоминаний любезно перевела с немецкого и представила для опубликования Ольги Вишер — невестка Курта Вишера.

паде Леопольдсхаген образует конец Иккермю́нде-Хайде, и здесь уже только песчаная почва.

В то время в деревне жили крестьяне, торговцы, некоторые ремесленники и рабочие. Леопольдсхаген — это деревня с типичной застройкой рядами. Он протянулся в длину на 2 км в три ряда домов. Ровно посередине деревенской улицы стоит церковь. Деревенская дорога с запада на восток была около 15 метров в ширину и практически разделена на четыре пути. По ее северной стороне проходила так называемая «коровья тропа», по которой крестьяне гнали свой скот на пастбище. В центре находились непосредственно сама дорога, вымощенная булыжником еще в прошлого веке, и велосипедная дорожка. К ней примыкала грунтовая летняя дорога для конных упряжек. А на южной стороне улицы была пешеходная дорожка...

Мои собственные воспоминания начинаются с четвертого или пятого года моей жизни. Я вспоминаю события осени 1932 года в той степени, в какой политические события обсуждались дома. Речь шла о партиях, о выборах и о соображениях, кто будет управлять деревней в будущем. Все это было мне не понятно. Интересными были только те истории, которые рассказывали о том или ином человеке в деревне. У моих родителей не было собственного мнения по поводу этих политических событий. Больше их интересовало то, чтобы у моего отца была надежная работа, чтобы он мог сохранить свою работу на дренаже леса, которую он только недавно нашел. Всю неделю его не было дома, но зато к выходным в доме всегда было достаточно денег, чтобы мы могли нормально жить. Также из того времени мне запомнились

вечера с мамой, когда мы сидели у печки и она рассказывала истории и сказки. В то время у нас не было электрического света, а керосиновая лампа всегда зажигалась поздно. Мы должны были экономить...

Я до сих пор часто вспоминаю некоторые события января 1933 года. Ночью по дороге в лес, которая проходила мимо нашего дома, часто происходило тайное движение. На велосипедах в лес везли длинные ящики. Моя мать сказала, что коммунисты убирают и прячут оружие из своих домов, чтобы не иметь проблем с новым правительством, национал-социалистами. Наши односельчане, известные в деревне как заядлые нарушители порядка и которых называли «большими бандитами», в большинстве присоединились к этой партии и громогласно обещали в ближайшие месяцы действительно навести порядок в деревне. Поэтому неудивительно, что многие жители приняли участие в большом факельном шествии по случаю прихода Гитлера к власти. Меня и моих братьев в этот день на улицу не пустили. Родители запретили нам выходить из дома...

Совершенно новый этап жизни начался в 1934 году с началом учебы в школе. До этого момента все детство для меня существовал только платтдойч (Plattdeutsch, нижненемецкий диалект). Дома, с родственниками, в деревне, в магазинах или когда мне разрешали ездить с мамой в Анклам, везде мы говорили только на платтдойч. Для меня это была огромная перемена, и в школе первое время мне приходилось довольно сложно.

Первый школьный день в те времена нельзя сравнивать с сегодняшним праздником по этому случаю. У нас тогда, на-

пример, не было цуккертюте (Zuckertüte — «сахарный кулек», традиционная в Германии форма подарка родителей ребёнку-первокласснику в виде картонного кулька-конуса с мягким верхом на завязке, который наполняется сладостями и небольшими подарками. Высота кулька-конуса 70–85 см. Традиция отправлять детей первый раз в первый класс с достаточно крупногабаритным подарком в руках появилась в Германии в XIX веке и практически не встречается в других странах). И родители не водили нас в школу. Для первого у нас не было денег, а для второго у моей матери не было времени, потому что она сама работала. Для меня это было начало новой жизни, где теперь многое зависело от меня самого...

Это спокойное, счастливое время закончилось внезапно 1 сентября 1939 года. Началась война. За несколько дней до этого от школьного друга, в семье которого уже было радио, я узнавал свежие новости. По радио передали информацию о событиях в Данциге, в Верхней Силезии и сообщения о надвигающейся опасности войны. Но нам ни при каких обстоятельствах нельзя было рассказывать об этих новостях. Радиостанция, которую мы слушали, была английская, и нацистам это бы совсем не понравилось!

С началом войны многое изменилось. Для населения были введены продовольственные карточки. В магазине ничего нельзя было купить. Все было нормировано. Война принесла и другие изменения. Один из наших учителей был сразу же призван в армию. Это означало, что полноценный учебный процесс в нашей школе дальше поддерживаться не мог. Поэтому уроки были отменены. Мы, конечно, сначала обрадовались, потому что у нас появилось много свободно-

го времени. Поскольку снабжение продуктами теперь стало важным делом, я посвящал свое свободное время интенсивной рыбалке. Четыре раза в неделю я ходил на рыбалку на мельничный ручей. 40–50 рыболовов, взрослые и дети, стояли тогда у ручья и надеялись заполучить лучшее место. Рыба, к сожалению, не каждый день находилась в одном и том же месте... Но обычно часам к четырем в моем ведре было около 5–7 фунтов рыбы и я отправлялся домой. В основном на удочку попадались плотва, окунь, красноперка, а также сельдь и ерш. Часть мелкой рыбы мы бросали обратно в ручей или несли домой на корм курам или свиньям. Вся рыба, пригодная для употребления в пищу, шла на сковороду или раздавалась знакомым и родственникам. А я каждый раз получал несколько пфеннигов в качестве «зарплаты». Таким образом я вносил свою лепту в улучшение нашего питания.

Война принесла изменения и в нашу семью. Моему отцу пришлось оставить работу на дренаже леса, его призвали на службу в военную промышленность. Новым местом его работы стал авиационный завод ARADO в Анкламе (Arado Flugzeugwerke GmbH — немецкая авиастроительная компания). Работа теперь была ближе к дому и зарабатывал отец больше, но радости от этого не было. Мой брат Артур, который только что закончил свою учебу на маляра, был призван на трудовую службу. Изменения произошли и на рабочем месте матери. Из-за сокращения средств на лесные работы был существенно сокращен и рабочий сезон. В результате моя мама теперь была вынуждена больше работать в сельском хозяйстве у зажиточных крестьян или в соседнем поместье.

В действие вступило и другое новшество. Были введены карточки на уголь, и мы могли теперь использовать брикеты

для отопления. До этого момента мы не использовали уголь в домашнем хозяйстве. В плите и печи сжигали только дрова, частично пни, которые заготавливали в лесу зимой. Правда, лет с пяти я часто собирал кусочки угля, упавшие с тендера узкоколейной железной дороги. Но эти кусочки угля использовались только тогда, когда мама ставила на плиту корыто с бельем для стирки и жар в печи нужно было поддерживать дольше. И хотя количество собранных мной кусочков угля было очень мало, все же это был небольшой запас, и я гордилась тем, что смог помочь.

Из-за нормирования продовольствия, чтобы чем-то помочь, осенью я собирал оставшиеся колоски и картофель на убранных полях.

Это также было время моего первого «великого изобретения». Я построил свой молотильный ящик, чтобы обмолачивать собранные колосья. Это звучит «грандиозно», но для меня в мои неполные 12 лет это было большим достижением...

В то время как моя молотилка на самом деле была только игрушкой, вторая разработка была уже больше производственным инструментом. Это был токарный станочек. На нем я делал некоторые полезные в хозяйстве вещи, например, скалки, подставки для яиц, фигурки для шашек и подобные круглые предметы, которые мы использовали дома или дарили родственникам.

Эти занятия были для меня более увлекательны, чем просто дурачиться или играть. Причиной этого, вероятно, был тот факт, что я с пяти лет увлеченно играл с «TRIX — набор юного конструктора» и за эти годы построил разные функциональные модели, некоторые из них с электроприводом.

Среди них были циркулярная пила, краны, автомобили, ткацкий станок и многое другое. Эти наборы впоследствии охотно использовали и испытывали мои три сына. А позже и мои внуки. Вот только количество отдельных деталей конструктора с годами становилось все меньше и меньше...

Конечно, во время войны мы дети играли «в войну».

С 1936 года все дети, начиная с 10-летнего возраста, были организованы в Юнгфольк (Deutsches Jungvolk — младшая возрастная группа организации Гитлерюгенд, в которой состояли мальчики от 10 до 14 лет) или в Союзе немецких девушек (Bund Deutscher Mdel, BDM или BdM) — женская молодёжная организация в нацистской Германии, молодёжное и детское женское движение в составе Гитлерюгенд, куда входили немецкие девушки в возрасте от 14 до 18 лет. Девочек в возрасте от 10 до 14 лет объединял Юнгмедельбунд (Jungmdelbund, JM — Союз девочек). Пока это были игры и пение, все было приемлемо. Что мне совсем не нравилось, что в нашей группе командовал мальчик, который был глупее меня в школе и который был с «другого конца» нашей деревни. Здесь мой энтузиазм по поводу такого вида досуга сошел на нет. Танцевать под чужую дудку никогда не было мне по душе.

В нашей семье жизнь шла своим чередом, события войны продолжали давать о себе знать. Старший брат, Артур, закончил свое время на трудовой службе и после нескольких дней отпуска был призван в вооруженные силы (Вермахт). Он был призван в Люфтваффе, прошел обучение на радиста и позже летал радистом на самолете JU–88. Мой второй брат, Герберт, только что закончил обучение на каменщика, ког-

да его призвали на трудовую службу. Так что моих братьев я практически не видел.

Для меня стало еще больше работы дома. Приносить корм для кроликов, копать и варить картошку для свиней, а в некоторые дни, когда мать не приходила домой к обеду, мне нужно было накормить свиней и кур. Но при хорошей организации всегда оставалось достаточно времени для игр, рыбалки и рисования. В то время, когда работы дома стало больше, уроки в школе наоборот сократились...

В это время у нас в школе был только один учитель. Для мальчиков был введен кружок модельной авиации, а для девочек — домоводство. Один раз в неделю мы встречались в бывшем трактире, где размещались шкафы с нашими моделями. Сначала занятия шли под руководством учителя. Но все чаще мы, мальчики, были предоставлены сами себе...

Война все больше и больше меняла жизнь в нашей деревне. Все больше мужчин призывалось в армию. Были и первые павшие на фронте. Школьные уроки были еще больше сокращены. Нам, детям, в школе поручили собирать металлолом, особенно цветной металл, который затем доставлялся в учительский сарай. Я был убежден в необходимости сбора металлолома — для борьбы с врагом армии требовались сталь и латунь...

В деревне вышел указ, что каждый владелец дома должен был построить бомбоубежище (противоосколочный бункер) для своей семьи. Поскольку моего отца дома не было, этим делом занялся я. Вооружившись лопатой и заступом, я пошел работать на наше картофельное поле примерно в 30 метрах

от дома. Там была вырыта яма размером 2 х 3 метра и глубиной 1,20 метра. По периметру стены были укреплены балками и досками, яма была снабжена крышей, сверху частично покрытой вынутой землей. В конце была сделана запирающаяся дверь и соответствующий вход. Внутри были размещены скамейка и небольшой шкаф для хранения вещей. Необходимое укрытие было готово. К счастью, серьезных испытаний ему пройти так и не пришлось. Правда, несколько раз, когда вражеские самолеты пролетали над нами на пути к Пёлицу, к гидрогенизационному заводу, мы использовали наше убежище. Береженого Бог бережет! От нас было видно, что было в Пёлице, когда туда были сброшены бомбы. Стало светло как днем. Пока я жил дома, этот бункер всегда содержался в порядке. Но с началом моей учебы в 1942 году уход за бункером прекратился, и он стал медленно приходить в негодность. Правда, после войны это место еще долгие годы было хорошо узнаваемым, поскольку там особенно хорошо рос картофель...

В последнем учебном году также началась профориентация. Трех лучших учеников убедили освоить совершенно новую для того времени профессию. Нам предложили стать строителями металлических самолетов. Мы знали о самолетах только по изготовлению моделей, но в остальном никогда не слышали об этой профессии. Нас подробно проинформировали, затем мы должны были пройти несколько тестов на умение собирать и монтировать отдельные детали и комбинировать их. Нам понравилась такая консультация, и она также убедила меня в возможности узнать много нового и ценного во время учебы. Через несколько недель я получил информацию о том, что в апреле 1942 года я могу

начать свое обучение на авиационном заводе ARADO в Анкламе. Жить мы должны были в общежитии для учеников в Анкламе, вместе с примерно 100 другими учениками. Мне это не очень нравилось, так как все управление общежитием осуществлялось гитлерюгендом. Свободного времени почти не было. С началом обучения для меня начался совершенно новая жизнь. До этого момента я не отлучался из дома ни на один день, а теперь я мог съездить домой в лучшем случае раз в 14 дней. Но поездом это было слишком дорого. В то время я получал зарплату каждые 14 дней, она составляла 2,17 марки. Мне не нужно было ничего платить за еду и жилье, но все равно я не мог позволить себе никаких излишеств. За поездку на поезде домой мне пришлось бы заплатить 1,10 марки. Поэтому ничего не оставалось, как ездить домой на велосипеде, 24 км туда и обратно.

После рабочего дня мы часто устраивали в общежитии спортивные соревнования, что, как правило, было очень весело. Хуже было, когда наступало время «выходить на службу». Тогда начиналась муштра, преодоление полосы препятствий, чтение карт, политическая подготовка и другие занятия, к которым я не испытывал никакого энтузиазма.

Во время учебы я впервые познакомился с жизнью «восточных рабочих», пленных из разных стран, и солдат из штрафных рот нашей армии. Восточные рабочие и пленные были размещены в барачном лагере на лугах реки Пеене, позади нашего общежития, и отделены несколькими рядами заборов с колючей проволокой. Солдаты из штрафной роты были размещены в военном училище. Однако всем рабочим, а особенно нам, ученикам, было запрещено разговаривать с этими людьми...

Мы выполняли работы по изготовлению посадочных закрылков для самолетов типа ARADO–126, а также для Fokke-Wulf–190. Во время этой работы ко мне приставили восточного рабочего, которого я должен был обучать. Но поскольку я ни слова не говорил по-русски, а он не понимал ни слова по-немецки, наше сотрудничество большого успеха не имело. Русский парень был даже моложе меня, и я был рад, что это сотрудничество закончилось примерно через 4 недели. Как раз в это время пришло печальное известие, что мой брат Герберт был убит в России. Но к этому русскому парню я не испытал никакой враждебности и неприязни. Я уже тогда понял, что он не виноват, он был сам жертвой этой войны.

После первого полугодия мой наставник дал мне понять, что для меня было бы более выгодно продолжить обучение в качестве технического чертежника. Это было мне даже больше по душе и в апреле 1943 года я начал второй год обучения новой профессии в филиале авиационного завода ARADO в Бранденбург-Нойендорф. Благодаря этой перемене места я избежал воздушного налета на фабрику в Анкламе, который произошел через некоторое время. Вскоре после моего перевода в Бранденбург, в одну из суббот, в 12 часов дня завыли сирены. Никто не ожидал серьезного нападения. Но через некоторое время английские и американские бомбардировщики появились в низколетящем полете со стороны реки Пеене и сбросили свой смертоносный груз над северной частью города. Авиационный завод ARADO, железнодорожный вокзал, сахарный завод и более 50 процентов северной части старого города были разрушены. Несколько сотен жителей города погибли под этими бомбами. Повезло,

что бомбы упали не в центре города, так как в это время там было очень много людей. Суббота, конец работы магазинов, жители окрестных деревень возвращались домой.

Несколько месяцев до этого я уже был очевидцем воздушного налета. В начале зимы 1942/43 года, воскресным вечером я еще был дома в Леопольдсхагене, когда мы услышали гул самолетов. По звуку двигателей было ясно, что это вражеские машины. Воздушной тревоги объявлено не было, но осторожность никто не отменял. В следующий момент было сброшено несколько десятков зажигательных бомб, но все они воспламенились и сгорели примерно в 30 метрах за крестьянскими дворами, в садах. Преимущество застройки нашей деревни прямыми рядами домов здесь было очень очевидным. В конце деревни находилось кладбище. Поскольку ночь была лунной, надгробия блестели и могли производить впечатление крыш ангаров. Здесь самолет сбросил большую авиационную мину. Два дома у кладбища были полностью разрушены, а в половине деревни, вплоть до церкви, в окнах вылетели все стекла. На улице деревни лежали кипы листовок с текстом: «Торгелов, маленькая дыра, мы все-таки найдем тебя». В Торгелов находился большой завод по производству боеприпасов, который был полностью скрыт в лесу. Дороги были замаскированы путем стягивания верхушек деревьев веревками, что делало их невидимыми сверху. Отражение надгробий, вероятно, сбило пилотов с толку. В деревне царил хаос. Все, кто мог, немедленно отправились на помощь. В обломках двух домов оставалось довольно много раненых, которых нужно было спасать. Несмотря на то, что на мне был воскресный костюм, я тоже сразу включился в уборку завалов. Однако для трех детей помощь пришла

слишком поздно. Падающие балки убили их в их постелях. Для меня это было особенно горько. Когда я вернулся домой, родители еще не спали, и соседка тоже была у нас. Но эта соседка была как раз бабушкой трех погибших детей. Моя мама сразу заметила, что со мной что-то не так, и в конце концов мне пришлось рассказать об увиденном.

Первый год моего обучения закончился и мне предстояло мое первое большое «путешествие» — переезд в Бранденбург-Нойендорф. Мое самое дальнее путешествие до сих пор составляло всего 24 км. Со всевозможными дорожными приключениями, но в целом благополучно, я поздно вечером добрался до своего нового места жительства. Очень утомительный и полный новых впечатлений день закончился. В общежитии я наконец-то получил свою комнату, свою кровать и надеялся выспаться. Но общежитие находилось прямо у взлётно-посадочной полосы заводского аэродрома. День и ночь здесь садились и взлетали самолеты. Что еще хуже, в первую же ночь была объявлена воздушная тревога, и всем пришлось бежать в бомбоубежище. Обстановка в окрестностях Берлина была гораздо более беспокойной, чем та, к которой я привык в Анкламе.

В новом общежитии проживало около 200 учеников. Заведовал общежитием доктор психологии, но сам он там практически не появлялся. Фактически всем руководил штаммфюрер гитлерюгенда. И здесь все мало-мальски свободное время было также заполнено муштрой гитлерюгенда.

В моей группе было 18 учеников. Наш преподаватель, пожилой инженер, был замечательным человеком. Он с пониманием относился к нам и поддерживал нас. Нам пришлось

многому учиться как в теории, так и на практике. И хотя наш преподаватель сам был членом партии, но нас он всячески ограждал от службы, которую назначало нам руководство гитлерюгенда. Он давал нам много домашних заданий, и чтобы у нас было необходимое время их выполнять, он всегда следил за тем, чтобы нас освобождали от службы.

В то время как другие ученики (строители металлических самолетов) бывали и на производстве, мы сидели только в нашей чертежной. На авиационном заводе в Бранденбурге и Бранденбург-Нойендорф в основном строились и обкатывались большие четырехмоторные дальние бомбардировщики Heinkel HE–177. Эти самолеты должны были летать в качестве дальних бомбардировщиков до самой Америки. Но для этого им нужно было лететь на большой высоте, где они всегда испытывали трудности. Поэтому эти бомбардировщики так никогда и не были использованы. В то время я очень сожалел об этом. Мне так хотелось доставить американцам удовольствие, услышать вой сирены воздушной тревоги...

Осенью 1943 года произошло довольно важное для меня событие. На три недели меня направили на обучение пилотов-планеристов. В горах Ратенов я изучал основы планеризма и все, что с ним связано. Ремонт самолета, сращивание тросов, ремонт лебедки и множество других мелочей. Нас учили наблюдать за погодой, рассказывали о ветре и облаках, и о том, как вести себя в случае объявления воздушной тревоги. Сам полет я совершил на закрытом учебном планере SG–38 с буксировкой лебедкой. Мой полет длился 15 минут и был принят с тестом категории Б по планерному спор-

ту. А заученное поведение в случае воздушной тревоги очень пригодилось мне чуть позже. Однажды, когда я дежурил на поле у наших планеров, вдруг сработала сигнализация воздушной тревоги. И вскоре после этого английские истребители пролетели низко над нашим аэродромом. Они, видимо, немного развлекались и стреляли из своих пушек по нашим планерам. Я, как нас учили, успел вовремя укрыться. Два планера были выведены из строя и их пришлось ремонтировать.

Другим делом, которое тоже было очень интересным, но не таким веселым, было обучение на помощника зенитчика. Для возможного воздушного налета на наш авиационный завод ARADO многие ученики проходили подготовку на зенитных орудиях. Я был учеником наводчика скорострельной пушки калибра 4,7 см, которая должна была использоваться при атаках с малой высоты. Но, слава Богу, за мое время в училище она ни разу не была использована.

Так незаметно и без особых происшествий закончился второй год моего обучения. Однако о непосредственном строительстве самолетов и за второй год учебы я узнал не слишком много. Этот пробел был заполнен в третий год, который я прошел в конструкторском бюро ARADO.

В апреле 1944 года конструкторское бюро и испытательный корпус для собственных разработок ARADO были переведены в Ландесхут (Каменна-Гура) в Силезии. Если из Бранденбурга я мог ездить домой 3–4 раза в год, то отсюда был возможен только один отпуск в году. Первый раз в жизни я не был дома на Рождество и Новый год... Мы должны были сами заботиться о питании и были благодарны за каждый совет, который помогал улучшить состав наших припасов. Так,

время от времени из подвала замка нам перепадало что-то, что вообще-то не предназначалось для нас.

Но и знакомства с деревенскими красавицами, которые ходили в среднюю школу в Ландесхут, завязывавшиеся в поездках в поезде, вносили свою лепту в наш «достаток». Например, я часто получал в подарок кулечек с печеньем и булочками от милой школьницы из соседней деревни Шайбендорф. У нее была состоятельная семья, ее отец владел мельницей и большой пекарней. Такая дополнительная поддержка была очень кстати. Жить только тем, что можно было купить по продовольственным карточкам, было практически невозможно.

Но отойдем от свободного времяпровождения и вернемся к учебе. Из-за затянувшейся поездки на поезде я прибыл в Ландесхут к началу учебного года на день позже других учеников. Я искал конструкторское бюро, но оказался в испытательном корпусе. Первые люди, которых я встретил, были одеты в полосатую одежду. Когда я обратился к ним с вопросом, они растерянно уставились на меня. Поспешно ко мне подошел другой работник и объяснил, что это были люди из концлагеря, и мне ни при каких обстоятельствах не разрешалось с ними разговаривать. Тогда я впервые узнал о концентрационном лагере!

Моя учеба подошла к концу в конце августа 1944 года. Экзамен по специальности я сдал с оценкой «ОЧЕНЬ ХОРОШО». Через два дня я получил мой первый трудовой договор от ARADO. Конечно, я гордился этим, хотя зарплата и была очень маленькой. Это было даже не 100, а всего лишь 99 ма-

рок. Но время работы в качестве служащего было недолгим. Восточный фронт приближался все ближе и ближе и ходили слухи о эвакуации предприятия. До декабря 1944 года мы еще могли спокойно работать. Но уже в конце декабря поступил приказ рассортировать чертежи, отобрать чертежи и другие документы для уничтожения. Ящики материалов были упакованы и заколочены досками. Конструкторское бюро напоминало разворошенный муравейник. К концу января 1945 года, когда уже был слышен грохот пушек восточного фронта, нам разрешили собрать и личные вещи, каждому один чемодан, и отправить их вместе с документами компании. Эти вещи наши родители должны были забрать в Бранденбурге. Но до Бранденбурга уже ничего так и не дошло.

За малым исключением, все сотрудники ARADO, в зависимости от их возраста и состояния здоровья, были призваны в вооруженные силы (вермахт), направлены в отряды народного ополчения (фольксштурм) или на трудовую службу (арбайтсдинст). Компания ARADO была распущена. Мы должны были явиться на сборный пункт войск СС в городе Глатц на Нейссе.

Для нас началась серьезная жизнь. В этом лагере я встретил свой 17-й день рождения. Лагерь находился под контролем войск СС и в нем царил совершенно бесчеловечный порядок. Многие добровольно вступали в какие-то отряды смертников только для того, чтобы иметь возможность покинуть этот лагерь. Всего здесь собралось около 1000 молодых людей. Их готовили к «окончательной победе». Из нашей бывшей учебной группы в конце осталось только 6 человек, остальные вызвались добровольцами в какую-то оператив-

ную группу. Затем нас отправили на трудовую повинность и перевезли в город Дойчброд под Брюнном. После очень короткой базовой подготовки, обучения стрельбе и всему остальному, что необходимо для обращения с винтовкой, нас намечалось использовать в борьбе против словаков. Наше начальство понимало, что мы находимся в проигрышном положении и что исход войны уже предрешен. Никто из этих пожилых мужчин, которые уже не годились для фронта, не хотел рисковать своей жизнью здесь. Поэтому мы часто слышали, когда маршировали к месту действия: «Не бегите так быстро. Нам не обязательно огорошивать словаков. Они только разозлятся и будут стрелять в нас». Такие слова звучали и из уст пожилого оберфельдмейстера, который, казалось, с пониманием относился к нам, молодым парням. Это было и понятно, так, например, венгры, расквартированные в соседней деревне, сменили оружие на гражданскую одежду и с каждым новым днем их становилось все меньше и меньше, так как они уходили домой.

В конце марта, когда вдали стал слышен фронт, нас перевели в Германию, и мы оказались на окраине Берлина, на военном полигоне Дёберитц. Мы приехали ночью и тут же завыли сирены воздушной тревоги. Мы побежали в бомбоубежище. Но накануне в этом бункере были опробованы противогазы и поэтому помещение было наполовину заполнено слезоточивым газом. Со слезящимися глазами мы выскочили на улицу.

В Дёберитц мы оставались в течение 3 дней. Нас приняли в вооруженные силы вермахта, взяли с нас клятву сделать все на благо Отечества, 2 дня тренировали в стрельбе и отправили затем на Западный фронт.

В это время из наших соучеников со мной был только Хорст Ноак. Мы оказались в одной роте. В течение нескольких дней мы шли от Берлина, пока не достигли Эльбы у города Шлнебек. Почти каждую ночь мы проходили по 40 км. Кульминацией стала третья ночь, когда было пройдено более 60 км. Я был хороший ходок, но последние 4 км меня полностью измотали. Мне повезло, и я смог сесть на одну из повозок. В суматохе я потерял свою винтовку — самую священную вещь солдата! Но тут мой командир роты, совсем молодой лейтенант, дал мне совет — пойти добровольцем во вновь формировавшуюся роту, где мне выдадут новое оружие. Хорст Ноак по старой дружбе пошел вместе со мной. Нам выдали новое обмундирование и дали автоматы. Теперь мы выглядели как настоящие солдаты. До этого момента у нас была только наша старая ученическая форма. Только много лет спустя, когда я обратился за назначением мне пенсии, я узнал, что тогда нас приписали к штурмовой роте войск СС. Тогда же нас просто удивило, что командир нашей роты был унтерштурмфюрером СС. Но на этом этапе войны возможно было все.

Пока наша рота стояла на Эльбе перед городом Шлнебек, у нас было несколько спокойных дней. Русские по-прежнему были далеко позади нас на востоке, а американцы находились на другой стороне Эльбы и не пытались нас беспокоить. Мы могли спокойно наблюдать за ними на другом берегу. Каждый, похоже, думал: если ты меня не тронешь, то я тебя тоже не трону. Но вскоре все изменилось. Наш марш снова повернул на восток. Нам было приказано защищать Берлин. Но туда мы не прибыли. Мы шли на восток до Ютербога, а от

него пошли на север. 25 апреля наша рота находилась недалеко от Бранденбурга. Здесь мы с Хорстом решили сбежать и дождаться окончания войны у него дома. Но эта попытка провалилась уже через 5 км. К нам подошли несколько солдат и после взаимных распросов, откуда и куда, оказалось, что они только что прибыли из Бранденбурга, так как несколько часов назад туда вошли русские. Так что наша надежда на то, что война закончится без нас, не оправдалась. Мы повернули назад и стали искать нашу роту. В этой суматохе, да еще ночью, наш неудавшийся побег даже не был замечен. В те дни мы маршировали взад и вперед к юго-западу от Берлина. Но 28 апреля судьба нас настигла. Под деревней Шлалах у нас был довольно сильный бой с русскими. Своей жизнью я обязан командиру взвода. Он уже прошел всю Восточную кампанию (у него осталась только одна рука и один глаз) и имел достаточно опыта, чтобы вывести нас оттуда. Наше отступление проходило в сточной канаве от деревенской молочной фермы. Ползком, по горло в воде, мы вполне благополучно добрались до моста. Но первые из нас, кто подняли голову над краем канавы, были сразу убиты. Лишь немногие прислушались к совету командира взвода: выбросить все ненужные вещи, такие как противогазы, штормовой багаж и тому подобное, и ползти через сточную трубу диаметром примерно метр. Мы вымокли до нитки, но сохранили наши жизни. Меня, правда, задело осколком гранаты, но мне снова повезло. Мое пальто, куртка и нижняя рубашка были разорваны, а на коже осталась лишь небольшая царапина. Вокруг моста все было усеяно мертвыми и ранеными. После этого боевого крещения из нашего взвода не раненых осталось 4 человека. Среди них Хорст Ноак и я. Вместе с командиром взвода мы несколько

дней бродили по окрестностям, никого не встречая. Мы держались как можно дальше от других подразделений. Пока 4 мая мы не попали в окончательную неразбериху под Шёнхаузен. Отсюда выхода не было. За нами Эльба и американцы, перед нами и с обеих сторон — русские. Здесь для нас наступил последний бой. Сюда подтянули из всей округи танки, штурмовые орудия, пушки и солдат. В течение нескольких дней битва шла за несколько метров леса и пару холмов. В ночь на 8 мая русские начали массированную танковую атаку, но были на какое-то время задержаны ответным ударом фаустпатронов. Затем 8 мая нам пришлось выдержать страшную артиллерийскую атаку осколочными снарядами. Но и эта буря обошла меня стороной благодаря доброму совету командира взвода. Только небольшой осколок снаряда немного помял мой стальной шлем. В ночь на 9 мая нас переместили чуть дальше назад, и у нас была относительно спокойная ночь. 9 мая около 8 часов мы начали марш в направлении Тангермюнде. Дорога на Тангермюнде, луга вдоль Эльбы напоминали муравейник. Тысячи людей, солдат и гражданских лиц, бежали сталкиваясь друг с другом. У всех была только одна цель — железнодорожный мост Тангермюнде. На другой стороне были американцы. Никто не хотел попасть к русским. Но когда мы подъехали к мосту, то с ужасом обнаружили, что он был взорван накануне нашими саперами. Наспех сооруженные плоты из телефонных столбов застревали посреди реки на остатках моста. Было ощущение конца света... Но даже здесь наш командир взвода знал, как быть. С помощью лодки, лежащей несколько выше по течению, мы все же переправились на другой берег и около 11 часов 9 мая попали в плен к американцам. Для нас это был конец войны!!!

Сразу за железнодорожным мостом через Эльбу возле Тангермюнде находилось место сбора пленных. Первые два дня более 10 тысяч пленных провели в лагере под открытым небом. Первое, что потребовали от нас янки, чтобы им отдали воинское приветствие, а также отдать им часы, перочинные ножи и, если у кого они еще были, пистолеты. Только здесь, в лагере, мы узнали, что война закончилась. Через два дня началось наше перемещение на аэродром в город Стендаль. Это был очень жаркий майский день. Пить было нечего. В городе жители ставили на обочине дороги воду для нас. Но американцы опрокидывали ведра ногами. Только хитростью и уловками нам удавалось сделать глоток из чашки или кружки. По прибытии на аэродром нас разделили на группы по 20 человек. Мне повезло, и я смог перебраться в палатку. Другим пришлось провести ночь под открытым небом. Каждые 20 человек получили по канистре воды. Но здесь нам не повезло, наша канистра была ранее заполнена керосином, и вода стала не пригодна для питья, только для стирки. На аэродроме, мы пробыли несколько дней, а затем нас распределили по небольшим лагерям. Мой пункт назначения был поселок Врештедт недалеко от города Ильцен. Лагерь был разбит на лугу небольшой деревни. Несколько тысяч человек были размещены в палатках и фанерных домиках. К счастью, погода стояла хорошая. И палатки, и фанерные домики были высотой всего около 1,20 м. Поэтому там можно было только сидеть или лежать. На краю поляны, над вырытой траншеей, были установлены «комфортные туалеты». Выглядело это как скамейка. Одна доска для сидения, а другая, чуть выше, как спинка в качестве опоры, чтобы никто не мог упасть в яму. Безопасность

была превыше всего... Но сам лагерь в первые три недели был настоящим адом. Комендантом лагеря был американский еврей, который был некоторое время заключенным в концентрационном лагере Дахау. Очевидно, оттуда он перенял методы обращения с пленными. Стояние на плацу по 3–4 часа под жарким полуденным солнцем было обычным делом. Оголодавшие солдаты падали как мухи. Когда лагерь возглавил англичанин, произошли заметные улучшения. Стояние на плацу прекратилось, еда стала намного лучше и каждый день несколько сотен человек могли покинуть лагерь для работы в крестьянских хозяйствах. Эти дни были для нас как воскресенье. В один из таких дней наш бывший ротный повар был выбран в качестве помощника на английской офицерской кухне. Для него началась жизнь как в сказке. Но он был честным малым! Примерно через 10 дней он убедил парня с кухни, что теперь кто-то другой должен занять эту должность вместо него. На следующий день работать на кухне приказали мне. Теперь райская жизнь была у меня. Поскольку я был сильно истощен и весил уже меньше 100 фунтов, мне пришлось задержаться более чем на 2 недели.

В конце июля опять произошли перемены. Лагерь был рассортирован, а пленных переводили в лагерь в городе Мюнстер. Но англичанин показал себя гуманистом. Всех, кому не исполнилось 18 лет, освободили из плена для работы в британской оккупационной зоне. На грузовиках нас отправили в бюро по трудоустройству в Люнебург, а там распределили на работу к зажиточным крестьянам и в поместья. Мы, Хорст Ноак и я все еще были вместе, получили приказ явиться в поместье в Блекеде.

Так для меня начался послевоенный период. На следующий день в бюро по трудоустройству в Люнебурге мы получили продовольственные карточки на 4 дня и 50 союзных марок (оккупационные деньги в послевоенной Германии) и отправились пешком в Блекеде. Мы прибыли туда во второй половине дня и доложили управляющему поместьем. На сеновале нам отвели угол для сна, а на следующий день назначили работу. Кроме нас там было еще 12–15 бывших солдат. Точного числа я не знаю, потому что каждый день кто-то приходил, а кто-то уходил. На следующее утро нам пришлось выехать очень рано. Работа в течение дня была тяжелой. Еда была скудной, а вся атмосфера очень недружелюбной. Вечером мы с Хорстом приняли решение и на следующее утро покинули это неприветливое место. Такую работу можно было найти где угодно. По пути в Люнебург мы останавливались в различных маленьких городках. Там мы обращались в мэрию, где нам выдавали продовольственные карточки на несколько дней, а через день-два мы шли дальше. В итоге мы оказались в местечке Адендорф под Люнебургом. Наш путь привел нас в крестьянское хозяйство Пауля Лоддерса. Здесь нам были очень рады. Нам даже выделили комнату, где у каждого была своя кровать, и ели мы за одним столом с семьей крестьянина. Питание было хорошим, работа вполне нормальной и относились к нам хорошо. Поскольку я вырос в сельской местности и привык иметь дело с животными, мне поручили лошадей, а Хорст стал отвечать за коров. Сам крестьянин был уже в возрасте, ему перевалило за 60 лет. Он очень привязался к нам. Его жена была добросердечной женщиной и была для нас как мать. Их дочь была инвалидом, у нее был горб. Их сын, который после отца должен

был перенять хозяйство, погиб на фронте. Так что в течение следующего полугода мы были им большой поддержкой.

Наступил ноябрь. Я как раз вернулся с поля, когда на пороге дома меня встретила жена хозяина с письмом в руках. Мои родители через службу розыска узнали мой адрес и писали мне, что они находятся дома и ждут моего возвращения.

6 ноября 1945 года закончилась моя работа в качестве конюха в хозяйстве Пауля Лоддерса в Адендорфе. Из Люнебурга путь домой пролегал на товарном поезде сначала до Гамбурга. Пешком через разбомбленный Гамбург, а затем также на товарном поезде до Любека. От вокзала в Любеке я прошел через весь город в восточном направлении до местечка Шлютуп. Здесь заканчивалась английская оккупационная зона и мне необходимо было найти кого-то, кто бы перевез меня через границу в советскую оккупационную зону. В одном бомбоубежище в Шлутуп уже собралась группа таких же, как и я, «нарушителей границы». За эту «услугу» я отдал 50 союзных марок, последние деньги, которые у меня были. По строжайшим инструкциям нашего проводника мы ночью пересекли границу и в тумане дошли до местечка Шёнберг. Я оказался совершенно один на «вражеской территории». Единственное, о чем я беспокоился, было не попасть в руки русских. Это означало бы снова плен. Так что я был очень осторожен! Со множеством пересадок и огромной порцией везения через несколько дней я наконец добрался до местечка Духеров. Отсюда еще 9 км пешком по лесу и я был дома! По дороге я, не зная того, прошел недалеко от моего отца. Он работал на погрузке дров в лесу, а я шел

по тропинке, свистел и пел. И в мыслях у меня было только поскорее дойти до дома.

К полудню 19 ноября я наконец вошел в наш дом. Это был 49-й день рождения моей мамы, а я стал, наверное, самым лучшим подарком на её день рождения.

Вульфович Б.А.

Это было вчера...

Начало войны мы с мамой встретили в Ленинграде, где жили в комнате большой коммунальной квартиры в районе Старо-Невского проспекта. Отец, грузчик морского торгового порта, в декабре 1940 года завербовался на заработки на золотые прииски в Артёмовск-Бодайбо Красноярского края. Уже после войны стало известно, что в конце 1942 года, ничего не зная о нашей с мамой судьбе, он был призван солдатом в Красную Армию, воевал в пехоте и погиб в битве под Ельней в сентябре 1943 года.

И до отъезда отца, и после него мы жили очень бедно; мама не работала, наверное, чем-то болела, а зарплаты

отца, а потом его переводов из Бодайбо едва хватало на жизнь.

К 22 июня 1941 года мне было уже 11 лет и 8 месяцев, я окончил 4 класса, а потому ясно помню почти всё из блокадной жизни. С самого начала войны в Ленинграде стояла чудесная летняя погода, не было никаких налётов, тревог, всё жило и работало, как всегда. По крайней мере, мне так и казалось, когда я видел открытые магазины и Мытнинский рынок, продавщиц мороженого и газировки, а также исправно работающие неподалёку баню и кинотеатр. Конечно, мы с мамой знали, что многие школы, наверное, и моя, отправляют детей из Ленинграда куда-то вглубь страны. Но как это могло относиться ко мне, как мама могла отпустить меня с кем-то и остаться одной? Кто может лучше, чем она, защитить её единственного ребёнка? И вообще, зачем это делать, если пока почти ничего не изменилось?..

Газет и до, и после отъезда отца мы не покупали; телефона, ни у кого в квартире, естественно, не было. Соседи, ещё 9 семей в длинном коридоре, с началом войны как-то разобщились — совсем не в духе ностальгической телепередачи «Старая квартира». Поэтому все новости мы узнавали только по радио, чёрная тарелка которого висела у нас в комнате. По нашей бедности, никаких съестных запасов у нас никогда не водилось; введённые в июле карточки — иждивенческая и детская — позволяли нам кое-как существовать, благо, мы и до войны привыкли жить скудно.

Были у нас в городе и родственники. Со стороны мамы — её незамужняя сестра Зина 43-х лет, работавшая медсестрой в Военно-медицинской Академии и получавшая более чем скромное жалование. Его едва хватало, чтобы содержать

сорокалетнюю парализованную сестру Фаню и стареньких родителей. Ещё до войны, в 1940 году, дедушка умер и они остались втроём.

Жили они в небольшой полуподвальной квартире на 8-ой линии Васильевского острова. Устроить свою личную жизнь тётя Зина не могла, имея нищенскую зарплату и бесконечные хлопоты с инвалидами-домочадцами. По этой же причине она не смогла и эвакуироваться с ними из Ленинграда, а ведь такую возможность Академия предоставляла далеко не всем вольнонаёмным служащим. Уже в самом начале войны, летом 1941 года, умерла бабушка, а в ноябре от голода-холода погибла и тётя Фаня. Они были похоронены в братской могиле в дальнем углу Еврейского кладбища. Тётя Зина осталась одна на долгие месяцы блокады и на десятки лет после неё.

Другая моя родственница — тётя Сарра — жила со своим мужем, дядей Борей, в престижном доме на Адмиралтейской набережной. Этот дом подковой огибает Александровский сад и историческое здание Адмиралтейства, золотой шпиль которого устремлён на перспективу Невского проспекта. Только представьте себе: окна их квартиры выходят на Неву с видом на Ростральные колонны, на стрелку Васильевского острова, на Дворцовый мост и Петропавловскую крепость, а слева открывается Сенатская площадь со вздыбленным конём Петра Великого! Впечатляет?

Тётя Сара и дядя Боря Белицкие благополучно пережили блокаду, чему, возможно, помогли два обстоятельства. Во-первых, у них были приличные запасы ценных продуктов, таких как сахар, крупа, тушёнка, а во-вторых, им было совсем близко ходить за водой на Неву. Зимой — к проруби.

Такая близость к воде, пригодной и для питья, и для помывки, стоила для выживания не меньше, чем хлеб. Многие замертво падали каждый день в многокилометровых походах в мороз и пургу за парой бидончиков воды. Лишь некоторые имели большие молочные бидоны, которые можно было крепить на санки и, впрягшись в воз, тянуть драгоценную поклажу...

В июне-июле мы с мамой примерно раз в неделю выбирались на Васильевский остров к тёте Зине с её немощными иждивенцами; у тёти Сарры были в гостях раз или два и выглядели там очень жалкими.

В июле уже начались воздушные налёты; количество тревог нарастало с каждым днём, доходя до десяти и более. В начале августа небо над центральной частью города стало черно-багровым: начали гореть Бадаевские склады, где хранились основные продуктовые запасы города: мука, крупы, постное масло, сахар. Эти гигантские деревянные склады были расположены сравнительно недалеко от Старо-Невского, и я попытался пару раз проникнуть туда, чтобы чем-либо поживиться. Наивные попытки: несколько рядов бойцов оцепления и пожарных окружали пылающие склады, стояла страшная жара, ревели сирены, воздух был пропитан сладковатым смрадом жжёного сахара, внутри и вне зданий раздавались частые взрывы из-за массированных налётов фашистской авиации.

Вопреки официальным сведениям, мне кажется, что немцы не хотели полностью разрушать и сравнивать с землей красавец-город, а решили сохранить его для себя. Поэтому они бросали, как правило, зажигательные бомбы, которые вызывали панику и пожары. В каждом доме стали спешно организовывать команды по их тушению, в основном из маль-

чишек 12–15 лет; 16–17-летние рыли окопы, а парни 18 лет и старше сразу же были взяты в армию.

В нашей «пожарной» команде было что-то около 15 ребят примерно одного возраста. Нас собрал какой-то военный, отвёл на чердак нашего пятиэтажного дома и стал объяснять, как надо тушить бомбу, если она пробьёт крышу, взорвётся и устроит пожар на чердаке. Хотя наш дом каменный, все его чердачные перекрытия были деревянными. Бомбы начинялись фосфором и очень красиво горели, разбрызгивая из огненного центра гигантские снопы искр, как на праздничном фейерверке. От каждой такой искры сразу же загорались стропила или балки. Температура огня достигала 1000 и более градусов; было очень жарко и почти не страшно.

На чердаке стояли какие-то огромные чаны с затхлой водой. Как-то раз один из парней схватил большими специальными клещами начавшую разгораться бомбу и бросил её в воду. Что тут началось! Мы совсем забыли, что тушить зажигалки можно только одним способом — быстро забрасывая их песком, чтобы перекрыть доступ кислорода. А вода только усиливала горение.

Наша команда была разбита на три смены, и дежурства длились по 7–8 часов. Однако самое для нас неприятное, пожалуй, было в том, что запасы песка, заранее заготовленные, довольно скоро заканчивались. Мы договорились, что смена, прежде чем уйти с дежурства, натаскает песок со двора и заполнит им ящики. Поднимать носилки с песком на чердак было очень тяжело, брали понемногу, и это отнимало у отдежурившей смены ещё пару часов.

К нашей работе мы относились скорее как к игре; бывало, за всю смену ни одной бомбы к нам не залетало, а когда это

случалось, со временем всё чаще и чаще, мы несколькими лопатами забрасывали её песком, не давая разгореться. Но вот однажды я поднимался на чердак в самый разгар налёта. Лестницы подрагивали, громко и противно ревели самолёты, выли сирены, непрерывно хлопали зенитки. Наверху я увидел четырёх ребят, склонившихся над пятым. Он лежал в чердачной пыли навзничь, верхняя часть головы была срезана как бритвой, а глаза широко открыты... Это была первая смерть, виденная мной глаза в глаза. Позднее, зимой, идя за хлебом или за водой, мы часто натыкались на лежавших на земле людей, слегка припорошенных снегом. Иногда на них уже не было шапок, валенок или платков. Но это не вызывало особой реакции, видимо, мы уже притерпелись и к смерти привыкли ...

Зима наступила неожиданно и очень рано. Мне кажется, что уже в ноябре всё как будто оцепенело и замерло. Мама откуда-то и непонятно за какие деньги принесла к нам в комнату крохотную печурку-буржуйку. Мы её установили рядом с окном, чтобы труба доставала до форточки. Вначале чуть не устроили пожар: раскалённая труба начала обугливать фанерную разделку, приделанную к форточке. Потом мы её заменили на жестяную.

Постоянной заботой было топливо. Постепенно сожгли всё, что могло гореть: обеденный стол, этажерку, шкаф, стулья, даже несколько книг, которые оказались в доме. Во дворе нашего дома стояли длинные двухэтажные деревянные сарайки, в которых хранился всякий хлам. Один из маленьких отсеков сарайки принадлежал и нам. Конечно, мы его с большим трудом разломали и сожгли в первую очередь. Ходили и спали мы одетыми в свитера, пальто и шапки; на ночь снимали только валенки. Топливо берегли и топили только по часу раз в день.

Воду мы добывали сравнительно легко: от нас до Невы в районе Александро-Невской Лавры было всего около двух километров. Туда мы добирались за час, обратно — за два и приносили домой воду в алюминиевом бидончике и в трёх кастрюльках, за ручки которых крепились верёвочные дужки. Она почти не проливалась, потому что быстро покрывалась коркой льда. Воды хватало дня на два, а то и на три, если мы экономили на мытье. Дело в том, что нас одолевали вши. Я знаю, что мы поступали так, как и в других семьях, а именно: каждый день, склонившись над лучиной или коптилкой, мы очищали швы наших рубашек, а потом вывешивали их за окно на выморозку. Головы вычёсывали по несколько раз на день и подолгу. Выше я упомянул лучину и коптилку. Поскольку электричества с ноября не было, а окна плотно занавешивались старыми одеялами для тепла и светомаскировки, все освещались час-другой свечками, если они ещё оставались, а в основном — коптилками и лучинами. Керосин у нас быстро кончился, и мы стали заготовлять лучины. Ножи наши были очень тупыми, навыков — почти никаких, а ведь приготовить хорошую, «долгоиграющую» лучину — настоящее искусство! Впоследствии, находясь в детдомах Костромы и Ярославля, я оказывался большим умельцем и в борьбе со вшами и в изготовлении очень тонких и ровно горящих лучин, которые мы втайне от воспитателей зажигали по ночам.

Ну, а главное, конечно, — это хлеб. Многие думают, что столь знаменитая пайка в 125 граммов в день выдавалась чуть ли не все 900 дней блокады. Это не так. После потери Бадаевских складов и по мере затягивания блокадной петли, нормы продуктов по карточкам систематически уменьшались —

и по «ассортименту», и по объёму. Сначала начали сокращать тушёнку, потом последовательно масло сливочное и постное, сахар, крупы и, наконец, хлеб. Действительно, в течение двух долгих месяцев с декабря 41-го по февраль 42-го ничего, кроме одного кусочка хлеба, похожего на глину, мы не имели. Быть может, поэтому магические «125 грамм» и стали блокадным символом, сжимающим нам горло и сейчас, спустя почти 70 лет...

В конце декабря, под Новый год, мы с мамой решили навестить тётю Зину. Вышли утром, как следует обвязавшись платками поверх пальто. Днём добрались до места и долго стучали в заледенелое тётино окно, выходившее во двор. Тётю мы узнали с трудом: она вся отекла и была одета в какие-то немыслимые хламиды и платки, глаз её совсем не было видно.

Она уже жила одна, рассказывать о том, как погибли бабушка и тётя Фаня, не хотела, только её глаза всё время намокали, хотя она и не плакала. Потом из маленькой тумбочки она достала крохотную кастрюльку и глубокую тарелку. В кастрюльке была чечевичная каша! В тарелке был студень из столярного клея! Это был её царский подарок нам — двум пока ещё живым родным людям, сестре и племяннику. И если «125 грамм» есть наш всеобщий символ блокады, то чечевица навсегда осталась только моим; она выразила собой всю радость и счастье еды...

С мамой тётя Зина увиделась тогда в последний раз, а я с тётей встретился только после войны, когда вернулся к ней из детского дома в Ленинград в 1945 году. С того памятного декабрьского дня мы с мамой вообще никуда из дому, кроме как за водой и за хлебом, не выходили. Шли только

вдвоём, боясь, что один, если упадёт, то может и не подняться. Но в самом конце февраля мама так ослабела, что выходить на улицу не могла, а только лежала и ждала меня.

И тут неожиданно объявили, что на март хлебная норма для иждивенцев и детей увеличивается до 250 граммов. Я принёс домой карточки и пытался объяснить маме, уже почти не вставшей с кровати, какая это радость — теперь мы будем жить! Она слабо улыбалась, всё гладила меня и что-то тихо говорила, говорила...

8 марта 1942 года она уже не проснулась. Были особые бригады, которые обходили комнаты и квартиры домов, улицы и переулки и подбирали погибших. Назавтра унесли и маму, определив её на последний покой на Пискарёвском кладбище, справа по ходу, в огромном холме «Март 1942». Так я остался один, никому в принципе не нужный. Но это только на первый взгляд. Мама, уже с того света, существенно поддержала меня, даря мне каждый день марта свои 250 граммов хлеба. Потому я и выжил. Конечно, на апрель я получил карточку уже только на себя...

В последний день марта я совершил поход на Васильевский остров к тёте Зине. Она была жива, но всё время только лежала, вконец ослабленная и ко всему равнодушная. Она-то и посоветовала мне сходить к тёте Сарре с дядей Борей и, если примут, то остаться у них. В первых числах апреля я так и сделал.

Повторю несколько деталей об этой семье, которые имеют, если не прямое, то косвенное отношение к последствиям моего визита. У них было двое детей: дочь, моя двоюродная сестра Дуся, эвакуированная в город Энгельс на Волге (муж её, лётчик, был на фронте), и младший сын

Нона, второкурсник Академии Художеств и любимый ученик академика живописи Юона. В июле 1941 года, в 19 лет, он ушёл в народное ополчение и пропал без вести, оставив незаживающую рану у родителей до конца их жизни. В те далёкие дни апреля 1942 года они надеялись, нет, просто верили, что Нона жив, быть может, ранен, но что он обязательно вернётся домой!

И вот стук в дверь, но вместо долгожданного сына на пороге стою я, жалкий укутанный скелетик, который просится в нахлебники и в тепло их дома-крепости. Дядя Боря очень рассердился моему неожиданному появлению; он долго возмущался легкомыслием моего отца-босяка, который всю жизнь витал в облаках и не сумел материально обеспечить семью, а потом вообще её бросил! (Да не бросал он нас, не бросал, а уехал на заработки!) «Да и мама хороша, — продолжал он, — не захотела отправить меня вовремя из города, сама погибла и оставила сына на произвол судьбы!» Тётя Сарра, никогда не имевшая в семье права голоса, молчала и тихо всхлипывала, умоляюще глядя на него.

После довольно долгой и неприятной сцены меня оставили. Квартира состояла из двух небольших уютных комнат, кухоньки и сравнительно просторной прихожей. Потолки в квартире были очень высокими, поэтому в прихожей у них были оборудованы антресоли. Дверок они не имели, но оказались весьма просторными — размером не менее 2 х 2 метра. Сидеть в них можно было с трудом, но лежать в полумраке — очень приятно. Туда меня и определили, предварительно убрав холсты и краски Ноны. Решение было мудрым, ибо куда ещё девать грязного и завшивленного племянника, свалившегося как снег на голову!

Мне поставили условие: как только вернётся Нона, я должен буду отправиться к себе домой на Херсонскую улицу. Увы, это случилось гораздо раньше — через три дня после моего новоселья.

Именно через три — по числу украденных мной кусков сахара. Уже в первую же ночь я нащупал у себя за головой в стенке небольшие дверцы, закрытые на висячий, но неисправный замочек. Когда в доме стало тихо, я потихоньку открыл дверцы и в темноте нащупал на двух полках матерчатые мешочки. У одного из них были острые неровные бока. Я не без труда развязал его тесёмку. Там оказалось целое сокровище: килограмма два, а может и больше кускового сахара, которого теперь уже и делать-то, наверное, не умеют! С маленьким осколком такого куска выпивали вприкусу когда-то целый стакан чаю! После войны такой сахар, да и специальные щипчики для его колки ещё выпускали; теперешний же кусковой сахар никуда не годится: прямоугольнички моментально тают во рту от первого же глотка воды, уничтожая само понятие «чай вприкусу»!

Наслаждался я первым куском всю ночь. Сахар был крепок, как камень, приходилось его посасывать, а при попытках немного откусить я чувствовал во рту солёное — слабые дёсны сильно кровоточили, да и хрустеть было очень опасно. К рассвету я этот кусок одолел, но при сумеречном свете увидел на своей подушке большие розовые подтёки слюны и крови, что выдавало меня с головой. Подушку я перевернул в надежде, что кражи никто не заметит. Целый день я ходил сам не свой от страха, но всё равно ждал с нетерпением ночи, чтобы всё повторить. Во вторую и третью ночь я старался выбирать куски поменьше и сосал их лёжа на спине, чтобы не так текла слюна.

Но днём после третьей ночи моё воровство открылось. Дядя Боря полез на антресоли за припасами и обнаружил плохо завязанный мешок с сахаром, а также прямые доказательства моего преступления: острые крошки сахара на одеяле, на котором я спал, и окровавленную наволочку. Дядя страшно кричал, называл меня гнусным воришкой, недостойным не только находиться среди порядочных людей, но и жить на свете вообще. Он меня не бил, а продолжал ругать и меня, и моего беспутного отца, у которого только такой сын и мог вырасти. Отец тогда ещё был жив, воевал (дядя Боря имел от армии освобождение) и в 1943 году погиб, так и не узнав о моём позоре.

При скорбном молчании тёти Сарры дядя приказал мне убираться восвояси, что я и сделал, забрав свою хлебную карточку. Возвращаясь через 67 лет к этой истории, я не могу обвинить дядю Борю в жестокости, ведь это я нарушил библейскую заповедь «не укради». Ну а как дядя соотнёс преступление и наказание, он, видимо, Всевышнему уже доложил. Думаю, скоро и я буду держать перед Богом ответ за то, что не устоял перед сладким соблазном, висевшим у меня над головой.

Когда я вернулся домой, то пару дней чувствовал себя бодро, а потом стал впадать в какое-то оцепенение. С большим трудом вставал за водой и хлебом, много спал, прекратил очищать швы рубашки и вычёсывать голову. Я не знаю, сколько прошло времени, но однажды я вскочил с кровати и открыл дверь, в которую громко стучали...

Очнулся я на узкой койке в большом зале, целиком заполненном такими же кроватями. Это был спецприёмник в Александро-Невской Лавре, куда солдатские бригады свозили ещё живых детей из заброшенных квартир.

Здесь-то и спасли мне жизнь: обрили, вымыли, уложили на белые простыни, два раза в день давали суп. Часто ранними утрами на носилках выносили по нескольку человек, накрытых с головой простынями, а на их место привозили новых. Пронёсся слух, что нас готовят к отправке на Большую Землю и со дня на день начнётся погрузка в машины. И тут, как нарочно, у меня начался понос, да ещё и с кровью.

Я испугался, что меня не возьмут, а потом так же вынесут, укрытого простынёй. Поэтому во время обходов о поносе ничего не говорил. Через несколько дней, в самом конце апреля комиссия провела последний осмотр и отбор, который я выдержал с большим трудом из-за сильных резей в животе.

Перед глазами у меня стоят картины нашего путешествия по ледяной Дороге Жизни через Ладожское озеро. Было довольно тепло, ярко светило весеннее солнце, длинная колонна грузовых машин медленно ползла по воде, покрывавшей уже сильно подтаявший лёд. Мы двигались днём и ночью, ибо нельзя было терять ни часу: вот-вот должен был начаться ледоход. Как мы узнали потом, этот автомобильный караван был последним: назавтра наша авиация сама стала бомбить и взрывать лёд, готовя фарватер для барж-самоходок и катеров.

Конечно, наш переход был очень опасным. За сутки пути немцы нас трижды бомбили. С обеих сторон трассы стояли наши зенитные батареи, и как только начинался налёт, поднимался страшный вой пикирующих штурмовиков, грохот от разрывов бомб и еле слышное на этом фоне тявканье зениток.

С началом первой бомбёжки колонна остановилась, и сидевшая с нами медсестра приказала всем выскочить и лечь в ледяную кашу под машину. Я вконец ослабел, борт нашего

грузовика был весьма высок, поэтому я остался в кузове, опустившись со скамейки на пол машины.

Вдруг раздался мощный взрыв, я поднял голову и увидел, как впереди стоявший пустой грузовик стал медленно погружаться в воду вместе с детьми, схоронившимися под ним. Отбомбившись, самолёты улетели, и стало оглушительно тихо. Прибежал военный, накричал на нас и приказал при налётах отбегать от машины как можно дальше и тихо лежать на льду, пока бомбёжка не закончится. Второй раз я так и сделал, а на третий, когда уже совсем стемнело, я из машины выбраться не смог; опять начался сильный понос и озноб от мокрой одежды.

Ночью бомбёжек не было, и мы благополучно добрались до берега. На железнодорожной станции нас погрузили в теплушки и долго везли до Костромы, выгружая на полустанках умерших. В Костроме я полгода провалялся в больнице с тяжеленной дизентерией и дистрофией и только потом был определён в детский дом. Затем был перевод в детдом Ярославля, поездки с концертной бригадой по военным госпиталям области, возвращение летом 1945 года в Ленинград, учёба в школе рабочей молодёжи и Высшем Арктическом Морском Училище, четыре навигации в Восточном секторе Арктики, аспирантура и пятьдесят лет работы в Мурманской высшей мореходке, долгие поездки к жене, детям и внукам на другие берега. Но всё это уже другие истории, обо всём этом — в следующих очерках.

Уже никого нет в живых — тех, кто меня спас от смерти и вернул к жизни в те далёкие-близкие годы: воевавшего за меня отца, мамы, отдавшей мне свой хлеб, врачей, сестёр и нянечек приёмников и госпиталей, воспитателей

и учителей детских домов. Благодаря им я остался жив, благодаря им появились на свет мои дети и внуки, благодаря им, даст Бог, и моя веточка будет вечно цвести и продолжаться в нескончаемой смене поколений.

В январе 2009 года исполнилось 65 лет со дня полного снятия блокады родного города. Мурманское общество жителей и защитников блокадного Ленинграда устроило нам торжественный вечер. За 20-ю столами сидели седые пожилые люди, которым не требовались никакие доклады и речи. Да их и не было.

Когда все успокоились, прозвучали тихие команды: притушить свет, зажечь на каждом столе по свече, всем налить по стопке водки и взять в руку 125-граммовые кусочки хлеба, специально испечённого к этому дорогому празднику. Ленинградский Институт Питания по сохранённой блокадной рецептуре — 20 % муки, 30 % жмыха, 20 % древесной коры, остальное — тайна — приготовил этот хлеб и прислал его нам в дар. Я до сих пор храню этот кусочек блокадной пайки.

Мы молча стояли при свечах, держа водку и этот хлеб. «За мёртвых и живых Ленинграда!» — прозвучала последняя команда-тост. Потом зажёгся свет, но мы ещё долго приходили в себя от потрясения. Ну а затем стало легко и свободно, как это и должно быть среди людей, близких по судьбе и пережитому.

Сейчас, когда я заканчиваю эти воспоминания, мне вдруг в голову пришла дурацкая мысль: а что, если бы на это застолье пригласить главнокомандующих самых могущественных в мире держав и поднести им, никогда не нюхавшим пороха, по стопке водки и по кусочку мякины — в память о павших от бомбёжек и голода. Может быть, они поняли бы, что мир

на Балканах, на Кавказе, на Ближнем Востоке путём новой войны не установить. Но это так, к слову...

Немало бывших защитников Ленинграда и блокадников уже от нас ушли; многих по разным причинам разбросало по городам и весям нашей планеты. Но куда бы ни забросила нас судьба, мы, блокадное братство 80-летних стариков, тихо маемся душой, не в силах позабыть всё пережитое.

И лучше Маяковского тут не скажешь:

Можно забыть, где и когда
пузы растил и зобы,
но землю, с которой вдвоём голодал, —
нельзя никогда забыть!

Это было вчера...

О детдомах с любовью

Вот и закончилась моя блокада. Для меня она длилась с 8 сентября 1941 года до 25 апреля 1942 года, то есть всего 230 дней из официальных 900. Но в эти 230 вошли около 90 дней главной блокадной зимы с 41-го на 42-й год — с её кусочком хлеба, диким холодом, темью, грязью, вшами, бомбёжками и артобстрелами. Но уже сразу после ладожского перехода никакого воя бомб, разрывов снарядов и всего такого я больше не видел и не слышал — вплоть до радостного грома Победы под утро 9 мая 1945 года в славном городе Ярославле на Волге.

Наши грузовики, уцелевшие на ладожском льду, долго тряслись по бездорожью и, наконец, остановились на безымянном маленьком полустанке. С него начинался железнодорожный путь на юго-восток, в глубь России. В полной тем-

ноте какие-то люди с носилками перетащили нас в жёсткие плацкартные вагоны. Во всех купе обе верхние полки были соединены настилом, поэтому на них помещались по трое; двоих укладывали на самые верхние багажные полки и ещё двоих внизу; плюс двое располагались на боковых полках — всего по 9 человек в каждом из семи купе. В двух крайних отсеках ехали нянечки и медсёстры. Два наших блокадных вагона прицепили к товарняку, и мы с толчками и частыми остановками тронулись.

До Костромы, это километров 800, мы добирались трое суток. А трагедии начались почти сразу же. Кто-то очень умный распорядился выдать всем нам к чаю, который вскипятили нянечки, сухие пайки, упакованные в картонные коробки. Видимо, они были рассчитаны на солдат, причём здоровых, а не на маленьких голодных дистрофиков. Там были два толстых чёрных сухаря, по банке тушёнки и сгущёнки, кусок сала, и что-то ещё. И начались температуры, рвоты, неукротимые кровавые поносы. В два туалета было не пробиться, ведь детей в вагоне было более 60 человек; проходы к туалетам, сами туалеты и тамбуры сразу оказались загаженными, сменных простыней и туалетной бумаги (в смысле газет) не было, стоял ужасный запах, было очень душно.

И почти на каждой станции стали выносить больных; а нескольких ребят, переживших блокаду, но не сумевших перенести этого пайка и дороги, выносили укрытых с головой. А у меня понос с кровью уже был до этого, поэтому я не стал есть ни тушёнки, ни сала, а лишь лизал сгущёнку и запивал её кипятком, а сухарь только посасывал. Поэтому до Костромы я добрался таким же плохим, что был и до Ладоги, но не хуже, и мне удалось выжить. Паёк, кроме сгущёнки, я со-

хранил и сберёг даже в больнице — вплоть до детского дома. Вот каким я был мудрым и хитрым... Да, совсем забыл: один раз за поездку вагоны обошли с большим бидоном и дали каждому по миске супу. Это было прекрасно!

Помню, в Костроме на вокзале нас очень тепло встретили: маленький духовой оркестр играл марш, висели приветственные плакатики и кто-то даже произнёс речь. Затем нас погрузили в небольшие скрипучие автобусы и сразу всех без разбору отвезли в больницу. Кое-кого поместили в палаты, но в основном — в коридоры, туда же и меня. Всех нас постригли наголо, включая девчонок, перемыли и дали больничную одежду. Потом меня и других ребят перевели в палаты.

Лечили меня от обморожений, дистрофии и язвенной болезни желудка больше четырёх месяцев, но чем — не знаю, давали какие-то порошки (сульфидин?) и микстуры, но тогда я впервые услышал магическое слово «пенициллин». Много позже я узнал, что США начали поставлять в СССР по ленд-лизу (lend-lease = «взаймы или в аренду») этот новый антибиотик для нужд Красной Армии. И если в тот критический 1942 год нас, блокадных сирот-заморышей, лечили этим на вес золота дорогим и необходимым для фронта препаратом, то это дорогого стоит, ибо явилось мудрой стратегией на перспективу. Вот хоть бы я: меня спасли, а я родил двух детей, а те — четырех внуков. И внуки родят. И правнуки родят. Вот это и есть демография в действии! Поэтому следует по достоинству оценить тогдашнюю заботу о нас, особенно на фоне современной российской системы детского здравоохранения. А существует ли эта система-антисистема сейчас вообще? Но это опять к слову, об этом подробнее чуть позже.

Постепенно каждого из нас выписывали и переводили в детские дома. Их в Костроме было несколько. Меня направили в детский дом имени КИМ («Коммунистический Интернационал Молодёжи»). Я даже его адрес помню: ул. Сталина, 55. Попал я туда в октябре 1942 года и пробыл там до сентября 1943 года, то есть почти целый год. Самое важное, что у меня сохранилось в памяти об этом детском доме, я буду просто перечислять по пунктам, ибо многое, к сожалению, забыл. Вот оставшееся со мной навсегда.

Во-первых, образцовый и жёсткий порядок во всём: чистота и аккуратность в спальнях, классах, столовой, туалетах. Всё это обеспечивали мы сами, конечно, больше доставалось девчонкам. Никаких нянечек или уборщиц не было и в помине. Мебель чинил приходящий старичок-столяр, а мы ему помогали. Наверное, он был, как сейчас говорят, волонтёр. Быть может, эти подспудные навыки обращения с деревом проявились во мне аж в 1980-х годах, через 40 лет? Иначе как бы я смог — при минимальной помощи — построить в Карелии двухэтажную дачу с баней-сауной, теплицами, туалетом, сараем и беседкой? Меня же плотницкому делу за эти 40 лет никто не обучал.

Во-вторых, одеты детдомовцы были кто во что, всё «б/ушное», но вся одежда была целой, чистой, аккуратной и по росту. Когда мы приходили в школу, то выгодно отличались от домашних детей и по одежде, и по виду, и по поведению. К тому же нас в школу отправляли с булочкой, а домашние приходили с пустым руками, и нам было перед ними неудобно.

В-третьих, после обеда и краткого отдыха, мы организованно делали домашние уроки в классах, а воспитатели нам помогали. Поэтому мы учились лучше домашних. К июню

1943 года я закончил пятый класс, потеряв таким образом только один учебный год из-за блокады. Если не считать четырёх доблокадных классов, то этот пятый был единственным, когда я учился систематически. Учёба в 6–7 классах в Ярославле протекала урывками, в 8–9 классах я не учился вообще, а аттестат зрелости получил, окончив в Питере 10-й класс школы рабочей молодёжи; её я посещал четыре раза в неделю по вечерам. Позже к своему весьма «среднему» образованию я по ходу рассказа ещё вернусь.

В-четвёртых, надо признать, что нас в детдоме три раза в день прилично кормили, а ведь это были самые тяжёлые для страны годы. Из супов хорошо помню свежие (зимой кислые) щи без мяса, которые нам часто варили: вода, капуста, картошка и лук, пожаренный на постном масле, а позже на лярде. Лярд — это жир вроде желеобразного маргарина, который американцы готовили из свиного сала и поставляли нам в металлических банках. Кстати, ломоть черняшки, намазанный лярдом, — это вкусно. На второе и на ужин давали кашу или жареную картошку. Бывали и котлеты, наверное, из мяса. И конечно, компот из сухофруктов и чай. И та памятная булочка в школу. Так что питались мы хорошо. А для нас, нескольких блокадников, этот детский дом был просто счастьем.

В-пятых, однажды в субботу вечером меня вызвала в свой кабинет директриса. Там сидел седой пожилой человек. Мы с ним поговорили и вместе пошли к нему домой. Он привёл меня в свою семью, которая по древней еврейской традиции должна приглашать каждую субботу к себе домой малообеспеченного иудея, чтобы накормить его во славу Божию. И эти приятные и вкусные посещения длились почти целый год! Поэтому совершенно невероятно (и стыдно!), как я мог

забыть имена этих славных людей. Они не только делили со мной трапезу, но главное, окружали меня теплотой старого еврейского, именно еврейского, дома. Такого дома у меня никогда не было ни раньше, ни позже, даже в моей собственной семье. Другой вопрос — а близка ли моей душе эта специфическая атмосфера? Кстати, в семьях наших детей и внуков такой атмосферы тоже нет. Ничего не поделаешь, так сложилась жизнь.

В-шестых, директор нашего детдома Мария Станиславовна Юнатовская. Мне кажется, что она единолично вела сложное хозяйство и жёстко держала его в своих руках. Небольшого роста, худая и поджарая, она, наверное, не умела улыбаться вообще. Как живая, стоит она у меня в глазах. Удивительное дело с моими провалами памяти: что-то выпадает напрочь, а что-то ярко высвечивается даже через 65 лет! Было ей лет 45–50; ходила она и дома, и на работе в одном и том же: длинная прямая юбка хаки и поверх гимнастёрка с поясным ремешком. Ворот немного раскрыт, и виден маленький чёрный галстучек. Волосы чёрные, прямые, зачёсаны за уши назад, на носу маленькая бородавочка. Разговаривает ясно, чётко, кратко. Много курит (но только у себя в кабинете или дома), сворачивая из газетки козьи ножки с махоркой; покашливает. Ну, чистый Дзержинский, да и её фамилия похожа на польскую. И воспитанники, и персонал директрису очень уважали, но мы старались её как-то избегать.

В-седьмых, история с моим якобы «усыновлением», о котором папа упомянул в своём письме к тёте Риве. В действительности никто меня никогда не усыновлял. Дело в том, что летом 1942 года Мария Станиславовна позвала меня пожить у неё в семье пару недель. Почему и зачем она это сделала — не знаю. Может быть, у неё были какие-то мысли об

усыновлении, но вообще-то, парню 13 лет — это многовато для такого решения. Возможно, эти две недели жизни у неё в доме и ужины по субботам в еврейской семье косвенно преломились в непроверенный факт усыновления, и он стал известным моему отцу.

Семья Марии Станиславовны состояла из неё самой и пожилой высокой женщины (забыл, как её звали), которая управляла хозяйством в доме. Кем она приходилась главе семьи — неясно, ибо они были совершенно не похожими друг на друга. Поскольку директриса даже летом целыми днями пропадала в детдоме, то я оставался фактически один и не знал, чем мне заняться и о чём говорить с молчаливой домоправительницей. Поэтому я попросился обратно и с радостью вернулся в детский дом, который ещё больше стал мне нравиться.

В-восьмых, и это главное — моя первая любовь. И это была не девочка, а замужняя женщина 32-х лет. А мне, как вы помните, — 13. Это моя воспитательница Валентина Константиновна Корякина. У меня нет её фотографии, я и так её хорошо помню, но не хочу словами передавать, как она выглядела. Её муж был фотографом, в армию его почему-то не взяли, и, видимо, их брак был неудачным. Детей у них не было. В моей любви к ней не было ничего сексуального, абсолютно ничего. Это было только обожанием. Или тем, что можно назвать чистой любовью. Я не просто вспоминал о ней, она была просто внутри меня и днём и ночью. И не только в душе и голове. На маленькой дощечке с помощью лупы и солнца я выжег буквы ВКК и носил эту дощечку в нагрудном кармашке. А ночью держал под подушкой.

Она меня любила тоже. В чём она мне и призналась. Но была ли эта любовь такой же чистой, как моя, — не знаю.

Наши свидания происходили два раза в неделю, когда у неё были ночные дежурства. Как мы и договаривались, после полуночи, когда все дети уже спали и она это проверила, приоткрывалась дверь моей спальни, я быстро одевался, выходил, и мы с нею шли в дальний коридор. Там было окно с широким подоконником, на котором мы сидели целый час и разговаривали. Расставаясь, мы обнимались, и она меня целовала.

Я думаю, что ВКК видела во мне одновременно и сына — как предмет своего нереализованного материнства — и мужчину, причём гораздо более развитого, чем она. Как можно иначе объяснить огромный риск, которому она себя подвергала, встречаясь с воспитанником по ночам, да ещё при режиме нашей директрисы.

Видимо, существенным элементом нашей духовной близости были мои стихи о блокаде — о самом памятном периоде моей жизни. Я ни одного из этих стихов не помню, полный провал памяти, но они, наверное, были не совсем плохими, иначе меня не перевели бы по конкурсу в Ярославль, о чём ниже. Зная о моём скором переводе, незадолго до него, в одно из ночных свиданий она спросила меня, помню ли я последнюю строфу романса Чайковского на стихи А. К. Толстого «Средь шумного бала». Не в смысле «знаю — не знаю», а именно, «помню ли»! Видимо, она была уверена, что я хорошо знаком с русской поэтической классикой. Спрашивается, откуда мне, блокадному мальчишке с пятью классами, эту поэзию знать, да ещё и помнить? Вот такой у неё был самогипноз относительно моих способностей. Затем она прочла мне эту строфу замечательного романса: «И грустно я так засыпаю / И в грёзах неведомых сплю. / Люблю ли тебя — я не знаю, / Но кажется мне, что люблю». Это и было её признанием.

Перед самым моим переводом Валентина Константиновна уволилась, и я больше о ней никогда не слышал, но помнить её буду до конца своих дней. Не в память ли этой поэтической ночи я уже потом, в Питере пристрастился к русским романсам и держал на свою хилую курсантскую стипендию абонементы в Малую филармонию на Невском. За пять лет я переслушал почти все русские романсы. Многие из них я помню и поныне, даже напеваю их про себя, и бывает, в самое неподходящее время, иногда даже просыпаясь по ночам.

Была в детдоме и ещё одна пожилая воспитательница, Лина Михайловна Ковалёва — родная сестра знаменитой певицы русских народных песен Марии Ковалёвой. Она питала ко мне добрые материнские чувства, часто со мной беседовала и исподволь кормила меня бутербродами с колбасой. Перед переводом в Ярославль она подарила мне свою маленькую фотографию.

Давно нет в живых этих и других воспитательниц и сотрудниц этого замечательного детского дома. Вечная им память и моя сердечная признательность за всё. Их доброта, душевность и забота помогла мне и моим товарищам по детдому выжить в эти страшные годы войны.

Ну а теперь пришла пора рассказать о начале моей самостоятельной «творческой деятельности». Я поставил кавычки, ибо это было не более чем дальнейшим проявлением папиных генов. В детском доме выпускалась стенгазета, и я однажды поместил туда стихотворение, посвящённое войне. Потом в эту газету я стал регулярно писать заметки и короткие стихи. Об их качестве говорить не приходится, но я упорно продолжал этим делом заниматься.

В Ярославской области, куда в то время входила и Кострома, размещались госпитали для лечения раненых бойцов из армейских частей маршала Мерецкого. Таких госпиталей было множество. Ярославский обком комсомола создал несколько концертных бригад для выступлений в этих госпиталях. Одна из таких бригад целиком была укомплектована воспитанниками различных детдомов области. Однажды меня свезли в Ярославль, прослушали мои стихи и на конкурсной основе включили в бригаду.

И началась вот эта самая моя «творческая» жизнь. Мне уже исполнилось 13 лет, я немного окреп, и поездки по госпиталям мне очень нравились. Давали мы концерты на 40–50 минут в столовых, куда сходились раненые, которые могли передвигаться. Тяжелораненые оставались в своих маленьких, на 4–6 человек, палатах, и мы давали им отдельные концерты, не сокращая нашу программу. Иногда санитарки притаскивали на носилках лежачих из других палат, и нас уже слушали человек по восемь-десять.

Наши концерты имели большой успех, аплодировали и стучали костылями шумно и подолгу. Особенно горячо принимали нашу Тамару — певунью и аккордеонистку. Она была 16-тилетней красавицей, в которую все мы, пацаны-артисты, были влюблены. Пела она песни о любви и о войне, а заканчивала всегда «Синеньким скромным платочком». После неё выступать было очень трудно, раненые топали и кричали в голос, требуя её опять на «сцену».

И тогда выпускали меня. Конечно, мой успех определялся не столько стихами о блокаде и войне, сколько объявлением нашего ведущего о том, что «сейчас выступит Боря из детдома им. КИМ, отец которого воюет на фронте, а мать умерла от

голода в ленинградской блокаде». После такого объявления наступала относительная тишина, и я «с выражением» читал несколько своих стихов; конечно, их принимали с успехом, но меньшим, чем песни нашей Томочки.

Легко себе представить, какой отклик вызывал в сердцах бойцов, особенно пожилых, концерт детдомовцев. Где-то далеко-далеко у многих остались дети, и мы для них оказывались своими, родными детишками. Смысл войны и их собственных страданий становился им так близок и понятен, что всякие там патриотические беседы политработников были просто излишними, если не сказать больше...

К 1 сентября 1943 года я уже был на новом месте — в Ярославском детском доме им. Ленинского Комсомола, что находился на левом берегу Волги в Тверицах. Конечно, это была инициатива директрисы детдома Марии Станиславовны, которая резонно посчитала, что, если я буду находиться в Ярославле, мне будет удобнее выступать с концертной бригадой области.

Этот столичный детдом резко отличался от районного в Костроме. Директриса Александра Георгиевна Штин была совсем не такой, как М.С. Юнатовская. Высокая, статная, она всюду успевала, со всеми разговаривала, атмосфера в доме была раскованной. Она тоже целыми днями была на работе, но в кабинете не сидела, вовремя поспевая повсюду. А её сын Эдик Штин жил, спал и воспитывался вместе с нами, как детдомовец.

Все мы ходили в одинаковой форме, пошитой из американского шевиота, да и еда наша во многом была сдобрена их консервами. Тут, наконец-то, я начал избавляться от постоянного чувства голода — даже тогда, когда живот уже полный, а всё равно хочется чего-то пожевать. Собранные из детдомов области, ребята подобрались с разными талан-

тами, особенно спортивными. Хорошо помню двух из них — Акима Головинского, высокого брюнета из донской станицы, и Гену Бенанса, низенького блондина из Латвии. Они оба были хорошими боксёрами, конечно, в разных весовых категориях. Оба хотели обучить меня боксу, но итогом был только мой не раз разбитый нос и вспухшие губы. Но эти уроки приобщения к спорту даром не прошли. Уже много-много позже, чем это положено мальчишке, я научился кататься на коньках, на лыжах, на велосипеде, стал тягать штангу, моржевать, навсегда приобщился к сауне. Не спорт, конечно, но физкультура для бывшего блокадника достаточно серьёзная.

Ну, и о грехе своём расскажу, чтобы не забыть, когда это началось. Перед самым переводом в Ярославль, летом 1943 года, я закурил. А мне тогда не было и четырнадцати. Или глядя на Марию Станиславовну, или на раненых в госпиталях, которые смолили без конца, но я тоже свернул свою первую козью ножку. Набивал я её махоркой, как и все вокруг меня. Курил, конечно, тайком, ибо в обоих детдомах курение было строго запрещено. А в госпиталях на концертах я курил почти открыто, раненые часто дарили мне махорку по целой пачке. Кстати, это всегда была «саранская» махорка; интересно, что, в других областях страны её не выращивали? Была даже такая строевая песня: «Эх, махорочка-махорка / Подружились мы с тобой. / Вдаль глядят дозоры зорко, / Мы готовы в бой, мы готовы в бой!» Курил я целых 20 лет, и в своё время расскажу, как в 1963 году мне удалось навсегда избавиться от этой вредной привычки.

Концертов в госпиталях давали много, поэтому я учился в 6 и 7 классах лишь урывками, но успевал всё схватывать и навёрстывать пропущенное. Конечно, похвальные грамо-

ты, особенно за 6 и 7 классы, были не совсем заслуженными, но на четвёрки я материал знал, а грамотность в письме — это, видимо, дело подкорковое, по чутью. Кстати, грамота за 7 класс мне здорово помогла, когда я вернулся в Ленинград и искал, куда бы поступить учиться.

Один из концертов, в котором я участвовал, был для меня особенным. Он был посвящён Дню Красной Армии и состоялся 23 февраля 1943 года в большом Дворце культуры. В концерте в основном участвовали артисты областного драматического театра и оркестр с певцами. Туда же включили и несколько детдомовцев из нашей бригады, в том числе Томочку и меня. Мы с нею прошли на ура, но значение этого концерта для меня было совсем в другом — в той беседе, которая могла бы изменить мою жизнь, но, к счастью, не изменила. А дело было так.

После концерта со мной захотел поговорить присутствовавший там знаменитый военный поэт Алексей Сурков. Сейчас многие его уже забыли, а те, кто помнят, относятся к его памяти по-разному. Всё это так, но только наше поколение знает, какова цена для каждого человека, да и для всей страны 16-ти строк его легендарной «Землянки». Я не могу удержаться, чтобы не воспроизвести их здесь как недосягаемый образец гражданской и военной лирики: *«Бьётся в тесной печурке огонь, / На поленьях смола, как слеза, / И поёт мне в землянке гармонь / Про улыбку твою и глаза. / Про тебя мне шептали кусты / В белоснежных полях под Москвой, / Я хочу, чтобы слышала ты, / Как тоскует мой голос живой. / Ты теперь далеко-далеко, / Между нами снега и снега, / До тебя мне дойти нелегко, / А до смерти четыре шага. / Пой, гармоника, вьюге назло, / Заплутавшее счастье зови, / Мне в холодной землянке тепло / От твоей*

негасимой любви». «Землянку» вместе с Симоновским «Жди меня» бойцы на передовой хранили как талисман в кармашках своих гимнастёрок. Вместе с адресными гильзами.

Не поленитесь, перечтите и эти гениальные 16 строк Симонова: «Жди меня, и я вернусь, / Только очень жди. / Жди, когда наводят грусть / Жёлтые дожди. / Жди, когда снега метут, */ Жди, когда жара, / Жди, когда других не ждут, / Позабыв вчера. / Не понять не ждавшим им, / Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня. / Как я выжил — будем знать / Только мы с тобой. / Просто ты умела ждать, / Как никто другой».*

Мне эти два стиха до сих пор безжалостно рвут душу, они бьют наотмашь. К ним примыкает и поэма «Василий Тёркин» Твардовского, а также его потрясающая миниатюра — всего-то одна фраза из шести строк, но каких: *«Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны, / В том, что они — кто старше, кто моложе — / Остались там, и не о том же речь, / Что я их мог, но не сумел сберечь, — / Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...».* Этот знаменитый рефрен «но всё же, всё же, всё же...» стал психологическим символом любой трагедии, которую одному удалось пережить, а другим нет. А «Тёркин», полагаю, — это вообще энциклопедия Великой Отечественной — такая же, как «Евгений Онегин» и «Горе от ума» — энциклопедии жизни России начала XIX века. Стоп, меня сильно занесло. Возвращаюсь к встрече с поэтом Алексеем Сурковым.

И вот сам автор «Землянки» слушает мои жалкие стихи и со мной беседует. Видимо, что-то его все же зацепило, разговаривал он серьёзно, строго и почти без одобрений. Одно стихотворение Сурков забрал с собой в «Пионерскую Правду».

Недавно я нашёл в своём архиве почётную грамоту Ярославского обкома ВЛКСМ за моё стихотворение «Ленинград». Может быть, это стихотворение он и забрал, но было оно опубликовано или нет — я не знаю. Но главное во мне Сурков, видимо, разглядел: поэта из меня не получится, и тем самым он спас меня от сердечных мук, которыми страдают вечные графоманы. Конечно, несколько раз в году, по поводу или по случаю, я что-то записываю, но как любитель, не более того. И никогда своих опусов не публикую. Недавно, в 2008 году, я постарался выразить своё отношение к сочинительству в таких строчках:

О нотах и словах

Всего семь нот и пять полутонов.
Они доступны всем — бесплатно и свободно.
И тот, кто прикоснуться к ним готов,
Тот может сочетать их как угодно.

Их можно так связать, что не возьмёт их тлен,
А можно грубо сшить их белой ниткой.
И может получиться Моцарт и Шопен,
А может — Губайдуллина и Шнитке.

Лишь тридцать букв и океаны слов.
Они доступны всем — бесплатно и свободно.
И тот, кто прикоснуться к ним готов,
Тот может сочетать их, как угодно.

Их можно так связать, что станет мир стеной,
А можно так, что упадёт он снова.
И может получиться Пушкин и Толстой,
А может — лишь Акунин и Донцова.

Всего семь нот иль океаны слов —
Бери и создавай из них шедевры.
Нужна лишь малость: только и всего —
Талант и мастерство, терпение и нервы.
А где ж их взять...

Следующий «импульс к искусству» я получил перед самым концом войны, ранней весной 1945 года, когда заканчивал 7-й класс. В центральном госпитале Ярославля состоялся большой сводный концерт, на котором присутствовал сам маршал Мерецков. Участниками концерта в основном опять были артисты областного драматического театра им. Волкова. Тогда это был ведущий провинциальный театр нашей страны — исторически первый театр в России. В концерт снова включили нас — нескольких отобранных детдомовцев. И опять большего успеха добились именно мы, а не профессионалы — такова была аудитория и её настрой.

И опять история возможного вовлечения меня в мир творчества повторилась. После концерта и положенного нам обеда, два ведущих актёра театра — народные артисты СССР супруги Чудинова и Свободин — поговорили со мной и пригласили прийти к ним в театр для серьёзного разговора. Скорая Победа уже чувствовалась во всём, страна оживала, духовное становилось востребованным, как хлеб. Оказалось, что театру им. Волкова поручили организовать школу-студию актёра, а супругам — эту студию возглавить и самим набирать студентов. С выпускниками средней школы было, конечно, туговато, и в порядке исключения было разрешено принимать в молодёжную студию 7–8-классников, даже не достигших 16 лет.

Мои стихи мэтрам понравились, но не так чтобы очень, а вот их исполнение им приглянулось. Да так приглянулось, что они посчитали мой вступительный экзамен сданным. Мне предлагалось после окончания 7-го класса учиться на актёрском отделении, одновременно экстерном заканчивать школу, а жить до 18 лет в детдоме с тем, чтобы затем перейти в общежитие при театральной студии. А пока на всю весну и на начало лета 1945 года, до окончания театрального сезона, я получил постоянный пропуск на утренние и часть вечерних спектаклей. Так что будущее моё как бы определялось и организационно гарантировалось.

В театр я, конечно, исправно ходил, но актёра из меня так и не вышло. Что-то смутное меня удерживало от театральной карьеры, видимо, не было уверенности, получится ли из меня что-нибудь путное или нет. А главное, конечно, это то, что я хорошо запомнил довоенные уроки, которые я получил, участвуя мальчишкой в папиных постановках. И я струсил, представив себе этот каторжный труд, успехов в котором никто гарантировать не может. Но театральный вирус, привитый папой ещё до войны, и вторичное «заражение» в Ярославле к болезни всё же привели. И случилось это через 7 лет, в 1952 году, когда я поставил спектакль по пьесе Александра Корнейчука «Калиновая роща», да ещё и сыграл в нём главную роль. И у моей дочки-врача этот «вирус» ярко проявился — как примы-актрисы полупрофессионального театра в Калифорнии.

Приняв решение «не связываться» с театром Волкова, я в марте 1945 года подумал о возвращении в Ленинград. Но к кому? У меня не было там жилья, мне ещё не стукнуло 16, паспорта и метрики нет — только регистрация по детдому. И тут я подумал о тёте Зине, а вдруг она жива? Если да, то смо-

гу поехать только к ней, больше не к кому. И я написал тёте Зине письмо, благо, её адрес на Васильевском острове я хорошо помнил. В письме я просился принять меня, объяснил, что при её согласии меня из детдома отпустят. И стал ждать.

День Победы мы встретили так. 9 мая, рано-рано утром, мы ещё спали, вдруг громко затрубил горн, и с криками «Победа! Победа!» воспитательницы и директриса стали бегать по спальням и нас будить. Мы быстро оделись и, радостные и возбуждённые, побежали на набережную. На правом берегу Волги, на главной прогулочной набережной Ярославля творилось что-то невообразимое. Мы видели громадные толпы народа, знамёна, портреты вождей, и больше всего — тов. Сталина. Катера и пароходы, сновавшие по Волге, давали громкие гудки, с них стреляли в воздух петардами и стартовыми пистолетами.

Вскоре нас позвали обратно домой и накормили очень вкусным завтраком. В школу нас не отправили и целый день продолжали много и вкусно кормить. Но на правый берег никого не отпустили. Зато вечером с нашего берега мы наблюдали грандиозный фейерверк и артиллерийский салют. Конечно, слабее, чем в Москве и Ленинграде, но всё же, ибо в городе и области располагались не только госпитали для армий Мерецкого, но и её мощный тыловой арсенал. Так что праздник получился на славу.

Через пару недель наконец-то пришел ответ из Ленинграда — тётя Зина в блокаде выжила и готова взять меня к себе. И в начале июня 1945 года, сдав досрочно экзамены, я с похвальной грамотой за 7-ой класс вернулся в Ленинград. Вот так и закончилась моя трёхгодичная детдомовская эпопея. И началась эпопея мореходки.

Однако перед этим мне хочется сделать кое-какие выводы, связанные с детдомами, а также дать любопытные сравнения с днём сегодняшним — отрывочно и сумбурно — используя документы и цифры из разных источников, которые внушают доверие.

Но сразу делаю главный вывод: сегодня власть бездействует и усугубляет давно уже катастрофическое положение с детьми-сиротами и с беспризорниками. Именно они служат основными поставщиками новых «кадров» в криминальные, полуфашистские и наркосообщества. Сравним: во время и сразу после Великой Отечественной войны в нашей огромной стране с населением в 210 миллионов человек было порядка 5 миллионов беспризорников — сирот и брошенных (это составляло чуть более 2% населения). Этих детей систематически выявляли и направляли в детские дома и приюты, которых было более 600. Детдома спасли жизнь многим детям и дали им, что называется, путёвку в жизнь.

Ещё много раньше, сразу после Гражданской войны, то же делало и ведомство Дзержинского, как бы к нему ни относиться за его другие известные дела. И о школах Антона Макаренко мы тоже хорошо знаем.

А сегодня? В 2008 году на 135 миллионов населения у нас было 10 миллионов алкоголиков (7.4%) и почти те же 5 миллионов (3.7%) беспризорников, а в расчёте на возрастную группу 10–18 лет — их почти 10%! Около 6 миллионов детей находились в 2005 году в социально неблагоприятных условиях, из них 2 миллиона неграмотных и 700 тысяч круглых сирот! В 2008 году насилию и жестокому обращению подверглись 128 тысяч детей, из них погибло 2000 (!), а в розыске находятся 12.5 тысяч (!). Ежегодно в России в среднем пропадает

до 30 тысяч детей. И самое страшное, чему даже не верится: в стране насчитывается до 4 миллионов детей-наркоманов от 11 до 17 лет, из них около 1 миллиона наркозависимых.

И вот при такой кошмарной ситуации, ведущей к вырождению нации, количество детских домов и интернатов у нас неуклонно сокращается. А качество воспитания в этих домах? Статистика утверждает, что сейчас из выпускников детдомов выходят 40% алкоголиков и наркоманов, 40% членов криминальных групп, 10% подвержены суициду и лишь 10% сумеют в обществе адаптироваться. Данные впечатляют, не так ли?

Фактически снимая с себя ответственность за судьбы беспризорных и безнадзорных детей, власти усиленно призывают людей брать сирот и брошенных младенцев к себе в семьи на воспитание. Но дело это идёт сверхтуго. Во-первых, основная масса населения живёт в бедности, а то и в нищете и запоях, а тонкому слою богачей это и в голову прийти не может. Во-вторых, несчастные дети-отказники, как правило, отягощены разными болезнями, часто ментальными и неизлечимыми. А усыновлять их иностранцам разрешают редко и с большим трудом, полагая, что их туда берут, чтобы убивать. Вот ситуация «с убийствами» в цифрах, хотя и разрозненных:

В настоящее время в США живут в неродных семьях (who are adopted) более 1.5 миллионов детей в возрасте до 18 лет. Только в 2008 году американцы усыновили (adopted) 17 тысяч детей из других стран! И очередь бездетных семей на усыновление не убывает. Поэтому и детские дома там просто не нужны.

За 15 последних лет мы разрешили, например, гражданам США взять на воспитание лишь 1200 российских детей, в основном больных, из которых 14 погибли из-за преступного обращения усыновителей или же по их неосторожно-

сти. Приговорены к длительным срокам заключения 13 виновных, один оправдан. Остальные 1186 ребят в новых семьях счастливы. А в России: в 2006 году лишены родительских прав 67000 родителей, из них 1817 за жестокое отношение к детям. В 2007 году только зарегистрировано 3700 случаев жестокого обращения с детьми, а осуждены лишь 93 виновных. В 2008 году в России 760 тысяч (!) детей жили в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, из них 120 тысяч (!) пострадали от насилия родителей, из которых 2000 погибло, а в розыске находятся ещё 12.5 тысяч детей.

И вот мой вывод: в современной России, да ещё и в условиях затянувшегося экономического кризиса, государственные детские дома надо не разгонять, а укреплять и создавать новые. А воспитание и быт в них должны быть на таком высоком уровне, чтобы из детских домов выходили не алкаши и преступники, а образованная и культурная молодёжь, благодарная и преданная нашей родине. Именно они должны составлять бульшую долю будущей кадровой элиты в политике, в экономике, в науке, в искусстве и в армии.

Средства для реализации таких проектов надо брать у легализованной нефтегазовой, земельно-лесной и алюминиево-никелевой олигархии, которая присвоила всенародные достояния на «законных» основаниях. Кстати, именно из-за этих господ, затрудняющих рост малого бизнеса, рейтинг экономической свободы у России позорно низок: в 2007 году мы были на 120 месте, а в 2008 году на 134 месте — между Вьетнамом и Гаити. А среди 43 стран Европы мы занимаем «почётное» 41 место!

Хочу подчеркнуть, что средства на детдома надо брать у богачей не деньгами (которые всё равно по пути разворуют!), а безналичной оплатой счетов на ремонт и строи-

тельство зданий, на мебель и одежду, на питание детей и на компьютеры для них, на зарплаты воспитателям и руководителям художественного воспитания. Ведь мы декларируем, что хотим решить острую демографическую проблему, не так ли? А изложенное здесь и есть, на взгляд непрофессионала-детдомовца, одна из действенных мер её решения.

Может, я в своих рассуждениях и не прав; пусть тогда, как говорится, «райком меня поправит»...

Городничева М.В.

Дорогами войны

Я родилась 27 июня 1941 г. (на пятый день войны) на Украине, в селе Великие Сорочинцы Миргородского района Полтавской области. (Село знаменито тем, что здесь родился Н.В. Гоголь и тем, что каждый сентябрь тут проходила и проходит Сорочинская ярмарка).

Моя мама — украинка Скалацкая Евдокия Павловна; Папа — белорус Дедушкин Василий Мамонович.

Сейчас мне 78 лет.

Самые важные события, которые происходили в нашей стране и коснулись моей семьи, сохранившиеся в моей памяти — это мои воспоминания и рассказы моей мамы.

Перед войной мама преподавала в летном училище в городе Чугуеве Харьковской области физику. Там мама познакомилась с папой. В начале 1939 г. мама с папой поженились и 17 декабря 1939 г. родилась моя сестра Людмила.

В 1940 г. папина часть была направлена в Литву в город Шауляй.

Перед самым началом войны мама смогла уехать из Литвы к родителям на Украину.

22 июня 1941 г. началась война. Первый удар был нанесен по аэродрому в городе Шауляй. А 25 июня папа уже бомбил немцев. Мама говорила, что благодаря мне, мы смогли вовремя покинуть город Шауляй и остались живы.

На пятый день войны родилась я.

Немцы уже подходили к селу, и многие жители начали уходить. Мама оказалась в ужасном положении: жена офицера-летчика, мать двоих детей — сестре 1,5 годика, а мне несколько дней. Говорили, что я родилась сморщенная, как старичок и никто не верил, что я выживу, а надо пешком идти 32 км до железнодорожной станции.

Хорошо, что для самых маленьких детей выделили телегу, привязали к телеге черную корову, чтобы кормить маленьких детишек молоком, и большой поток людей отправился в путь.

В это время папа доложил командиру в каком положении оказалась его семья. Ему дали отпуск на несколько дней и документ, разрешающий останавливать любую машину, чтобы забрать семью и довезти нас до железнодорожной станции.

Когда папа приехал за нами, дедушка сказал, что мама с детьми уже ушли. Как же он в этом людском потоке найдет нас?

Дедушка успокоил папу, сказал, что дети едут в телеге, к которой привязана черная корова.

Благодаря этой корове, папа нашел нас, посадил в машину, потом в поезд и отправил нас в эвакуацию в город Чкаловск (теперь Оренбург).

В эвакуации мы прожили около 3-х лет. Это было тяжелое время. Мама очень много работала в госпитале. Каждый день приходили санитарные поезда с ранеными бойцами. Маме приходилось носить носилки с ранеными от вокзала до госпиталя, стирать солдатскую форму, белье, постельное белье, бинты.

В апреле 1942 г. пришло извещение, что папа пропал без вести.

Через месяц, рано утром, открылась дверь и в комнату, где мы жили, вошел папа весь обросший и страшно худой. Оказывается, отказал мотор, самолет упал за линией фронта и папа почти месяц добирался до своих.

Папе дали недельный отпуск. Он приехал к нам и впервые смог пообщаться со мной. Через неделю папа уехал на фронт, и мы его уже больше никогда не видели.

20 июня 1942 г. папа был награжден орденом Ленина, а через месяц — 23 июля 1942 г. вновь пришло извещение, что папа пропал без вести.

Было очень плохо с питанием. Сестра, привыкшая к хорошей еде, живя в Прибалтике, не могла терпеть голод. Все время плакала и просила хлеба. Я молчала. Мама от отчаяния тоже плакала и просила: «Потерпите, завтра я принесу вам хлеб». Я была терпеливая и говорила: «Мамочка, не надо плакать, я ведь хлебца не прошу».

Наша соседка, у которой тоже был ребенок, от голода опухла и почти не могла ходить.

Осенью 1943 г. советские войска освободили Сорочинцы, но попасть туда мы сразу не могли так, как пассажирские поезда не ходили.

А весной 1944 г. произошло чудо. Пришел очередной санитарный поезд. Мама, как всегда, принимала участие в переноске раненых в госпиталь и тут увидела Викторию Корецкую, с которой училась в Сорочинцах в школе. Оказалось, что Виктория была главным врачом этого поезда. Выглядела мама ужасно. Погиб муж, почти всю еду мама отдавала нам, а работа была очень тяжелая.

Виктория успокоила маму, сказала, что завтра они уезжают обратно на фронт и она довезет нас до Харькова. Мама взяла с собой и умирающую соседку с ребенком.

Приехали в Харьков. Надо было ехать дальше в Миргород, а пассажирские поезда неизвестно когда начнут ходить. Положение было отчаянное. Голодные мы сидели на вокзале несколько дней.

Мама не знала, что делать, от отчаяния она прорвалась с нами в кабинет начальника вокзала, посадила меня на его стол, а сестру прислонила к столу и сказала: «Мы возвращаемся из эвакуации, муж погиб на фронте, еды нет, я не могу смотреть на умирающих детей. Я оставляю их Вам и ухожу».

Начальник вокзала был в шоке, остановил маму, посадил нас в военный эшелон и так мы доехали до Миргорода и наконец добрались до Сорочинец.

Нас встретили дедушка с бабушкой. На столе был хлеб, картошка и даже несколько яиц. Бабушка обратила внима-

ние, что я уплетаю картошку, а к яичкам даже не дотронулась. Мама объяснила, что я их никогда не ела и не знаю, что это такое. А мне было уже 4 года!

Хорошо, что у нас работал опытный врач. Он категорически запретил есть опухшей соседке, которая приехала с нами, обычную пищу и она первое время ела только яблоки. Все закончилось хорошо. Мы начали поправляться. Соседка тоже поправилась и уехала с ребенком к себе домой.

Пришел День Победы!

Это был такой радостный праздник, но для нашей семьи действительно со слезами на глазах.

У нас до войны была такая большая дружная семья. Но погиб папа, пришла похоронка на маминого брата Петра — талантливого художника. Мы получили письмо от солдата, который воевал с дядей Петей. Он писал, что дядя Петя спас его от смерти. Командир посылал его в разведку, а у него было двое детей. Дядя Петя попросил командира в разведку послать его. Из разведки дядя Петя не вернулся. Только в 2015 году мы узнали, что он был награжден медалью «За отвагу».

Пропал без вести и второй мамин брат Трофим. Надеялись, что может он живой, ведь похоронки не было. Но чуда не случилось. От горя в 1946 году умерла бабушка.

Мама должна была ехать на работу в город Харьков. Дедушка оставался один. Ехать с нами в город дедушка категорически отказался. Мама не могла оставить дедушку одного, и мы остались жить в Сорочинцах.

Мама преподавала физику в педагогическом училище, а мы с сестрой учились в украинской школе.

После войны школа в Сорочинцах была переполнена. В классах училось по 20–30 человек. В Сорочинцах был дет-

ский дом для детей-сирот, в ближайших селах и хуторах не было педагогов, и дети оттуда тоже учились в нашей школе. Почти у всех учеников нашего класса не было отцов. Я помню к нам как-то пришла в класс комиссия и попросили встать тех, у кого на фронте погибли отцы. Встали все ученики, кроме одной девочки, у которой отец работал у нас в селе начальником леспромхоза.

У дедушки была родная сестра Марина. До войны у нее было шесть сыновей. Все были талантливы, четыре сына учились в Киеве в институтах. Пять сыновей погибли, лишь один вернулся — очень больной и вскоре умер. Бабушка Марина осталась совсем одна (муж ее погиб еще в финскую войну).

В моей памяти остались и на всю жизнь запомнились самые страшные слова «полицай» и «бандеровцы». Когда я училась в школе, то обратила внимание, что многих девочек, также и мою подругу, звали Любой. Я спросила маму, что это было самое модное имя? И мама рассказала страшную историю. В Сорочинцах детским врачом работала Любовь Лагман. Она была опытным врачом. Жители села очень любили и уважали ее. Она многих детей спасла от смерти. Никогда и никому не отказывала в помощи. К больным приходила в любую погоду и в любое время дня и ночи. Также в сложных случаях спасала больных детей в соседних селах и хуторах.

Когда немцы подходили к селу, ее уговаривали уехать в эвакуацию, так как особенно ей опасно оставаться в селе. Она жила с маленькой дочкой. Муж ее был на фронте. Она говорила: «Я никому плохого ничего не делала. А кто будет лечить детей».

На Украине все-таки было немало «полицаев». В Сорочинцах они тоже были и выдали ее с дочкой немцам. Любовь Лагман и ее малолетнюю дочку немцы расстреляли.

В Сорочинцах было педагогическое училище. Самые одаренные дети учились там. Из стен педучилища вышло немало известных людей. Например, министром просвещения Украины был выпускник педучилища Пинчук.

После войны выпускников педучилища, в основном, это были девушки, направляли преподавать. Многие поехали на Западную Украину. Преподавали, конечно, на украинском языке. И вот из Западной Украины пришло несколько гробов с девушками. Оказывается, «бандеровцы» их насиловали, отрезали косы и вешали в лесу на деревьях. Этот ужас остался в моей памяти на всю жизнь.

Мы с сестрой, закончив в селе Великие Сорочинцы с Золотой медалью украинскую школу, поступили в Москве в институт, 40 лет проработали по специальности, вышли замуж, родились дети, внуки. Но воспоминания о военном детстве находят продолжение в настоящем времени.

Благодаря тому, что был рассекречен архив Министерства обороны России, неожиданно нам удалось найти информацию о моем папе.

Также в Интернете мой внук нашел книгу, которую написал В.В. Решетников «Что было, то было», в которой автор подробно описал военное время летчиков. Он служил с моим папой в одной дивизии, знал его лично. В книге подробно описаны яркие моменты военной жизни моего папы и обстоятельства его гибели.

К великому счастью В.В. Решетников жив. Моему внуку и дочери удалось с ним встретиться. Это была незабываемая встреча. В.В. Решетников принял их как родных и рассказал много интересного. Он прошел всю войну, он — герой Советского Союза. Генерал-полковник В.В. Решетников зани-

мал должность заместителя главнокомандующего ВВС СССР. В конце прошлого года ему исполнилось 100 лет! Моя дочь поддерживает с ним теплые отношения.

Мой внук, будучи учеником 6 класса участвовал в фестивале «Духовные скрепы Отечества». В 2015 году он выступал на Поклонной горе в музее Великой Отечественной войны с рассказом об истории нашей семьи, где стал победителем конкурса, посвященного 70-летию Победы над фашизмом.

Я счастлива, что спустя 75 лет после окончания войны, молодое поколение моей семьи не забывает историю военного времени. Храбрость, мужество и героизмом людей, переживших это тяжелое для страны время и одержавших великую победу в этой страшной войне навсегда останется в их сердцах.

Горячкин В.И.

Детские воспоминания о войне

Посвящается моей маме и всем женщинам, пережившим Великую Отечественную войну.

Случайный разговор с ветераном Великой Отечественной войны неожиданно потянул цепочку воспоминаний о том беспощадном времени. Беспощадном потому, что война ударила не только по мужской части населения, которая создана для того, чтобы в случае необходимости быть

воинами. Она зацепила своим плугом всех от мала до велика — и стариков, и детей. Особенно тяжёлая доля выпала на плечи женщин — наших мам, бабушек, сестёр. Наравне с мужчинами они воевали на фронте, а в тылу тащили на себе воз проблем, какой не всякий мужик сдюжит.

Когда началась война, мы жили в Мурманске. Мне было всего четыре года, и детская память зафиксировала только отдельные моменты той жизни, которые всплывают иногда в мозгу взрослого человека.

Страшный вой сирен по радио и суровый голос из тарелки на стене — «Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога!» — раздирал душу и заставлял всех бежать подальше от дома и прятаться в щелях и укрытиях. На улице Полярные Зори, где мы жили, бомбоубежище было рядом с нашим бараком, и при объявлении тревоги оно заполнялось буквально в считанные минуты. Под ногами хлюпала вода. Люди сидели и стояли вплотную друг к другу. Помещение освещалось одной керосиновой лампой. Помню, что даже мы, маленькие дети, находясь там, переставали плакать и с тревогой прислушивались к напряжённой тишине. Гул самолётов заставлял всех затаить дыхание, как будто фашистский лётчик мог по дыханию или биению сердца заметить нас. Отбой воздушной тревоги сразу вызывал оживление людей и радость от того, что на сей раз пронесло.

Помню, что в вечернее и ночное время жителей заставляли завешивать окна. Специальные патрули ходили по улицам и тщательно проверяли светомаскировку и оклейку стёкол бумажными полосками крест-накрест. Однажды такой патрульный, видимо, решив подшутить, надел противогаз и заглянул в наше окно. Увидев страшное глазастое чудище с хоботом, я буквально чуть не умер от страха и ревел несколько часов. Мой дядя, который жил у нас, чуть не отлупил этого шутника. Надо сказать, что в десятиметровой комнате, кроме нас, жили ещё семь родственников разного пола. Спали, естественно, на полу, вповалку, не находя в этом ничего особенного. Так жили многие семьи, помогая друг другу.

Очень хорошо помню наш отъезд в эвакуацию. Мама долго сопротивлялась этому событию, не хотела оставлять отца одного. Но, учитывая, что при сигналах воздушной тревоги, а налёты немецкой авиации становились всё чаще, я буквально заходился в крике и умирал от страха, маме пришлось согласиться на отъезд. В августе 41-го одним из последних эшелонов мы выехали из прифронтового города в Тамбовскую область, где жили родители отца.

Последние воспоминания об отце остались, вероятно, с этого прощального похода по перрону. Я сидел на плечах отца, который казался мне самым сильным человеком на земле, и с удовольствием ощущал запах лука и лошади, которыми он пропах. Отец долго шёл за вагоном, махая нам рукой.

Как мы ехали и сколько, в памяти не отложилось, но вот житьё-бытьё в деревне запомнилось. В доме деда нас собралось много. Большинство были мал мала меньше. За большим обеденном столом размещались в две смены, и большое эмалированное блюдо с квасом или слегка забелённая молоком

похлёбка улетали влёт за несколько секунд. Все наши игры летом и зимой носили военную направленность, и, когда по вечерам мы устраивались на большой русской печке, наши фантазии не знали удержу. Все хвастались подвигами своих отцов. Я почему-то был уверен, что мой отец не может быть убит. Он обязательно поймает пулю или бомбу, направленную в него и бросит их обратно в фашистов. Врали, кто во что горазд, но в наших рассказах побеждали всегда русские. Так должно было быть потому, что с нашими отцами сражался Сталин, а он обязательно победит Гитлера.

Несмотря на наши героические фантазии, реальная жизнь всё чаще приносила горе. Главное заключалось в том, что в деревню стали приходить похоронки и всё больше моих приятелей, да и я сам, остались без отцов. Каждое появление почтальона ожидали со страхом и надеждой. Нередко после вручения весточки с фронта женщины заходились страшным воем — кто-то из нас ещё остался без отца. Крики и слёзы наполняли деревню, так как все женщины жили одной большой семьёй и горе одной принимали на себя все. Следующая похоронка могла прийти и в твою избу.

Самое страшное воспоминание осени 1941 года связано именно с похоронкой. Погиб муж маминой сестры — тёти Дуни. Со слезами и причитаниями вечером состоялось отпевание. В тесной избе набилось много народу, в большинстве своём старухи. Все женщины были одеты в чёрное. Платки повязаны низко на лоб, губы у всех плотно и скорбно сжаты. Говорили только шёпотом и оглядываясь по сторонам. При свете лампад и свечей необычные уродливые тени странно и страшно шевелились по стенам. Было тревожно до ужаса. Бесконечные завывания — «Аллилуйя! Аллилуйя!»

вызывали озноб. Когда пение кончилось, все вповалку легли тут же на полу.

Ночью, проснувшись по нужде, я почувствовал ужас. Кругом лежали женщины в чёрном одеянии. Они напоминали стаю погибших ворон. Изба хрипела, стонала, свистела, сопела. Женщины ещё и бормотали что-то во сне. У меня мороз прошёл по коже, и я от ужаса уткнулся в маму, почти потеряв сознание. Утром страх прошёл.

В 1943 году все четыре сестры, в том числе и мама, лишились мужей. Все четыре мужчины, главы и опора семейств, погибли. Сёстры в разное время двинулись в Мурманск, где жили до войны. Вероятно, ими двигали воспоминания о счастливом времени, связанные с этим северным городом. Они надеялись, что хоть какой-то кусочек счастья их здесь не оставит. Мама двинулась последней.

На руках у неё был я и две мои сестрёнки 4-х и полутора лет от роду. Кроме того, были какие-то вещи. В этой женской компании я был единственным «мужчиной». В мои обязанности входило оберегать «дамский» коллектив от вторжения возможного «противника», сторожить вещи, всячески ублажать «дам» — вовремя сажать на горшок, вытирать сопли и не допускать сильного рёва, когда мама куда-то уходила. Надо сказать, что Римма, та, что постарше, была спокойной и с ней особых хлопот не было, а младшенькая Люда задавала такие концерты, что поднимала панику на весь состав или Казанский вокзал не хуже вражеского налёта. Однако, насколько помню, я всё же чувствовал свою мужскую ответственность перед «коллективом» и существенно помогал маме.

В памяти всплывают моменты той страшной поездки из деревни в никуда. На станции Чакино, здание которой

было чуть больше деревенской избы, сбились в кучу десятки людей с детьми и пожитками. Все ждали поезда, шедшего из Камышина в сторону Москвы. Поезда шли в основном с воинскими грузами из-под Сталинграда и к Сталинграду, и на таких маленьких станциях они не останавливались. Несколько дней мы прожили около вокзала, но поезда проходили мимо. Вот, наконец, в одну из ночей раздался длинный паровозный гудок и сотни людей столпились вдоль рельсов. Ждали. В полночь из-за поворота появилось зарево. Страшный, одноглазый циклоп, слепя людей, шипя и свистя, вонзился в людской муравейник, разворотив всю кучу. Поезд, а это оказался воинский эшелон, ещё не успел остановиться, а люди с мешками и кошёлками уже лезли в тамбуры и окна, размещались на крышах вагонов. Бедная моя мама металась в темноте с Людой на руках, не зная, что делать. Наконец, решившись, она ударила кирпичом по стеклу тамбура и в пробитую дыру подсадила меня. За несколько минут тамбур заполнился мешками, сумками, чемоданами, а люди разместились на этом ворохе барахла, задевая головами потолок. Сто километров до Тамбова мы ехали больше суток. В Тамбове людская волна схлынула. Никого не осталось на крышах и в тамбурах. Люди как будто рассосались. Возможно, кто-то проник в вагоны или сошёл с поезда, но мы остались в тамбуре одни и устроились почти с комфортом.

На перроне было очень мало людей. Метрах в пятидесяти от нас стоял толстый дядька в чёрной форме железнодорожника и три тётки с мешками. По краю перрона шёл мальчишка с молотком на длинной ручке и стучал им по буксам колёс. Когда он подошёл к нашему тамбуру, то, не глядя на нас, сказал:

— Тётка! Сейчас тебя будут выгонять из тамбура. Не уходи! Этот толстяк хочет посадить сюда спекулянток. Дерись, но не уходи!

И действительно. Толстяк подошёл к нам и сказал, что нам надо немедленно сойти с поезда, так как эшелон воинский. Мама сходить отказалась. Толстяк схватил маму за руку и стал вытаскивать её на перрон. Три бабы бросились на помощь толстяку, но мама так сильно толкнула толстяка, что он отлетел далеко в сторону. Вид у неё был страшный, и бабы, галдя и проклиная, ушли от неё. Победила материнская любовь, а человеческая подлость, как это и положено, потерпела поражение. Мы действительно одержали настоящую победу, и нас оставили в покое.

Не знаю, сколько времени мы ехали, но в память врезалась ночь где-то под Мичуринском. Вагон сильно качался. Колёса на стыках отбивали только им известный ритм. Из разбитого окна тамбура тянуло ледяным ветром. В окно светила огромная и почти красная луна. Я засмотрелся на луну, как вдруг за стеклом показалась чья-то голова. Я даже испугаться не успел, как человек открыл дверь и с опаской вошёл в нашу берлогу. Это был молодой парень. В правой руке у него был нож.

— Смотри, баба! Пикнешь — и вместе со щенками вылетишь под колёса!

Пригрозив ножом, он ушёл в вагон. Мама какое-то время колебалась, а потом тоже ушла в вагон. Через несколько минут после её возвращения дверь вагона открылась, и солдаты втащили к нам избитого и окровавленного парня. Пинками они выбросили его на ходу поезда из тамбура. И после этого один из них сказал, чтобы мы прошли в ва-

гон, от греха подальше. Нас перетащили и маме уступили место на нижней полке.

Мест в вагоне не было совсем. Стоял жуткий смрад. Запах пота, грязного белья, портянок и табака был настолько плотным, что меня вырвало. Сквозь махорочный дым почти не видно было свечку в стеклянном фонаре. Через какое-то время девчонки раскинулись во сне, а солдаты под предлогом покурить, выходили из секции и уже не возвращались. Видно, понимали положение мамы и вспоминали своих детей. Мы стали обладателями двух нижних полок и могли спать, наконец-то вытянув ноги. Впереди нас ждала Москва.

Москву я почти не запомнил. Осталась в памяти людская сутолока на Комсомольской площади и Казанском вокзале, набитом людьми, как бочка селёдкой. Паровозные гудки и днём, и ночью вселяли какую-то тревогу и ожидание плохого. Нас устроили в детскую комнату, но маму почему-то туда не пустили, и она коротала ночи в огромном переполненном зале вокзала. Нам одним было страшно, хотя детей было множество. Ночью в зале горела синяя лампочка, которая тоже пугала нас, как и постоянные паровозные гудки. Многие плакали от страха. Эти гудки так глубоко запали в мою память, что даже будучи взрослым, я всегда ощущал тревогу, услышав эти проклятые гудки. Мне всегда было неприятно слышать их.

Дальнейшая наша дорога на Север лежала через Вологду, станции Обозерская и Сорокская. Такой крюк мы совершали потому, что «Кировка» была перерезана немецкими и финскими войсками. Много позже я узнал о том, что перед самой войной этот объезд был построен по личному указанию Сталина. Надо сказать, что прокладка дороги по непроходи-

мым лесам и болотам оказалась гениальным решением вождя, ибо без неё мы не смогли бы удержать ни Мурманск, ни Кольский полуостров. Был бы уничтожен Северный флот, и вряд ли наши союзники смогли бы оказать какую-либо помощь. Второе, о чём я узнал впоследствии, через годы, это то, что в жестоких боях с финнами за станцию Масельгская в октябре 1942 года погиб мой отец. Я поневоле связал защиту отцом важнейшего участка Кировской железной дороги с нашей поездкой в Мурманск. Он погиб ради нас в этой страшной мясорубке. Станция много раз переходила из рук в руки, от неё не осталось ничего, кроме разбитой станционной водокачки. Исковерканный и израненный остов этой водокачки долгое время после войны напоминал проезжающим людям о цене, которую русский народ заплатил за свою Победу. Я даже жалел, что водокачку снесли, а не оставили, как дом сержанта Павлова, памятником.

Итак, повернув от Обозерской на Запад от Архангельска, мы прибыли на станцию Малошуйка. При проверке документов в поезде у нашего маленького коллектива не оказалось вызова в Мурманск, и нас как нарушителей с поезда ссадили. Таких, как мы, было много, и все нашли приют в маленьком зале станции. Сидели буквально друг на друге. Нам удалось каким-то чудом оказаться неподалеку от большой круглой печки, и мы хотя бы не испытывали жуткого холода. Чуда, конечно, никакого не было. Просто люди понимали, что надо помочь женщине с тремя детьми и уступали нам своё место. Думаю, что они были настоящими советскими людьми, и великое спасибо им за это.

Как это и бывает, со временем люди как-то приспособились. Кто-то получил пропуск и уехал. Кого-то приютили сердобольные местные жители, а мы оставались жить на

вокзале. И как старожилам нам принадлежала целая лавка. Мы ждали вызова. Так продолжалось около месяца. Сначала я выходил на улицу, встречал и провожал поезда. Наблюдал за странным паровозом «овечкой», труба которого напоминала огромную перевёрнутую луковицу. Но потом эти мои культурные программы свернулись сами собой, так как сил уже не было. От голода я стал опухать. В отчаянии мама обменяла последнюю ценную вещь, которая у неё оставалась, — папины карманные часы на длинной красивой цепочке. Поменяла она их на три буханки белого хлеба и одну буханку чёрного. Невиданный мною белый хлеб был просто воздушным. Огромная буханка сжималась, как гармошка, до размера одного куска. Так мы познакомились с «американской помощью», и она показалась очень вкусной. Вечером того же дня мы с радостью увидели в проёме вокзальной двери тётю Дуню, которая привезла нам этот проклятый вызов. Даже я, несмышлёныш, понял тогда, что мы спасены и будем жить.

Через несколько дней мы оказались на станции Апатиты. Дальше нас не пустили, так как Мурманск ещё бомбили. Мы поселились в деревянном доме на улице Апатитовой города Кировска. Нам выделили комнату площадью 8 квадратных метров в трехкомнатной квартире с отдельной кухней. Преимуществом этого жилья было то, что в нём была холодная вода и канализация. Дом строился для работников НКВД. Здесь мы прожили более десяти лет. Кировск уже не бомбили, но вражеские самолёты всё же не раз облетали город на небольшой высоте. В школу №11 я пошёл в 1944 году, и хорошо помню, как при объявлении воздушной тревоги мы становились в пары и спускались в подвал школы, где занятия продолжались. Хорошо помню, что во время перемены нас

водили в буфет и давали каждому кусок чёрного хлеба с маслом и стакан чая с кусочком сахара. Не помню, чтобы кто-нибудь отнял у кого-либо этот кусочек. В новый год каждому ребёнку посчастливилось побывать на ёлке в здании горисполкома и получить подарок, в котором были по две мандаринки и несколько конфет невиданной красоты и вкуса. Это было счастье. Напомню, что шёл 1944 год и была война, а государство заботилось обо всех детях, как о своих родных.

В нашем классе было 42 ученика. Я даже сегодня удивляюсь, как могла наша учительница, Вера Александровна, справляться с такой разношерстной оравой, как наш класс. Ребята были разными по возрасту. Было много переростков и второгодников. Были ребята, побывавшие в оккупации под немцем и даже в немецких или финских концлагерях. Учебников, тетрадей, карандашей и ручек не хватало, а то и совсем не было. Писали на старых газетах и книгах между строк, а одним учебником пользовались пять-шесть учеников.

Мальчишки очень дружили между собой, группируясь по принадлежности к улицам и даже домам. Местом наших игр были городской парк и горы вокруг города. Наша компания облюбовала местечко на берегу озера Вудьявр за Белой речкой. Туда мы уходили после уроков, разжигали костёр, пекли картошку, запускали в плавание корабли и подводные лодки, курили. Однажды, это было уже в 1945 году, незадолго до Победы, над городом появился немецкий, а может, и финский самолёт. Шальной лётчик, сделав круг над городом, появился над нами со стороны озера, и, пролетая на очень низкой высоте, погрозил нам пальцем. Мы, как вкопанные, стояли у костра с «козьими ножками» во рту и долго не могли прийти в себя. Странно. Но в то время я мог дать точный портрет

пилота — этого последнего вестника Великой войны. Так это событие врезалось в детскую память.

Победа пришла весной 1945 года. День 9 мая был на удивление солнечным. Мы играли в снежки около дома и одним из «выстрелов» разбили стекло квартиры на первом этаже. Опасаясь нагоняя, наша ватага бросилась врассыпную от выбежавшей на крыльцо хозяйки. Она же звала нас к себе и обещала не наказывать. Потихоньку мы пошли к ней, соблюдая осторожность, готовые в любой момент дать дёру в случае опасности. Но обмана не было. По радио выступал Иосиф Виссарионович Сталин. Он говорил об окончании войны. Мы вырывали друг у друга наушники, и, мало вдумываясь в сказанное, слушали спокойный и тихий голос Вождя. Ясно было одно — война для нас закончилась.

Впереди была мирная жизнь. Какой она будет?..

Гуляев Ф.С.

Вспоминая о детстве и войне

Моя Малая Родина,
Исцеляющий душу родник!
Неподвластна бегущему времени,
Пред тобою я вечный должник!

Вот уже 87-й юбилей стучится в дверь, а я часто во сне и наяву живу детством. Настолько оно насыщено событиями

давних детских лет деревенской жизни, что взялся за перо.

Деревня-то, в которой я родился, необычная, поморская — на Летнем берегу Белого моря, а отсюда и сказ иной. Труд детских лет, которого так боятся дети и их родители городских поселений настоящей поры 90-х — 2000-х, формировал человека. В многодетных семьях, а их было большинство в нашей деревне, каждому ребенку находили занятие по возрасту, а если он был школьником в тяжелые 40-е годы прошлого столетия, непременно должен был помогать взрослым во всех их делах.

Наша семья особенная: два мужика в семье-то — отец мой да я. Остальная часть — мама да четыре сестрёнки. Вот так я рос «маменькиным сынком», ставшим охотником в 11 лет. А во время Великой Отечественной, как и всем деревенским пацанам, доводилось выполнять все посильные для возраста работы на селе: ходил за плугом, перегонял лошадей на покосы, вывозил колхозный урожай с полей. Мне, как и другим детям, было свойственно немножко шалить и даже иногда хулиганить. Но беззаботного детства у нас не было. Трудные были времена, и мы понимали, что должны во всём помогать взрослым.

Жизнь в деревне у моря с впадающей в него рекой Савала, всё многообразие занятий мальчишек не могло не отразиться на их дальнейшей судьбе. Я стал моряком! Юность, зрелые годы и жизнь — отданы флоту.

Так уж случилось в жизни моей: где бы ни находился — в море ли, в дальних странах — тоска труднообъяснимой силой «давит душу». Но никогда не покидало меня чувство привязанности к малой родине — ее полям и лугам, лесам, озерам и болотам. Единение с природой дарит живительную силу и теперь, в старческом возрасте. Воспоминания об охоте, рыбалке ... столько всплеска, столько эмоций!

Спасибо тебе, родная деревня Яреньга, за те 12 лет детства, сформировавшие фундамент дальнейшей моей жизни.

Деревню разделила одноименная река Яреньга, которая весной раздвигала берега, заливая низины, неслась к морю вместе со льдом. На отдельных льдинах карабкались ондатры ища спасения. Половодье доставляло немалую радость нам, детворе, а взрослым — дополнительные хлопоты. На прибрежных льдинах Белого моря порой отдыхало морское зверьё, которое становилось добычей поморов-зверобоев и колхозников-рыбаков возрастом, конечно, постарше нас.

Как только заканчивался ледоход, мальчишки строили «корабли», разного рода плотики, чтобы покататься. Особенным мастерством отличался Тихон Гуляев, который был немного постарше нас. Он строил не только «корабли», но и мастерил самострелы (арбалеты), пистолеты. Был участником художественной самодеятельности в школе. Любил играть роль солдата (время-то военное), стрелять из самоде-

лок. Мы, помладше, организовывались в «бригады». Ставили ловушки на колюшек (мелкая рыбешка, заходившая с моря). Представляли себя рыбаками. Конечно, это были игры, но они приносили нам колоссальное удовольствие.

Немного повзрослев, все мы занимались рыбалкой всерьёз: ходили на озера вверх по реке целой ватагой, босыми ногами. Забредя по колено, закатав штаны, часами стояли в воде с поплавковыми удочками, чтобы поймать несколько окуньков. У всех были противогазные сумки через плечо (их выпрашивали у военных), где была скудная еда, взятая из дома на рыбалку, и куда помещали улов.

Под вечер гурьбой по тропе с озера Среднего спешили домой обязательно с песней: «Шёл отряд по берегу, шёл издалека...», спешили, чтобы порадовать родителей своей добычей. Рядом были друзья детства: Игнатий Серухин, Николай Старков, Витя Плошков, Володя Богданов, Аркаша Суслов, Павлик и Иван Серухины, Павел Корельский, Егор Гуляев и многие другие. У всех по-разному сложилась судьба, многих нет с нами, но память жива, и она будет жить до тех пор, пока будут жить наши сверстники тех лет.

Рыбалка и охота были моими любимыми занятиями. Казалось бы, что может мальчишка в 11 лет с ружьем? А вот и может! Предварительно пройдя школу обучения у дяди Павлина, брата отца, я научился стрелять из мелкокалиберной винтовки, гладкоствольного ружья. Дядя Павлин был инвалидом. Он еще молодым, в 16 лет, повредил позвоночник, катаясь на лыжах. Он ходил на двух костылях, а в помощь брал меня с собой на охоту. Конечно, далеко ходить мы не могли. Но мой дядя, несмотря на молодость, был искусным охотником. Знал повадки зверей, птиц. Он научил меня ма-

нить куропаток собственными звуками в весенний период. Успешно охотились на зайца в морковных и капустных полях. Ходили на тетеревиные тока вблизи деревни. Охота давалась с большим трудом, болезнь позвоночника, суставов делала свое черное дело. В 36 лет дяди не стало, он скончался в мучительных болях.

Примечательно то, что в период войны 1941–1945 гг. дядя Павлин доносил информацию с фронтов войны. Собрав кое-как радиоприемник, он ловил сводки Совинформбюро, записывал их. Поэтому все в деревне, несмотря на отсутствие радио, знали положение дел на фронтах. Будучи инвалидом, он организовывал у себя в доме «избу-читальню»: своего рода клуб, где собиралась молодежь. Пели и танцевали под гармошку, на которой играл мой дядя.

Под его руководством был организован сбор ягод красной рябины. Помню, как все мы, дети, были увлечены этим занятием. За сбор рябины платили тогда деньги, хоть и небольшие, зато это позволяло выживать в трудные военные годы. Собранную рябину упаковывали в бочки-трещанки и отправляли на большегрузных карбасах в город Архангельск для раненых бойцов и детей, которым были необходимы витамины. Всё население деревень Поморья осенью занималось сбором и заготовкой ягод, грибов, охотой на зверя и боровую дичь. Хорошо, если в помощь была собака, которая могла отыскать и принести убитую птицу с реки или озера. А без неё приходилось лезть, раздевшись догола в холодную осеннюю воду и самим доставать вплавь добычу.

Вообще говоря, подростки (мои сверстники) были серьезной опорой взрослого населения. Война сплотила всех.

Чувствуя угрозу военных лет и понимая всю сложность сложившейся в стране ситуации, дети работали в колхозах, помогая родителям. Слово «Надо!» было законом. Все понимали это и по мере сил и возможностей вносили свой посильный вклад в общее дело — Победу, под лозунгом: «Всё для фронта, всё для Победы!».

Только вот теперь, в XXI веке, не чувствуется должного внимания к старшим, пережившим лихолетье войны. Разве это пример для молодежи в отношении к делу, работе, к своей малой родине и старикам?

Однако вернусь к детству. В пору моих детских лет дети были на редкость организованны в том смысле, что, начиная любую игру, быстро избирали старшего или капитана команды. Игр было множество: гоняли мяч, играли в казаки-разбойники, лапту, катались на коньках. Все горы вокруг деревни имели громкие названия: Кавказские, Уральские горы и Загорская гора. Было огромное счастье и радость, когда в семье покупали новые лыжи или коньки. В основном катались на самоделках.

Помню, в одну из зим, катаясь на лыжах с горы Пальник, поднимался, держа лыжи в руках, т.к. гора высокая, подниматься на нее трудно. Зайдя на гору, стал надевать лыжи, но чуть отвлекся, зазевался — и одна из лыж укатила вниз. Гора обкатанная, определенной лыжни не было. Лыжа каким-то чудом пошла резко влево, на дом Егора Гуляева и врезалась в стену. Через мгновение не стало носка лыжи, пришлось заканчивать «зимний сезон», катаясь на одной лыже.

На зимнюю охоту шли только тогда, когда был хороший наст. В ночные часы верхний слой снега хорошо промерзал, давал возможность быстро передвигаться по лесу на лыжах.

В то же время крепкий наст был серьёзным препятствием для зверя. Лоси не могли по нему быстро двигаться, поскольку проваливались и при этом повреждали ноги (их резало до крови настом). Добывали волков, лисиц и разную птицу. Мясо и шкуры сдавались государству.

С осени, по первому льду катались на коньках, уходя иногда далеко вверх по реке. Коньки-снегурки крепились веревкой к валенкам. Чтобы крепко «сидели», в мороз валенки с коньком погружали в прорубь так, чтобы вода касалась валенка. Мороз быстро «крепил» конек к валенку и дело сделано — катайся уверенно, наслаждайся! Только потом, приходя домой, готовься к неприятностям, веревка с узлами была приготовлена. Просушить валенки удавалось с трудом. Вечерние шлепки отца, хотя и через штаны, но напоминали о себе, когда садишься за парту в школе.

Очень жаль, что наши беломорские села и деревни за последние 25–30 лет начали умирать. Как, впрочем, и по всей России. Многих из них уже нет совсем, остались лишь брошенные избы да забытые погосты. А некогда большие сёла, где были рыболовецкие колхозы и совхозы, работа, школы, магазины, детские учреждения и клубы — влачат жалкое существование. Там нет никаких условий для жизни. Доживают свой век лишь старики, у которых порой, и электричества-то нет, не говоря о каких-либо других социальных благах. Лишь летом деревня немного оживает, когда приезжают отдохнуть внуки из городов на недолгое время. Как сказал Александр Солженицын: «Деревню убили!»

А ведь не зря сказано: Если территория не заселена — она не защищена! Сколько таких деревень, поселков и даже городов заброшено нынче на Севере?

Данилова Ф.К.

В огне войны сгорело детство

Мое поколение называют «Дети войны». Какое детство у детей войны? В огне войны сгорело детство. Страшно вспоминать! Но надо! Чтобы все поколения знали и помнили: «война — противоестественное человечеству явление».

Я, Данилова Фаина Кузьминична, родилась 12 марта 1929 г. в селе Оскольское Новооскольского района Курской области (ныне Белгородской). Мой папа работал железнодорожником, мама — в колхозе, в семье было четверо детей. Мы были трудолюбивы, дружны, и жизнь до начала Великой Отечественной войны казалась радостной и счастливой.

22 июня 1941 г. к нам в село приехал сотрудник военкомата и объявил страшную весть: «Война!» Женщины запричитали... Рыдания долго разносились над округой.

Смысл и масштабы обрушившейся на нашу Родину беды мы, дети, понимали по выражению лиц взрослых и нескончаемому плачу и крику отчаяния. Первое ощущение утрат я, совсем еще ребенок, почувствовала, когда провожали муж-

чин-односельчан на фронт. Долго бежали женщины в слезах вслед за призывниками. А мы, детвора, чувствуя безмерное горе матерей, тоже плакали. Общая беда: одна на всех! На всю жизнь запомнила страшные для моего детского сознания минуты: уходили на войну мои родные: тетя Лаврова Варвара Яковлевна, мой дядя Лавров Василий Яковлевич, который навечно остался на поле сражения под Киевом.

Кончилось детство: его перечеркнула война. Мне и моим сверстникам пришлось до срока повзрослеть. Не осталось в деревне взрослых мужчин. В 41-м году мы еще учились, а после уроков и на каникулах помогали женщинам, а чаще всего вставали рядом: заготавливали корм для колхозного скота, убирали урожай. Женщины связывали колосья в снопы, а мы складировали их в копны. Мальчики пахали на коровах, молотили и на волах отвозили на элеватор. Пасли овец, пряли и вязали теплую одежду для фронта при фитильке из ваты (керосина не было). Казалось бы, сухие строки, но сколько за ними непосильного детского труда, преодоления, силы воли, понимания важности этих дел! Невозможно в полной мере передать словами все тяготы тех лет: изможденные не по-детски лица, до крови исцарапанные руки и ноги и постоянное чувство голода. Ели из конского щавеля лепешки (благо рядом луг), из озера доставали ракушки и варили, собирали лесные фрукты, грибы, ягоды. А сколько их надо собрать для всей семьи! В лесу железными крюками сбивали сухие ветки, зимой возили на санках, а летом носили на себе — так топили печки.

До оккупации мой старший брат, 15-летний подросток, работал в сельсовете. Перед появлением врага принес домой всю колхозную документацию и вместе с папой закопал

у нас в огороде. Вот такое было чувство ответственности! После войны односельчане благодарили за это.

В июне 1942 года началась оккупация моей родной земли. Как черное полотно, как туча саранчи, спускались с горы от села Голубино фашистские мотоциклисты. А с противоположной стороны в селе Дубровка, что находится в 10 километрах от нас, находилась БМ «Катюша». Ударила она по врагу: грохот, треск, пламя огня, снаряды пролетали над нашим селом. Мы спрятались в погреб. Ужас и страх! «А за деревней рощица дымилась // Поражена чудовищным огнем, // И смерть вокруг летала злою птицей, // Бедой нежданной приходила в дом...»

Бомба с пролетавшего немецкого самолета упала на наш огород. Долго напоминала эта рытвина о том дне. «Ужас тех дней от бомбежек в глазах. В страхе мы жили. Не все выживали. Горечь — полынь и сейчас на губах».

Фашисты — варвары отбирали у населения продукты, домашний скот. Зверствовали: убили 17-летнего брата моей мамы. В районном центре расстреляли семью Ароновых с детьми за то, что евреи; и семью Бондаренко: дети на крыше дома держали голубей.

Кровь, похоронки, нескончаемый плач...

Навсегда осталась незаживающей раной гибель моего брата Линякина Ивана Кузьмича. В феврале 43-го 18-летним юношей ушел на фронт. В тот день пошли защищать Родину еще 20 парней нашего села. Только двое вернулись домой. Мой брат погиб недалеко от Харькова. До последних дней жизни мама все ждала его и ждала. Стукнет ветка в окно, заскрипит калитка — она вскрикнет: «Ваня вернулся!» Не дождалась. Боль утраты навсегда осталась в нашей семье. Мы, младшие, плакали и горевали вместе с родителями.

Вспоминать то уже далекое от нас время без слез не могу. Молю, чтобы никогда и никому не пришлось испытать то, что пришлось пережить нам, детям войны.

Детям, пережившим ту войну,
Поклониться нужно до земли.
В поле, в оккупации, в плену
Продержались, выжили, смогли.

С. Маршак

Правдиво и точно сказал Р. Рождественский о детях войны: «И, пусть мы были маленькими очень, // Мы тоже победили в той войне».

Журин Л.В.

Пережитое*

Правда о войне это, прежде всего, гибель людей.
Это — кровь, это — слезы, это — медсанбаты,
это — горы кровавых бинтов, это —
ампутированные конечности.
Это все жутко даже себе представить.
Вот это — правда о войне.

Моё детство

Родился я в феврале 1927 года в городе Мурманске в «красном» железнодорожном бараке. Красным его прозвали пото-

* Выдержки из книги воспоминаний Л.В. Журина «Бери шинель, пошли домой» публикуются с согласия его супруги Н.П. Журиной.

му, что был покрашен снаружи железным суриком тёмного цвета. Барак стоял на обрыве около железнодорожных путей в районе нынешнего Дома обуви.

В шестинедельном возрасте, в продуваемом со всех сторон помещении, я заболел крупозным воспалением лёгких. Врача-фтизиатра в городе не было, а постоянно выпивавший фельдшер не имел необходимых медикаментов. По существу, я был обречен на смерть. Моя мама спросила фельдшера: «А можно я вывезу сынишку в свою деревню в Тверскую область?» — «Не хочешь долго мучиться — вывези»,-ответил тот. И мать отвезла меня в деревню Мартыново, Кашинского района, Тверской области с пересадками в Ленинграде, на станциях Бологое и Сонково. Там, вопреки всем медицинским прогнозам, я выжил, но получил порок сердца.

Осенью 1927 года мы вернулись в Мурманск.

В 1929 году отец завербовался в Западное Озерко на полуостров Средний. Там ему было поручено построить двухэтажную пограничную комендатуру. Решено было взять с собой семью. Впечатление об этой поездке осталось на всю жизнь: Кольский и Мотовский заливы, крики чаек, запах морских водорослей при отливе.

Шли из Мурманска с остановкой в губе Кислой, где в скором времени будет строиться Полярный, на товаропассажирском мотоботе «Книпович». Добрались без приключений.

Западная часть полуострова Среднего принадлежала Финляндии. Пограничных столбов и постов не было. В поселке Западное Озерко был только пограничный пост ОГПУ. Комендант посёлка всех его жителей знал в лицо.

На полуострове Среднем

В 12 километрах северо-западнее располагался посёлок Пумманки из 27 добротных домов. Там жили, ловили рыбу, пасли оленей и коров финны-поморы. Это были очень добрый и трудолюбивые люди. Они свободно приезжали погостить к русским в Западное Озерко и взаимно приглашали русских жителей к себе.

Много позднее узнал, что 30 ноября 1939 года советское командование направило для освобождения посёлка Пумманки от сотни миролюбивых финнов 3 тысячи красноармейцев и эскадренный миноносец «Карл Либкнехт» с восемью орудиями и пятью пулемётами. Мне стало не по себе.

Возвращались в Мурманск поздно осенью на том же «Книповиче». Штормило. Волны начали перекатываться через палубу. Кто-то из команды попытался войти в носовой кубрик и открыл дверь входного капа. По трапу вниз хлынула вода. Среди пассажиров началась паника. «Караул! Тонем!» — закричали женщины, а дети заплакали. «Молчать!» — крикнул появившийся в дверном проёме капитан бота. «Кто будет орать и визжать — выброшу за борт!» И все притихли.

Школа

В 1935 году вошла в строй новая четырёхэтажная каменная школа №19, и я пошёл в неё учиться в 1-й класс. Учился прилежно. 3-й и 4-й классы закончил с Похвальной грамотой.

Отличников за колоннами у входа в здание встречали хулиганы. Сначала обчищали карманы и отбирали мелочь, которую родители давали на школьный завтрак. Потом проверяли содержимое портфелей и реквизировали всё съестное, что там находили. Далее — пинок под зад, и пропускали в школу.

В детстве я был сильно конопатый. На улице пацаны дразнили меня, и каждый не упускал случая дать пинка или подзатыльника. Даже сосед по квартире, мой однокашник, оставаясь один дома, снимал трубу граммофона и, прижав её широким раструбом к нашей стенке, громко орал: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил бабушку лопатой».

Мы воспитывали в себе смелость тем, что зимой, разогнавшись на санках вниз по проспекту Кирова, пытались попасть в бетонную трубу под улицей Спортивной и, проскочив её под землёй, появиться невредимым на другой стороне. Однажды моему обидчику не повезло. С ходу он зацепил ногой кромку бетонной трубы и получил открытый перелом ноги. Бледного и истекающего кровью, мы с приятелем отвезли его на санках в поликлинику на улице Рабочей (ныне Генералова). Мне было жалко пострадавшего до слёз.

В начале 1939 года нашу 19-ю среднюю школу представили на международную выставку в Нью-Йорке как одну из лучших школ Советского Союза по интерьеру и по успеваемости. «Круглых» отличников школы, в том числе и меня, сфотографировали, и снимки отправили в США.

Война с Финляндией

В ноябре 1938 года старшего брата Якова призвали в Красную Армию.

1 сентября 1939 года началась Вторая Мировая война. Над нашим 5-м «а» классом 19-й Мурманской средней школы шефствовал экипаж эскадренного миноносца «Валериан Куйбышев». Североморцы проводили встречи и беседы со школьниками. Наш класс посещал этот боевой корабль, знакомился с его устройством и вооружением, героической биографией. Так в нас воспитывали патриотизм.

Вскоре на рейде Кольского залива бросил якоря огромный белоснежный немецкий лайнер «Бремен». Он совершал трансатлантический круиз с туристами на борту. Его пытались задержать английские крейсера, но «Бремен» оторвался от преследователей и укрылся в Кольском заливе. Советский Союз и Германия в 1939 году были добрыми друзьями, и лайнер встретили в Мурманске, как дорогого гостя.

Через несколько дней «Бремен» исчез также внезапно, как и появился.

В октябре на Кольском шоссе появилась гусеничная автотехника и красноармейцы. В городе нарастала тревога. Началась открытая переброска войск Ленинградского военного округа на побережье. Запахло войной и здесь, в Заполярье.

30 ноября 1939 года войска 14-й армии перешли границу Финляндии и стали освобождать районы Петсамо — Луостари — Лиинахамари — западные оконечности Среднего и Рыбачьего. А в населённых пунктах был введён жестокий режим светомаскировки. Везде зажглись электрические лампочки синего цвета. Всем школьникам выдали детские противогазы. Каждый день объявлялись воздушные тревоги. Но налётов финской авиации не было. Школьники надевали свои противогазы и отправлялись по домам.

Вскоре стали поступать раненые и обмороженные. По радио звучали военно-патриотические песни: «По долинам и по взгорьям», «Каховка», «Орлёнок», «Там вдали, за рекой», «Полюшко», «Песня о Чапаеве», «Песня о Родине», «Песня о Москве», «Москва майская», «Мы кузнецы», «Конная Будённого», «Конармейская», «От края и до края», «Прощание», «Тучи над городом встали», «Всё выше», «Три танкиста» и другие. В кинотеатрах демонстрировались фильмы: «Если завтра война», «Случай на границе», «Аэроград», «Дерсу Узала», «Великий Граждан», «Яков Свердлов», «Мы из Кронштадта», «За нашу Советскую Родину», «Трактористы», «Девушка с характером», «Моряки» и другие.

В городе появились огромные очереди за продуктами. Исчезли из продажи все овощи, мясные продукты, масло, молоко, сахар, отдельные сорта свежей рыбы и рыбных консервов. Жители занимали очередь с вечера. После закрытия магазина покупатели не уходили домой, а дежурили у магазина, ночью их сменяли близкие родственники, чтобы утром быть в первых рядах.

12 марта 1940 года война с Финляндией закончилась, и в город начали возвращаться с фронта подразделения 205-го Краснознамённого стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии 14-й армии. Красноармейцев разместили в казармах на проспекте Сталина. Командиров горком ВКП(б) решил расселить по квартирам рядовых коммунистов. Моего отца вызвали в горком и «навязали» ему сразу трёх офицеров. Вскоре он привёл домой командира стрелковой роты старшего лейтенанта Сотникова, политрука лейтенанта Бурлуцкого и командира взвода младшего лейтенанта Гришина. В июле 1941 года все трое погибли в боях с горными егерями в районе реки Западная Лица.

До 1941 года всем командирам Красной армии и Военно-морского флота было разрешено ношение личного оружия не только на службе, но и в быту. Поэтому в пьяных компаниях не обходилось без стрельбы и даже убийств.

Вскоре ношение личного оружия вне службы командирам было запрещено.

Эта война в большой степени оживила военно-патриотическую работу добровольной общественной организации «ОСОАВИАХИМ» (общество содействия обороне, авиации и химическому строительству). По линии этого общества работало много кружков разного направления, где школьники получали воинские специальности. Наиболее популярны были кружки и значки «Ворошиловский стрелок», «БГТО» («Будь готов к труду и обороне»), «ПВХО» («Противовоздушная и химическая оборона»), «ГСО» («Готов к санитарной обороне», в шутку переводили как «Готов собирать окурки»).

Эвакуация

В ноябре 1940 года мой старший брат Яков, отслужив два года телефонистом на военном аэродроме под Ленинградом, вернулся домой и устроился диспетчером в Управление вспомогательных судов и гаваней Северного флота.

Весной 1941 года на сопках были установлены 76-мм зенитные пушки. Ощутимо пахло войной. 22 июня Германия напала на Советский Союз. Но на северо-западе от Балтики до Баренцева моря на границе было тихо. Однако 29 июня загремели выстрелы и здесь.

Старший брат Яков, работавший в военной организации, эвакуации не подлежал. А мы с братом Василием и родителя-

ми отправились на Дальний Восток. Путь был длинным и долгим. Навстречу двигались воинские эшелоны. Пропуская их, наш поезд подолгу стоял на каких-то разъездах и полустанках.

Сказывались 15 суток езды в поезде. Ещё 900 км на колёсном пароходе по Амуру — и мы на конечном пункте эвакуации в городе Николаевске-на-Амуре. Отец сразу устроился на работу — на судоверфь, и нам дали комнату в деревянном доме со всеми удобствами во дворе и с истинными хозяевами: клопами, тараканами и мышами.

Я пошёл учиться в 7-ой класс, а брат Василий — в ФЗО. Смена места жительства и часовых поясов отрицательно отразились на моём здоровье. Стал часто болеть и пропускать занятия. В октябре 1941 года, когда немцы были у стен Москвы, я вступил в комсомол. В ноябре 1941 года на утверждении в РК ВЛКСМ меня спросили: «Готов ли выполнить первое комсомольское поручение?» «Да, готов!» — ответил, не зная, что это за поручение. Оказалось, надо принять участие в очистке от снега военного аэродрома. Возвратился с этой очистки едва живой и до сих пор не могу забыть это первое комсомольское поручение.

Работа

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 18 июля 1941 года в стране были введены карточки на некоторые продовольственные и промышленные товары. Городское население по снабжению было разделено на четыре группы:

1) рабочие и инженерно-технические работники (ИТР)
2) служащие
3) иждивенцы
4) дети до 12 лет

Соотношение норм снабжения городского населения по группам

Категория населения	В сутки норма хлеба	Месячная норма продуктов(кг)				
		мясо	рыба	жиры	крупа	сахар
Рабочие и ИТР	600–800	2,2	1,0	0,8	2,0	1,5
Служащие	400–500	1,2	0,8	0,4	1,5	1,2
Иждивенцы	400	0,6	0,5	0,2	1,0	1,0
Дети до 12 лет	400	0,4	0,4	0,4	1,2	1,2

Чиновники получали карточки с литером «А». В народе их называли «Литераторами». Забронированных специалистов называли «танкистами».

Но если городское население могло рассчитывать хотя бы на полуголодный паёк, то сельчане, по существу, были брошены государством на произвол судьбы. В сельской местности продовольственные карточки не вводились.

Судьба иждивенцев была тяжёлой, и мы с мамой пошли на работу. Она — подсобной рабочей в бондарный цех, я, прервав учёбу в 7-ом классе — чертёжником в технический отдел Николаевской-на-Амуре судоверфи.

Рабочие недели были шестидневные (с одним выходным), рабочий день длился 10 часов, отпуска для всех категорий, работающих были отменены до окончания войны.

Всевобуч

17 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял Постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет».

Занятия проводились с октября по май после работы 3 раза в неделю по 2 часа. В октябре 1942 года, в 16 неполных лет, меня также привлекли к учёбе по военной специальности «стрелок».

Программа обучения была очень насыщенной. Но больше всего удивляло и возмущало то, как много времени уделялось строевой подготовке. Нас муштровали до исступления. Складывалось убеждение, что нас готовят не к войне, а к парадам. При этом «орали» строевые песни до хрипоты.

На втором месте были приёмы штыкового боя. В 1942 году я был ростом 150 см, а винтовка Мосина образца 1891/30 года с примкнутым штыком — 166 см и весила 4,5кг. Особый ужас вызывали занятия по тактической подготовке и ползание по-пластунски под колючей проволокой. Такое упражнение инструктор почему-то называл ползанием «на карачках».

Бывало, ползёшь «на карачках», а инструктор идёт следом и засекает время. А у меня штык — то заденет за проволоку, то упрётся в землю. Меня кроют матом, заставляют перепрыгнуть широкую канаву, бросить гранату и поразить чучело по команде «длинным с выпадом — коли!». Получалось всё это у меня плоховато, и инструктор, обматерив всем набором грязных слов, утешал: «Ничего, Журин, не огорчайся. В первом же рукопашном бою тебя заколют». Радовал я инструктора только стрельбой из боевой винтовки на 100, 200 и 300 метров, выполняя все нормативы. С огромным напряжением всех физических и моральных сил весной 1943 года удалось закончить курсы и получить соответствующее удостоверение по специальности «стрелок».

На путине

А 1 сентября 1943 года меня мобилизовали на рыбную путину и отправили на рыбзавод в посёлок Пуир на берегу Охотского моря. Там нет популярных в Баренцевом море пород морских рыб: трески, пикши, окуня, зубатки других. Только кета и горбуша. И для этого не надо выходить в море.

От берега на сваях метров на 300 стоят сети. В дальнем конце эта запруда заканчивается большим садком, огороженным мостиком, на котором стоят рыбаки. Рыба, идя вдоль берега, наталкивается на сети, идёт вдоль них в море и попадает в садок, который буквально кишит рыбой.

Там её рыбаки просто черпают ковшами и высыпают в открытые баржи (кунгасы). После наполнения их до краёв кунгасы катером буксируют к берегу. Далее рыбу вручную выкидывают на причал. Затем погружают в шахтные опрокидывающиеся вагонетки и катят на разделку, а оттуда на засолку, в подземный холодильник, загруженный льдом.

В холодильнике стоят огромные чаны высотой три метра. Внутри рабочий на подмостках принимает подаваемые ему снаружи большие подносы с потрошённой рыбой и укладывает её ровными слоями на дно чана. Затем поочерёдно ему подают крупную соль и лёд.

Работа в холодильнике — каторжная, расценки — грабительские. Пришлось работать на всех операциях. Жалобы администрацией завода не принимались. Повсюду висели плакаты: «Тыл и фронт — едины», «Фронту надо — сделаем!», «Всё для фронта, всё для победы!», «Что ты сделал для фронта, для победы?».

За месяц каторжного труда получил 82 рубля. Когда уезжал домой, пожилая рыбообработчица сунула мне большую

рыбину килограмма три весом. Возвращение с таким подарком было настоящим праздником.

Второй год всевобуча

С октября 1943 года, по-прежнему хилого и слабого, меня привлекли ко второму учебному году на занятия по всевобучу, но уже для специальности «ручной пулемётчик». Ручной пулемёт системы Дегтярёва был для меня явно тяжеловат. Его вес с заряженным магазином составлял 11,2 килограмма, а длина лишь на 40 см короче винтовки Мосина.

Материальную часть пулемёта изучил быстро. При разборке и сборке на скорость в нормативы укладывался. Хуже чувствовал себя на стрельбах. В мишени на разных дистанциях попадал, но глох при выстрелах. При преодолении полосы препятствий, прыгая с бревна или через ров, разбивал себе пулемётом коленки.

Летом 1944 года меня часто отрывали от работы на разгрузку союзных транспортов с грузами по ленд-лизу. Когда в трюме мне клали на спину мешок с мукой, под его непосильной ношей я падал. Тогда, под смех американских матросов-негров, мне клали мешок с крупой. На трясущихся поджилках и покачиваясь, я все же поднимался по деревянной сходне на причал.

Служба в 6-ом стрелковом батальоне

В 1943 году на приписке я был признан годным, но только к нестроевой службе. 24 ноября 1944 года меня семнадцатилетним призвали в Красную Армию и вопреки медицинскому заключению направили в сугубо строевую часть — в 6-й отдельный стрелковый батальон 16-й армии Дальневосточ-

ного военного округа, дислоцированный в военном городке Николаевска-на-Амуре. Мать с плачем проводила меня до бани, а оттуда в гарнизон нас вывели с чёрного хода, и я не видел её 7 лет.

В части выдали канадские эрзац-ботинки из прессованного картона красного цвета на два размера больше, фланелевые портянки и хлопчатобумажные обмотки по 2,5 метра каждая.

Просьбы поменять ботинки на нужный размер долго не могли удовлетворить, пока не набил себе мозоли. В казарме новобранцев долго тренировали раздеваться и одеваться на скорость. Часто мы не укладывались в норматив из-за обмоток. Мотаешь её, мотаешь на ногу, торопишься, и вдруг она выскальзывает из руки и раскатывается по полу, как пулемётная лента. Приходится мотать её снова, а время упущено, и о нормативе уже не думаешь. Зато получаешь от командира взвода наряд вне очереди (мытьё полов в казарме, уборка коллективных туалетов, рабочим по кухне и т.д.)

В казарме нары трехъярусные. Надо мной спал парень, больной энурезом. Его несколько дней подряд били ребята, но он не был в этом виноват. Через неделю его перевели на нижнее место, и конфликт был улажен.

Больше всего я боялся занятий по физподготовке. Как ни разгонялся перед прыжком через коня, непременно задевал его своим мужским достоинством и долго корчился от боли. А турник был вкопан в землю и не регулировался по высоте. Вызывают к снаряду, пытаюсь допрыгнуть до штанги, но тщетно. Командир командует двум солдатам: «Забросьте Журина на штангу!». Меня бросают так, что я бьюсь головой о штангу, и у меня мутнеет в глазах. Но это было не самое

неприятное. Мы осваивали приём «мах на солнце, бах на землю». Надо было на вытянутых руках сделать полный оборот вокруг штанги, спрыгнуть на ноги, и руки в стороны. Это было не всем солдатам под силу. Один сорвался и сломал себе позвоночник. Другой — разбил голову. Обоих комиссовали.

Резкая смена привычной домашней обстановки на суровую солдатскую жизнь острой болью отзывалась в душах отдельных ребят. После отбоя прислушаешься к казарменной тишине — то тут, то там раздаются всхлипывания. Это по-мужски плачут юные солдаты.

При поступлении в стрелковый батальон на новобранцев не хватило шинелей, и нам выдали поношенные ватные куртки-фуфайки без воротников, хлопчатобумажные ремни, холодные трёхпалые фланелевые рукавицы. Общевойсковые погоны защитного цвета пришили сами кто как умел. И даже звёздочек на шапки не было. Вырезали их из консервных банок.

Из личного оружия всем выдали очень старые потёртые винтовки Мосина образца 1891/30 гг. Первые стрельбы показали, что и стволы у этих винтовок сильно изношенные, и навряд ли с ними можно идти в бой.

Успокаивал наказ, данный мне инструктором на занятиях по всевобучу, что меня в первом же рукопашном бою заколют.

Однажды в конце июня 1945 года ночью роту подняли по тревоге. Мы сдали свои винтовки, получили сухой паёк на сутки и молча прошли по спящему городу в морской порт, там погрузились на пассажирский теплоход «Желябов». Все каюты были заняты пассажирами. Солдат разместили под открытым небом на верхней и шлюпочной металлических палубах.

Зимние куртки у нас отобрали еще до 15 мая и выдали плащ-палатки. Теплоход идёт по Амуру, прошли лиман и вышли в Татарский пролив. Поднялся ветер. Заштормило. Спрятаться негде, укрывались плащ-палаткой по двое, чтобы кое-как согреться и дожить до утра.

Остров Сахалин

1 июля 1945 года рано утром наш теплоход «Желябов» бросил якорь на рейде города Александровск-на-Сахалине в километре от берега. Из-за малой глубины морские суда становились на рейде. Затем катер пришвартовывал к борту судна сухогрузную баржу. На неё пересаживались пассажиры и перегружались грузы, катер буксировал баржу к небольшому причалу на берегу.

При перегрузке судно и баржу качало на волне. С судна за борт спускали парадный трап, и пассажир, спустившись на нижнюю площадку, должен был уловить момент, когда очередной волной баржу поднимает кверху, и надо прыгать на неё около метра. Не у всех приезжих удавалась эта операция. Сначала за борт плюхнулся подвыпивший майор медицинской службы. За ним свалились два абсолютно трезвых солдата. Под всеобщий хохот вахтенные моряки выловили «новокрещённых» из морской купели, перекрестили их и сказали: «Аминь».

На берегу нашу роту (а это 140 человек) построили, сделали перекличку и с песней «Дальневосточная — опора прочная» повели через весь город в гарнизон. Жители стояли вдоль обочин, провожая нас аплодисментами и добрыми пожеланиями.

В гарнизоне всего три двухэтажные деревянные казармы. Везде трёхъярусные нары. Стойкий запах потных портянок.

В одной из казарм, где поместили роту, нас встретил очень весёлый капитан грузин Махарадзе. Он источал юмор:

— Сегодня отдыхай, а то завтра будет дорога — длинный, нога — короткий!

Так он объяснил нам предстоящий переход, но не сказал, куда. Затем построил роту и с песней сводил в гарнизонную столовую. Покормили нас, видимо, как пришлых, очень скудно. Капитан ходил между столами и продолжал объяснять плохую кормёжку шутками:

— Рот большой, пайка маленький!

После обеда — свободное время, и всем разрешили искупаться в море, до берега которого от казармы было всего 600 метров. Не пошли купаться лишь один узбек и один туркмен, они улеглись спать, а мы пошли на море. Плавок ни у кого не было, а пляж пустой, поэтому все купались голыми. Был отлив, и в небольших лужах остались крупные крабы. Двух особей ребята выловили и принесли в казарму. Решив напугать спавших, они положили крабов им на грудь и разбудили... Вопли и испуг у них были такими, что у нас не было сомнений — придется лечить ребят от нервного потрясения. Капитан долго пытался узнать, кто из солдат устроил такую шутку, но никто не сознался.

Переход к месту службы

2 июля 1945 года выдался жаркий летний день. Термометр показывал +35°С. После зарядки рота сбегала умываться на горный ручей. Затем в последний раз позавтракали в гарнизонной столовой. Получили там сухой паёк на 6 суток каждый: по 3 маленьких банки американской свиной ту-

шёнки, муки, соли, чёрного перца-горошка, лаврового листа, чая, сахара и ржаных сухарей.

В казарме весь этот сухой паёк разложили по своим вещмешкам. Но вместе с котелком и фляжкой уложить продпаёк компактно не удалось. Он в вещмешке гремел и переваливался. Готовность к многодневному походу капитан Махарадзе проверил лично у каждого солдата — от правильного наворачивания портянок до рациональной укладки содержимого вещмешка, застёгивания ремней, тесёмок и пуговиц.

В 10 часов рота построилась повзводно и вышла на дорогу. Начался тяжёлый изнурительный марш. Предстояло пройти по горно-лесистой местности 150 километров (по 25 километров в день) с привалами через каждый час пути и преодолением горного перевала высотой 1100 метров Камышового хребта.

От жары негде укрыться. Пилотки от палящего солнца не защищают. Трусов в те годы в армии не было. Носили х/б кальсоны. Такие же портянки. Физические страдания солдатам дополняли плотные шаровары и не по ноге канадские негнущиеся тяжёлые эрзац-ботинки с обмотками. Мокрые от пота ноги при длительной ходьбе получали мозоли и потёртости.

Бредём по дороге шестой день. Силы, казалось, уже покинули нас, и вот-вот мы упадём прямо на дороге. Но вот впереди из кустарника выходят один за другим музыканты полкового духового оркестра с трубами и барабанами. Они заняли место в голове колонны, и грянул знаменитый русский марш «Прощание славянки». Усталости как не бывало. Выпятив груди колесом, бодрым шагом прошли пограничное село Абрамовку. Там, на окраине, находились полузем-

лянки 179-го стрелкового полка 79-й стрелковой дивизии 16-й армии Дальневосточного военного округа — конечный пункт нашего перехода.

Я — рядовой-автоматчик

Маршевую роту привели к штабу полка и построили на плацу в две шеренги. Появилась группа офицеров во главе с коренастым седовласым генерал-майором. Это был командир 79-й стрелковой дивизии генерал-майор Батуров Иван Павлович. Он приехал, чтобы выбрать себе ординарца. Все солдаты видели живого генерала впервые и очень волновались, когда тот пошёл вдоль строя и начал задавать вопросы.

Вот он подошёл к самому рослому солдату:

— Ваша гражданская специальность?

— Мордвин, товарищ генерал!

Строй ответил дружным хохотом.

— Думать надо головой, солдат! — сказал генерал и пошёл дальше. Ординарца он подобрал очень скоро. Следом за генералом вдоль строя пошли командиры различных подразделений, подбирать себе пополнение. Ко мне подошёл стройный и очень загорелый старший лейтенант Попов. Узнав, что я до призыва в Красную Армию работал техником-конструктором на судостроительной верфи, он, не колеблясь, скомандовал:

— Пойдёшь со мною в отдельную роту автоматчиков!

Я пытался доказать, что у меня порок сердца и за два года всеобщего военного обучения получил совсем другие военные специальности: сначала стрелка, затем ручного пулемётчика.

— Ничего, Журин! Будем лечить и учить! А Родина потребует — будем строить корабли!

Так в июле 1945 года, я попал в отдельную роту автоматчиков 179-го стрелкового полка 79-й стрелковой дивизии 16-й армии Дальневосточного военного округа.

Казармой была большая полуземлянка, врытая в крутой склон горы. Те же трёхъярусные нары, едкий запах потных портянок и махорки. В роте служили солдаты разных возрастов. Взвод «стариков» состоял из солдат 1905–1915 годов рождения. Они отличались от других тем, что поголовно носили усы. Их так и называли «усачами».

Я был назначен в молодёжный взвод из солдат 1922–1927 годов рождения. Встретили пополнение 1927 года в роте радушно. Все, кто был хоть немного старше по возрасту, называли нас «сынками». На первом же комсомольском собрании роты выяснилось, что я ветеран комсомола (с октября 1941 года), и меня единогласно избрали комсоргом...

Тяжело в учении...

Чтобы сделать из обычных стрелков настоящих автоматчиков, нашему молодёжному взводу был разработан повышенный план боевой и политической подготовки. Он включал в себя политическую, строевую, огневую, тактическую, инженерную, химическую, пожарную и санитарную подготовки.

Помощник командира взвода старший сержант Наумов, ознакомив взвод с расписанием учений, предупредил, что нам будет очень тяжело в учении, но будет легко в бою, если таковой будет. Подумав немного, он добавил:

— А всего вернее, вам скоро придётся быть в бою.

Сначала мы изучили устройство автомата ППШ. Научились на скорость разбирать и собирать его с завязанными глазами. Затем освоили боевую стрельбу из положения лёжа и на бегу одиночными выстрелами и очередями.

Поразить мишени на бегу требовалось во время марш-бросков с полной выкладкой на различные дистанции (от одного до пяти километров). Делали марш-броски по тревоге и в ночное время, но без стрельбы. Большой обузой для взвода на марш-броске всегда были курящие солдаты. На первых же километрах бега они не выдерживали нагрузки и падали на дорогу. Отлёживаться им не разрешалось. Четыре товарища укладывали упавшего на плащ-палатку и бежали с ним дальше, чтобы не отстать от взвода и уложиться в норматив заданного марш-броска. Долго мучились, но постепенно стали укладываться в нормативы.

Хуже шла инженерная подготовка. Построить землянку в положенное время мы так и не научились. На скорость надо было выкопать сначала стрелковую ячейку для стрельбы лёжа. Затем стрелковый окоп в полный профиль и подвести к нему ход сообщения. Как назло, в земле попадались камни или корни деревьев, и рытье инженерных устройств по нормативам не получалось.

Помкомвзвода намечает колышками окоп, начинаешь копать, и уже просматривается дно, но нормативное время истекло. Кто уложился вовремя, тот сидит и покуривает. А тому, кто не успел, намечают копать дополнительно новый участок. Эта мера наказания очень сильно стимулировала темпы рытья окопов и ходов сообщения.

Очень возмущал солдат метод химической подготовки. Небольшую группу солдат заводили в землянку, бросали туда

зажжённую дымовую шашку и запирали двери снаружи, те сидели там в противогазах до тех пор, пока с кем-нибудь не становилось плохо.

После таких истязаний физкультурный приём на турнике «мах на солнце, бах на землю» казался нам детской забавой. Всю запланированную программу физических испытаний, к моему и командиров удивлению, я мужественно вынес, и сердце ни разу не подвело. Все мы мужали и становились настоящими солдатами...

Смерть в огне

Село Абрамовка, на окраине которого дислоцировался наш 179-й стрелковый полк, расположено на берегу реки Поронай в двух километрах от государственной границы с Японией. Река протекает в болотистой пойме. В жаркую погоду торф в пойме высыхает и становится пожароопасным.

Так, в середине июля 1945 года в километре от госграницы в пойме реки начался лесной пожар. Как обычно, на него сначала никто не обратил внимания. Потом появились слухи, что лес подожгли японские диверсанты. Однако пограничники клятвенно заверили командование полка: граница, как ей и подобает, на замке, и её никто не нарушал.

А пожар не дожидался, когда кто-то установит его причину, и стал угрожать селу и гарнизону. Тогда командование полка приняло мудрое решение: пожар надо тушить. Из противопожарных средств в селе только ведро, лом, топор и багор — на щите у сельсовета.

Поэтому ни у кого даже не возникло вопроса: что делать? Солдатам выдали обыкновенные крестьянские лапти, чтобы не обжигать государственное имущество (канадские

эрзац-ботинки из прессованного картона) и, оторвав от напряжённой боевой подготовки, направили тушить пожар. У солдат не было никакого противопожарного оборудования и инструментов.

В ход пошли вёдра, баки всех размеров, термосы для доставки солдатской пищи, топоры, пилы, лопаты всех видов. Хорошо, что река недалеко. Солдаты обливали друг друга водой и устремлялись в огонь. Пробовали надевать противогазы, но в них плохой обзор и трудно дышать. На одного солдата упала горящая ель, он получил сильные ожоги, и его унесли в медпункт.

К полуночи пожар удалось победить. Разгорячённых солдат построили на берегу и сделали перекличку. Отсутствовали пятеро. Их поиск в темноте был безуспешным, и его отложили до утра. А утром их нашли полусгоревшими в торфяных провалах. Торф имеет способность гореть внутри болота. И когда в нем выгорает пустота, в неё проваливаются ничего не подозревавшие люди.

Похоронили погибших восемнадцатилетних ребят в закрытых гробах в братской могиле на сельском кладбище. Отзвучали патриотические речи, грянул салют, полковой оркестр сыграл траурную мелодию, бросили по горсти земли и разошлись. Плачущих не было. Их родные проживали в Сибири и на Урале. Никто вызывать их на похороны сыновей не стал. Так без войны пятеро молодых и здоровых советских солдат, только начинавшие жить, ушли в небытие. Вечная им память.

Тревога

Утром 8 августа 1945 года в полку была объявлена тревога. Учебные тревоги объявлялись каждую неделю. К ним уже

привыкли, и объявленная тревога ничем не отличалась от прежних. Но когда в палаточный городок подкатила подвода с боеприпасами, всем стало ясно: эта тревога была действительно боевой — нам придётся воевать с Японией.

Солдаты начали получать патроны и гранаты, снимать палатки и укладывать вещмешки. Нормы на боеприпасы никто не устанавливал. Я набил патронами все 7 рожков к автомату ППШ и ещё 300 патронов взял в свой вещмешок россыпью.

В процессе боевой подготовки мы изучали тактико-технические характеристики самых массовых японских лёгких танков типа 95 «Киуго». Этот танк страдал от нехватки вооружения и броневой защиты. Он был вооружён одной 37мм пушкой и двумя 6,5 мм пулемётами. Толщина брони колебалась в пределах 4–12 мм.

Тем не менее, танк, хоть и лёгкий, представлял опасность для пехоты. Поэтому я взял себе четыре противотанковых гранаты РПГ–43. Когда уложил их с патронами и амуницией в вещмешок, то едва поднял его на спину. Видимо, переоценил свои силы, и мне придётся очень тяжело в предстоящем походе на японцев. Поступила команда: роте выйти в полевой лагерь на исходный для наступления рубеж. Отошли в лес на километр в сторону границы, сложили вещмешки, установили автоматы в пирамиды и с большим энтузиазмом принялись копать окопы в полный рост и ходы сообщения между ними. Для офицеров наскоро построили землянку. Солдаты ночевали в окопах под открытым небом, на холодной земле, завернувшись в плащ-палатки. Вечером нам объявили, что Советский Союз объявил войну Японии. Это сообщение вызвало бурю эмоций. Провели митинг, на котором солдаты клялись искупить позор России 1905 года.

В полевом лагере 9 и 10 августа продолжалась боевая подготовка. В основном учились бросать уже не учебные, а боевые гранаты по макетам японских танков и огневых точек, по амбразурам ДЗОТов на точность и на дальность.

Опять не обошлось без жертв. Семнадцатилетний солдат Рустамов, выдернув чеку гранаты РГД–33, растерялся и не бросил её, а выронил из дрожащих рук себе под ноги. Ему крикнули: «Ложись!». Но он стоял как вкопанный. Взрывом парня разорвало на части.

Эту бессмысленную смерть мы восприняли, как дурное предзнаменование. Пришёл командир роты и объявил, что завтра, то есть 11 августа утром наш 179-й стрелковый полк переходит в наступление на Южный Сахалин (Карафуто). А пока было приказано отдохнуть, подогнать оружие и амуницию так, чтобы ничего не стучало, не жало и не скрипело.

Переход границы

Северный Сахалин отделён от Южного Сахалина (Карафуто) сухопутной границей — просекой, проходящей строго по 50-й параллели. Её протяжённость с запада от Татарского пролива на восток до Охотского моря — 140 км.

Единственная грунтовая дорога, связывающая обе части острова, проходит по долине реки Поронай от посёлка Онор на севере до японского городка Котон на юге. Вдоль этой дороги в два эшелона наступали 157-й и 165-й стрелковые полки нашей 79-й дивизии.

179-й стрелковый полк, в котором была и наша рота автоматчиков, должен наступать без дорог через тайгу и болота. Утром 11 августа 1945 года полк перешёл госграницу в районе погранзаставы Грудеково и вступил на землю Карафуто.

Японских пограничных полицейских на границе не было. Все солдаты, как по команде, выкинули свои противогазы. Их набралась огромная куча.

Вскоре колонна 179-го полка наткнулась на просёлочную дорогу, ведущую на юг, и двинулась по ней. Но неожиданно дорога закончилась, и началось большое болото. Пришлось, медленно ступая, идти через него. Сначала трясина была по колено, затем по пояс. Стало жутковато. Ведь так можно и утонуть! Я провалился в небольшую яму и погрузился в болото по грудь. Ребята вытащили меня. Автомат я держал над головой, и он остался сухим. Вещмешок со всем содержимым промок насквозь и стал намного тяжелей.

В походной колонне шёл целый обоз. Лошади тянули 9 противотанковых пушек калибра 45-мм, походные кухни, телеги с боеприпасами и продовольствием, санитарные пункты и так далее. Лошади тревожно ржали. Повозки застревали в грязи. Солдаты на руках вытаскивали их из трясины. Кроме болот, полку пришлось форсировать заболоченную речку Хонласа-гава.

Через шесть километров опять появилась исчезнувшая ранее просёлочная дорога. Полк ускорил движение по густой тайге. Но впереди дорога была завалена спиленными елями.

Солдаты столпились и начали растаскивать деревья. Вот тогда и раздался взрыв, а за ним застучали два тяжёлых японских пулемёта.

Появились убитые и раненые солдаты. Автоматчиками приказали прочесать тайгу и уничтожить японских пулемётчиков. Их быстро обнаружили и изрешетили автоматными очередями. Пулемёты погрузили на подводы, как захваченные трофеи.

Бой за опорный пункт Муйка

Вечером 11 августа полк подошёл к опорному пункту Муйка. Японцы встретили нас плотным ружейно-пулемётным и миномётным огнём. Завязался упорный бой. Чтобы не выбиться из общего плана наступления, командир полка оставил ликвидировать окружённый японский опорный пункт нашу роту и батарею 45-мм пушек.

Сломить сопротивление врага до наступления темноты не удалось. Бой продолжался в сумерках. Японцы сопротивлялись отчаянно. Оставшиеся в живых в плен не сдавались, а делали себе харакири. Я много раз слышал об этом диком обычае самураев, а теперь пришлось увидеть. Это ужасное зрелище. Самурай расстёгивает свой китель, выдёргивает из брюк нательную рубашку, вонзает в низ живота нож и движением вверх распарывает его. Все внутренности вываливаются на землю. Самурай дико орёт, падает и в мучениях умирает.

Так впервые нам пришлось встретиться в бою со смертниками-камикадзе. Овладев опорным пунктом Муйка, наша рота двинулась вслед ушедшему полку.

179-й стрелковый полк в окружении

В 15 часов 12 августа полк был остановлен пулемётным огнём из 18 японских ДЗОТов неизвестного опорного пункта. Потерять время на их уничтожение означало замедлить темпы движения на юг. Командир оставил у окружённого опорного пункта 3-й стрелковый батальон капитана Смирных. А полк обошёл японские ДЗОТы и вновь встретил огромное болото. При его преодолении бойцам полка пришлось испытать те же трудности, что и 11 августа. К исходу дня мы вышли к неизвестному городишке и железнодорожной станции.

Это был Котон. Здесь начиналась железная дорога, идущая до порта Отомари на южной оконечности острова. Котон был началом японского укрепрайона «Харамитори».

Не успели сориентироваться, как по роте японцы открыл миномётный огонь. Укрыться было негде, и мы залегли, где попало. Справа от меня лежал пожилой солдат с рыбной фамилией Карась. Очередная мина упала ему прямо под бок, и его разорвало на части. А меня воздушной волной отбросило в сторону на 2–3 метра и оглушило. Думал, что оглох, но слух постепенно вернулся.

Вдруг послышались крики: «Банзай!», со всех сторон появилась большая масса японских солдат. Они жутко орали и, не реагируя на наш ответный огонь, под прикрытием миномётов, фанатично лезли вперёд с винтовками системы «Арисака» со штыками. Приближался рукопашный бой, которого я так боялся. Вспомнились слова моего инструктора по всевобучу, что меня заколют враги в первом рукопашном бою.

Но наша рота открыла такой плотный автоматный огонь, что самураи, оставив много убитых, отступили. До рукопашного боя дело не дошло. Воспользовавшись передышкой, мы начали окапываться и следующую атаку самураев отбили из окопов.

В результате упорных боев к исходу 13 августа наш полк попал в окружение и бился в нём трое суток. Командование скрыло от солдат этот печальный факт, и мы узнали об этом лишь после того, как к нам на помощь пробился танковый батальон. Оказалось, что наш полк зашёл через болота в тыл главной полосы обороны 88-й японской императорской дивизии. Позднее один из пленных офицеров японского шта-

ба, оценивая этот факт, сказал: «Донесение о том, что русские прошли через болота, да ещё ночью, для нас показалось сначала плодом выдумки».

Ночь в боевом охранении

В ночь на 14 августа меня, в числе десяти автоматчиков, направили дежурить на всю ночь в боевое охранение. В темноте мы выползли на нейтральную зону за 50–70 метров перед своими траншеями, выкопали себе стрелковые ячейки для стрельбы лёжа и залегли в них. В мирной жизни я не мог себе даже представить, что ночь бывает такой долгой. Вслушивался в ночную тишину, и мне всё время казалось, что ко мне подползает японец, и я даже слышу его дыхание. Нет, почудилось! Весь в напряжении, с автоматом наготове и с четырьмя гранатами на бруствере я ожидал врага. Но он не появлялся. Клонило в сон. Вдруг поблизости, слева, раздался дикий вопль лежавшего там автоматчика Долубовского:

— А-а-а-а!

И следом за ним на чётком русском языке окрик:

— Замолчи, ...твою мать!

Поднялась стрельба в направлении криков. Туда бросилась группа автоматчиков, но окопчик был пуст. Видимо, дежуривший в нём автоматчик задремал, и его выкрали японские диверсанты. Оставалось выяснить, кто кричал и ругался матом на русском языке?

Утром 14 августа наша рота пошла в атаку на японские позиции. Вместе с японцами был взят в плен русский человек в форме японского офицера. Солдаты хотели линчевать его, но командир роты не позволил это сделать. Пленного отправили в штаб на допрос. Оттуда сообщили, что мы за-

хватили в плен русского эмигранта, покинувшего Россию ещё в 1922 году. Похищенного им автоматчика живым так и не нашли.

Бои за Котон

Нашему полку было приказано при поддержке танкового батальона взять город и железнодорожную станцию Котон. Японское командование, понимая всю важность удержания в своих руках этого города, организовало непрерывные контратаки, перебрасывая в район боя силы из опорного пункта, блокированного 3-м батальоном.

Обнаружив, что часть гарнизона оставила опорный пункт, командир 3-го батальона капитана Смирных решил немедленно атаковать его. В ожесточённом бою батальон овладел опорным пунктом, уничтожив 13 ДЗОТов, а затем двинулся на соединение с главными силами, окружёнными японцами у города Котон.

Прорыв в расположение полка батальон совершил на участке нашей роты автоматчиков уже вечером 13 августа. Организован он был плохо. Связи между полком и батальоном не было. Стрельба идёт со всех сторон. Крики японцев и стоны раненых. Наши позиции часто захватывались японцами. Своя и чужая артиллерия не могли успевать точно ориентироваться, и нередко стреляли по своим. Потери с обеих сторон не поддавались учёту. Наконец, батальон прорвал окружение и соединился с полком. Наступила непривычная тишина. Санитары по стонам отыскивали на поле боя раненых и оказывали им первую помощь. Убитых не трогали. Их надо сначала опознать (именных медальонов ни у кого не было), а затем куда-то свезти для захоронения.

Утром 14 августа 179-й стрелковый полк перешёл от обороны к наступлению на Котон. Разгорелись упорные бои за каждый дом, за каждый ДЗОТ, за каждую траншею. Город и железнодорожная станция несколько раз переходили из рук в руки. Многие деревянные дома пылали. Среди горящих домов мы увидели японскую женщину. Она упала перед нами на колени и стала просить, чтобы мы пощадили её ради детей. Солдаты подняли её и жестами пытались разъяснить, что ни ей, ни другим мирным людям не угрожает никакая опасность. Успокоенная мать отправилась к своим детям.

После захвата Котона через переводчика мы узнали, что до прихода советских войск японская пропаганда усиленно запугивала жителей города «зверствами русских», в результате чего значительная часть населения ушла в лес и частично эвакуировалась на остров Хоккайдо.

Особенное влияние японская пропаганда оказывала на женщин, которым внушалось, что приход русских будет обязательно сопровождаться насилием и что сопротивляющихся женщин будут расстреливать, а их детей душить. Но зато отсутствие мирных жителей в городе облегчало ведение уличных боёв.

Ожесточённые бои завязались за железнодорожную станцию. Там стоял состав с шестью открытыми платформами, на которых были стационарно смонтированы 160 мм миномёты с механическим заряжением. Этот состав охранялся ротой японских солдат-смертников с пулемётами и гранатомётами. Чтобы уничтожить их, старший сержант Леонид Терехин погрузил свой пулемёт «Максим» на вагонетку, вместе с расчётом разогнал её и на полном ходу ворвал-

ся на станцию. Пулемётчики в упор расстреляли японских солдат и обеспечили захват станции.

В предыдущем бою за станцию в руки японцев попали несколько тяжелораненых солдат, которых не успели унести с поля боя. На другой день станцию снова захватили наши бойцы 3-го батальона капитана Смирных. Они увидели страшную картину. Все раненые были добиты японцами. У кого были отрезаны уши, у кого выколоты глаза, некоторые обезглавлены.

Капитан Смирных был постоянно в пекле боя и не получил ни одной царапины. А вот когда станция Котон была взята его батальоном, вечером 15 августа он был убит выстрелом снайпера.

Погибших в бою за Котон однополчан мы похоронили в огромной братской могиле в центре города. Скупые речи, клятва отомстить японцам за смерть боевых друзей — и мы снова ушли в бой.

15 августа 1945 года город Котон был взят 179-м стрелковым полком...

Марш на юг

После разгрома японского укрепрайона «Харамитори» наш 179-й стрелковый полк вышел на дорогу, ведущую до порта Отомари на южной оконечности острова. Похоронили своих убитых в братских могилах только в Муйке и в Котоне. Погибших в лесах оставили похоронным командам.

Непонятно, почему для такого длительного марша в 400 км пехоте не предусмотрели автотранспорт. Всю дорогу шли пешком с полной выкладкой. Оружие, патроны

и гранаты с каждым пройденным километром становились всё тяжелее и тяжелее.

На ремне у меня висели 6 заряженных рожков для автомата. Они до крови натёрли мои бедра, и каждый шаг отдавался болью.

Вечером 19 августа подошли к городу Китон. Нас догнала санитарная автомашина с красными крестами. Японские дороги узкие, и наша колонна посторонилась, пропуская её вперёд. Проехала она метров 25–30 и наехала на противотанковую мину. Раздался взрыв, и передняя часть автомобиля отлетела вместе с двигателем в сторону. Мы подбежали к автомобилю. Водитель был убит. У сидевшей рядом с ним женщины майора медицинской службы оторвало обе ноги, и она была без сознания. Солдаты наложили ей жгуты. В это время нас обгонял штабной «виллис» с неизвестным полковником. Он с адъютантом взял пострадавшую к себе и обещал срочно доставить её в медсанбат.

Пока вошли в город, стало темно. Во избежание подрыва в заминированных зданиях ночевать в домах нам не разрешили, и мы вышли к горной реке Китон-гава. Ажурный мост из стальных конструкций японцы при отступлении взорвали. Мост одним концом ещё держался на берегу, а другой конец круто уходил вниз и был в воде.

Командир роты приказал перебираться на противоположный берег по обрушившейся ферме. В полной темноте по ней полез спускаться солдат Белоглазов. Видимо, зацепившись вещмешком, он сорвался и полетел вниз. Громкий всплеск воды поглотил его крик. Бурная река унесла несчастного в море.

А мы, оцепенев от гибели товарища, не решались продолжать такую переправу. Тогда командир роты приказал

переправляться по взорванному мосту, взявшись за руки. Так мы быстро оказались на другом берегу. Командир разрешил промокшим солдатам разжечь костры, высушить обмундирование и расположиться, выставив часовых, на ночлег.

Утром мы увидели, что ночевали около кладбища. Среди надгробных плит с иероглифами стояли две печи для сжигания трупов умерших. В одной из них обнаружили каску выкраденного из боевого охранения под городом Котоном нашего автоматчика Долубовского. Как японцы сожгли его — живого или мёртвого — нам не суждено было узнать. Очень жаль парня!

Пройдя весь Южный Сахалин пешком, мы узнали, что во всех городах и даже маленьких посёлках при кладбищах были печи для сжигания трупов умерших. А в могилы закапывали только урны с прахом. И никаких дорогостоящих крематориев...

Капитуляция Японии

Основные бои за освобождение от японских войск Южного Сахалина выпали на долю 79-й стрелковой дивизии, состоявшей из 157-го, 165-го и 179-го стрелковых полков. Эти полки разгромили приграничный укрепрайон «Харамитори» и освободили от частей 88-й японской императорской дивизии 15 городов восточного побережья острова и его центральной части.

Города западного побережья Сахалина: Амбецу, Торо, Эсутору, Усиро, Тамари и Хонто освободили 113-я стрелковая бригада и 365-й отдельный батальон морской пехоты, высаженные кораблями Тихоокеанского флота десантами из

Советской Гавани. Им же пришлось освобождать самый южный порт острова Отомари.

25 августа 1945 года 88-я японская императорская дивизия, оборонявшая Южный Сахалин, капитулировала. Советские войска взяли в плен 18320 солдат и офицеров и много трофеев.

Я, как восемнадцатилетний рядовой солдат Советской Армии, не раз встречавшийся лицом к лицу в открытом бою с японским солдатом, остаюсь высокого мнения о нём. Он более дисциплинирован, более физически подготовлен и развит, его обмундирование и снаряжение более удобны для боя. Меня удивляло, почему японцы легко лазают по деревьям, как обезьяны. Рассматривая вскоре у первого погибшего камикадзе обмундирование, я с удивлением обнаружил, что солдатский ботинок у него лёгкий, прорезиненный, с отдельным большим пальцем, что позволяло ему не только быстро бегать, но также быстро и ловко взбираться на дерево.

Японская винтовка системы «Арисака» легче русской системы Мосина на 600 грамм. Прицельная дальность у неё на 400 метров дальше. Калибр «Арисаки» с момента её создания в 1905 году — 6,5мм. В России на малый калибр оружия перешли только после Второй мировой войны. У японцев в 1945 году ещё не было пистолетов-пулемётов (автоматов). Если бы они у них были, да если бы император Японии Микадо не приказал своим войскам капитулировать, то война продлилась бы надолго и стоила бы Советскому Союзу огромных жертв. Даже в Отомари, когда мы вели по городу многотысячную колонну военнопленных, несколько камикадзе на ходу сделали себе харакири и упали на доро-

гу. Остальные японцы равнодушно обошли их и спокойно пошли дальше...

29 августа 1945 года наш 179-й стрелковый полк пришёл в самый южный на Сахалине японский порт Отомари (ныне Корсаков). В городе было много японцев, не успевших или не пожелавших эвакуироваться на остров Хоккайдо. Работали магазины и предприятия бытового обслуживания...

Полк, вместе с другими частями дивизии ожидал транспорты для десантирования на остров Хоккайдо. Нашей роте автоматчиков командир полка доверил круглосуточную охрану штаба, разместившегося в красивом здании на спуске с горы к причалам порта. По ночам в разных районах города слышалась стрельба. Японцы нападали на часовых, солдат-одиночек и даже на маленькие группы.

Мне пришлось стоять в ночное время на посту у входа в штаб полка. Моё время выпало на 4:00. Это самое тяжёлое время суток, когда непреодолимо тянет в сон. Так вот, приводит меня разводящий караула на пост, а мой предшественник Гриша Дьяконов, стоявший на посту с 24:00, лежит мёртвый, без оружия, в луже крови. Видимо, он задремал, и японцы его зарезали, а автомат унесли с собой.

После этой трагедии на посты стали выставлять по два солдата, и происшествия с часовыми прекратились.

Морские переживания

В начале сентября 1945 года в Отомари прибыл огромный транспорт американской постройки типа «Либерти» — «Карл Либкнехт». Это судно водоизмещением 14497 тонн имело длину 134 метра, ширину 17 метров и осадку 8,45 метра. На нём было пять вместительных грузовых трюмов, и наш полк,

к всеобщему удивлению, весь погрузился на него (это 2 тысячи человек) со всей техникой, лошадями и вооружением.

10 сентября вышли в море ночью в сопровождении двух сторожевых кораблей, четырёх малых охотников за подводными лодками и двух подводных лодок Тихоокеанского флота. Охрана одного транспорта вполне достаточна, но, зная о мощи японского военно-морского флота, спокойствия мы не испытывали. Спасательных плотиков для солдат на судне не было. А плавать я не умел. Поскольку наша рота размещалась в первом твиндеке прямо под главной палубой, я инстинктивно часто вылезал по скобтрапу наверх и ждал взрыва японской торпеды. В свете лунной дорожки на море был виден тёмный силуэт сторожевого корабля. На душе становилось спокойно.

В каких условиях будет высадка десанта — на причалы, или в воду, или на необорудованный берег — никто не знал. А такие мысли внушали оправданную тревогу.

Появилась уверенность, что корабли Тихоокеанского флота не допустят торпедирования транспорта японской подводной лодкой. В проливе Лаперуза начался шторм. На верхней палубе стояли несколько десятков лошадей. Несмотря на большие размеры транспорта, волны качали его с борта на борт, и лошади не могли удержаться на месте. Топот их кованых копыт гулко отзывался в твиндеке. Солдаты лежали там, на железной палубе, и каждый думал о предстоящем десанте на Хоккайдо...

Отмена десанта и обыск солдат

Днём 12 сентября на горизонте показалась огромная сопка с заснеженной вершиной. Это был вулкан Асахи на

Хоккайдо. Его высота 2290 метров. У меня тревожно забилось сердце. Но вдруг наш транспорт развернулся и пошёл вместе с кораблями охранения на север. Командир роты побежал в рулевую рубку узнать, в чём дело. Вскоре вернулся возбуждённым и радостным:

— Сталин с Трумэном не договорились об оккупации советскими войсками Хоккайдо! Десант отменяется! Приказано полку вернуться на Северный Сахалин.

Это сообщение вызвало всеобщее ликование. Кто-то из экипажа транспорта расчехлил зенитный 20 мм автомат и выпустил в небо длинную очередь...

Родной Александровск-Сахалинский

Утром 15 сентября 1945 года «Карл Либкнехт» бросил якорь на рейде Александровска-Сахалинского. Город был основан русскими из-за угольных разработок ещё в 1881 году. В царское время служил краем для ссылки каторжан. В годы Советской власти здесь дислоцировался Сахалинский погранотряд. После его расформирования в военном городке остались три бревенчатые двухэтажные казармы, столовая, штаб и заброшенные бараки.

В порту из-за мелководья морских причалов не было. Лёгкие причалы были только для катеров и барж. Выгрузка и погрузка морских судов на баржи производилась на морском рейде в километре от берега. Сил и средств для быстрой выгрузки нашего полка в порту не было. Поэтому весь личный состав и боевая техника выгружались весь день.

К вечеру мы промаршировали через город на его северную окраину в военный городок. Население встречало нас торжественно, как победителей. Три казармы в городке от-

дали стрелковым батальонам. Нашей роте автоматчиков места в помещениях сначала не нашлось. И мы целую неделю ночевали под открытым небом. А по ночам были заморозки, и плащ-палатки начинали примерзать к земле. Утром их приходилось отдирать от земли.

Вскоре всем солдатам выдали шинели, и кормить горячей пищей стали три раза в день в солдатской столовой. Нашлось и место для оборудования казармы в освобождённом бараке.

Гарнизонная служба

С 15 сентября 1945 года началась моя мирная служба в городе Александровске-Сахалинском в роте автоматчиков 179-го уже Краснознамённого стрелкового полка. За мужество и героизм, проявленный полком в боях с японскими империалистами за освобождение Южного Сахалина, он был награждён Орденом Красного Знамени. Всему личному составу объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза Сталина. Президиумом Верховного Совета СССР учреждена медаль «За Победу над Японией», а 3 сентября объявлен Днём Победы над Японией и Днём окончания Второй мировой войны...

Долгий путь домой

Осенью 1951 года я был уволен в запас и поехал домой в Мурманск. Домой — понятие относительное. Дом, в котором я проживал до войны на улице Колхозной, сгорел при бомбёжке 25 мая 1942 года.

Домом я считал весь город Мурманск, в котором родился, учился и вырос. Здесь проживал мой старший брат Яков.

На первое время я рассчитывал пожить у него. Парохода, идущего на материк, ждали 5 суток.

Наконец, на рейде бросил якорь грузовой транспорт «Ола». Сначала на него погрузили каменный уголь. Затем посадили пассажиров. Среди них я и три сержанта, уволенных в запас вместе со мной.

Пассажирских кают на судне нет, и пассажиры разместились на шлюпочной палубе у открытых световых люков над котельным и машинным отделениями на тёплой металлической палубе. Уложили свои вещмешки с сухим пайком около люков, расстелили шинели и блаженно растянулись на них в ожидании отплытия.

Рано утром проснулись от протяжённого пароходного гудка. Наш пароход снялся с якоря и медленно поплыл на юг. Я последний раз смотрел на уходящий из виду город, в котором прослужил 6 лет.

Грусть овладела мной и сознание того, что я больше никогда не увижу этот ставший уже родным город. Нахлынули воспоминания, хорошие и плохие. Вспомнились добрые лица солдат, с которыми я высаживался здесь на рейде в июле 1945 года. Многие из них погибли в боях с японцами на сопках Южного Сахалина. И мне подумалось: каково их матерям?

Постепенно сахалинские горы скрылись за горизонтом, но за всю мою большую жизнь не исчезла память об этом чудесном острове на краю России. Утром причалили в порту Ванино. Первый морской этап пути домой длиной 360 километров благополучно пройден. Далее 500 километров ехал в переполненном вагоне поезда Ванино — Комсомольск-на-Амуре. Ещё 380 километров, и наконец, Хаба-

ровск. Здесь мы доплатили за купейность и вчетвером заняли купе скорого поезда на Москву...

В Москве закомпостировать билет на мурманский поезд было очень трудно даже в воинской кассе. Был сентябрь, и все ехали из отпусков. Старшие офицеры пользовались правом внеочередного обслуживания. Мне пришлось выстоять в кассу два часа, чтобы получить сидячее место в общем вагоне. На ночлег забирался на третью боковую полку, привязывал себя ремнём к трубе, чтобы ночью не упасть.

Последний отрезок пути

650 километров от Москвы до Ленинграда я проспал в обнимку с трубой на третьей боковой полке. Пока поезд ехал по самому героическому городу планеты, выдержавшему 900 огненных дней блокады, но не покорившемуся врагу, с большим волнением смотрел на его кварталы, площади и мосты. Здесь каждый камень пропитан историей и патриотизмом.

Жертвами Ленинградской блокады стали 1203000 человек, которые умерли от голода и болезней, погибли от бомбёжек и артобстрелов. Все ли ленинградцы, и тем более россияне, знают об этих жертвах? Уверен, что нет. Иначе жители города не согласились бы с лёгкостью вернуть ему немецкое название.

Кировская железная дорога от Ленинграда до Мурманска (1442 км) была наиболее знакома мне по довоенным ежегодным поездкам с семьёй в отпуск. Особенно запомнилась станция Масельская в 40 км севернее города Медвежья Гора. Здесь было большое паровозное депо, и у всех поездов меняли паровозы. На станции из огромной водонапорной

башни поезда заправлялись водой. Рядом со станцией был посёлок из двухэтажных жилых домов и колхозные постройки.

И вот я выхожу из вагона на станции Масельская и не узнаю её. Нет ни депо, ни старого вокзала, ни посёлка. Только три полуразрушенных двухэтажных дома, полуразбитая снарядом водонапорная башня и братская могила семи бойцов Красной Армии, погибших в бою за станцию в 1942 году. По виду этой небольшой братской могилы у пассажиров создаётся ошибочное мнение, что здесь не было больших боёв. Это не так. В январе 1942 года за станцию Масельская шли ожесточённые и тяжёлые бои войск Масельской оперативной группы Карельского фронта с Карельской Армией финнов.

За неделю боёв с 3 по 10 января 1942 года 186-я, 289-я и 367-я стрелковые дивизии, 61-я и 65-я морские стрелковые бригады потеряли в боях с финнами 23 тысячи своих бойцов, но станцию удержали. Знают ли об этом пассажиры проходящих через неё поездов? Уверен, нет.

От Кандалакши до Мурманска я не отходил от окна вагона. Проплывали до боли в сердце знакомые с детства станции: Кандалакша, Апатиты, Оленья, Тайбола, Кица, Лопарская, Шонгуй, Кильдинстрой, Выходной, Кола и, наконец, мой родной Мурманск. Позади почти 13 тысяч километров.

Вышел из вагона, как пьяный. Но тут сразу попал в объятия встречавших со слезами радости отца, матери и старшего брата Якова.

Так в конце сентября 1951 года я бросил якорь на постоянное местожительство в 1500 километрах от Москвы и в 2500 километрах от Северного полюса.

Журкова М.А.

Детство пришлось на военное время

Посвящается нашей любимой маме —
от сыновей Николая и Александра

Время детства моей мамы, Журковой Марии Антоновны, пришлось на военное время. Ее воспоминания об этом хотелось бы передать.

Начало войны она с семьей встретила на новом месте жительства — в г. Камешково Владимирской области. Череда событий предшествовали переезду.

Она родилась 17 января 1929 г. в деревне Старые Шалы Ельниковского района в Мордовии в большой крестьянской семье: родители — отец Алешкин Антон Семенович, мать — Гуляева Акулина Дмитриевна. Братья Николай, Константин и Иван. Шли 30 годы. Время перемен. Коллективизация. Наша семья оказалась в гуще происходящего. В деревне никого не удивило решение о выборе отца председателем колхоза. Он пользовался уважением односельчан, всю жизнь занимался крестьянским трудом, как его и родители. Отец согласился и взялся за дело. Люди его поддерживали и помогли. Однако, время его председа-

тельствования в колхозе совпало с трагически известными событиями 30-х годов XX века. Несмотря на неурожайные годы, районное и республиканское руководство требовало увеличение хлебопоставок государству. В эти годы при общем падении сбора зерновых, сдача хлеба государству значительно выросла. Закономерным итогом стала нехватка хлеба в деревнях — начался голод, что вызвало большое недовольство людей. Искали «стрелочников». Отец, чтобы избежать голода принял непростое решение о раздаче колхозникам части пшеницы, подлежащей поставки государству, для использования на продовольственные нужды. Вскоре отца вызвали в районную администрацию. Откуда он не вернулся. Как узнали позже, на отца поступила анонимка за его действия с передачей пшеницы. За это его арестовали и осудили. Зная, что отец ни в чем не виноват, мама стала писать жалобы во все инстанции. Несмотря на массовые репрессия в те годы, ей удалось «достучаться». Отца освободили. Она поехала к нему в лагерь и вскоре приехала с ним.

После этой истории отец решил с семьей уехать из Мордовии. Это было вызвано в большей мере глубокой обидой и на тех, кто написал анонимку, и на тех, кто его необоснованно «посадил» за благое дело.

На Комсомольской площади в городе Камешково отец своими руками построил большой деревянный дом. Во Владимирской области нам понравились места и люди. Жизнь пошла своим чередом. Отец со старшим братом Николаем устроились на работу. В свободное время Николай активно занимался общественной комсомольской работой. А она с двумя братьями училась. В отличии от них, она очень старалась. Хотела поступить в институт и «выучиться на юри-

ста», чтобы не допускать несправедливости, которая произошла с отцом.

Но жизненные планы были нарушены началом Великой Отечественной войны. В 1941 г. отец и брат Николай ушли на фронт. Мать, оставшись с тремя детьми, вынуждена уехать к родственникам в Мордовию. К сожалению, нам с братьями было не до учебы. «Все для фронта! Все для победы!». И это не просто слова — это жизнь гражданского населения во время войны В деревне несмотря на возраст — 12 лет она наравне со взрослыми работала в поле, разносила почту — треугольные фронтовые письма, к несчастью, зачастую это были похоронки.

Тем временем отец после, полученного в боях под Москвой ранения, вернулся домой. С радостью, что отец жив, мы возвратились обратно в Камешково. Но радость была не долгой, в сентябре 1943 г. к нам в дом пришло трагическое известие, почтальон передал треугольное фронтовое письмо, в котором сообщалось, что рядовой Алешкин Николай Антонович героически погиб в боях при освобождении Ворошиловградской области (ныне Луганской). Эта трагедия сопровождала родителей и меня всю жизнь. Светлая память о Николае осталась навсегда со мной, для меня он был лучшим братом и защитником. Он захоронен в братской могиле в селе Морозовка Луганской области.

В конце войны призвали в Армию по достижению возраста брата Константина. В мае 1945 года он вернулся. Война закончилась.

После окончания школы сбылась ее мечта, она поступила на юридический факультет Казанского Государственного университета. Училась с огромным удовольствием. Много за-

нималась общественной, комсомольской работой, спортом, в научных кружках. Учебу закончила замечательно, с высокими оценками. В начале 50 годов она окончила обучение, ее выпуск был первый послевоенный.

Шел 1953 год, страна переживала смерть Сталина. Уже в то время был взят курс на резкое сокращение административных кадров и повышение роли общественности в борьбе с преступностью. И поэтому почти весь выпуск был направлен на педагогическую работу в школу. Так, она проработала по распределению 5 лет учителем в Челябинской области. За это время вышла замуж, родила двоих сыновей, а позже третьего. После окончания срока направления вернулась к родителям во Владимирскую область. Где осуществилась ее мечта — поступить на судейскую службу. В 1960–избрана народной судьей. Работала судьей в Ставровском районе, а затем в г. Киржаче. Сложностей на этом пути было не мало, но они не пугали. Так, в начале работы в г.Киржаче в ожидании квартиры ей с двумя маленькими детьми почти год пришлось жить в служебном кабинете Киржачского районного суда, располагавшегося в стареньком одноэтажном деревянном здании.

После этого было много событий, радостных и печальных. Но трудности на работе и личной жизни ей были не страшны. Предвоенные годы и тяготы войны сделали ее, 16 летнюю девочку, совершенно взрослым и сильным человеком.

Главным своим достижением в жизни она считала, что родила и воспитала трех сыновей, двое из них пошли по ее стопам, третий посвятил себя службе в Военно-морском флоте РФ.

О работе и жизни: «судейскую работу я просто любила, я жила ею. Постоянный поиск истины, правды и справедливости. Множество прочитанных лекций и бесед в коллективах, работа, с товарищескими судами, встречи учеба с народными заседателями. Все мы тогда работали на каком-то одном дыхании, верили в светлое будущее страны, старались вложить и свой труд. Это был светлый период в истории нашей страны, поэтому невзирая на все трудности, я вспоминаю его с удовольствием».

10 декабря 2010 года «за большой личный вклад в развитие судебной системы, всестороннее содействие в укреплении и совершенствования правосудия РФ, а также в связи с годовщиной Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» приказом судебного департамента при Верховном суде РФ от 06.10.2010 № 692 л/с ветеран Великой Отечественной войны Журкова Мария Антоновна награждена медалью «за безупречную службу».

Зиланов В.К.

Военное детство

О моем самом раннем детстве — а это довоенное время и первые годы войны — как ни странно, я помню и некоторые моменты, и свои ощущения с одного-двух лет. Эти воспоминания особые. Они запечатлелись, как кадры старой кинохроники.

Мост, сумерки. Я перехожу из рук в руки — то к матери, то к отцу. А они ходят по мосту то в одну сторону, то в другую. На улице стало совсем темно. Я расплакался и смог успокоиться только дома у бабушки. Впоследствии я узнал, что когда родители решили развестись, то решали, с кем я останусь. Отец настаивал оставить сына у него, а мать — у нее.

В военное время я вошел под бабушкиным крылом. Это было очень голодное, по-детски тревожно-радостное и одновременно тяжелое время. Мы с бабушкой, прабабушкой, мамой и сестрой Люсей жили в Елабуге, татарском городке. В доме была русская печка. Мы, дети, вместе со старшими забирались на эту печку. На ней, разогретой, приятно было спать. Для детского ума печка — это целый мир, где тепло, мягко, где рассказывают сказки и тихонько поют, когда ты уже в дреме. И еще печка запомнилась тем, что раз в неделю мы мылись около нее «по-черному». В печку ставили воду, нагревали. Затем открывали заслонку и запускали в печку нас, детей. И потом — сразу в разогретую воду мыться. Это же веселое развлечение для ребят! Тем более, что поводов для радости было мало.

Мы были вечно голодные. И хотя бабушка и мама все делали для того, чтобы мы были сытыми, война давала о себе знать. Остались такие специфические вкусовые ощущения,

которые никогда не испытывали люди, родившиеся в послевоенные годы. Хлеб выпекали с полынью, чтобы его было немножко побольше, варили шелуху от картошки, ячмень...

Раз в месяц по карточке мы, как семья офицера, с бойни получали кровь. Ведро красной жидкой массы приносили в дом. А так как холодильников тогда не было, нужно было всю эту порцию пустить в дело. Делились с соседями. Большинство их было татарами. Всем доставалось. В целом жили дружно. И бабушка запекала кровь на большой сковороде. Чем смазывала, что туда добавляла — трудно сказать. И мы с упоением ели эти кровяные лепешки! Это был большой праздник!

Ощущение военной «голодности» осталось на всю жизнь. Всегда все съедаю, что подано. С укоризной смотрю на тех, кто, положив в тарелку, недоев — оставляет. Вид выброшенной в отбросы пищи и особенно хлеба, что дескать зачерствел, вызывают внутренний мощный протест. Как же так можно?

Детские впечатление отличаются яркостью, но отрывочностью. Я, например, не помню, как там, в Елабуге, переболел малярией. Малые дети всегда подвержены болезням, а во время войны вылечить ребенка особенно сложно. Как рассказывали потом бабушка и мама, болел очень серьезно, был на грани между жизнью и смертью. Лечили в больнице в Казани.

Вспоминаю, во дворе дошколята, конечно, дружили друг с другом. Среди нас были русские, татарские дети, евреи и украинские ребятишки из семей, вывезенных во время войны в Татарскую АССР. Все мы были шаловливые, дразнили татар, а они дразнили нас, но злобы и обиды не было. Мы, малышня, видимо, чувствовали большую общую беду, сплотившую людей во всеобщее братство. Мы видели, как соседи помогали друг другу, всегда чем-то делились, поддерживали

морально. Во дворе люди читали фронтовые письма, пересказывали друг другу какие-то истории. Большинство — это письма воевавших или от вернувшихся с фронта раненых.

Лето сорок третьего для нас, пятилеток, было просто теплым летом, когда можно было купаться, загорать, бегать и играть в «немцев и красных». В тот день я с мальчишками гонял в «тряпочный» мяч. Почему «тряпочный»? Да это была зимняя варежка, набитая тряпками, бумагой и округленная веревками. Вот и футбольный мяч! И, вдруг мне кричат: «С пристани твой отец идет!». Смотрел в сторону реки. Оттуда, хромая, шел человек в офицерской форме. Я хотел пролезть сквозь деревянный забор. Голова прошла, а туловище, точнее живот (видимо, рахит развивался) застряло. И в таком конфузном положении отец меня застал, вытащил из западни.

На следующее утро он всех нас, мальчишек, выстроил и начал командовать: «Налево!», «Направо!», «Вперед!». А так как я из всех был самым маленьким, мне следовало стоять в самом конце. Но он меня поставил впереди и сказал: «Я командир, а сын — мой заместитель». Такое несколько сумбурное и радостное воспоминание!..

Через некоторое время мы с бабушкой и прабабушкой переехали в Казань, а мама с моей сестрой Люсей осталась жить в Елабуге. И в Казани якобы я потерялся. Как рассказывает бабушка, она была со мной на базаре, потом на железнодорожном вокзале. И я пропал! Потом она меня все-таки разыскала в интернате, где я пробыл около четырех месяцев. Как ни странно, это было самым большим и радостным событием в те годы, поскольку в интернате все мы, малолетки, только и делали, что играли друг с другом. Да и сыты были по тем временам.

Но есть и другая версия этого события. Как сына фронтовика меня сдали в интернат, чтобы я немного подпитался и окреп.

У бабушки, по улице Телеграфный переулок, было полуподвальное помещение с двумя окошками — одна большая комната, она же кухонька и спальня для всех. Эту комнату полуподвальную бабушка получила как дворник дома. Работа и хоть какой-то заработок. Тут я и жил вместе с бабушкой и прабабушкой. Иногда к нам приезжала мама. Это было радостно для меня. Набегавшись, блаженно засыпал вместе с ней на топчане.

Мне шел уже седьмой год, и я хорошо запомнил День Победы. Когда по радио объявили Победу, а это было рано утром, бабушка открыла полуподвальное окошко и в чем была — а она ложилась спать в очень длинной рубашке — высунулась на улицу, размахивала платком и кричала: «Ура! Победа, Костя жив! Победа, Костя жив!». Это ее любимый младший сын и мой отец — фронтовик.

А прабабушка уже плохо ходила и через три дня умерла. Посредине этой маленькой комнатенки стоял стол, на котором лежала прабабушка, и целую ночь моя бабушка и все родственники, которые там были, собрались и несли последнюю прощальную службу.

Так наша семья пережила войну. И так же жили семьи всей нашей огромной страны. Нам повезло, мой отец был жив, пройдя войну от Сталинграда до Львова. Но мне его очень не хватало. Он остался жить во Львове, где получил ранение и затем лечился в госпитале. Там у него была уже другая семья.

Мама, видимо, надеялась, что ей удастся восстановить семью. Она решила со мной и Люсей поехать к отцу во Львов, несмотря на то, что они были разведены. Перед отъездом из

Казани друзья меня спрашивали, куда мы едем. Я гордо отвечал: «Едем к папе далеко на запад!».

Мы ехали на перекладных, окольным путем. На участке от Харькова до Львова билетов нам не доставалось и ехали мы на крыше вагона, под пронизывающим ветром. Мама себя и нас связала веревкой, а затем привязала к вентиляционной трубе, чтобы мы с этой крыши не свалились. На остановках главная задача была — добыть кипяток и кое-какое пропитание, да и чтобы не заметили при посадке — все мы ехали «зайцами» и «на добром слове».

Когда мы с мамой и сестрой приехали во Львов, мама привела нас к отцу, где у него была уже вторая семья — жена Неля Даниловна и маленькая дочь — Майя. Отец встретил приветливо и сразу меня с сестрой отвел в парикмахерскую, где нас постригли наголо. Избавлялись от дорожных гнид и вшей. О чем говорили тогда, оставшись наедине, две женщины? Не трудно догадаться. И мы, и мама остались на эти пару дней в их маленькой квартире. Какие были дальнейшие разговоры двух женщин и отца — этого я не знаю, но теперь догадываюсь, ситуация складывалась драматическая.

В итоге мать оставила меня и сестру Люсю у совершенно чужой для нас женщины, у которой была и своя маленькая дочь. Теперь она стала для меня и Люси новой сестрой уже по отцу. Вот так. На прощанье обещала за нами приехать. Время шло незаметно. Новая семья пополнилась еще и малышом — братом Юрой. Родным для меня тоже по отцу. После некоторого времени, года через три-четыре, вернулась родная мама и попросила отца, чтобы кого-то он оставил у себя, а кого-то взяла она. Потом хотела забрать обоих. Отец решительно ответил: «Нет, Славку не отдам!».

Но вопрос был решен не так-то просто. Был суд. Сестру и меня вызывали и спрашивали, с кем мы хотим жить. Люся заявила, что хочет остаться с мамой, а я сказал, что хочу жить с папой. Мама забрала Люсю и уехала. Так я остался жить в семье отца. Неля Даниловна стала для меня второй матерью, и очень хорошей матерью, которая заботилась обо мне так же, как о своих родных детях — дочери Майе и сыне Юре.

Осталось очень много ярких воспоминаний, связанных с тем временем. В первые послевоенные годы мы, дети, помогали маме по вечерам клеить в тетрадь для отчета продуктовые талоны (она работала продавцом в магазине). На каждом талоне было написано, какой это вид продуктов — хлеб, сахар, сельдь, крупы и прочее, какая цена талона. Однажды приклеили все талоны, которые накопились за день, но не оказалось трех талонов. Это был переполох в доме! Отец и мать знали, чем дело может обернуться. Их переживания передались детям. Все долго искали эти талоны, потом все-таки нашли.

Нас приучали к работе. Без дела не сидели. В новой семье в мои домашние обязанности входило раз в неделю натирать паркетные полы мастикой, гулять с младшими сестрой и братом, иногда забирать их из садика. Да и другие были поручения. Не выполнить их — тогда такого не было. Чувство ответственности возникало, когда я видел, как отец с матерью борются за жизнь в непростой послевоенной обстановке.

Там, во Львове я впервые увидел пленных немцев, которые напротив нашего дома днем, под конвоем, за ограждением работали на восстановлении больницы. Мы их обзывали «фашистами, немчурой» и за это каждый раз получали нагоняй — словесный, от охранявших их наших

солдат. Спустя некоторое время мы перестали их обзывать и с интересом слушали, как в период коротких отдыхов некоторые из них играли на губной гармошке. Невидаль была для нас. Смотрели они на нас с любопытством и доброжелательно. Видимо, вспоминали своих детей и думали: что с ними? Жестами показывали нам, что курить хочется и есть. В то время старшие ребята втихаря от родителей уже покуривали, собирая окурки, называли их «чинарики». Попробовать «чинариков» пришлось и мне. Не понравилось. Больше их не курил.

Вот как-то набрав этих «чинариков» с десяток, завернув их в клочок газеты, бросали иногда за ограждение пленным немцам. Наши конвойные, конечно все это замечали, но делали вид, что не видят. В ответ немцы улыбались, благодарили кивком головы. А один раз в ответ бросили нам губную гармошку. Из-за неё чуть драка не произошла. Кому она достанется? Решили мирно — все могут ею пользоваться, а на хранении быть ей у самого старшего среди нас 14-летнего Вити Баринова. В последующем он и стал ее владельцем. Так мы и «подружились» с немецкими пленными. Месяца через три, после окончания восстановительных работ, их увезли в неизвестном для нас направлении. Мы привыкли их видеть ежедневно, и без них первое время даже как-то «пусто» стало на противоположной нашему дому улице.

Когда пошел в первый класс, портфеля у меня не было, хотя у многих других были. И мне Неля Даниловна из парусины сшила сумку. С военной выправкой, нимало не смущаясь, помню, носил эту сумку через плечо, как противогаз.

Вера Ивановна, моя первая учительница, миловидная женщина средних лет, относилась ко мне как-то уж очень за-

ботливо, поскольку на родительские собрания ходил только отец. Как правило, у всех остальных ходили матери. А отец не мог, видимо, постоянно ходить и часто пропускал. Поэтому Вера Ивановна иногда меня брала к себе домой, чтобы помочь делать домашние задания и чем-нибудь подкормить. Вот один раз зимой, пригласив к себе домой, напоив чаем, накормив блинами и позанимавшись со мной дополнительными уроками, Вера Ивановна подарила мне старенькие, но еще добротные валенки! Это была такая радость! Но не потому, что валенки спасут от мороза, а потому, что на них можно было накрутить коньки-снегурочки с задранными вверх носом! А зимы во Львове иногда были довольно устойчивые — месяц-два можно и на коньках покататься!

Я с большой гордостью принес эти валенки домой, на что моя мама Неля Даниловна сказала: «Ай-ай, зачем же ты их взял?! Неси обратно! Что же, мы не можем тебя одеть и обуть?..». Но отец, видя, что я прижал валенки и коньки к груди, понял мое состояние и сказал: «Ладно, носи».

Значительно позже я узнал, что он приходил к Вере Ивановне, поблагодарил ее и сказал, чтобы она не баловала меня лишним вниманием. Но она продолжала ко мне по-особому относиться, хотя, прямо скажу, учился я не ахти как. Были разные отметки, были и двойки, когда учился в шестом классе. Но это другая история, связанная с моим подростковым возрастом и влиянием улицы.

У мамы была сестра тетя Пазуня. Она служила монахиней в церкви Святого Юрия и дослужилась до управляющей делами церкви. Умерла она в возрасте 93 лет. Во время одной из поездок во Львов, незадолго до ее смерти, я ее посещал. Она была уже на пенсии, жила в отдельном домике во Львове, где

жили монашки-пенсионерки. И как набожный человек она нас с детства в тайне от отца приучала к молитве.

Отец относился к религии настолько терпимо, насколько позволяла партийная дисциплина. Но он ее, бесспорно, в этом вопросе нарушал, поскольку его вторая жена Неля Даниловна была набожная, каждую неделю ходила в церковь. Тем более, ее сестра служила монашкой. Единственно, отец всегда говорил: «Неля, ходи, молись, куда хочешь и когда хочешь, но чтобы мои партийные органы этого не знали».

Тетя Пазуня знала, что я и Люся были крещеные. Нас бабушка крестила еще в Казани. У меня с собой был крестик. Тетя Пазуня приходила к нам по субботам и воскресеньям. Перед обедом вставала, начитывала молитву, а когда отца не было, нас всех заставляла креститься.

А в церковь мы не ходили еще с детского возраста. Нас к этому не принуждали. Отец просто сказал: «Кто хочет — может ходить, не хотят — не принуждать».

Тетя Пазуня оставила неизгладимый след в моей памяти, поскольку она была очень добра, мягка, никогда не повышала голос, но так говорила, что позавидовал бы любой другой воспитатель. Всегда не хотелось ее огорчать.

Дядя Иван, брат мамы, Нели Даниловны, жил с семьей километров за шестьдесят-семьдесят от Львова, в селе Залисцы. Иногда он привозил нам яблоки, фасоль, картошку и другие продукты. На летние каникулы меня дважды отправляли к дяде Ивану. Спали мы, ребята, то на сеновале, то в хате. Пол в хате глиняный, застелен вышитыми гуцульскими ковриками — красиво! Но я в Залисцах чувствовал себя неуютно, поскольку все говорили на украинском языке, который я понимал, но на нем говорил с большим акцентом. В этой

семье не принято было после обеда благодарить за пищу, говорить «Спасибо», хотя я научился говорить по-украински «Дякую!». Но меня дразнили: «Дякую по спине лопатою!». Мне настолько не понравилось пребывание в селе, что я даже хотел бежать оттуда во Львов. Но дядя Ваня меня перехватил на полдороги к станции. Потихоньку прижился.

А когда я ездил к дяде Ване во второй раз, то уже с удовольствием с местными мальчишками ходил в ночную пасти лошадей, рыбачил, выполнял любую крестьянскую работу. Словом, прижился как свой среди украинских ребят. Хотя они и дразнили меня иногда «москалик», т.е. русский.

Особенно мне нравилось участвовать в процессе изготовления масла. Сначала бидоны с молоком ставились в холодный ручей. Вверх поднимались сливки, которые сливались в емкость в виде бочонка. Толкушка — с маленькими дырочками. Ты толчёшь, а наверх выходят взбитые сливки — капельки для масла! Глядишь на них, а они сами просятся в рот! Особый молочно-масляный приятный запах растекался по комнате. До сего дня вспоминается это вкусовое ощущение — настоящего крестьянского или, как говорили на западной Украине, «селянского» масла.

Первые послевоенные годы, а это были 1946–1948 годы, несли отпечаток войны и ее последствий. И вновь, как и в войну, еды не хватало. Хотя вокруг Львова было много сел, из которых на рынок подвозили продукты, но покупать их было зачастую недоступно многим. Чтобы прожить, надо было много работать и много зарабатывать.

Мужчины, бывшие военные, не сразу смогли переключиться на мирную жизнь. Во-первых, психологически было тяжело. Во-вторых, многие пришли с войны калеками, как

мой отец, и им требовалось длительное лечение и реабилитация, повышенное питание. Гражданских профессий у большинства не было.

Отец был призван в Красную Армию, где служил с 1935-го по 1937-й на Дальнем Востоке. Второй раз его мобилизовали в 1941-м. На этот раз в армии он прослужил до сентября 1946 года, успев повоевать, окончить командирские курсы, получить ранения. За ратные дела был отмечен наградами.

Демобилизовался в чине капитана, после лечения ранений под Сталинградом как инвалид II группы. Когда их танк горел, они вышли из танка и сражались с немцами врукопашную. Сначала ему повредило колено. Потом получил удар штыком в грудь, и прикладом еще по груди.

Вначале отец был командиром танка, потом командиром пулеметной роты, заместителем командира стрелкового батальона в армии у командующего бронетанковыми войсками генерала П.С. Рыбалко, в последующем — маршала.

...Кстати, во Львове отец одно время в последние годы жил на улице, которая носила имя маршала Рыбалко, чем очень гордился. А в годы рьяной перестройки, национализма и отделения Украины улица имени маршала Рыбалко была переименована в улицу Петлюры. Но отец, слава Богу, до этого не дожил. Умер, когда улица носила имя его командующего. Но перемены уже шли вовсю... Украина приобрела самостоятельность. Бывшие националисты-бандеровцы становились «героями», им и памятники начали ставить...

Закончил войну отец, прихрамывая. Ногу ему спасли врачи во львовском госпитале. Он до конца дней приходил к врачу, которая спасла ногу. Как отец рассказывал, началась гангрена, а она и до сих пор считается трудно подлежащей

лечению. «Костя, давай, или сегодня по колено, или завтра еще выше», — сказала врач. Он ее попросил сделать все возможное. И врач применила все свои знания, умения, все медицинские усилия, чтобы остановить гангрену. А в последующем у отца еще был и туберкулез. В результате половину легких вырезали. Да и два ребра война забрала.

Демобилизовавшись, отец задумался о работе, тем более, что тогда инвалиду, вышедшему на работу, инвалидная пенсия доплачивалась. Первое время отец работал, не имея образования. До войны, живя в Казани, не успел окончить финансовый техникум, отделение работников сберкасс. И они с другом, тоже фронтовиком, дядей Толей создали артель инвалидов. В артелях разрешалась какая-то нехитрая работа: шили фуфайки, бурки — обувь для ног на зиму и т.д. Отец был более практичного склада ума, чем его друг, и стал заправлять делами.

Затем отец работал в системе сберегательных касс. Тогда шел обмен денег. Соседи приходили, просили: «Пан Костя, помоги обменять деньги!». Как я догадываюсь, он и помогал. Во всяком случае, один из соседей, отец моей первой любви дядя Гриша, долго с отцом по этому поводу заговорщицки говорили на кухне. А поскольку я и жил, и спал на кухне, то все слышал и видел. Выпивали, конечно. Дядя Гриша очень убеждал отца: «Ты воевал, я воевал. Ты должен помочь обменять деньги, которые у меня оказались не на сберкнижке!». Думаю, отец ему в этом помог, так как обращение фронтовика к фронтовику было веским аргументом.

В последующем отец работал помощником начальника Львовского рыбтреста по кадрам. В это объединение входили несколько рыбхозов, которые выращивали карпа.

Выезжая на эти предприятия, отец часто привозил с собой ведерко-два рыбы. Рыбу «выписывали» на законном основании, но продавать ее было нельзя. Поскольку для семьи такое количество рыбы было большим, а холодильников не было, то карпов, карасей, линей либо отец отдавал соседям, либо Неля Даниловна обменивала на что-нибудь съестное. Отец всегда предупреждал жену: «Неля, лучше отдай гостинцем, но ни в коем случае не торгуй». Но, конечно, мама и продавала, поскольку нужно было покупать другие продукты, опять же для отца. Ему требовалось повышенное питание для лечения туберкулеза.

Особенно мне запомнились встречи фронтовиков. Это были застолья по праздникам и семейным датам. В то время праздники, прежде всего День Победы 9-го Мая, встречали радостно. Дядя Петя, дядя Толя — сослуживцы отца — со своими женами приходили к нам в гости.

Закуска на столе была всегда одна и та же: винегрет, селедочка, огурчики, капуста, картошечка отваренная, и конечно, фронтовые две поллитровки на компанию, чай. Неля Даниловна пекла что-то незамысловатое из теста.

Первый тост был «За Сталина, за Родину». Потом «За Победу», «За тех, кто погиб на фронте» и, конечно, «За жен, подруг». Мужчины всегда вспоминали свои ратные подвиги: где были, как воевали, а если бы вот так в атаку пошли, а если бы комдив немного раньше дал команду... Были и некоторые сожаления: вот, меня за это не наградили, а того-то наградили сверх меры...

Дома у нас было старенькое пианино, которое нам досталось от прежних, бежавших на запад, хозяев квартиры. Дядя Петя, который закончил войну в звании подполковника

и тоже ушел из армии по ранению, блестяще играл на пианино и неплохо пел. Был у него и трофейный, весьма красивый аккордеон. Его игра на нем всех покоряла. До войны он закончил четыре курса консерватории. После уже не учился. Подрабатывал в пивных, в то время очень расплодившихся на улицах городов. Они назывались рюмочные, водочные, чайные.

Дядя Петя даже хотел учить нас, детей, музыке. Но ни времени, ни желания у меня не было, я кроме «Чижика-пыжика» ничего не выучил. Но моя младшая сестренка, родная по отцу, Мая все же восприняла музыкальные уроки дяди Пети и в последующем даже училась в музыкальной школе. Могла сыграть даже «Полонез» Шопена и другие произведения.

Ни дядя Петя с тетей Лелей, ни дядя Толя с тетей Фаей не имели детей. И часто заводили при нас такой разговор.

— У вас, Костя, Неля, четверо детей, тяжело вам! Отдайте Славика кому-нибудь из нас на воспитание.

Потом просили отдать младшего Юру. Но отец отвечал:

— Нет, это наши дети!

Я вначале думал, что нас разыгрывают. А потом не раз слышал эти разговоры. И часто дядя Толя, дядя Петя и их жены по-дружески приносили нам то рубашку, то штаны, перешитые из взрослой одежды. Мама с благодарностью их принимала, потому что на покупку обновок не хватало средств.

Отец выпивал вместе с друзьями и не по праздникам. Иногда из-за этого и получка уменьшалась. Неля Даниловна знала, где они сидят, приходила, забирала, приводила домой с шумом, с гамом. Неля Даниловна его корила: «Как же тебе не стыдно!..». На что отец отвечал: «Неля, не волнуйся, на семью всегда заработаю...».

Такая выпивка была в послевоенный период обычным делом. Они не были пьяницами. Почти все инвалиды, их захлестывали воспоминания, заработка достойного не было — это все накладывало отпечаток на душевное состояние. С другой стороны, они были молодыми, энергичными, и хотелось побравировать орденами, рассказами о военном быте.

Надо сказать, что в этих пивных и чайных была любопытная публика. Особенно запомнился дядя Федя, он был без ног, передвигался на коляске... А коляски тогда были сложены из досок, да четыре подшипника. Руками держал два деревянных бруска, ими отталкивался — и так передвигался. Был бездомным, жил в подвалах. Но такой отчаянный, в тельняшке, видимо, из матросов. И мы, уличная шпана, его очень почитали, безропотно выполняли его просьбы.

Дядя Федя часто просил нас что-нибудь ему принести, в основном что-нибудь из дома съедобного. Он четко знал, что мы можем, а что не можем, и не заставлял нас делать того, что нельзя. Но и то, что просил, было иногда рискованно. Кто картошку из дома сопрет, то кусок хлеба. Хотя хлеб после войны был очень желанным продуктом, на вес золота.

Отец в послевоенный период жил и умер во Львове. У него всегда была традиция: вместе со своими воинскими друзьями отмечать День Победы у памятника разведчику Кузнецову. И вот в один из таких дней произошел трагический случай.

Вдруг 10 мая мне звонит брат Юрий и говорит:

— Вылетай, с отцом плохо, у него серьезный приступ. Приедешь — расскажу.

Во Львове брат рассказал, что отец собрался на празднование 9 Мая, Дня Победы. Был при орденах и медалях. Сел в трамвай. А ему молодые ребята-украинцы говорят:

— Вуйко, ты шо поцепыл?

— Что заработал на фронте, то у меня и на груди, — ответил отец.

— Ах, москаль!! — один из парней вцепился в эти ордена и медали.

С отцом — приступ... Но он оправился, я побыл у него. В один из дней ему говорю:

— Папа, что тебе дает такие силы, оптимизм? Ты так спокойно смотришь на все эти перестройки... Надеваешь советские награды, несмотря на такие гонения здесь, во Львове.

— Ну и что? Ты тоже будь спокоен, — ответил отец. — Я прошел все времена: и НЭП, и войну, и все, что было в стране. Пройдет эта эйфория перестроек, национальной «незалежности» — и все вернется на круги своя. Потом придут к выводу, что должно быть государство социальной справедливости.

Меня тогда поразили эти слова — «государство социальной справедливости». Я спросил:

— А когда же это будет?

— Ну, лет через пятьдесят, — отшучивался отец.

— Так через пятьдесят лет ни тебя, ни меня не будет!..

— Ну и что же, другие-то будут.

Таким оптимистом он был. И до конца моей жизни он будет для меня примером жизнелюбия. Как я видел и чувствовал, он руководствовался только собственным пониманием долга и собственным пониманием происходящих таких сложных процессов в стране.

В коммунистическую партию отец вступил в 1940 году, и до конца своих дней он оставался членом партии. И это уже было в современной Западной Украине. Тоже нужно было мужество, как на войне.

Возвращаюсь к более раннему детскому периоду, когда мы приехали во Львов, вспоминается и такой случай. Это было в первые послевоенные годы. Жизнь все же налаживалась. Организовывались тогда в летний период пионерские лагеря. В них путевки получали в основном дети бывших отставников — военных. И, как правило, русские ребята. Мальчишкой я впервые поехал летом 1948 года в пионерский лагерь под деревней-селом Брюховинами. И впервые тогда воочию столкнулся с так называемыми «освободителями Западной Украины», или попросту говоря, бандеровцами. Что это за бандеровцы — мы, мальцы, не знали. Так их называли взрослые — русские, да и часть местных украинцев.

Жили мы в пионерлагере в больших воинских палатках. В одной палатке была группа маленьких ребят — человек двадцать. Как правило, вожатая спала у входа, и еще один молодой человек был у входа, оберегая нас и следя за тем, чтобы все вовремя легли спать, встали, построились, чтобы все были подконтрольны.

И вдруг в одну из таких ночей, под утро, слышим, раздаются выстрелы. Наши вожатые закричали: «Немедленно с коек долой! Все под койки!!».

Мы спрятались под койки. Наступал рассвет. А мальчишки есть мальчишки. В палатке у нас были дырочки. Кто мог, в том числе и я, подсматривали. Видим, люди с винтовками стреляют, потом тишина. Мы остаемся на местах. И вдруг наши бойцы ведут двоих под конвоем, ставят у стенки. Раздаются выстрелы — и эти двое падают...

Нам, конечно, не говорили всего. Просто сказали, что бандеровцы пытались напасть на пионерский лагерь, поэтому обстреливали. И наша палатка, и другие были простреле-

ны пулями. И мы даже прямо в палатке нашли пулю, застрявшую в доске. Это была первая встреча с такими нелюдями, которые даже хотели организовать нападение на пионерлагерь, где отдыхали малолетки — октябрята и пионеры. Так и в мирное уже время война не отставала от нас.

Зиланова Л.О.

В глубоком тылу

Я родилась в 1938 году в городе Чита, в Забайкалье, и к началу войны мне было всего лишь 3 года. В силу малого возраст и того, что Чита была в глубоком тылу, воспоминаний о войне, и о том, как я её воспринимала, у меня почти не осталось.

Папа был с нами: его не взяли на фронт по медицинским показаниям (была проблема с сердцем). Он работал на вагоноремонтном заводе. Мама работала надомницей при швейной фабрике. У нас была швейная машина «Зингер», и мама шила гимнастёрки для солдат. Годы были трудные, родители много работали, а детей нас было трое: два брата и я. Игрушек у меня почти не было, за исключением куклы с фар-

форовой головой, которая была так ценна. А из большой табуретки я сделала пианино, и сидя на маленьком стульчике «играла» на ней и пела песенки. Ходила в детский сад. Кормили нас там видимо не очень хорошо, но запомнилось гороховое пюре и суп с фасолью, которые часто не хотелось уже есть.

Росла я активным и ответственным ребенком. Как-то в детском саду была санитарная обработка. Одной из первых, показывая пример другим, я дала подстричь себя наголо. Ребята этой процедуры боялись и плакали. Дома мой «подвиг» не очень-то одобрили. Какое-то время пришлось ходить в косынке. Папа по выходным ездил за продуктами в деревни. Запомнилось привезённое им замороженное молоко в кругах.

Из вкусненького помню жмых, который мы с ребятами жевали с удовольствием. Разговоров о войне в памяти не запечатлелось.

На фронте был друг родителей Василий Иванович Ярёменко. Однажды он в форме пришёл к нам в гости. Я смотрела на него широко открытыми глазами, с интересом. Но подробности той встречи в памяти не сохранились.

Чаще всего время мы, дети, проводили одни. Как-то с братьями пошли на озеро Кенон. Была весна, цвели багульник и гречиха. Мы подошли близко к какому-то военному полигону, и военный дал предупреждающий выстрел в воздух, но мы перепугались и стали убегать, а меня везли в тачке, за края которой я крепко держалась, чтобы не упасть.

К концу войны я подросла, и день Победы уже помню отчётливее. Стоял чудесный светлый солнечный день, я шла из детского садика, а на улицах было шумно, много народу. Люди кричали: «Победа» и обнимались. Из репродукторов неслась музыка. Было радостно. Несмотря на то, что мне не

запомнились события войны, в памяти запечатлелся самый важный день — День Победы.

А в 1946 году мы переехали в город Новороссийск, где остались последствия той ужасной войны: разрушенные дома, калеки, военнопленные немцы за колючей проволокой...

Змиевской Ю.Н

Война: Белорусия–Германия–Родина

До войны

Змиевской Ю.Н.

Родители, поженившись в 1931 году в Витебске, переехали в Москву. Отец как инженер-строитель устроился работать на Всесоюзную строительную выставку заведующим технической библиотекой. В те времена Выставка была очень серьезной организацией. В период индустриализации страна представляла из себя сплошную стройку, и на выставку легла обязанность по обобщению и распространению передовых методов. Техническая библиотека была очень неплохой,

Кочергин Г.И.

отец нашел с сотрудниками общий язык, и те его очень уважали.

Выставка располагалась в красивом здании на Фрунзенской набережной прямо напротив Парка культуры им. Горького. Рядом с Выставкой был ее жилой поселок, состоящий из пяти бараков и двух двухэтажных деревянных оштукатуренных домов...

Отцу выделили, правда, с большим трудом, комнату в одном из домов площадью в 16 квадратных метров. Печь на кухне не топили, поскольку для этого требовалось масса дров, с которыми было туго. В каждой комнате были печурки типа «буржуйка» и каждый обогревал сам себя. Готовили все на электроплитке. Вот в таких условиях я в 1933 году и родился...

Первое детское воспоминание связано с фотографией. Дело в том, что отец был страстный фотограф-любитель. В те времена отечественная промышленность только начала выпуск фотоаппаратов «Фотокор–1». Это была солидных размеров коробочка с открывающейся дверкой и выдвигающимся на гармошке объективом. Чтобы сфотографировать этим аппаратом, нужно было установить его на штатив, открыть заднюю дверцу, накрыться черной тряпкой и по матовому стеклу настроить изображение, т.е. будущий снимок. Затем матовое стекло вынималось, на его место вставлялась

кассета с фотопластинкой (стекляшкой размером 9×12 см с нанесенным на нее светочувствительным слоем), из кассеты выдвигали крышку и щелкали затвором фотоаппарата. Вот такая была технология! ...

Этим аппаратом я пользовался даже после войны. В те времена пленочные фотоаппараты, называвшиеся «лейкой», были очень редки и находились в распоряжении в основном фотокорреспондентов.

Второе воспоминание связано с моделированием самолетов. Предвоенное время было временем повального увлечения авиацией. Все мальчишки этим бредили, все знали и восхищались Чкаловым и другими известными летчиками. Увлечение моделированием среди ребят нашего двора объяснялось тем, что при Выставке была фабрика моделей и макетов, на которой, в основном из дерева изготавливались макеты для экспозиции выставки. На этой фабрике работали многие отцы ребят и помогали им в постройке моделей. Запомнился один день, скорее всего это был день авиации, масса ребят собралось во дворе. Многие принесли свои модели самолетов. Мне запомнилось, что их было очень много. Были простые модели с резиновым приводом пропеллера, простые планеры, запускающиеся от резины, привязанной к воротам в виде большой рогатки, были модели с бензиновым двигателем, много было просто воздушных змеев. Благодаря фабрике моделей и макетов большинство ребят были вооружены деревянными пистолетами, ружьями и даже пулеметами типа Максим с трещоткой, имитирующей стрельбу. Такой пулемет был и у меня.

Запомнился также эпизод учений по противовоздушной химической обороне (ПВХО, как тогда это называлось).

По двору бегали какие-то люди в противогазах, чем-то поливали двор, кого-то несли на носилках и т.п. Нужно сказать, что тогда, вплоть до 1939 года, когда был заключен мирный договор с Германией, все были уверены, что война с Гитлером неизбежна и готовились к ней очень серьезно.

Отец работал на Выставке, мать хозяйничала в доме и занималась со мной. В ноябре 1940 года мне исполнилось 7 лет, но в школу меня не взяли, тогда было строго — зачисляли в первый класс только тех, кому исполнилось 7 лет. Мне двух месяцев не хватило. Благодаря усилиям матери я в это время уже хорошо читал своих любимых детских писателей: Барта, Маршака, Чуковского, Михалкова. Мог даже и писать.

Вспоминается, в связи с этим, такой факт. Перед войной самой популярной книгой у молодежи был роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Эта книга и стала первым моим самостоятельно осиленным серьезным литературным произведением. Читать я умел, но до войны читал только детских писателей.

По иронии судьбы книга «Как закалялась сталь» попала мне в руки в лагере в Германии. Как она там оказалась, я понятия не имею. Но я запоем прочитал ее несколько раз.

В 1941 году мы поехали на лето к бабушке в Витебск. Из предвоенных воспоминаний у меня остался витебский базар, где масло продавали фунтами, а главными весами был безмен. На базар каждый шел со своим безменом. Там мы встретили 22 июня.

На этом фактически кончилось мое несознательное детство. Дальнейшие события я уже помню, как взрослый человек: в последовательности день за днем.

Война, Белоруссия

Утром 22 июня мы с двоюродным братом Геннадием Кочергиным играли во дворе дома, где жили у бабушки. Вдруг в небе показались самолеты, сколько их было, не помню. Послышались какие-то звуки типа взрывов, и мы с Геной, моим двоюродным братом, которого просто звали Геней, полезли на крышу дома, чтобы лучше рассмотреть, что происходит. Когда же взрывы стали приближаться к дому, нас с крыши как ветром сдуло. А вскоре из выступления по радио Молотова стало ясно, что началась война. В тот же день мы получили от отца телеграмму: «Немедленно выезжайте домой». Мать кинулась на вокзал, но безрезультатно. Дело в том, что пассажирские поезда из Москвы через Витебск шли до пограничной станции Бигосово. Естественно, что с первых же часов войны эти поезда не ходили. Товарные же поезда были забиты оборудованием и ценностями, которые вывозились из западных районов. Только 8 июля сформировался товарный состав для эвакуации людей. В него попали и мы с матерью. Бабушка с Геней остались. Товарный вагон, в который мы погрузились был набит людьми. Из знакомых с нами был дядька Тит (брат бабушки) с женой Романовной.

Около суток эшелон тащился 100 километров и остановился на границе с Россией у станции Рудня. Станция была забита железнодорожными составами. В это время в небе появились немецкие самолеты. Послышалась стрельба и совсем рядом взрывы. Мать бросилась к дверям вагона, крикнув: «Юрка, за мной!». Я побежал было за ней, но Романовна схватила меня за ногу и затащила под скамейку. Когда первая волна самолетов прошла, я вырвался из рук Романовны, выскочил из вагона, перемахнул через кювет и побежал изо

всех сил в поле подальше от поезда. Вместе со мной бежало много народа. Пробежав какое-то время, я обнаружил, что самолеты улетели. Тогда я повернулся и пошел к поезду. У вагона я встретил мать, которая была в полном ужасе и уже не надеялась меня найти. Выскочив из вагона, она спряталась в канаве, всю бомбежку просидела там и не видела, как я побежал в поле.

Рядом с нашим вагоном горел пассажирский, в котором вывозили какой-то детдом. Бомба попала прямо в него. Очевидно, немцы думали, что в пассажирском вагоне едет какое-то начальство.

Самолеты улетели, разбомбив эшелон не только наш, но и другие, находящиеся на станции Рудня, ехать дальше стало не на чем. Уходим с матерью в деревню подальше от бомбардируемой железной дороги. В деревне нас приютила незнакомая женщина, у которой у самой было пяток ребятишек. Никакой еды у нас с матерью, естественно, не было, и эта добрая крестьянка ухитрилась сэкономить на своих ребятишках и выделить мне кружку молока.

Фронт приближался. От бомбежки и обстрелов прятались в землянке. Через день по деревне прошли наши солдаты, которые несли с собой на плащ-палатке раненого командира, а следом появились немцы — молодые, холеные, в основном на мотоциклах. Первое, что мне запомнилось — это то, что они перестреляли всех кур в деревне себе на обед. После этого нам с матерью ничего не оставалось, как идти назад в Витебск

Эта дорога стоит у меня в глазах до сих пор. По ней наши войска отступали под непрерывной бомбежкой, на обочине было огромное количество изуродованных трупов, часто

обгорелых. Мать все время повторяла: «Юра, не смотри». Придя в город, мы увидели, что Витебск сгорел процентов на 80, особенно центр. Сгорел не только от боев, но и наши, отходя, специально поджигали дома, чтобы не доставались немцам. Для возвращения на Подгорную улицу, где жила бабушка, нужно было переправиться через Двину. Все мосты были взорваны, от одного берега до другого ходила только одна лодка, а народу на переправе было очень много, при посадке была давка. Мы с матерью присели на бревне неподалеку в надежде, что народу, наконец, станет поменьше. Тут подошла группа немецких солдат во главе с офицером. Они растолкали всех и влезли в лодку. Офицер обратил внимание на нас с матерью и крикнул нам: «Фрау мит киндер, ком» (женщина с ребенком, подойдите) и посадил нас в лодку вместе с солдатами.

Придя на Подгорную улицу, мы ее не узнали.

Половина поселка сгорела, в том числе и половина нашей улицы. Сгорел и старый дом Кочергиных. Осталось на улице всего десяток домов, а тот, где жила бабушка, оказался на отшибе от других. Дом был полностью разграблен, исчезла вся приличная мебель, продукты, одежда. Уезжая, мы все ценное закопали в огороде, все исчезло. В огороде нас встретила свежая могила.

От оставшихся соседей мы узнали, что произошло. Не успели мы уехать, как начался бой за город. Еще до отъезда от бомбежек мы оборудовали в саду недалеко от дома землянку. Когда начался обстрел города, туда, кроме бабушки с Геней, сбежались соседи, которые поленились сделать укрытие у себя. В набитой землянке стояла духота. Бабушка была старая (ей уже было 67 лет), и находиться там ей было

трудно, она вылезла на воздух и села возле входа в убежище. Геня был рядом. Артиллерийский снаряд ударил прямиком в верхушку тополя рядом с землянкой, и бабушку убило наповал, Геня не пострадал. Через день после нашего отъезда, т.е. 9 июля, немцы вошли в Витебск. Бабушку схоронили прямо в огороде. Вот в таком мы очутились положении.

По рассказам матери, бабушку страшно посекло осколками, а как Геня остался невредимым, сидя на руках у бабушки, сам он объяснить не мог. А я уверен, что бабушка прикрыла его собой, и все осколки достались ей.

Появился Геня, который, находился это время у своей тетки по линии матери. Кое-как приведя в порядок дом, мы зажили втроем.

Из продуктов в доме осталось только несколько килограммов пшена. Его никто не взял, т.к. мешочек разорвало выбитыми стеклами, и крупа смешалась с их осколками. Первое время мы питались тем, что перебирали от осколков эту крупу и варили кашу. Пригодилось знание закона Архимеда: осколки стекла в воде тонули, а сухое пшено всплывало. У бабушки в огороде была посажена картошка и бобы. Это нас спасло от голодной смерти. У меня в памяти осталось ощущение, что молодая вареная картошка или печеные в русской печке бобы — это самый что ни на есть деликатес.

Случился в эти дни и настоящий пир. В Витебске был кожзавод. Эвакуировать его не успели и при отходе подожгли. Сгорел он частично, осталась часть приготовленных для переработки шкур. Они были без жира и обработаны от порчи нафталином. Геня притащил в дом одну такую шкуру, мы ее почистили, отмыли и сварили холодец. Хоть он и попахивал нафталином, но все равно это было настоящее блаженство.

Чтобы как-то прожить, мать пошла работать на железную дорогу уборщицей в помещении, где собираются паровозные бригады. Мать была молодой тридцатилетней женщиной, грамотно писала почти без ошибок, могла объясняться по-немецки (сказывалось девическое стремление к гуманитарным наукам), и ей вскоре поручили раздавать паек паровозным бригадам в рейс. Кроме того, что она там питалась сама, кое-что попадало и домой, потому что паровозники знали, что у нее двое детей и ссужали кое-какими продуктами. Все это вместе взятое плюс заработанные деньги позволило нам выжить.

И ещё к этому по рассказу мамы, на нее обратил внимание немецкий инженер-путеец, работавший на переделке железной дороги под нужды оккупантов. Во-первых, несмотря на убогое одеяние и работу уборщицы, красота матери не могла быть не замечена. Во-вторых, она практически свободно объяснялась по-немецки, что вызвало у инженера повышенный интерес и желание побеседовать с ней на гуманитарные темы. Ее познания в области литературы вызвали у него большое удивление, и он допытывался, какой институт она окончила. Никак не хотел верить, что у нее за плечами была всего лишь семилетка. Все спрашивал: «Откуда Вы столько своих писателей знаете?» И уж совсем был опрокинут, когда мать сообщила ему, что и немецких писателей она знает, вспомнив Гёте, Гейне, Шиллера и даже Цвейга вместе с братьями Маннами. Полагаю, что это было с ее стороны большой неосторожностью: увидев такой уровень эрудиции у какой-то уборщицы, инженер вполне мог заподозрить, что она не та, за кого себя выдает, и напустить на нее гестапо. К счастью, этого не произошло, а инженер стал ей

тайком от начальства понемногу помогать: то буханку хлеба, то пачку маргарина, то сушеного гороха, то банку консервов. И подчеркивал, что это для детей. Так, что матери помогали не только наши паровозники.

Из жиров были только льняное масло, которое выжимали сами из семян, раздобытых в деревне или на базаре, при этом кто-то из российских умельцев соорудил пресс, и все к нему ходили с семенами. Кроме этих жиров, иногда пользовались маргарином, которого у немцев было в изобилии, а от них перепадало и нам. Но семена кончались, маргарин добывали редко и, поэтому те времена можно назвать великим постом.

В дом мать пустила погорельцев: мать с дочерью постарше нас с Геней.

Немного о доме, где мы жили. Бабушкина половина состояла из веранды с крыльцом на улицу, крохотной кухни с русской печкой и трех комнат: одной большой (зала) и двух маленьких. В одну из маленьких она и пустила квартирантов. Топили печку углем, поскольку железная дорога была рядом. Готовили пищу и освещались керосином.

Из общественно-политической жизни мне запомнилось следующее. Много молодых работников железной дороги (машинисты, помощники, кочегары) эвакуироваться не успели и с первых дней оккупации стремились уйти в партизаны. Немцы это предвидели и подослали своих провокаторов. Те, выдавая себя за представителей партизанских отрядов, организовывали группы для ухода в леса. Группы они отводили прямо в засады, которые устраивало гестапо. Их всех сразу расстреливали. В одной из таких групп, которую организовал провокатор по фамилии Минковский,

погиб и муж материной подруги тети Таси. Мерзавец Минковский тоже плохо кончил.

Подполье в Витебске работало постоянно. Первого бургомистра города, назначенного немцами некоего Брандта — витебского немца — они пристрелили. Та же участь постигла и сменившего на этом посту его брата.

Несмотря на жуткие условия жизни в оккупации, витебское подполье не давало никакого покоя, как немцам, так и их ставленникам. Множество подпольщиков отдали свои жизни: состав подполья менялся трижды, ведь гестапо прилагало большие старания на предмет его уничтожения. Но борьба продолжалась вплоть до освобождения Белоруссии в 1944 году.

Поползли слухи о действиях партизан. По рассказам, одним из отрядов командовал бывший житель Подгорной улицы, семью которого мать хорошо знала. И вот однажды поздно вечером в дом кто-то постучался. Это была жена этого командира. Она попросилась переночевать. Никто на улице ее не пустил — боялись немцев, т.к. за укрывательство партизан полагался расстрел. Но мать ее пустила, и она наутро ушла.

Другой пример. После первых квартирантов мать пустила на квартиру женщину-украинку Нину с двумя детишками примерно моего возраста. Муж ее был в Красной Армии, а она связалась с каким-то немцем с железной дороги. Узнав об этом, мать ее сразу выгнала.

Как мы проводили свой день?

Мать с утра уходила на работу, а мы с Геней были предоставлены сами себе. Улица Подгорная располагалась между улицей Бебеля и Инженерной улицей. За улицей Бебеля

начинался железнодорожный парк, где скапливались товарные поезда. За Инженерной улицей начинался т.н. сосонник — городской лесопарк на высоких холмах, заросший большими соснами. Пацанов на Подгорной улице было нашего с Геней возраста человек 10. Все они, как и мы, были предоставлены сами себе. Основными игрушками были оставшиеся после боев неразорвавшиеся снаряды и патроны. Главным районом нашего пребывания было пространство между железной дорогой и сосонником. Поджигали и взрывали разные устройства.

Помню, одним из любимых занятий поначалу, когда еще было много снарядов, оставшихся от наших, достать из гильз трубчатый порох, поджечь трубочку, затоптать ее ногой, она начинала активно гореть без пламени и, будучи брошенной, летела как ракета. С немецким порохом такого не получалось.

Однажды Геня пришел домой с каким-то загадочным выражением лица. Женщины в это время готовили на плите какое-то кушанье. Потолкавшись у плиты, Геня потянул меня за руку на веранду. Когда мы туда удалились, на кухне послышался взрыв. Все кастрюли разлетелись, и даже плита дала трещину. Женщины перепугались до смерти, а мать, придя с работы, сразу обо всем догадалась, и мы с Геней получили изрядную порцию ремня.

Ясно, что такие забавы кончаются печально. Один из нашей детской компании по прозвищу Женька Монголец погиб, ковыряя какое-то взрывное устройство, два других парня уже после освобождения Витебска пошли в лес, забрели в запретную зону, которых после войны было полно, и подорвались на минах. Генин двоюродный брат по мате-

ри Лёнька погиб при попытке разрядить неразорвавшийся снаряд. Сам Геня, занимаясь нашим любимым занятием — расковыриванием трассирующей пули от крупнокалиберного зенитного пулемета, поджиганием ее и запуском по типу ракеты, нарвался на разрывную пулю, и ему оторвало фаланги пальцев на левой руке.

Чаще всего местом таких игрищ становились пепелища от сгоревших домов, где сохранились каменные подвалы, торчали из земли разные трубы. Очень интересно было набить порохом трубу, поджечь и смотреть, как пламя вырывается на высоту трехэтажного дома.

Однажды Геня притащил какое-то устройство в виде блестящего цилиндра и пояснил, что это ракета, стоит ее поджечь, и она засияет цветными огнями. Мы с ним забрались в подвал на одном из пепелищ, нашли печурку, разожгли огонь и положили туда цилиндрик. Сами вылезли из подвала и расположились рядом, ожидая фейерверка. А его все нет! Пошли посмотреть, оказалось, цилиндрик выкатился из печурки. Поправили и опять вышли. Ждем, опять ничего нет. Только поднялись с камня, на котором сидели, как рвануло с огромной силой. Мимо нас полетели обломки кирпичей. Еще немножко, и мы последовали бы за своими менее удачливыми друзьями.

В другй раз кто-то из пацанов раздобыл пистолет-ракетницу. Ствол у нее большой — под сигнальную ракету, — а нам хочется стрелять винтовочными патронами, которых у нас навалом. Нашли железную трубку по диаметру патрона, с помощью деревяшек заколотили ее в ствол ракетницы, и получился оригинальный наган. Стрелять из целого патрона мы не решались, печальный опыт уже был!

Патрон разряжали, отсыпали половину пороха, вставляли назад пулю, заряжали свой наган и стреляли, главным образом по воронам. Поскольку трубка была без нарезов, пуля летела, кувыркаясь, и жуткий свист от нее разносился по всей округе. Очень впечатляло. В конце концов, кто-то из взрослых эту игрушку у нас конфисковал.

И последний пример игрушек с оружием. Было это где-то уже в 1942 году. На краю сосника располагался до войны ветеринарный институт. Территория его примыкала к лесистым холмам так, что в сараи на задах можно было забраться с холма, разобрав крышу. Пацаны так и сделали. Когда мы залезли в сарай, то обнаружили большое количество винтовок и даже пулемет Максим. Всем это очень понравилось, стали рассматривать оружие, передергивать затворы, кто-то нечаянно нажал на спусковой крючок. Выстрел раздался громом на всю округу. Дело в том, что в основных зданиях института размещались военные, то ли немцы, то ли власовцы. Все бросились бежать через пролом в потолке, образовалась страшная давка. Кто-то посмотрел в щель и крикнул: «Шухер, немец идет»! Все притихли по углам. Немец подошел к сараю, потрогал замок, прислушался и пошел назад. Мы потихоньку вылезли из сарая и дали дёру.

Но это не значит, что мы бросили мысль о винтовках в сарае. Следующий раз мы забрались в этот же сарай и решили украсть по винтовке. Но как среди бела дня ее нести? Хоть и лесопарк, но все просматривается. Раздобыли веревки, привязали винтовки к ним и потихоньку потащили по земле, чтобы никто не видел. Спрятали их, где кто сумел. Дело кончилось тем, что кто-то из взрослых про это дело узнал, все винтовки собрали и куда-то их дели, чтобы не нар-

ваться на расстрел, который полагался за хранение оружия, даже охотничьего.

Одним из любимых мест развлечений был сосонник, о котором я уже говорил. Там не было ни немцев, ни взрослых, что для нас было раздольем. Друзья рассказали, что до войны сосонник часто становился местом настоящих сражений. Дело в том, что позади лесопарка располагалась слобода, где жили староверы. Мальчишки по обе стороны сосонника враждовали между собой и иногда устраивали целые сражения. В ход шли рогатки, пращи и даже самодельные пистолеты — самопалы. Делались самопалы так: к изогнутому сучку в виде рукоятки древнего пистолета прикручивалась проволокой трубка. Просто делать рукоятку из доски было нельзя, т.к. при выстреле кусок рукоятки со стволом откалывался и летел стрелку прямо в лоб или глаз. Трубку с одной стороны заклепывали, делали напильником прорезь, набивали ствол серой от спичек, дробью и поджигали привязанную к пропиленному отверстию спичку. Оружие такое, конечно производило больше шума чем вреда, но эффект был внушительный. С началом войны ничего этого уже не было. Но ребята научили меня из простой веревки делать настоящую пращу.

В сосоннике водились даже белки, за одной из которых мы гонялись целый день и, наконец, поймали. Один год в лесопарке вырос большой урожай грибов — маслят. Вот это был настоящий пир! Дома их варили, жарили и ели досыта. Кстати, в качестве жира использовалось льняное масло да изредка маргарин, перепадавший от немцев. Взрослые иногда, собрав кое-какие шмотки и соль, ездили в деревню, где обменивали это на продукты, в основном зерно (овес). Из овса

мать варила кисель на воде и картофельном крахмале. С тех пор на это блюдо я смотреть не могу.

Второй точкой нашего притяжения был железнодорожный парк. Там постоянно находились составы с товарными вагонами, в которые можно было забраться, когда патруль отвернется и чем-нибудь поживиться. Это было опасно, и мать мне ходить туда категорически запрещала. Кроме того, она строго грозила Геннадию, если он меня к этому будет привлекать. В отличие от матери, тетка Геннадия Полина поощряла такие походы его и своего сына Лёньки и забирала у них все краденое. По этой причине Геннадия было удержать невозможно. В те времена немцы вывозили из Союза, все, что могли. Через Витебск шли эшелоны с продовольствием, оборудованием и другими ценностями. Помню, одно время было много эшелонов с целыми ульями, которые охраняли крымские татары, они были ещё более свирепые, чем немцы. Но пацаны ухитрялись и у них стянуть пару рамок с сотами, мед из них представлял настоящую ценность. Помня угрозы матери, Геннадий всегда меня оставлял где-нибудь в безопасном месте «на шухере», я должен был следить за обстановкой и во-время подать сигнал тревоги.

Помню еще один эпизод, после которого у нас целую неделю был пир. В парк пригнали эшелон с битыми на фронте лошадьми, их особенно не охраняли, и жители могли поживиться кониной. Геннадий приволок конскую ляжку. Какие были котлеты!

Так проходила потихоньку наша жизнь. Немцы попытались создать видимость гражданского управления городом, организовали управу. Та начала какую-то деятельность: открыла школу, сделала приют для бездомных детей. В шко-

лу с неделю походил и я. Потом она закрылась: очевидно, немцы посчитали, что нам, туземцам, образование ни к чему. Мать, опасаясь, что Геннадий попадет в какую-нибудь скверную историю, отдала его в приют: все-таки там хоть как-то кормили. Долго, впрочем, он там не пробыл: когда приют решили перевести на Запад, он оттуда сбежал и жил дальше вместе с нами.

Помню ещё одну картину, которая запомнилась мне на всю жизнь. В нескольких километрах от города была территория, где раньше располагалась какая-то воинская часть. Территория называлась «пятый полк», была огорожена, и на ней остались какие-то строения типа бараков. Немцы согнали туда наших пленных солдат. Первое время, уверенные в быстрой победе, они охраняли их довольно небрежно, но практически не кормили. Можно было даже женщинам, предъявив документы, доказать, что в лагере твой муж, и добиться его освобождения. Мы с матерью пошли туда, с ужасом предполагая, что и отец мог попасть в такую ситуацию. Мать знала, что отца, как офицера запаса, должны были мобилизовать, но никаких сведений о его пребывании на фронте мы, конечно, не имели. Картина, представшая перед нами, стоит у меня в глазах до сих пор. Возле колючей проволоки — толпы изможденных, оборванных, голодных людей, у многих перевязаны руки, головы. Они с надеждой смотрят на приходящих женщин, а те тайком от охраны бросают им кто что может: картофелину, кусок хлеба или что-нибудь ещё съестное. Зрелище ужасное! Отца, к радости своей (хотя какая могла быть там радость!) мы не обнаружили, отдали пленным все, что при нас было, и больше туда не ходили.

Далее, наверное, следует поделиться своими впечатлениями о немецких солдатах, с которыми мы сталкивались в это время. Поскольку большая часть Витебска была сожжена, солдат распределяли на временный постой в жилые дома. Неоднократно они останавливались и в нашем доме. Как правило, на постое было несколько человек. Они занимали большую комнату, но нас из дома не выгоняли. Это были простые солдаты-фронтовики и особых издевательств с их стороны я не помню.

Другое дело — так называемая фельджандармерия. Эта категория немцев проводила регулярные обходы жилых домов в поисках нарушений и делала, что хотела. Помню даже один почти анекдотичный случай. Пришли трое с бляхами жандармерии на груди, походили, пошарили по дому и через веранду ушли. На веранде у нас стоял старый шкаф, время было прохладное, и мать положила туда где-то добытую пачку маргарина. Когда жандармы ушли, она хотела взять этот маргарин, чтобы нам с Геннадием что-нибудь пожарить. А маргарина-то и нет! Один из жандармов его прихватил.

Были и противоположные случаи. Как-то в декабре 1941 года к нам на постой определили всего одного солдата. Был вечер. Он сбросил свой ранец и уселся на сундук, который стоял у русской печки, сказал, что звать его Пауль. Он достал губную гармошку и начал играть какие-то мелодии. Немного погодя женщины прислушались: он заиграл Интернационал, Варшавянку и другие революционные песни. Все притихли и насторожились: вдруг это какая-то провокация. А он продолжал играть и в заключение сказал: «Гитлер капут!». Ночью этого и других солдат подняли по тревоге

и срочно куда-то перебросили. Я думаю, что как раз тогда началось наше контрнаступление под Москвой.

Дальше хочу рассказать о самых сильных впечатлениях того времени — о бомбежках.

При отступлении из Витебска наши взорвали все мосты чрез Двину, кроме одного: железнодорожного моста, соединяющего Витебск с Полоцком. Это был стратегически важный мост, по которому шли основные грузы с Запада. Наша авиация постоянно пыталась разбомбить этот мост, но это ей так и не удалось до самого конца нашего пребывания в городе. Однако, с завидным постоянством, каждую ночь прилетал, судя по звуку, один самолет и сбрасывал бомбы на мост. Мост был далеко от нас, а полет самолета сопровождался сиянием прожекторов, вереницами трассирующих пуль, словом, красивый фейерверк. Так продолжалось года полтора.

Но потом ситуация изменилась, наши самолеты стали летать целыми эскадрильями и бомбить железную дорогу. Самолеты все время заходили со стороны сосонника, наверно ночью он был хорошим ориентиром. Они, видно, немного опаздывали с началом бомбежки, и львиная доля бомб доставалась поселку, расположенному с противоположной от нас стороны железнодорожного парка, который назывался «Царской веткой». Но через некоторое время действующее в городе подполье скоординировало эту ошибку, и нашему поселку тоже стало доставаться по полной программе. Все бомбежки были ночными, поэтому большинство ночей превращалось в кошмар. Чтобы было не так страшно, приходили друг к другу и прятались вместе в землянках по нескольку семей. Свои ощущения во время бомбежки передать трудно, а понять может только тот, кто это

сам пережил. Сидишь в землянке и слышишь, как свистит падающая бомба. Полное ощущение, что она падает точно на тебя, большинство молятся вслух, наконец, взрыв. Слава богу, пока пронесло! Нервный напряг ужасный, и проявляется он в том, что во время пауз, когда самолеты пошли на следующий заход, все вылезают из укрытия и разбегаются по сторонам по малой нужде.

Помнятся две самые ужасные бомбежки. Первая произошла 8 ноября 1942 года. Случилось так, что в этот день железнодорожный парк был забит военными эшелонами, в основном с боеприпасами. Судя по всему, подпольщики (а подполье в Витебске действовало постоянно, несмотря на зверства гестапо) сообщили об этом в центр и вечером был налет. Первая же серия бомб попала в боеприпасы, и те начали взрываться. Спрятаться мы просто не успели и находились в доме, а дом располагался метрах в 150 от рвущихся составов. По воздуху летели обломки вагонов, ящиков, было полное впечатление огненного дождя — это разлетались искры и горящий порох. Половина из оставшихся на улице домов горело. Мы сидели в доме, боясь даже выглянуть на улицу. Нам повезло, и наш дом не загорелся. Так продолжалось всю ночь до рассвета. Стихло только с наступлением дня. Говорили, что немцы успели отогнать один состав, в котором были мины. Если бы и он начал взрываться, то мы бы точно не уцелели. Немца — начальника станции — после этого сами немцы расстреляли.

Но не бывает, худа без добра. Среди составов был эшелон с консервами и другими продуктами. После этого Геннадий неделю таскал домой обгоревшие банки тушёнки, и мы их с удовольствием ели.

Вторая, не менее трагическая, бомбежка произошла позже. К нам в гости зашла соседка, такая же москвичка, как и мы, не успевшая выехать от матери. Самолеты налетели рано, и уйти она не успела. Опять бомбежку мы пересиживали в доме. На этот раз таких пожаров не было, но бомбы взрывались прямо в нашем поселке. Мы сидели на кухне, прижавшись к печке — считалось, что при обрушении кровли за счет ударной волны около печи более безопасное место. Во время одного из заходов бомбы упали рядом с нашим домом. Одна из них, на наше счастье фугасная, взорвалась прямо за окном кухни, где мы сидели. На нас обрушились оконные рамы, стекла и другие обломки. К счастью, никто серьезно не пострадал, отделались царапинами и синяками. Зато вторая бомба — осколочная упала по другую сторону дома, против веранды той половины, которую занимал бывший второй муж бабушки Лапицкий. Он в это время находился на веранде, и его буквально изрешетило осколками. После этой бомбежки наш дом стал просто нежилой: щели, перекосы и пр. Мы переехали в другой, более уцелевший, дом, где жила знакомая семья Францевых: тетя Тася с двумя дочерьми, Тамарой и Людмилой. Оставшееся время до угона в Германию мы доживали там. Этот период интересен тем, что я первый раз в жизни напился. По соседству с тем домом, где мы стали жить, проживала Генина тетя Полина. Она позвала нас на встречу Нового, 1944 года. Мы с Геней пришли. В честь праздника она налила нам по стакану самогона и мы выпили. Мать рассказывала, что я вернулся веселый, что-то рассказывал заплетающимся языком, а Геннадия всю ночь рвало. Она страшно боялась, что мы всерьез отравились, и про себя славила Полину самыми ласковыми словесами. Вот такой получился Новый год.

Хочу рассказать еще об одном эпизоде, характеризующем российский менталитет. Известно, что немцы в войну поголовно уничтожали евреев. Так было и в Витебске. Немцы поначалу приказали всем евреям зарегистрироваться в управе и носить на груди специальный знак (если память не подводит, желтый кружок в квадрате). Все они это добровольно сделали. Затем власти сказали, что для их проживания выделяется специальный район города. Все они добровольно переселились в гетто. Сначала их оттуда выпускали свободно гулять, а потом прикрыли. Под видом переезда в другое место стали погружать их на грузовики, вывозить за город и расстреливать. Жителям это стало известно. Я уже упоминал, что позади сосоника располагалась слобода староверов, которых все, да и они сами, называли москалями. Один из них по имени Иван работал с матерью на железной дороге. Приходит он однажды на работу, отводит мать в сторону и говорит: «Мария, ты как-то можешь калякать с немцами, узнай у них про москалей, а то у нас прошел слух, что после евреев они начнут расстреливать нас. Вся слобода у нас как растревоженный муравейник: все достают, кто что может, для самообороны — топоры, вилы и пр. Нас так просто не возьмешь...».

Вот такая разница в этом вопросе! Похоже, что немцам не захотелось связываться с такими отчаянными людьми, во всяком случае, налет на слободу староверов не состоялся.

Все слышней становилась орудийная канонада, фронт приближался к Витебску. Однажды, где-то по весне 1944 года (в марте) по домам прошли немцы и сказали: «Все готовьтесь к отправке на работы в Германию. Тех, кто останется, посадим в концлагерь. Вон стоит эшелон, собирайтесь и по вагонам».

Нам ничего не оставалось, как подчиниться. Геннадий ехать отказался, сделал себе убежище на каком-то пепелище, но после нашего отъезда долго там не пробыл. Немцы там его обнаружили и действительно посадили в концлагерь, который находился на месте уже упомянутого мной Пятого полка. Но долго он и там не пробыл: началась Белорусская операция, и Геня сумел убежать из концлагеря навстречу наступающим нашим. Потом он неоднократно ездил промышлять в Восточную Пруссию, устроившись под вагонами.

Нас в товарных вагонах повезли в Германию.

Германия

Поезд отправился ближе к ночи. Фронт в это время был уже достаточно близко от Витебска и охватывал город полукольцом. Ночью мы слышали пулеметную стрельбу, но состав шел без задержки. Везли нас несколько дней в товарных закрытых вагонах и из них не выпускали. Так что о дороге ничего сказать не могу.

Первый город, где нас высадили, был Ульм. Велели всем покинуть вагоны, сложить в кучу все вещи и согнали в какое-то большое помещение. Всем велели раздеться догола, и часа два мы так стояли. Всю одежду нашу забрали. После нескольких часов нас всех погнали на санобработку. То же самое сделали и с нашими вещами.

После санобработки стали распределять всех по разным лагерям. Мы с матерью попали в город Рапенау, что в провинции Баден-Вюртенберг. Городишко небольшой, ухоженный. Поместили нас в бараки в лагерь, расположенный за городской чертой. Лагерь, как и положено, за

колючей проволокой с вышками, но охраны на них не было. Немцы считали, что бежать отсюда некуда, тем более, что мы — гражданское население. Был только начальник лагеря, пара его помощников да повариха на кухне. Лагерь обслуживал железную дорогу, и каждый день всех трудоспособных гоняли на ее ремонт. Дети оставались в лагере и были предоставлены сами себе, правда, из лагеря, как правило, не отлучались, опасаясь за безопасность. Иногда начальник лагеря собирал нас и посылал помочь по хозяйству какой-нибудь немке. Немецкие мужчины почти все были на фронте. Мы кололи дрова, складывали их, убирали двор и т.п. Немки часто нас за это подкармливали, так как нас хоть и кормили в лагере, но не очень-то щедро. По выходным можно было погулять по городку. Там я впервые увидел организацию гитлеровской молодежи «Гитлер Югенд». В черной форме под барабанный бой и свист флейт они маршировали по улице.

Взрослые то работали на путях недалеко от Рапенау, то их возили восстанавливать железную дорогу в город Мангейм, который сильно страдал от англо-американских бомбежек. К счастью, наш маленький Рапенау союзники не бомбили, хотя мы видели, как летели самолеты, и у меня осталось ощущение, что их было очень много, они застилали все небо. Сложилось впечатление, что у немцев самолетов практически нет (скорее всего, они были сосредоточены на Восточном фронте). Помня о бомбежках в Белоруссии и видя над головой такие армады, мы чувствовали себя ужасно.

К этому времени относится еще одно любопытное наблюдение. В Мангейме было несколько лагерей военнопленных. Отдельно содержались англичане и американцы, отдель-

но наши и был еще лагерь итальянцев (как известно Италия в 1943 году решила выйти из войны, и немцы ввели туда свои войска). Англичане и американцы жили как на курорте, им по линии Красного Креста передавали почти все необходимое, вплоть до шоколада. Условия содержания наших военнопленных были несравнимы. У нас не было никакого соглашения с Красным Крестом, да и посылать государству было нечего. Кроме того, сдавшихся в плен считали трусами или предателями. Итальянцев содержали еще хуже, считая, что они предали Германию. Так было почти всю войну.

Положение резко изменилось, когда начались интенсивные бомбежки Мангейма. Во время тревоги охрана лагеря убегала прятаться в бомбоубежище, а электрический ток на проволочном заграждении отключался. Все другие пленные тоже прятались, а нашим это только и было надо. Они сразу, несмотря на бомбежку, бежали на железную дорогу, взламывали вагоны и загружались продуктами. Таким образом, они стали жить лучше всех. Иногда женщины привозили оттуда различные консервы, которыми угощали их наши пленные.

Интересным человеком был начальник лагеря. Это был комиссованный по ранению фронтовик. Судя по его поведению, он до войны был преподавателем в школе. Видимо, поэтому он любил детишек и постоянно с нами чем-то занимался. Чаще всего мы разучивали какие-то немецкие песни. Он же организовывал нам работу у немок. О том, какой он человек, речь пойдет ниже.

Я уже писал, на примере Белоруссии, что немцы были разные. Так и здесь. По рассказам взрослых у них ремонтом железной дороги руководил мастер, звали его Маура. Это был чистый зверь: издевался, грозился отправкой в концла-

герь и пр. Женщины ругали его, на чем свет стоит. Я не сказал, что в Рапенау витебских попало несколько семей. Особенно подружились с нами семья Францевых, у которых мы жили последнее время, мать и дочь Быковы, Ольга Кондрат. Особо стоит сказать о Наталье Александровне Быковой с дочерью Ренатой. Мать была родом из русских немцев (девичья фамилия Шпунгант) очень образованная и культурная. Муж ее в 1937 году был репрессирован, он тогда уже был комбригом. Дочь была просто красавица. Мать над ней тряслась всю войну, старалась, чтобы она меньше попадала на глаза всяким подозрительным типам. Несмотря на след 37-го, у Натальи Александровны и в мыслях не было остаться в Германии. Все женщины ее очень уважали.

Вот эта четверка женщин очень сдружилась между собой и, как водится, вели всякие разговоры и о мастере и о немецких порядках, разговоры, естественно, нелестные. Находящаяся в этом же лагере латышка накатала на них телегу в гестапо о том, что они ведут антифашистские разговоры. Об этом как-то стало известно начальнику лагеря. Он поднял всю четверку среди ночи, приказал срочно собираться и отправил всех в другой лагерь. Так мы очутились в другом немецком городишке Зеках. Лагерь был похожий, а городишко погрязней.

В лагере было два барака с нарами и помещение, где можно было готовить пищу. В этом лагере все готовили сами. Начальник лагеря по фамилии Грамлих был членом нацистской партии и, по рассказам старожилов, раньше часто появлялся с плеткой. Но в наше время он притих и в лагере появился только один раз. Все лагерные дела вел завхоз, которого звали Кёц. Взрослых так же гоняли на ремонт же-

лезной дороги, а ребятишки торчали в лагере. Я довольно бодро лопотал по-немецки, и Кёц иногда привлекал меня для перевода. Видно, я ему нравился. У него был свой сын примерно моего возраста, но худенький и рыжий. Кёц как-то сказал матери: «Мария, смотри какой у меня сын, а у тебя просто богатырь, несмотря на то, что пленный. Отдай его в мою семью». Мать, естественно, только посмеялась.

Вскоре мать и другая женщина из наших, Ольга Кондрат, перестали ездить на ремонт дороги. Как-то пришел железнодорожный чин и стал интересоваться эрудицией женщин: расспрашивал об образовании, проверял знание немецкого, наконец, выбрал мать и Ольгу и определил их на работы прямо здесь на станции в штельверк (так у немцев назывался блок-пост, с которого при маневрах поездов дистанционно переключали стрелки). Таких штельверков было два — основной и вспомогательный. На основном работали немцы, а на вспомогательном — посменно мать и Ольга. Я иногда забегал к матери на работу, и меня поражала эта механизация.

Лагерь наш располагался в километре от городишка там, где кончался железнодорожный парк и примыкал прямо к дорожной насыпи. В ста метрах находился поворотный круг для паровозов, а под ним была ливневая труба, превращенная в бомбоубежище. Маленький Зеках массированно не бомбили, но отдельные самолеты прилетали. Помню такой случай. Появились один или два американских самолета, все побежали в это убежище. Только мы с матерью нырнули в него, как буквально по пяткам прогрохотала очередь из пулемета, и раздался взрыв. Одна из пуль зацепила руку матери, к счастью, не задела кость. Как оказалось, на

поворотном круге стоял паровоз, и летчик метил в него, поэтому пули и легли рядом с бомбоубежищем. Но в паровоз он попал, и у того взорвался паровой котел...

Кёц часто таскал меня с собой по разным делам, и однажды мы зашли к нему домой — там-то я и увидел его сынишку. Но больше всего меня поразило количество игрушек у него. И тогда, да и сейчас немецкие детские игрушки, особенно технические, были на высоте. Я был просто заворожен различными машинками, колясками, пушками и прочими изделиями.

Время шло, никто из детей не учился, и мать старалась как-то со мной заниматься. Мы писали диктанты, она пыталась объяснить мне арифметические действия столбиком. Помню, что мне было совершенно непонятно деление столбиком. Читал я уже хорошо ещё до войны, а здесь мне в руки попала книга «Как закалялась сталь». Это была первая серьезная книга, прочитанная мной. Помню, я был просто в восторге от Павки Корчагина, и перечитывал роман несколько раз.

Наступила последняя зима войны. Среди зимы я простудился и заболел с серьезным осложнением на уши. Я просто оглох. Где-то летали и стреляли самолеты, происходили всякие события, а я ничего не слыхал. Лекарств никаких не было, но молодость свое брала, и я постепенно поправился.

Война шла к концу. Мимо нашего лагеря мотались поезда с солдатами то на Запад, то на Восток, в зависимости от обстановки на фронтах. Наконец, из округи сбежал последний немецкий солдат, с ними и начальник лагеря Грамлих. Неделю было полное безвластие. Как я говорил, за лагерем была

железнодорожная насыпь, а перед ним протекал небольшой ручей, и за ним было шоссе, метрах в ста от нас. И вот, к концу безвластия на шоссе появился джип с американскими солдатами. Он ехал со скоростью пешехода, солдаты сидели в нем и с опаской поглядывали по сторонам. Никаких выстрелов ниоткуда не последовало, джип так же медленно вернулся назад, и через час появились студебеккеры с солдатами — американцы вошли в городок. Точную дату, когда это произошло, я не помню, но была весна, очевидно, был уже март или апрель месяц 1945-го.

До конца войны мы жили в лагере без изменений, только народу прибавилось из окрестных деревень, где люди работали на помещиков. К сожалению, память не зафиксировала точно день Победы. Но помню, что однажды был какой-то большой праздник. В лагерь пришли американские солдаты — двое: негр и мулат. У нас старик Юхим наигрывал на гармошке, женщины сразу потащили американцев танцевать. В это время пришло еще несколько солдат, уже белых. Как только они увидели негров, сразу свернули в первый барак и с оставшимися там женщинами стали проводить воспитательную работу: как вы можете так себя вести, это же негры! Наши над этим посмеялись и продолжали веселье.

В послевоенной литературе и в кино часто озвучивалась мысль о том, что американцы чинили препятствия возвращению на Родину. Это не совсем так. С первых дней после победы они объявили, что собирать всех разбросанных в разных местах они не будут, назначили несколько пунктов сбора и туда подавали «студебеккеры» для отправки людей домой. Так было и с нами. Сбор был в другом бывшем лаге-

ре, мы туда явились, и несколько дней пришлось ждать своей очереди, ночуя под открытым небом. Наконец, подали машины и повезли нас на восток.

Домой

Нас выгрузили с американских грузовиков в каком-то маленьком немецком городишке. Город был полуразрушен, и ночевать можно было только на улице. Так мы провели несколько дней. Наконец, нам велели садиться на открытую платформу, вывозившую из Германии железнодорожные рельсы. Состав шел через Витебск, поэтому нас на него и погрузили. Несколько суток мы ехали на нем под открытым небом, а был уже август месяц. Ну, вот мы и в Витебске. Дома нашего нет, говорили, что его немцы разобрали на бревна для блиндажей. Нашлись знакомые, которые временно приютили нас. Оказалось, что отец приезжал в город сразу после его освобождения, никого, конечно, не нашел, но оставил номер своей полевой почты. Мать ему сообщила о нашем возвращении.

Пока шло время, мать сделала большое дело — она определила меня в третий класс в витебскую школу. Дело в том, что тогда никто не интересовался уровнем знания детей. Все во время оккупации не учились, и всех надо было учить. Документов о довоенной учебе не сохранилось, и детей брали в те классы, которые указывали родители. Мать меня определила в третий класс, мне было уже одиннадцать лет. По-нормальному, я должен был учиться уже в пятом классе, но это было просто невозможно по уровню моих знаний. Их даже для третьего класса было мало. Проучился я там неделю или две, и это сыграло большую роль при возвращении в Москву:

согласно справке из Витебска меня без всяких зачислили в третий класс.

Вскоре отец приехал за нами. Я в это время играл с ребятами на улице, и когда меня позвали в дом, то увидел какого-то военного и, конечно, отца в нем не узнал. Я разревелся только после того, как он сказал: «Сынок, иди ко мне...».

Отец забрал нас и привез в Москву на нашу старую квартиру, комната наша стояла пустая, пока отец был на фронте. Так начался новый период моей жизни в Москве.

Как я уже упоминал, учиться мне пришлось начинать с третьего класса. Благодаря справке из Витебска меня безоговорочно приняли в третий класс 49-й школы. Это была школа-семилетка, и находилась она на Фрунзенской набережной около Окружного железнодорожного моста.

Первое время учеба доставалась мне очень трудно, особенно по русскому языку. Я писал слова так, как я их слышал. Помню, в первой задаче, где нужно было подсчитать, сколько получается в ответе, я везде писал не сколько, а «скоко». Первая учительница Фаина Семеновна была очень удивлена характером моих знаний, и только после разговора с матерью все поняла. Но кувыркался я только в третьем классе. Начиная с четвертого класса, я стал круглым отличником, то ли дело было в способностях, то ли в том, что я был на полтора года постарше своих сверстников.

Школы в то время были раздельными: мужские и женские. Каждый год, начиная с четвертого класса, полагалось сдавать экзамены за год. Так я сдавал экзамены за четвертый, пятый, седьмой классы. Автоматом меня перевели только после шестого класса, т.к. я весной неизвестно где подхватил малярию. Весь экзаменационный месяц я провалялся то

с температурой 40 градусов, то сотрясаясь в ознобе. От малярии и проглоченного акрихина пожелтел, но от экзаменов меня освободили и перевели в 7 класс, учитывая, что все прошлые года я кончал с похвальной грамотой...

Воспоминания представил Змиевской Г.Н. — младший брат Змиевского Ю.Н.

Зуева В.И.

Наравне со взрослыми

Посвящается моей любимой бабушке Вале от внучки Ирины

Зуева (Севостьянова) Валентина Ивановна, родилась 11.04.1925г в с. Пайгарма, Рузаевского р-на Мордовской АССР в крестьянской семье.

По окончании 8 классов поступила на работу в местный колхоз.

С началом ВОВ трудилась наравне со взрослыми на колхозных полях, ухаживала за скотиной.

В 1941г с началом ВОВ в Саранске, Рузаевке и во

многих районных центрах были открыты госпитали, под которые передали лучшие здания.

В районном центре Зубова Поляна таковыми зданиями были 2-х этажные строения, занимаемые педучилищем и средней школой. С первых дней войны Красная армия несла огромные потери, поэтому первые эшелоны с ранеными прибыли в Мордовию уже в июле 41года.

Первоначально в данный госпиталь поступали на лечение красноармейцы с западных фронтов, а с 1943г госпиталь был преобразован в специальное лечебное учреждение №1631 для военнопленных. Врачи и другие мед работники должны были лечить пленных — бывших вражеских солдат, которые затем отправлялись на трудовой фронт (восстановление разрушенных городов, строительство дорог, лесозаготовки и пр.). Пленные поступали в госпиталь в ужасном состоянии: истощенные, покрытые коростой, сплошными болячками. Санитарки и медсестры должны были подготовить их к осмотру врачами и далее осуществлять за ними постоянный уход. Большинство мед сестер не имело никакого опыта обращения с ранеными, поэтому в поселке организовали краткосрочные курсы и девушки, вчерашние школьницы, в одночасье превратились в добрых спасителей недавних врагов. Среди них была и Севостьянова Валентина Ивановна. Работа в госпитале была не просто трудной, она имела свою специфику и особенности, привыкнуть к которым было сложно по ряду обстоятельств.

Во-первых, многим сотрудникам не было и 18 лет, они не успели окрепнуть физически, а требования были едиными для всех. Огромные палаты отапливались дровами, углем, печки пожирали много топлива, а тепла давали мало.

Все приходилось таскать на себе санитаркам и сестрам. В зданиях не было элементарных удобств, а раненых надо было мыть , менять им белье, стирать и т.д. Во — вторых, затрудняло работу отсутствие должного общения, все смотрели на раненых, как на врагов. А они-румыны, немцы, венгры-были очень разными. Встречались, хотя и редко, но очень озлобленные, упорные, принципиальные враги, которые, едва придя в себя после ранения, насмехались над персоналом и демонстрировали всяческое пренебрежение.

Особенно тяжелой выдалась зима 1942–1943 гг. Привозили много военнопленных по железной дороге со Сталинградского фронта, многие не выдерживали, умирали прямо в вагонах. Умерших привозили в тот самый госпиталь, проводили освидетельствование, потом хоронили. Такую работу выдерживали далеко не все, многие просились на более «легкий» труд, на кухню, в прачечную. Но медики понимали, что их труд очень важен сейчас, работали сутками без отдыха и сна, понимали, стране очень тяжело, шли самые тяжелые годы ВОВ. Такое тяжелое оевое крещение прошла 18 летняя Севостьянова (Зуева) Валентина Ивановна, потом еще 2,5 года трудилась в госпитале, вплоть до окончания войны.

Но случались и радостные события. В 1944г в госпитале Севостьянова В.В. познакомилась со своим будущим мужем, Зуевым Василием Алексеевичем, он сопровождал один из эшелонов, который привез раненых. Он ушел обратно на фронт, а в 1945г уже по окончании войны вернулся за своей невестой. Они поженились и уехали жить в Московскую область, Щелковский район. С. Трубецкое.

Через 7 лет переехали на постоянное место жительства во Владимирскую область г. Киржач, где Валентина Ивановна проработала в местной ЦРБ до 81 года.

Имеет награды «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда»

Иванова М.Ф.

В землянке

Я родилась в ноябре 1934 года. Когда началась война, я находилась в деревне Жихарево. Я была ребёнком.

Помню, как приходили в деревню немцы. Они заходили в наши дома. Мы прятались от них под кровати и лазали под пол. Соседка с детьми приходила к нам и пряталась вместе с нами.

Немцы обращались с нами плохо. У моей мамы был ещё один ребёнок — грудной. За то, что малыш плакал, немец грозился его пристрелить...

Немцы отнимали у нас скотину.

Спустя какое-то время всю деревню вывезли в землянки. Причём сделали это не немцы, а наши руководители.

Всю зиму мы провели в лесу. Мы находились в месте, где погибла дивизия Полосухина.

Есть было нечего. Помню, была убитая лошадь. Понемногу жители ночью отрубали от неё по кусочку, потом варили... и ели даже кожу.

Периодически были наступления немцев. Их отгоняли.

Мальчишки лазали на ёлки и смотрели, откуда надвигаются немцы.

Землянки набивались как селедка в бочке. Людей было очень много.

Однажды после отгона немцев наша мать нас собрала с некоторыми другими детьми. Мы несколько месяцев не мылись. Были вши. Мы пришли в деревню в баню. И тут же пришли немцы. Нас забрали и погнали нас с автоматами на станцию. Я была маленькая...ребёнок. Не осознавала происходящего. Мама начала думать, как уходить. Она пришла к переводчику и сказала, что остались ещё дети в деревне и нужно их взять. Он велел ей вернуться в строгий час. Он отпустил мать вместе со мной и другими детьми. Мать знала, где в лесу наши. Была очень снежная и холодная зима. Мы долго ползли зимой. Тот офицер отлично понимал, что мы не вернёмся. Но отпустил.

Пришли в лес. Нам кричали «идут, идут...наши идут!».

Однажды к нам пришли люди в белых халатах на лыжах (вероятно, от Полосухина) и спрашивали, у кого больные дети. Они дали нам и хлеба, и тушёнку. Мой брат болел. Его это спасло. Он пошёл на поправку.

Мы просидели там целую зиму.

Сидели у костров.

Запомнилось, как однажды разорвался снаряд и попал в одного из жителей. От болевого шока он собирал свои кишки руками обратно в живот... погиб конечно. Очень многих это поразило.

В 1942 году Уваровский район освободили и нас вывезли. Очень много людей умерло. Помню звуки летящих бомб.

Нашу деревню сожгли и разбомбили. Нас поселили в деревню Праслово. Там мама заболела тифом.

Хозяйка пошла в военную часть к командиру, чтобы нас изолировали. Маме сказали, что детей заберут в детский дом. Сказала не трогать. «Если умру, то девайте куда хотите». Нам стали носить в котелке еду. Мама стала поправляться. Мамин грудной ребёнок рос. И уже начал понемногу вставать на ноги. Его отнесли куда-то покормить, так как есть было совсем нечего. Видимо, его напоили холодной водой. Он заболел и умер. Многие умирали...

Мой отец прошёл Финскую войну, потом был в колхозе бригадиром, а потом забрали на фронт. Три письма он присылал матери. Рассказывал, где находится. Папа участвовал в важной операции. Он был очень молод, ему было 36 лет. Мама берегла его последнее письмо: «Идём в бой... буду жив — напишу. А нет — не взыщите...». Отец пропал без вести. Предположительно попали под операцию «Тайфун».

Когда мать поправилась, нас вывезли в Перхушково. Маму направили на хлебопекарню на работу.

В 1942 году мне было 8 лет. В 1943 году я пошла в первый класс в нашей деревне. Война ещё шла. Писали карандашами на газетах. Школа находилась в обычном пустом маленьком доме.

Помню, как все радовались, когда закончилась война. Все говорили об этом. Эта новость доносилась отовсюду. Кто-то пришёл из правления, где был телефон и рассказал об этом долгожданном событии.

...После войны нас подселяли к другим людям в дома (не спрашивая), которые уцелели после войны.

Каргин М.И.

Детство в войну*

Глава 1

Мой отец выписывал большой иллюстрированный журнал. И я любил его листать, рассматривая снимки и читая под ними подписи. Однажды, летом 1941 года, листая очередной номер, увидел на последней странице карикатуру на Гитлера с рогами, а вокруг него множество мёртвых фашистов. Другая карикатура

* Выдержки из книги М.И. Каргина «Случайные рассказы 1941–2004 гг. Воспоминания». Мурманск, 2006 год. Печатается с согласия, данного ранее автором.

изображала наступление наших краснозвёздных танков, от которых в панике бежали немцы и горели их неуклюжие танки. Видимо, последняя карикатура посвящалась наступлению наших танковых корпусов под Ровно в самом начале войны.

Для меня эти две карикатуры были первыми наглядными впечатлениями о войне.

Следующее сильное впечатление о войне оставили песни тех лет. Вообще, песенное творчество периода войны как бы имело два слоя. Первый слой — это патриотические, официально признанные песни, которые часто исполнялись по радио, начиная с песни: «Вставай, страна огромная...», а потом — «Землянка», «Огонёк», «Тёмная ночь», «Смуглянка» и так далее. Этих песен было много, они поднимали дух войскам, звали к борьбе, но они о многом и не говорили, что действительно имело место на войне.

...Пока же песни, различные жуткие слухи, неизвестно кем и как распространявшиеся, владели думами людей в тылу. Каждый оставленный нашими войсками город вызывал острую тревогу. И, как яркий луч в кромешной мгле, было известие о героической обороне Одессы, а потом и Севастополя. Моряки казались необыкновенными людьми, а их борьба порождала легенды.

Наступила осень. Немцы захватили Украину, Донбасс и заняли Ростов. Все живущие в станицах и хуторах затаили дыхание, боясь, что немцы захватят всю Донецкую область и прорвутся к Дону в его среднем течении. Заканчивалась мобилизация, все военнообязанные казаки ушли в армию, а назад изредка возвращались израненные н списанные с военной службы.

Появилось вещественное подтверждение народного горя. В степи бродила масса рогатого скота. Его гнали с Украины на восток. Почему-то все гурты старались направить в Ягодный, там гуртовщики собирались свой скот кому-то передать, но скота было столько, что его не успевали прогнать, и скотина вольно бродила по степи в поисках корма. Но кроме скирд соломы да высохшего бурьяна никакого корма не было. Местные колхозы тоже ничем помочь не могли.

Однажды над хутором пролетел самолёт, а днём, играя в саду, мы нашли несколько небольших листков. На них текст был на русском языке. На этих листках вверху схематично было показано, куда дошли немцы, а внизу располагался карикатурный рисунок на Сталина И.В., стоящего на берегу моря и держащего в руках догорающую лучину с надписью: «Ты гори, гори, моя лучина, догорю с тобой и я».

Мы с братцем притащили домой свою находку, но взрослые забрали у нас листовки и тут же бросили в топящуюся печь, а нас предупредили, чтобы мы больше такие листовки не подбирали и не тащили в дом. При этом объяснили, что это вражеские, немецкие листовки, и что интересоваться ими нельзя. Мы поняли — значит, ночью над хутором пролетал немецкий самолёт, и это он сбросил листовки. ***Так произошло пока заочное знакомство с будущими оккупантами.***

Выпал снег. Жалкие остатки травы замело. Степь будто покрылась огромным саваном. И по этой безмолвной пустыне бродил табунами отощавший скот. Свирепый юго-восточный ветер гнал позёмку, и, спасаясь от холода, животные сбивались в плотные стада около немногочисленных, оставленных в степи скирдов, пытаясь утолить голод мёрзлой со-

ломой. Другие гурты, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра, забирались в многочисленные яры и там, сбившись в кучу, пытались спастись от холода, ложась плотно друг к другу. А сверху на них сыпался снег позёмки. И к утру они, так больше и не встав, скрывались под его толстым слоем. На глазах людей происходила массовая гибель несчастной скотины, и ей нечем было помочь. *Если бы осенью 1941 года удалось сохранить это богатство, то, наверное, нам не понадобилась бы американская мясная тушёнка, которая в народе именовалась «вторым фронтом». Но кто знал из живущих на хуторах и в станицах о масштабе бедствия нашей армии в 1941 году?* Поэтому гибель скота вызывала такую боль. Ведь никто не знал, что придётся самим пережить во второй половине1942 года. ... У нас на базу появилась маленькая рябая тёлочка. Её, отощавшую, с трудом выходили. В дальнейшем из этого обречённого на смерть заморыша выросла отличная корова, которая кормила нас все тяжёлые военные и послевоенные годы, вплоть до начала 50-х.

Тогда же у нас остановился на постой пожилой заболевший председатель одного из Винницких колхозов Седак с молодой женщиной Полей, любившей петь песни и красиво вышивать. У моей тётушки долго была ею расшитая белая кофточка, которую она летом любила надевать в праздничные дни.

Однажды Поля рассказала, что она пережила в самом начале войны. Группа колхозниц в конце июня полола сахарную свёклу. Прилетел немецкий самолёт и сбросил на них несколько пустых продырявленных бочек, которые попадали около девчат с шумом и грохотом. Работа была

сорвана. На второй день, как только они собрались, опять прилетел самолёт и сбросил на них заднее колесо от трактора ХТЗ. Колхозницы разбежались с поля. На третий день немец прилетел вновь и сбросил записку, где в шутливой форме спрашивал, почему они работают без бригадира, и обещал завтра такого бригадира им доставить. На следующий день немец опять прилетел и сбросил труп молодого чернявого парня, одетого в нашу военную форму. Выполнив «обещание», немец улетел, а женщины выкопали яму и похоронили несчастного. Никаких документов при нём не было, но опять имелась записка, где немец сообщал, что он выполнил обещание и привёз бригадира в лице еврея: «Раз они у вас правят всей страной, то и для колхозниц это самая подходящая кандидатура». *Так веселились оккупанты в первые дни войны.*

Седак с Полей жили у нас до прихода немцев. За это время мы сроднились с этими людьми и считали их своими. Поэтому, когда Седак засобирался домой, бабушка долго уговаривала его этого не делать, а пережить тяжёлую годину вместе. Но Седак не согласился и они, сделав телегу, уехали на паре быков. Уже после войны Седак прислал письмо, в котором описывал, что им пришлось пережить, возвращаясь домой, благодарил за приют, подтвердив, что напрасно тогда они уехали. По приезду их домой Полю немцы угнали в Германию, и с тех пор о ней ничего не слышно.

В тревоге и заботах, свалившихся на одни женские плечи, всю зиму жил хутор. Наконец перед Новым годом пронёсся слух, что немцев разбили под Москвой, что они бегут. И появилась радостная надежда, что Красная армия добьёт фа-

шистов, казаки с победой вернутся домой, и начнётся опять мирная жизнь. Вокруг только и было разговоров, как немцам накостыляли под Ростовом. Откуда-то появились очевидцы. Они рассказывали о боях разные подробности, а в заинтересованных слушателях недостатка не было.

Наступила весна 1942 года, и запылала степь. К небу тянулись огромные столбы дыма. Над землёй он был почти чёрный, а по мере подъёма ввысь как-то белел, словно седел, и закрывал ту часть неба, откуда дул ветер, неся запахи сгоревшей прошлогодней травы и соломы. Над оставленными в поле скирдами кругились огненные смерчи, где сквозь плотный дым пробивались кровавые языки пламени. Горящая степь как бы предупреждала людей о грозящей им опасности: что ждёт их неволя летом текущего года.

Моя бабушка часто выходила за двор, долго смотрела на горящую степь, качая головой и всё приговаривая, что это не к добру, что быть беде. При этом вспоминала, как горела степь в 1918 году в разгар Гражданской войны.

А война продолжала творить своё чёрное дело. По радио уже давно затихли победные сообщения, а шёл разговор об упорных оборонительных боях. Потом опять появились сообщения об отходе и оставлении городов.

Наступило лето 1942 года, тревога нарастала. Однажды в соседнем буераке мы собирали землянику и вдруг услышали завывающий гул, который быстро усиливался. И вскоре появились самолёты грязно-серой окраски с крестами на крыльях и каким-то непонятным знаком на хвосте, похожим на колесо, имеющее четыре спицы, но без обода. Уже потом мы узнали, что этот знак называется свастикой. Само-

лёты летели группами и в одиночку на небольшой высоте, поблескивая остеклёнными кабинами. Они были двух типов. Одни — двухмоторные, другие — одномоторные с выдвинутыми вперёд колёсами, похожими на лапы хищной птицы, когда она пытается схватить свою добычу.

Самолёты летели к Дону, и вскоре послышались отдалённые глухие взрывы. Потом донёсся слух — эти самолёты бомбили переправу и прибрежный лес, где скопились наши отступающие войска в районе станиц Базковская и Вёшенская. Тогда же немцы разбомбили дом М.А. Шолохова, при этом погибла его мать. ... Так произошло первое знакомство с немецкими самолётами.

...взрослые стали прятать в укромных местах продукты и вещи на случай прихода незваных гостей. Прежде всего прятали зерно, муку, пшено, сало, сахар и другие припасы. Прятали в сарае, на сеновале, в подполье — в специальных ямах. Эта горестная работа заняла несколько дней. На виду осталось только самое необходимое. В колхозе тоже проводили подобные мероприятия. Под руководством нашего председателя, Литкевича Степана Яковлевича, успели разобрать все трактора. Детали, которые можно было унести, растащили по домам: фары, генераторы, магнето, карбюраторы, радиаторы, поршневые группы с коленчатыми валами. Все эти детали и агрегаты законсервировали и попрятали до лучших времён. А когда немцев прогнали, трактора довольно быстро собрали трактористы, которые на них до немцев работали. Механизаторы пользовались бронью и в армию их не брали. Поэтому уже весной 1943 года успели кое-что вспахать и засеять.

Глава 2

Хутор оказался в стороне от наступающих немецких войск. Наших тоже нигде не было видно. ...

Одному председателю колхоза удалось ускакать к Дону на паре донских лошадей, и хутор замер в ожидании. Велись разговоры, что немцы уже вышли к Дону, а у нас всё ещё никого не было. Часто ночами стучали в окно. Бабушка и тётя выходили на улицу. Там оказывались наши солдаты, которые спрашивали дорогу к Дону, где можно укрыться днём, если не успеют дойти до реки. Случалось, небольшие группы наших приходили днём, просили поесть, останавливались на днёвку и ночью куда-то уходили. ...

Однажды дождливым утром меня разбудили на завтрак. Когда я пришёл в летний кухонный домик, то увидел там большую группу военных, сидящих за столом. Среди них выделялся пожилой, уже седеющий командир. При виде нас с братцем он сказал, что у него тоже два сорванца, и предложил сходить в леваду к лошадям, и он угостит нас сахаром. В сопровождении ещё одного военного мы пошли за обещанным гостинцем.

Однако на подходе к стоянке лошадей увидели деда-соседа, поднимающегося на противоположный берег речки с тяжелой ношей за плечами. Сопровождающий нас боец вскинул автомат, но старший запретил ему стрелять, сказав, что если будем живы, то, вернувшись сюда, тогда и разберёмся с этим дедом. Подойдя к лошадям, увидели, что на некоторых сёдлах срезана кожа, подсумки тоже оказались выпотрошенными, так что угощать нас было нечем. ...

Немцы пока появлялись в нашем хуторе наездами. Чаще всего наведывались мотоциклисты, которые лихо въезжали

во двор, из автоматов подстреливали кур, забирались в курятник, набирали в пилотки яиц и, ни слова не говоря, уезжали прочь. Так прошло примерно две недели безвластия. Но вот появился немецкий офицер — комендант Август, с ним несколько немцев и переводчик Николай (когда он был пьян, то, плача, говорил, что он бывший советский лётчик, сбитый в самом начале войны). После установления своей власти немцы собрали «казачий круг», на котором комендант приказал избрать своё самоуправление и, прежде всего, старосту и полицию из наиболее уважаемых жителей хутора. Естественно, никому в это дело влезать не хотелось, но комендант был строг, а вооружённые солдаты решительно пресекали самоотводы. Комендант прямо сказал, что отказывающиеся служить новой власти будут тут же арестованы, а потом расстреляны, получат наказание и члены их семей. А потом, ухмыляясь, заметил, что нужно уважать решение «казачьего круга». После такой «разъяснительной» речи старостой назначили старика Лиховидова, а полицейскими стали его сын Василий (совсем молодой парень), Грачёв Николай, возвратившийся в хутор израненный Иван Михеевич.

Судьба этих людей в скором времени стала трагической. Все они были вынуждены отступать с немцами. А кто остался, как многодетный Дударев из соседнего хутора, были расстреляны нашими в день освобождения. Здесь чётко сработал принцип стукачества. Тогда, на «казачьем круге», более шустрые соседи подставили своих хуторян, и их немцы назначили полицейскими, а когда пришли наши, тут же донесли, кто вынужден был прислуживать немцам по их же милости.

А пока подневольные представители новой власти были быстро привлечены немцами к работе. Сначала они занима-

лись сбором яиц, мяса и зерна для немцев. Каждый двор был обложен соответствующим налогом. Также нужно было сдавать молоко на организованный приёмный пункт. Обязав полицейских заниматься сбором дани со своих хуторян, немцы быстро привязали их к своей колеснице. А один случай расправы над двумя казачками, попытавшимися сдать разведенное молоко и получившими по 25 ударов толстым куском резинового кабеля по заднему месту, ещё больше обострил отношения между «родной» полицией и населением. ...

Несмотря на то, что уже действовала немецкая власть, наши солдаты всё шли и шли к Дону, часто останавливаясь на дневку в наших заросших камышом, ежевикой, хмелем, крапивой и тёрном левадах. Но теперь они уже не появлялись днём, а приходили в темноте, обычно прося что-нибудь поесть. В один из таких тревожных дней кто-то выстрелил из левады и застрелил немца из проезжающей машины. Немцы тут же собрали всех мужчин в возрасте от 16 лет до стариков и погнали их в станицу, а сами организовали облаву. Недалеко от нашего двора, когда подходила густая немецкая цепь, из куста терновника выбежали два наших бойца. Один сразу нырнул в прибрежный камыш, а второй что-то замешкался и тут же был застрелен на наших глазах. Это было жуткое, страшное зрелище.

Одновременно с облавой немцы обыскивали каждый дом и хозяйственные постройки. Наш дом обыскивали два немца. В этот момент мимо двора по дороге проходил незнакомый пожилой человек. Увидев немцев, он попытался спрятаться в подсолнухах, но был пойман молодым немцем и, под крики этого старика: «Пан, я невинный! Па-а-а!» — был застрелен из пистолета. Старший немец, видимо, возмущал-

ся и даже дал подзатыльник молодому, но старик был мёртв. *Этот ужас расстрела двух человек мальчишке пережить было трудно: меня трясло в лихорадке, я не мог говорить и успокоиться. ...*

Кроме погибших солдат, всех мужчин, угнанных в тот злополучный день в станицу, заперли в большом сарае. А через некоторое время налетели самолёты, и началась бомбёжка. Несколько бомб попали в сарай. Там погибли многие, в том числе дядя Никанор с братом, который приехал из Сталинграда пережить это тяжёлое время, но вот смерть подстерегла этих пожилых людей и здесь. *Конечно, теперь никогда не узнаем, кто бомбил эти сараи. Оставшиеся в живых уверяли, что самолёты были с красными звёздами на крыльях.* Но тогда почему не стреляли немецкие зенитки, ведь бомбёжка происходила днём? Почему бомбили именно этот сарай? Почему оставшихся в живых немцы тут же распустили по домам? *Другая версия кажется более правдоподобной, что эту кровавую провокацию организовали немцы, бомбя сарай на наших трофейных самолётах — ведь полевой аэродром находился в нескольких километрах от станицы.*

Заняв наши степные хутора, немцы быстро отремонтировали наш большак и мосты на трассе Миллерово-Базки и организовали интенсивное движение. Тем более, что им пока никто не мешал: сражение шло где-то южнее, а у нас было сравнительно спокойно. Бывали дни, особенно первое время, когда по этой дороге войска двигались сплошным потоком. Жутко было смотреть на эту ползущую пыльную серую змею вражеских войск и техники. Ехали большие грузовики с рядами сидящих в их кузовах солдат, гремели гусеничные

тягачи с пушками на прицепе, а вокруг стаей саранчи носились мотоциклисты. В эти моменты дорогу было невозможно перейти. Но вот где-то впереди взлетала красная ракета, колонна немедленно останавливалась, солдаты соскакивали со своих мест и начинали справлять нужду, не обращая внимания на стоящих у дороги людей. Проходило немного времени, опять взвивалась ракета, и колонна двигалась дальше. Пыль от размолотого степного чернозёма поднималась над дорогой огромным тёмным облаком, сквозь которое смутным белесым пятном едва проглядывало солнце. *Оставшиеся в живых деды, глядя на эти колонны, горестно вздыхали: «Как же нашим сдержать такую махину?».*

А к нам стали на постой два пожилых, видимо, нестроевых немца: дядюшка Карл и Альберт. Они располагали двумя парами огромных лошадей с фурами и занимались заготовкой сена, при этом жили на нашем сеновале. Карл довольно хорошо говорил по-русски и был очень общительным и добрым стариком. По его словам, он был в плену в наших краях во время Первой мировой войны. «И вот теперь, на старости лет, наверное, снова придётся побывать в плену!» — с грустью говорил он. Непрошенные постояльцы охотно помогали нам запастись сеном и соломой на зиму.

Однажды, проснувшись угром (это было в середине августа), увидел во дворе много немцев и каких-то других военных. Я с опаской прошмыгнул мимо них в наш летний домик, и тут неожиданно стал свидетелем драки тётушки с мадьяром. (Военные в незнакомой форме оказались мадьярами). Видимо, ночью наш хутор наводнила какая-то смешанная воинская часть. Мадьяр вытащил из шкафа большой горшок со сметаной. Тётушка стала этот горшок отнимать. Мадьяр,

разозлившись, толкнул её в грудь, за что получил страшный удар, и вместе с горшком оказался под лавкой. Горшок разбился, незадачливый грабитель выбрался из-под лавки весь в сметане под хохот своих дружков. Не знаю, чем бы всё это кончилось, но сцену наблюдал Карл, и он, улучив момент, увёл разъярённую казачку к себе на сеновал. *А у немцев было такое правило: где живёт немец, никто из союзников не должен появляться.* Так тётя спасалась на сеновале, пока эта часть не убыла.

В этот же день нас всех выгнали из дома, а после обеда во двор заехало несколько больших легковых машин. Из одной открытой вышел седой пожилой немец в штанах с красными лампасами и красными петлицами на френче. Он спокойно прошёл в дом и жил там около суток. Вокруг всё было оцеплено. Немцы установили зенитные пулемёты и пушки, около них постоянно дежурили расчёты. Разные легковые машины часто заезжали во двор, выходили немцы и быстро проходили в дом, но долго не задерживались. После отъезда одной приезжала другая, и так целый день. Нас в это время никуда не пускали. Мы жили в летнем домике и в сарае. Немцы вели себя так, словно во дворе, кроме них, никого не было. Около колодца поставили походную кухню, где подсобные работы выполняли наши военнопленные, над которыми жестоко издевался рыжий немец, то и дело раздавая подзатыльники и пиная ногами.

Поздно вечером во двор заехала крытая машина. Немцы растянули провода, укрепили их на шестах, и вскоре из машины раздалась музыка, а потом громкая, какая-то лающая речь. Немцы собрались около машины и внимательно слушали. Часто лай сопровождался шумными аплодисмен-

тами. После Карл сказал, что выступал Гитлер в Рейхстаге. Он утверждал о скором взятии Сталинграда, бои идут уже в городе — и тогда с Россией будет покончено.

Эта большая воинская часть как ночью прибыла в наш хутор, так же ночью и ушла, оставив после себя загаженные сады, где валялись обрывки газет, поломанные носилки, побитые велосипеды, обрывки ржавых бинтов и прочий хлам.

Глава 3

Немцы прошли и появились итальянцы. Опять в нашем доме оказались постояльцы. Поселился итальянский офицер, рыжий Педро, со своим денщиком Бруно. Итальянская часть заняла здания школы и базы «Заготскота». Педро временами напускал на себя строгость и как бы по секрету говорил, что немцы уже взяли Сталинград. А его денщик, симпатичный и молодой, прекрасно говорящий по-русски, смеясь, опровергал утверждение своего шефа, заочно называя его «фашо» и поясняя, что он сын богатого владельца магазинов. Сам Бруно окончил университет, отделение языков восточных славян, поэтому не только шустро говорил по-русски, но часто наизусть читал нам стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева и других наших поэтов. На вопрос бабушки, почему он такой грамотный, а ходит в денщиках, Бруно отвечал, что его считают неблагонадёжным. Разница в положении военнослужащих итальянской армии сразу бросалась в глаза. Если Бруно из вещей имел только ранец с самым необходимым, а из оружия — карабин с откидывающимся штыком и тупоносыми пулями, который, кстати, обычно не носил, то Педро имел велосипед, мотоцикл, красивую, хорошо выезженную лошадь, и два чемодана личных вещей. Иной раз вечером

Бруно играл на аккордеоне марши, а Педро садился на свою Любу (кличка лошади) и устраивал представления. Лошадь хорошо чувствовала такт музыки: меняла шаг, двигалась вбок, поднималась на задних ногах и проделывала другие номера. Смотреть такое представление было очень интересно. Подобные вечера бывали нечасто. И вскоре мы заметили, что Педро относится к своему интеллигентному денщику, как деспот, не стесняясь избивать его. Когда на службе происходили неприятности, то Педро таким манером срывал свою злость. Тётушка искренне жалела Бруно. После очередной выволочки спрашивала у него, как он терпит такое издевательство? На что плачущий денщик отвечал, что, если он поднимет на своего обидчика руку, то тут же окажется на передовой в штрафном батальоне. Единственная возможность отвязаться от Педро — это отпуск на родину, который у него должен скоро быть, а пока придётся терпеть. ...

В целом же итальянские солдаты были совсем не похожи на завоевателей. Они вели себя дружелюбно, весело, никогда не грабили — казалось, война их совершенно не касается. Так, придя во двор, они тут же сваливали свои карабины в кучу и не обращали на них внимания до своего ухода, чем разительно отличались от немцев, которые с оружием никогда не расставались.

В нашем довольно большом, но неглубоком, с илистым дном омуте водилось много крупных зелёных лягушек. Итальянцы о таком «богатстве» быстро узнали. И вот однажды, выпросив бредень у соседки-рыбачки Турилихи, наловили целое ведро лягушек. При этом пойманных линьков, окуньков и щурят оставили на берегу. Эту рыбы мы с братом подобрали после их рыбалки. Богатый улов итальянцы со смехом

притащили к нам во двор. Быстро разделали добычу, у бабушки за 4 лимона выпросили сковородку и масла, поджарили лягушатину с какой-то приправой и закатили пир. Они играли на мандолине и гитаре, пели песни, пили вино из больших оплетённых бутылок и ели лягушатину. ... Так продолжалось несколько раз, пока не выловили всех лягушек. ...

Время шло, оккупация продолжалась, только менялись оккупанты. Убралась куда-то итальянская часть, Бруно улетел в отпуск на родину. Фуражиры Карл и Альберт тоже куда-то уехали, на их смену прибыла другая итальянская часть. Но эти итальянцы — «альпины», как их у нас называли, были, видимо, альпийскими стрелками. Неизвестно, каким путём вместо войны в горах оказались в донской степи со своими мулами и даже танкетками. Это воинство было одето в красивую форму: на головах солдат и офицеров красовались широкополые шляпы с пышным пучком тёмно-зелёных петушиных перьев. Солдаты были высокими, стройными, в отлично подогнанной форме. Держались они высокомерно, замкнуто и надменно, напоминая поведением своих союзников-немцев. Но при всех своих петушиных атрибутах выглядело это воинство как-то несерьёзно. ...

После ухода альпин у нас появились румыны. Эти солдаты вообще не желали воевать и были постоянно голодны. Они небольшими группами ходили со двора во двор и проси ли что-нибудь поесть, а при случае могли и украсть, однажды, идя играть к своему приятелю — соседу Петяшке, я стал свидетелем, как его мать гоняла румына, который утащил из дежи кусок теста. Дело кончилось тем, что тётя Маша отняла у незадачливого завоевателя винтовку, и он стал её просить вернуть ему оружие и готов за это отдать тесто.

Видимо, о военных способностях немецких союзников наше командование хорошо знало, поэтому удары по окружению немецких войск в Сталинграде начались с разгрома румынской и итальянской армий.

Наступила поздняя осень с её непролазной грязью, затяжными дождями, леденящими ветрами. По нашей разбитой столбовой дороге уже давно не двигались сплошным потоком войска, теперь изредка ползли, буксуя, машины, а чаще — повозки, запряжённые лошадьми. Немцы в комендатуре стали понурыми. Уже не раздавались возгласы: «Сталинград капут!». Стали чаще прилетать наши самолёты. И теперь они летали совсем низко, и тип машин стал другим. Вместо тупорылых ястребков, которых мы часто видели летом, теперь прилетали большие двухместные самолёты, окрашенные в зелёный или синий цвет, с яркими красными звёздами на крыльях и белыми цифрами и надписями на бортах: «За Родину!», «За Сталина!», «Мститель» и так далее. Они группами в 3, 5, 7 самолётов по нескольку раз в день пролетали на такой высоте, что были видны лица лётчиков, и устремлялись к дороге, где сразу начинали бомбить и обстреливать всё, что там двигалось. Глядя на эти самолёты, я с удивлением заметил, что лётчики в них сидят спинами друг к другу. При этом один — в остеклённой кабине, а другой — под стеклянным козырьком, откуда торчит чёрный ствол. Рассматривая незнакомые самолёты, лишился одной детской фантазии. До этого случая, видя пролетающие самолёты, считал их чуть ли не неземными созданиями, что они сделаны из каких-то благородных металлов, что это образцы изящества и чистоты, и что управляют ими особые люди. А тут, глядя на низко пролетающие самолёты, заметил ряды заклёпок, трубки, торчащие из мотора, неровно окра-

шенный борт и, самое для себя неприятное — это полосы грязи на крыльях и куски грязи на колёсах, прижатых к крыльям. Всё! Идеал небесного создания был разрушен самым прозаическим образом.

Сначала мы боялись этих налётов. Но, убедившись, что наши лётчики дома не трогают, мы с братцем осмелели. И тогда, заслышав знакомый гул, спешили на крышу сарая, откуда было удобно наблюдать, что делают наши самолёты над дорогой. После прихода наших мы узнали, что эти самолёты называются ИЛ–2 (штурмовики).

Выпал снег. Что творили эти самолёты на дороге, стало ещё видней. ...

Стрельба ракетами днём была не такой страшной, как ночью. Просто из-под крыльев вырывалось жёлтое пламя, и дальше светящаяся точка стремительно неслась к земле. Слышался сильный грохот взрыва, при этом, как правило, повозка или машина загорались. Ночью стрельба ракетами представлялась жуткой фантастической картиной. Самих самолётов не было видно в призрачном свете осветительных бомб, поэтому казалось, что огненные стрелы возмездия несутся прямо с неба. Под их ударами горела земля, грохотали взрывы, и в этом аду прорывались крики любителей завоевательных походов. Подобные картины вызывали неподдельный ужас у взрослых, а что переживали мы, дети, трудно передать словами.

После налёта штурмовиков всё замирало, были слышны только стоны раненых. Через какое-то время движение возобновлялось, но тут вновь прилетали наши, и всё повторялось. И так каждый день! Причём никакого противодействия со стороны немцев не было. На том участке, который был

нам виден, самолёты действовали совершенно безнаказанно. За прошедшие пять месяцев оккупации ход войны повернулся на 180 градусов. Если летом наши пробирались к Дону мелкими разрозненными группами, а захватчикам не было оказано никакого сопротивления (во всяком случае, степные хутора немцы захватили без боя), то сейчас всё было наоборот. И это казалось чудом!

Кроме налётов штурмовиков, участились ночные бомбёжки. При этом бомбы сбрасывались тогда, когда лётчики где-нибудь замечали полоски света. Об этом предупреждали наши ещё тогда, когда над хутором пролетали «кукурузники». Ставни на окнах не были плотными, поэтому вечерами, заслышав гул летящего самолёта, сразу тушили лампу и сидели в темноте, пока гул не затихал. Бывала и ложная тревога. У нас жил большой чёрный кот, очень самостоятельная «личность». Летом, как все коты, он жил на воле в леваде и дома почти не появлялся, разве когда ему очень хотелось парного молока, но с началом холодов он вспоминал о доме. Появлялся, мяукая, а забравшись на печь, от удовольствия громко мурлыкал, при этом его песня сильно напоминала звук далеко летящего самолёта. Услышав тревожный гул и убедившись, что его издаёт отогревшийся кот, бедолагу тут же выдворяли на улицу, где он начинал протяжно ныть, жалуясь на свою «горькую» судьбу. Кто-то выходил во двор, кот проскальзывал в дом, отогревался и опять в знак благодарности начинал «петь». Его тут же выдворяли на мороз, и так повторялось по нескольку раз за вечер, пока чёрный разбойник не вразумлялся, что так «петь» нельзя. Он успокаивался, забивался на печке в дальний угол и уже не потчевал нас демонстрацией своих способностей.

Тяжкое это дело — ожидать бомбёжки, особенно ночью. Вот послышался гул самолёта, ясно, что он летит с недобрыми намерениями. Сразу думаешь, когда и куда он сбросит свои бомбы, страх заползает в душу. Если к штурмовикам мы как-то привыкли и перестали их бояться, ибо их интересовала только дорога, то бомбардировщик мог вывалить свой груз и на хутор, при этом бомбёжки производились с довольно большой высоты, поэтому чаще всего оставалась неизвестной принадлежность самолёта. Кстати, бомбы, сброшенные с самолёта, хорошо видны, и казалось, что они летят прямо на наши головы, поэтому с ужасом ожидаешь взрыва и думаешь, пронесёт — не пронесёт. ...

Однажды в середине дня к нам в хату осторожно зашёл немец в шинели и пилотке с наушниками (специальными наушниками немцы защищали уши от обморожения). Он както робко сел на отдельно стоящую табуретку и стал просить у бабушки чего-нибудь поесть, при этом странно передёргивал плечами. Вообще, немецкое обмундирование плохо защищало их владельцев от холода: в сапоги с широкими голенищами постоянно засыпался снег, тёплых брюк не было, не было и тёплых головных уборов. Их одежда подходила для войны в более мягком климате, а не в холодной зимней степи, с её пронизывающими ветрами, где, кроме хуторов, негде укрыться от холода. Кстати, если заговорил о снаряжении немецкого солдата, то в его распоряжении находилось много полезных и нужных вещей, правда, не относящихся к одежде. Например, плоский с крышкой котелок (который сейчас есть и у наших солдат). Эта ёмкость позволяла что-нибудь при необходимости сварить, а в крышке — разогреть или изжарить. Ложка и вилка были скреплены между

собой на подвижной оси и легко складывались. Электрический фонарик имел три стекла и мог светить разным светом, при этом он мог пристёгиваться к френчу на специальную пуговицу. Для освещения в блиндаже имелись специальные удобные стеариновые плошки. Даже не были забыты губные гармошки. В общем, что касается быта на войне, немцы довольно скрупулезно готовились, даже в мелочах. А вот одевать солдат в соответствии с районом боевых действий и как бороться со вшами — не додумались. Но это следует относить к просчётам политики «блицкрига».

Думали прогуляться по нашей стране, как по западной Европе, а пришлось познакомиться с нашей армией и нашим климатом и просторами. Всё это на деле оказалось непреодолимыми препятствиями для немецких войск. В декабре даже немцы стали жалкими и деморализованными воинами, куда только девались их летняя спесь и нахальство! Всё произошедшее с немцами в столь короткий срок казалось просто невероятным! ...

Основным моющим средством в те годы был щёлок. Вечером, для поддержания тепла в хате, обычно протапливали специальную печку или плиту сухими стеблями подсолнуха. Полученную золу не выбрасывали, а ссыпали в какой-нибудь ящик для последующего использования. Когда наступало время стирки или купания, брали толику золы, клали её в старый чугун, заливали водой и ставили в печь. После кипячения получался буроватый, скользкий едкий отвар. Его-то и использовали для стирки и мытья. При добавлении щёлока моющая вода становилась мягкой и мылкой, в ней было сравнительно легко стирать. Через несколько лет после оккупации, когда были установлены связи с шахтёрами Дон-

басса, которые приезжали к нам каждый год за картошкой, они стали привозить каустическую соду, с помощью которой варили самодельное мыло. Тогда поддерживать нормальное санитарное состояние в доме стало ещё проще.

Глава 4

В один из дней конца декабря 1942 года отдельные взрывы у Дона слились в непрерывный, пока ещё отдаленный, сплошной гул. Румыны в очередной раз бросили фронт и бежали в сторону хутора Верхнее-Яблоновского, крича при этом: «Чина ла шафара! Аича ла фронт Каменка госпиталь!». Я не ручаюсь, что дословно и правильно запомнил румынские возгласы, тем более, не знаю их перевода, но вот врезались в память на всю жизнь. Многие среди них были с обмороженными ногами, и поэтому вместо ботинок были обуты в чуни. Эта несуразная резиновая обувь чем-то отдалённо напоминала лапти, только зашнуровывалась с помощью грубых верёвок. Видимо, в Каменке у них действительно был госпиталь, куда они и стремились попасть. Румыны до этого несколько раз бегали с фронта, но немцы их перехватывали, пригоняли строем или привозили на машинах в сараи «Заготскота» и устраивали такую порку, что вопли воспитуемых слышались в хуторе. После такой профилактики союзников отправляли на позиции. На этот раз румын никто не преследовал, немцы были заняты своими проблемами. ...

Уже темнело, когда к нам во двор въехали семь румын на крупных откормленных лошадях, без сёдел и с обрезанными постромками. С ними пришла восьмая, раненая в заднюю ногу. Несколько румын довольно хорошо говорили по-русски. От них узнали, что они артиллеристы, вели целый день

бой, задерживая продвижение наших танкистов в районе Чира. Бросить свои позиции они не могли — сзади залегли немцы.

А когда они куда-то спешно уехали, румыны обрезали постромки, побросав пушки, и ускакали со своей позиции, предварительно прихватив солидное количество немецких продуктов. Так они втащили в дом три огромных травяных мешка немецких галет, полутораведёрную банку мёда, пару мешков различных консервов. Устроив на базу лошадей, румыны постелили на пол несколько солдатских одеял, разложили привезённые продукты, сели кружком и приступили к ужину.

Мы с бабушкой сидели на кровати, укрывшись периной, и я внимательно наблюдал, как эти солдаты поглощают привезённые продукты. Сначала пошли в ход мясные и рыбные консервы. Дразнящие запахи распространились по хате. Очень хотелось есть, но румыны ничем не угощали, а спешили насытиться сами. Вокруг шла стрельба, периодически дом вздрагивал от близких разрывов, а румыны всё ели и ели. Когда с консервами было покончено, кинжалом вскрыли банку с мёдом и продолжали есть, намазывая его на галеты. Если кто-нибудь наедался, то, не выходя из круга, откидывался на спину и засыпал, правда, ненадолго, а потом опять усаживался и продолжал есть. В середине ночи поднялась особенно сильная стрельба, и мы ушли в погреб, оставив в хате одних румын, продолжавших есть. Мне до сих пор не понятно, куда у них поместилась такая масса съеденных продуктов? И теперь, когда вижу человека, с жадностью и много едящего, то всегда вспоминаю последнюю ночь оккупации и обжиравшихся румын.

Было страшно идти в погреб: пули то и дело взвизгивали над нашими головами, но мы удачно добрались до своего укрытия и просидели там до раннего утра. ... Сама смерть, облачившись в огненное покрывало войны, с диким рёвом носилась над беззащитным хутором, и недаром: когда весной растаял снег, в степи подобрали и предали земле более 500 трупов немцев и румын.

Когда рассвело, четверо румын пошли искать наших, чтобы сдаться в плен, а трое стали ухаживать за лошадьми. Через какое-то время во двор пришли трое наших солдат, встречать их вышли мы с бабушкой. Они сразу спросили: «Кто из фрицев у вас есть?».

В это время из дома вышли трое румын с поднятыми руками, и мы оказались свидетелями их сдачи в плен, при этом я случайно заметил, как тряслись кисти их поднятых рук. Один из наших потребовал сдачи оружия. Румыны начали искать свои винтовки, но никак не могли их найти. А произошло следующее. В нашем летнем домике жила многодетная семья, отступившая от Дона. Глава семьи был калека и занимался сапожным ремеслом. Когда прискакали румыны и побросали свои винтовки, этот сапожник отпилил от винтовок приклады, чтобы из этого выдержанного дерева наделать гвоздиков для прибивания на обувь подошв, а обрезы винтовок забросил в растущий около дома куст сирени. Всё это видел мой братан и рассказал нашим. Один наш солдат достал из куста изуродованные винтовки, а два других пошли к сапожнику, который, боясь ответственности, спрятался в погреб. Наши быстро извлекли насмерть перепуганного сапожника, убедились, что он действительно калека, и оставили его в покое. А над румынами весело смеялись, пригова-

ривая: «Ну, вояки! Ну, завоеватели! Вам только мамалыгу есть да в чунях ходить! Вас обезоружил не кто-то из нас, а почти безногий калека!». ...

Пока наши разбирались с тремя румынами, подошли остальные четверо с заранее поднятыми руками. Наши провели всех сдавшихся в дом, назначили старшего и отправили без всякого сопровождения на сборный пункт в станицу, дав им на дорогу немного галет и предупредив старшего, что он головой отвечает за свою группу перед советским командованием. При этом наши солдаты вели себя спокойно. Хотя в период оккупации немцы распространяли жуткие рассказы о зверствах русских в освобождённых ими населённых пунктах. *Мы с радостью и некоторой опаской смотрели на своих знакомых и незнакомых бойцов. Это были не те люди, которые летом прорывались мелкими группами из окружения, настороженные и обеспокоенные. Теперь перед нами предстали уверенные в себе люди, одетые в отличную зимнюю одежду: в полушубки, валенки, ватные штаны, шапки-ушанки, на руках — тёплые трёхпалые рукавицы. Как они разительно отличались от теперешнего жалкого воинства оккупантов!* Эти первые три наших солдата пробыли у нас целый день и многое рассказали. Главное, мы узнали, что большая группировка немцев окружена под Сталинградом и её сейчас там добивают. «После этой кровавой бани немцы сюда больше не сунутся!» — подвёл итог разговора пожилой боец.

Запомнились отдельные случаи, связанные с освобождением.

Наступающие наши солдаты были под хмельком. Рядом с дорогой стояла старенькая глинобитная хата. В ней жили

две глухонемые сестры и их брат, у которого была нарушена координация движения, да и соображал он туговато. Его походка напоминала ходьбу пьяного человека. Когда наши появились около дома, их вышла встречать одна из сестёр. Её непонятная жестикуляция и нечленораздельное мычание ввели наших солдат в заблуждение. С возгласами: «Сволочь, уже забыла русский язык!» — бойцы расстреляли несчастную. В этот момент подбежала соседка и объяснила, кто тут живёт, но беда уже случилась.

...Прошло уже несколько дней, как выгнали немцев. Я прибежал со двора и застал нашу соседку за разговором с бабушкой. Соседка возмущалась, что из-за проклятого немца пропала большая чаша муки, которую она смолола на ручной мельнице и собиралась испечь лепёшки. Что же произошло? Когда наши солдаты подошли к дому соседки, один из немцев спрятался в погребе. Командир видел, куда нырнул немец и приказал бойцу Чеботарёву лезть в погреб. Но солдат выполнил команду по-своему: просто рывком отбросил крышку погреба и прострочил из автомата. Потом, с помощью подбежавших ещё солдат вытащил из погреба уже мёртвого немца. Одна из пуль попала немцу в голову, и вытекающие из раны кровь и мозги вылились в чашу с мукой. Я заметил, соседка не возмущалась тем, что в её погребе застрелили немца — это произошло как бы между делом. А вот Чеботарёв поступил нехорошо, испортив целую чашку муки. Кажется, тогда я впервые задумался о цене человеческой жизни на войне.

В наших соседях жила семья во главе с дедом Кузьминым. Сестра жены деда жила в хуторе, рядом со станцией, у неё была большая семья. Муж этой женщины был на фрон-

те. И случилось так, что его часть остановилась на постой в станице, откуда до его дома было всего пять километров. Солдат просил своего командира отпустить сбегать домой на ночь, но командир не разрешил. Однако боец ночью всё-таки сходил к семье и вернулся утром в свою часть. Но начальник был возмущён его поступком, вытащил солдата на улицу и зарубил саблей, как дезертира.

В начале марта 1943 года мы пошли в школу. Придя первый раз, увидели стоящий у дороги наш танк. Он не был подбит и не сгорел. Здесь была какая-то тайна: никто не знал, куда девались танкисты. Наши соклассники, идя по речке в школу (кстати, замечу, это самый удобный путь передвижения по хутору пешком в зимний период), увидели вытаявшую человеческую руку и тут же рассказали о своей находке учительнице. В конечном итоге раскопали четыре трупа в одном белье. Приехало районное начальство, опросило жильцов близлежащих домов, и вскоре мы узнали подробности гибели наших танкистов. Выше уже писал, что в день освобождения слышали гул мотора и лязг гусениц, потом началась сильная стрельба и пошли танки. Этот танк, видимо, был разведчиком, за ним потом пошёл танковый корпус. В память об этом событии на развилке дороги Миллерово-Вёшенская у реки Чир стоит на постаменте танк Т-34-85.

Тот головной танк, о котором идёт рассказ, видимо, поджёг сараи в центре нашего хутора, потом выпустил два снаряда по школе. В результате здание сильно пострадало: стены и перегородки были иссечены осколками. Подъехав к школе, танк остановился. Все танкиста выбрались из машины и пошли в школу, а там засели немцы. Что потом там

случилось, почему танкисты повели себя так беспечно — теперь уж никогда не узнаем. Факт остаётся фактом: все танкисты были взяты немцами в плен. Когда их вели, один из них выбросил документы в снег. Это видела соседка из ближайшего дома и документы подобрала. По этим документам потом выяснили фамилии всех членов экипажа. Командир танка был родом из Луганска. А дальше немцы пленных допросили, раздели до белья, вывели на речку и расстреляли. Найденные тела танкистов жители хутора перенесли к школе и захоронили. А уже после войны поставили скромный памятник с фамилиями погибших.

В 1996 году я опять побывал в родном хуторе, но памятника танкистам у доживающей последние дни старой школы не обнаружил. Как рассказали молодые и теперь не знакомые мне соседи, несколько лет назад останки танкистов откопали и перенесли куда-то в общую братскую могилу. Кто-то из местного начальства внёс предложение собрать все останки воинов из разных могил в одну общую братскую, чтобы удобней за ней было ухаживать. Куда перевезли останки — не знаю, а хутор потерял могилу и памятник своим танкистам-освободителям. Пройдёт ещё с десяток лет, наше поколение тоже ляжет в родную землю, и никто знать не будет, что там, у старой хуторской начальной школы, недалеко от степной речки, накануне 1943 года разразилась одна из миллионов трагедий той большой войны, и что там многие годы после войны стоял скромный памятник! Горько думать и тяжело писать об этом.

В начале апреля, когда подсохли дороги, к стоящему около школы белому танку подъехала грузовая крытая машина. Из неё вышло около десяти человек военных. На двоих из

них желтели погоны, которые мы видели впервые и сначала не могли понять, что за военные к нам пожаловали. Потом всё прояснилось: в нашей армии, как и в царской, теперь учреждены погоны. Хуторские старики восприняли такую новость с удовлетворением, говоря, что вот теперь у нас настоящая армия.

После поспешного бегства немцев в хуторе и степи осталась масса различных трофеев, в том числе обмундирования. Взрослые собирали всё, что может пригодиться в хозяйстве, а нас интересовало оружие и боеприпасы. Прежде всего мы навели «порядок» в школьном дворе. Растащили и повзрывали все гранаты, в том числе немецкие с длинной ручкой, и добрались до штабеля унитарных артиллерийских снарядов, каждый из которых хранился в отдельном металлическом контейнере. ...

...Бабушка попросила меня принести пороха, чтобы разжигать печку. Я притащил целую пачку чёрных трубок, полагая, что это как раз то, что нужно, при этом, конечно, не думал, что эти трубки произведут переполох в доме.

Утром я ещё нежился в кровати, а бабушка растапливала печь. И вдруг в печи началась стрельба. Вскоре одна из дымящихся трубок выскочила из печки и стала стрелять и прыгать по хате. Бабушка схватила ухват и пыталась прижать эту прыгунью, но после каждого выстрела трубка выскакивала и со змеиным шипением продолжала носиться по дому. Когда трубка сгорела, бабушка в заключение этого представления огрела меня ухватом, приговаривая, что с таким помощничком можно и дом спалить, и села на лавку отдышаться. ...

Теперь отвлекусь от страшных воспоминаний и расскажу о другом наблюдении в период оккупации. Домашние животные тоже чувствовали постоянную опасность и вели себя соответствующим образом. Около нашего дома рос большой куст дикого тёрна, он настолько был густ и переплетён крапивой, что летом в него никто не забирался. Когда появились немцы, тётя забралась в середину этого колючего куста, вырубила площадку и поселила там свинью, справедливо полагая, что если эту животину оставить в сарае, то немцы её утащат. Свинью кормили и поили только глубокой ночью, и она ни разу не выдала своего присутствия. В этом кусте невольная отшельница просидела до листопада, потом, опять же ночью, её перевели в сараи, предварительно оборудовав ей укромный глухой уголок, где она и прожила до конца оккупации.

С приходом наших для мальчишек война не закончилась. В хуторе и вокруг в степи осталась масса оружия и боеприпасов. Тут и винтовки, и автоматы, пулемёты, миномёты разных систем, пушки, патроны, ракеты, гранаты, мины, снаряды, дымовые шашки — так что было чем заняться нашему брату. После школьного двора, где мы прошли как бы коллективную практику по броскам гранат, организации подрыва различных боеприпасов и разряжению артиллерийских зарядов, мы занялись этими делами там, где находили смертоносные игрушки. По мере освоения этого «богатства» участились и усилились взрывы, стрельба слышалась в выходные дни почти непрерывно.

... Мы знали, что около придорожного куста тёрна давно валяется кем-то брошенная, но не разорвавшаяся граната. На этот раз Харитошка решил её попинать, как консервную

банку, и стукнул по ней ногой. Тут же прогремел взрыв, иссечённое осколками тело дружка рухнуло на землю. Кстати, от этой гранаты случайно пострадал наш дед-пастух...

Мы, трое двоюродных братьев, в это время не пострадали по одной простой причине: никогда и нигде ничего не пытались разряжать, а, найдя, например, мину, обкладывали её сухими коровьими лепёшками и поджигали, а сами убегали в какое-нибудь укрытие. ...

Самый трагический случай произошёл весной 1944 года, когда цвела вишня. В тот день, подорвав какой-то очередной снаряд, мы большой гурьбой на ровном лугу играли в любимого «сального» (лапту), использовав мяч, сделанный из губчатой резины от колеса немецкой пушки. Был тёплый, ясный солнечный день. Хутор, как невеста на свадьбе, белел цветущими садами, а степной ветерок разносил терпкий цветочный запах. Мы радовались праздничному дню, солнцу и теплу, шумно бегая по лугу. Игра была в самом разгаре, и в этот момент в конце хутора раздался тяжёлый ахающий взрыв, поднялся цилиндрический столб дыма. ***Так взрываются противотанковые мины. Мы забеспокоились, перестали играть, почувствовав в этом взрыве что-то зловещее.*** Через какое-то время узнали, что на незнакомой мине подорвались три неразлучных друга, мои однофамильцы, а четвёртый из них ушёл незадолго до взрыва. Погибшие были самыми старшими из нас. Двое из них заканчивали 10-й класс, а один — 9-й. Десятиклассники собирались после школы в военное училище и мечтали стать сапёрами. Во исполнение своей мечты весной 1943 года они облюбовали один глухой яр и натащили туда всякого смертоносного добра. Обычно, придя из школы,

неразлучная четвёрка: Андрей, Михаил, Виталий и Александр — бросала сумки, обедала и, под причитания своих матерей, отправлялась в любимый яр, и там начиналось очередное опасное представление. Настрелявшись и навзрывавшись, братва расходилась по домам. В этот яр боялись ходить все жители хутора, а хозяева не рассказывали, чем они там занимаются.

Направляясь в центр хутора, в одном из садов четвёрка обнаружила какую-то незнакомую им мину и решила разобраться с ней на месте. До этого случая они спокойно разряжали все боеприпасы, какие им только ни попадались, и ещё не бывало, чтобы они не разобрались со всеми хитростями. Теперь друзья долго возились с какой-то незнакомой противотанковой миной, но она что-то плохо им поддавалась. Не выдержали нервы у Сашки Каледина. Произошло бурное объяснение и, обозванный трусом, он пошёл домой, но едва отошёл сотню метров, как за спиной раздался взрыв. Вернувшись назад, увидел окровавленные кусты цветущей вишни с висящими на них обрывками одежды и кусками тел погибших друзей... Друзей похоронили в одной могиле. ...

Последняя жертва войны была совершенно случайной.

В 1950 году, во время уборочной кампании, я работал соломокопнильщиком на комбайне «Сталинец–1». Специального соломокопнителя на этом комбайне не было, а была примитивная самоделка, представляющая собой своеобразную двухколёсную волокушу... После сталкивания очередной копны копнильщик быстрым движением подхватывал поперечную жердь, ставил её поперёк, а торец забрасывал в специальный держатель, добегал до основного бревна, садился на него и начинал складывать падающую солому

в копну. При этом был по пояс раздет и без защитных очков. Подъехав к очередному ряду копен, копнильщик отбрасывал заднюю поперечину, бегом возвращался назад, становился перед копной посередине волокуши, втыкал заострённый черенок вил в землю и сталкивал копну. Если солома была чистой, то сталкивание происходило сравнительно легко, но если в соломе было много сорняков, то эта операция требовала больших усилий, превращаясь в изнурительный труд: от напряжения иной раз шла из носа кровь. Поэтому копнильщики работали парой. Когда один делает очередной прогон, другой в этот момент может отдохнуть. Выполняли эту работу подростки 14–16 лет. Если погода была сухой, то работа шла практически круглые сутки, и мы буквально валились с ног. ...но эта работа давала приличное количество трудодней, а значит — хлеба. Его нужно заработать, чтобы прожить следующий год и учиться в школе.

В тот день я, сделав очередной гон, пришёл на наш полевой стан, который кочевал с поля на поле вместе с комбайном. ...В общем, работы хватало всем, и люди весело обустраивались на новом месте. На стане я, прежде всего, поинтересовался содержанием своей продуктовой корзины, которую мне прислала бабушка из дома с попутной подводой. ...Спокойный разговор был прерван самым неожиданным образом. Раздался взрыв, над кромкой поля поднялось небольшое облачко дыма. Все, кто был в этот момент на стане, побежали к месту взрыва, думая, что пострадала чья-то корова. Когда мы подбежали, то вместо раненой коровы увидели лежащего деда. По его лицу струйкой сочилась кровь, дед был в сознании и коротко рассказал, что случилось. Пастух уже собирался подгонять

стадо к нашему стану, чтобы отведать свежего борща, но в этот момент стадный бугай решительно направился на поле, чтобы полакомиться просом. Дед запустил в него чакушкой (большая палка с утолщением на конце, служит для броска), в бугая не попал, а попал по гранате, и она, провалявшись столько лет, всё-таки сработала. Пастух не погиб потому, что был сравнительно далеко от взрыва. Но всё равно это было очень опасно — ведь до районной больницы 35 километров. Хорошо, что в этот момент на току стояла колхозная полуторка. На ней и доставили раненого в больницу, извлекли осколок, зашили рану, но один глаз у деда перестал видеть.

Я свои последние два снаряда подорвал 7 ноября 1951 года в честь праздника, возвращаясь из школы после демонстрации. Снаряды притащил из ближайшего лога, уложил их на копну соломы и поджёг. О том, что в этом логу лежат снаряды, знал много лет.

Всё это было намного позже, а сразу после освобождения жителям хутора нужно было решать неотложные задачи. Прежде всего, убрать в хуторе мины и прочие смертоносные предметы. Это помогли сделать армейские сапёры, правда, убрали и взорвали далеко не всё. Теперь нужно было возрождать хозяйство, восстанавливать школы, по мере таяния снега убирать трупы вчерашних оккупантов. Вернулся наш председатель Литкевич С.Я., и дело стало налаживаться. Раскачиваться было некогда — нужен был хлеб для сражающейся армии.

Весна не заставила себя долго ждать. Трактористы собрали несколько тракторов, а колхозницы ходили по полям с завязанными лицами и убирали трупы. Опять, как весной

1942 года, степной ветер нет-нет, да и заносил сладковатый смрад гниения человеческих тел. Всего только на полях нашей бригады убрали около 500 трупов, некоторые из них подавлены танками. Это было видно по следам гусениц. Трупы и отыскивали, ходя по этим следам. ...

Особенно трудными были 944,1946,1947,1948 1949 годы. Настоящий хлеб появился на столах только в 1950-м, когда случился хороший урожаи зерновых и овощей на приусадебных огородах. Тогда колхоз только зерна выдал по 5 килограммов на трудодень, не считая проса и подсолнечных семечек.

В дополнение ко всем бедам, в 1943–44 годах жизнь хуторян отягчало нашествие несметного количества грызунов. Эти серые твари уничтожали всё съедобное и в степи, и в жилых и хозяйственных постройках. Они быстро добирались до съестных припасов, частично их съедая и загаживая. Сено и солома превращались в труху. Под таким воздействием на горизонте быстро расползалась мрачная туча предстоящего голода. Уже летом 1943 года хлеба фактически не было. Если кто имел запасы зерна, то, спасая от грызунов, хранил его в каких-нибудь плотных металлических ёмкостях. Хуторян спасали собственные огороды и кое-где оставшиеся коровы, которых не успели забрать немцы. Немцам нужно было молоко для войск и госпиталей, поэтому, обложив каждое подворье данью, они коров не трогали.

Хотя хлеба и не было, но, при наличии молока и картошки, жить было можно. Лепёшки пекли из разных заменителей: желудей, жабрея, лебеды, конского щавеля, корней рогоза (чакана). Просто так их есть неприятно, но с молоком было терпимо. ...

Пока шла война, победные сводки поддерживали высокий моральный дух измученных людей, все ждали победы и верили, что после неё жизнь станет легче и лучше. И вот грянула Победа, но вместо всеобщего ликования стоял горестный стон в каждом доме. Это наши матери и бабушки оплакивали не вернувшихся с войны наших отцов, старших братьев и других родственников. Не было хаты, где бы все казаки вернулись с фронта, чаще были семьи, где вообще не осталось мужчин. Теперь несчастные бабёнки, с неизбывной душевной болью, продолжали нести на своих плечах все работы в колхозе и дома уже потеряв всякую надежду на личное, семейное счастье. Легче было тем, кто до войны успел выйти замуж, родить детей, испытать радость семейной жизни и материнства. А каково было тем, кому не удалось этого сделать, и теперь — летели годы, и не было никаких перспектив в личной жизни? Что им осталось? Одна работа, да отчаянные, чаще всего неудачные попытки устроить свою личную жизнь, а впереди ожидало безрадостное одиночество. ***И теперь, сейчас пройдите по нашим разорённым непродуманными реформами деревням, загляните в тихие городские квартиры, и вы найдёте ещё многие тысячи одиноких бабушек, скорбно доживающих свой век. Это и будут те молодые, жизнерадостные женщины 40-х годов, которые, как мифические титаны, держали на своих плечах Державу во время войны.*** Это они не дождались своих мужей и женихов, но не покладая рук заново отстраивали своё Отечество, неся в душе своей застарелую боль от несостоявшегося личного счастья. Низкий поклон им, кто ещё жив, и Вечная Память ушедшим из жизни!

Киданов В.В.

Дети войны – труженики тыла

Дети, у которых не было детства, была война, была тяжёлая работа и голодное время.

Отношу и себя к этим детям.

Они юридически узаконены государством как «ветераны Великой Отечественной войны» и награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Преклоняю голову теме блокадниками Ленинграда, которые пережили самые ужасные дни жизни. Наши трудности меркнут перед нами. Хотелось бы изложить некоторые воспоминания из своего детства, не претендуя на исключительность судьбы, подобная у всех переживших это лихое время.

Я родился в 1928 году в Сибири, село Вопчиха, Алтайского края. Наша Семья состояла из 7 человек. Старенькая бабушка, папа, мама, и четверо сыновей. Во время коллективизации родители не захотели вступать в колхоз и решили покинуть село. Насушили два мешка сухари на дорогу и всей оравой двинулись в город Хабаровск. Преодолели все трудности того времени переезда по железной дороге. Забитые вагоны пассажирами, некоторые ехали на крышах вагонов. В Хабаровске разместились, как переселенцы в общежитии.

Бараки из досок между ними засыпаны опилками для сохранения тепла. В бараке каждая семья отделилась друг от друга развешанными тряпками, простынями, кто, чем мог, со своей железной печкой, так называемой «буржуйкой». Однажды осенью барак загорелся.

Помню, как полыхал этот сарай, а мы стояли своими спасенными шмотрамитками и смотрели на этот ужас, настигший нас. Со всеми другими трудностями и переживаниями, как-то: наводнение реки Амур и затопление нашего нового жилища в Хабаровске, прожили 7 лет. И вот наступили суровые 1937–1938 годы, известные как репрессивные. Страна Советов избавлялась от врагов народа: семья по доносу «стукача», жителя села Волчиха, попала под подозрение, как не вступившая в колхоз, т.е. неблагонадёжная. Достаточно было решения тройки, созданной известным карателем Ежовым, из-за которого погибли тысячи безвинных людей. Тройки состояли из представителей местной власти, прокуратуры и комитета Госбезопасности. Милиционер вручил родителям повестку — решение тройки: «семье покинуть город Хабаровск в течение 24 часов». Были сборы недолгие. Родители были напуганы событиями, которые ежедневно происходили вокруг. Помню, тогда бабушка сожгла фотографий своих двух сыновей, одетых в военную форму с погонами, которые погибли на фронте в Первую мировую войну в 1914–1918 гг.

Вдруг при обыске эти погоны проявят связь с Белой армией?! Приехав на железнодорожный вокзал в город Хабаровск, отец по совету какого-то спутника определился ехать в город Кемерово. С огромным трудом купил билеты, и мы двинулись в неизвестность.

Старший брат Василий с нами не поехал в г. Кемерово, так как у него был призывной возраст. Он уехал к тёте в г. Барнаул, где был призван в 1940 г. Красную Армию.

В г. Кемерово никому не нужная семья Кидановых в районе реки Искитимки сняла комнату небольших размеров. Спали на полу, матрасов не было, их заменял тулуп (большая шуба). За дорогу страшно обовшивели. Пищу мама готовила на примусе. Печки в нашей комнате не было. Хозяйская печь не для нас. Где-то более полугода мы жили в этих условиях. Затем отец нашёл другую квартиру, попросторнее.

Город Кемерово запомнился очень: сибирские морозы, дым от химических заводов. На снегу всегда чёрные и оранжевые осадки угля и сажи. Но это ещё терпимо.

Началась война с Финляндией в 1939 году. В магазинах сразу исчезла свободная продажа хлеба. Редкая торговля, громадные очереди. У каждого очередника на ладони написан номер очереди. Но, когда открывалась дверь для входа в магазин, начиналась жуткая давка. Однажды я попал в это месиво, могли задавить. Меня спас мужчина. Вытолкнул из этой свалки. Иногда смельчаки-дети добирались до двери магазина по головам плотной очереди. Очереди за хлебом сохранялись и ночью. Милиция на площадях с гиканьем, обнажив сабли, разгоняла очередь, но к утру она восстанавливалась вновь. Мы, пацаны, обычно прятались от милиции в подвалах церкви, которая была рядом с магазином. Не всегда удавалось купить булку чёрного ржаного хлеба. Добрая хозяйка дома иногда давала нам брюкву и это был наш ужин.

Отец работал то пожарником, то рабочим на мучном комбинате, где разрешалось сметать для себя мучную пыль. Мама из нее делала лепёшки. Какие же они вкусные, хотя хру-

стели на зубах от песка. Это были времена, когда за колоски пшеницы, собранные на полях, можно было получить срок или расстрел. Так было. И этот бесконечный голод остался в памяти на всю жизнь. В Кемерово окончил 4-й класс, а пятый не осилил, пропускал много уроков в поисках пищи, и остался на второй год.

Родители не могли мириться с такой жизнью, искали новое постоянное место жительства. Папа написал просьбу-заявление на работу в «Продснаб» Якутии в пункте Нагорный. Пришёл вызов. И мы вновь двинулись с путь с надеждой на лучшую жизнь. По железной дороге добрались до станции «Большой Невер». Отсюда автомобильная дорога связывала Якутию с «Большой землёй». В кузове автомобиля доехали до пункта «Нагорный». Начальство «Продснаба» направило отца на работу на прииск Лебединый. Нам выдали повозку-телегу и лошадь. На телегу положили пожитки. И главное — посадили бабушку. Она не могла идти пешком. Дороги никакой, а просто ходовая тропа и на пути мрак, болото, тайга.

Преодолев бездорожье в дикой тайге примерно 50 километров идти с ночёвками на попутных приисках. Наконец-то добрались до своего места. На прииске Лебедином нас приняли доброжелательно. Жилья не было, и нас временно разместили в небольшой комнате, называемой «конюховская», где обычно жили рабочие-извозчики по развозу продовольствия и хлеба на другие прииске.

Основной склад и пекарня были на этом прииске. Жизнь осложнялась и тем, что этот район вечной мерзлоты. Не было овощей: картошки, капусты, и других, так как всё это там не росло. Единственные овощи — турнепс и репа. Турнепс вместе с ботвой заливали водой и замораживали в бочке на зиму.

А репа — это деликатес. От цинги было спасение, каждый житель на зиму заготавливал голубику и бруснику.

Жили мы в одной комнатушке, где помещалось два топчана, кроватей не было. Посреди комнаты — железная печь. В печи всё время зимой тлели крупные чурки дров, чтобы поддерживать тепло, но всегда было очень холодно. Я спал на полу. Одевал шапку и на ноги чулки из оленей шкуры. С наступлением учебного года 1939–1940 гг. ушел учиться в 5-й класс в школу-интернат в пункте Нагорный, потому что школы на прииске не было. Наступил 1941 год, грянула война. Отец и два старших брата ушли на фронт. Двое из них не вернулись. Старший, Василий, погиб в Польше за 1,5 месяца до окончания войны. Похоронен в городе Пултуск. Александр, прошедший всю войну, погиб 26 сентября 1946 года при ликвидации немецко-литовских националистов, так называемых «лесных братьев». Похоронен в г. Кушникс. Их имена увековечены на мемориальном памятнике «Победа» в городе Алдане — Якутия и на воинском мемориале в г. Кубинка Московской области. Еще один брат Виталий был призван в ФЗО, фабрично-заводское обучение, для работы на шахте прииска «Открытый» недалеко от Алдана.

Бабушка, которой более 80 лет, больная Маша (камень в почке) остались одни на прииске. Маша работала в пекарне. Мучительные страдания, помощи никакой. Больницы и лекарств не было. Им трудно было выживать в этих условиях, требовались дрова для отопления. Заготавливать надо самим в лесу. Поэтому через 2 месяца учебы в 7-м классе в школе-интернате я самовольно бросил учебу и без оповещения и разрешения ушел на прииск «Лебединый». Путь совсем неизвестный, опасный, занесенный снегом. Опасность — вол-

ки и бродячие медведи. В пути питался ягодой — голубикой, которая еще не опала от мороза и торчала из-под снега. Преодолел путь с большим трудом и шел уже по глубокому снегу от прииска «Дорожный» примерно 5–6 км, последний и мне знакомый рубеж, добрался до дома.

Мама и бабушка были очень удивлены, потому что детей всегда сопровождали взрослые люди. Таким образом, закончилась учеба и началась работа с 13 лет в бригаде старателей. Бригада состояла в основном из пожилых мужчин и не призванных на войну с белым билетом, женщины, мужья, у которых на войне, дети с 13 лет и выше. Не зная выходных и отпусков — каторжный труд в условиях жестокого мороза ниже 50 градусов, а может и более. Выдыхаемый воздух замерзал и превращался в мелкие льдинки, издавая шорох. Жителям Якутии это известно.

Работали на вечной мерзлоте, которую еще надо было продолбить до пласта золотоносной породы. А это 3–4 метра глубины прогрева, т.е. оттаивание вечной мерзлоты. Дрова вручную заготавливали в лесу. Преодолевая снежные преграды, порой до метра и более высоты, тащили небольших размеров, исходя из своих сил, сухие деревья с верёвками — как бурлаки. Единственное облегчение, что все это происходило спуском с горы. Созданный костер с камнями, старатели называли «Бут». Горячие камни укладывали в забое шахты, закрывая их талой породой на ночь.

Будущий день работы для добычи чистого золота был обеспечен талой породой. Этот процесс — история для стихийных бригад, испытавших труд старателя-золотоискателя в годы войны. Тонны промытой породы не обеспечивали минимального заработка. Поэтому работали и жили впро-

голодь. Дети, как равные с рабочими-старателями, получали рабочую хлебную карточку 800 граммов в день и небольшой месячный набор продовольствия: крупа, сахар, соль, масло, чай. Чувство голода постоянно сопровождало каждого труженика. Работа от зари до зари без выходных и отпусков навсегда осталась в моей памяти. Однако у нас не было морального упадка, чувства принудительного тяжелого труда, подневольной обязанности. Мы знали, что наш труд для фронта, для родных, которые на войне. Лозунг в бригаде-старателей, написанный и поставленный на видное место: «Каждый грамм золота — удар по врагу». Всесоюзный призыв «Фронт и тыл — едины» как ни что другое влияли на наше детское сознание — трудиться честно и с полной отдачей сил. Это был залог нашей Победы.

С мамой, бабушкой и 3-м братом ждали возвращения отца с фронта. В этом году в надежде закончить 7 классов, чтобы затем поступить в техникум, я пошёл в пункт Нагорный. Вот здесь мы и встретили День Победы. Объявление услышали в школе на уроке. Помню, какой же был восторг. Весь класс взорвался криком «Ура!». Быстро побежали на стихийный митинг недалеко от школы. Какое совпадение — возле этого места проходила автострада Аям-Амур-Якутская магистраль. Это была единственная дорога, которая связывала г. Якутск, Алдан с большой землёй. Помню проводы жителей этого посёлка на войну и плач женщин, детей. Пишу, а меня и сейчас пробивают слёзы (а мне-то уже 92 года).

1944 год. Якутск. Пункт Нагорный. Еще продолжается детство и война. Детства как такового не было. Была война, жуткий холод зимой до минус 50 градусов и более, и каторжный труд на добыче золота в забоях вечной мерзлоты.

Папа вернулся с войны в марте 1946 года. Дошёл до Берлина, имел награды за Сталинград и Берлин. В этом же году мы переезжали с прииска «Лебединый» в Алдан. При переезде, не выдержав дорожных тягот, умерла бабушка. Похоронили ее на пути следования в посёлок Нагорный — это 500 км от города Алдан.

Закончилось военное детство. Начался восстановительный период разрушенной страны.

Какая глубокая память и скорбь нашего поколения. Какие же правильные слова: «это память со слезами на глазах...»

Кодисова Э.М.

Как сейчас, вижу зарево от пожара...

Когда началась война, мне только что исполнилось 5 лет, поэтому начала войны, эвакуации из Львова я не помню. Первые воспоминания — из эвакуации. Моя мама работала в штабе военного округа: это было на Северном Кавказе. Когда началась бомбёжка, а было это в станице Левокумна на берегу р. Кумы, нас погрузили в состав из девятнадцати грузовиков и повезли к Ка-

спийскому морю, чтобы перевезти в Красноводск. Но в Моздоке началась бомбёжка. Это было ночью, и я хорошо помню, как бабушку, меня и брата мама отправила в бомбоубежище, а сама всю ночь сидела возле машины — берегла наши вещи, в основном, продукты. Как сейчас, вижу зарево от пожаров. Потом нас посадили в поезд, и мы поехали в том же направлении. Но по дороге наш поезд столкнулся с цистернами с бензином и начался страшный пожар. Меня и брата мама выбросила прямо в кукурузное поле, а сама с бабушкой пыталась спасти какие-то вещи. Я хорошо помню этот кошмар; после этого я несколько лет очень болела на нервной почве.

Случилось чудо — мама встретила в этой неразберихе друзей отца — футболистов, которые ехали в Тбилиси. И они пристроили нас к себе. На стадионе «Динамо» для беженцев был выстроен деревянный барак, состоящий из ряда комнаток без окон со стеклянной фрамугой над дверью, в каждой две кровати и стол. Там мы и прожили вчетвером два года. Мама работала в штабе военного округа, поэтому иногда приносила какие-то продукты. Однажды привезла ящик мандаринов, и мы пили чай с дольками вместо сахара. Вообще было очень голодно. Я ходила за хлебом по карточкам. Брат всё время просил отрезать, и я отрезала по тоненькому кусочку. К приходу мамы и бабушки с работы хлеба оставалось очень мало.

Нас с братом, беленьких, полюбил повар, кормивший футболистов. Он нас подкармливал, а однажды подарил сырое яйцо. Я помнила, что это такое, а брат не знал, и всё время просил, чтобы я дала ему подержать. В конце концов мы его разбили. И я всю жизнь помню этот желток на зелёной траве.

Из спасённых вещей у нас осталась бабушкина шуба — не знаю, из какого меха; грузинки очень любили мех. Шубу эту

продали за тридцать тысяч рублей. Не знаю, сколько это — наверное, мало; но купили мешок картошки и маргарин. Мы впервые за много времени наелись жареной картошки. Брат ходил в детский сад, а меня не брали — большая (6–7 лет). Я дома была одна. Иногда прибегала бабушка, работавшая на стадионе, проведать меня. Я и пол мыла в нашей комнате, и за братом в детский сад ходила. В Тбилиси мама буквально уговорила директрису взять меня в школу, чтобы я не была одна, хотя мне было семь лет, а в школу брали с восьми. Но я окончила первый класс там. Училась вместе с грузинками, но язык выучить не успела.

Как только освободили Ростов, откуда была моя бабушка, мы вернулись туда. Я помню, как мы через весь город ходили к маминой двоюродной сестре, а город был весь разбит. Было очень страшно.

Второй класс я закончила в Ростове. И, когда освободили Львов, мама сразу туда вернулась, и вскоре мы приехали к ней. Победу встретили во Львове, которую я помню только стрельбой на улице (очень испугалась, думала, что снова война) и радостными криками.

Кудрин Б.Д.

Мое военное детство

Я родился в Ленинграде за год до начала Великой Отечественной войны — 14 июля 1940 года. Каждый, кто жил в этот период истории, понимает, насколько непростое

было время. Международная обстановка с каждым днем накалялась всё больше и больше. Все граждане пребывали в каком-то непонятном режиме ожидания, потому что никто не знал, чего стоило ждать в будущем. Ни о каком будущем вообще речи не шло. Никто не способен был объяснить, что будет завтра и к чему надо готовиться. Каждый верил только тому, что писалось в газетах и говорилось по радио. Больше никакой информации... А тут еще под боком разгоралась война с Финляндией, что не могло не отражаться на наличии в магазинах продовольствия. Перебои за перебоями, не только с поставками продуктов, но и с электричеством. Город практически не освещался. Ленинград погрузился в полный мрак, пребывая в каком-то жутком затмении, иногда лишь небо светилось от вспышек ракет. Но наш народ покорно переносил всяческие лишения и невзгоды, стараясь друг другу чем-то помогать. Не зря говорят, общие трудности людей сближают. В это время на радость родителей я и появился на свет.

Отец и мать были простыми малообразованными людьми, закончившими два класса церковно-приходской школы, но затем самостоятельно выучились читать и писать. По-видимому, получалось совсем не плохо, учитывая тот факт, что мать, Анна Александровна, и дети пытались сочинять стихи.

Но поэзия в их жизни не прижилась настолько, чтобы ею можно зарабатывать себе на хлеб, поэтому приходилось много работать с самого раннего детства. Работа в нашей семье всегда стояла на первом месте. Она поощрялась и ценилась выше всего. Это передалось от моего отца Дмитрия Александровича, он у нас был строгих правил, вышел из костромских крестьян. О костромских крестьянах немало написано в летописях, но главное качество, которое отмечается, — это любовь к труду и преданность любимому делу. В тридцатых годах XX века отец отправился на срочную службу на флот, где служит матросом на крейсере «Аврора». Много он привез оттуда воспоминаний, о которых, когда я изрядно подрос, он рассказывал, а отец умел рассказывать. Мы с младшим братом Александром любили его слушать часами напролет, особенно про подвиги русских военных морских пехотинцев. В состав Военно-Морских Сил (ВМФ) и входил отец, там смог и отличиться. Таким образом, его заслуги перед семьей и обществом мы передали будущим поколениям.

После демобилизации Дмитрий Александрович возвратился обратно в Ленинград, где поступил на Ленинградский металлический завод (ЛМЗ) учеником слесаря. Это одно из старейших предприятий энергетического машиностроения, изготовляющих металлические конструкции любого назначения. Данная профессия здорово пригодилась моему отцу, как в будущем, так и в период Великой Отечественной. К началу 40-х годов Дмитрий Александрович стал высококлассным специалистом по монтажу корабельных орудий, хотя не имел специального технического образования. Это очередной раз доказывает, что он

не только любил трудиться, но и работал по призванию. Но главное призвание заключалось в служении Родине — в столь непростое время требовались специалисты в военном деле. В начале июня 1941 года Дмитрий Александрович вместе с другими высококлассными специалистами ЛМЗ отправился в командировку на Дальний Восток на целых пять лет (до апреля 1945 года). Все военные годы он там служил, занимаясь оружейными платформами для Военно-Морских Сил СССР. Дальний Восток стал дня него второй Родиной — он полюбит те края всем сердцем. Но в Ленинграде его ждала супруга Анна Александровна и пятилетний сын.

Все военные годы я находился с матерью у бабушки в Бежецком районе Калининской области. Ни мы, ни наш район не были под немцами, однако деревня явно пустовала, так как мужчины, женщины, старики и только подрастающие юнцы — все шли на передовую или работали для победы и Родины, правда, далеко не всех еще брали на фронт. Нас берегли, в том числе оберегали и меня от суровых будней. Женщин в основном отправляли на изнурительные работы — многие там изнемогали. Моя мать трудилась разнорабочим, их бригада занималась строительством различных военных сооружений. Работали очень много — в жару и мороз, не покладая рук, по четырнадцать часов. И никто не жаловался — все и всё понимали. Говорят, тогда воевали все, даже те, кто не был на войне. И это чистая правда.

Мать очень редко виделась со мной, в основном нянчила меня бабушка. Трудно порой ей приходилось с дитем. Да чего там говорить, четыре мучительных года оказались

настоящим испытанием для каждой семьи. Отец находился слишком далеко от нас, и никто не знал, жив ли он, здоров ли, что с ним, что происходит в каждый момент его жизни, думает ли о нас и, главное, когда сможет выйти на связь. Военное время держало нас в напряжении, словно натянутые струны лопались по любому поводу.

Первые мои воспоминания детства связаны с тем, как из моей ножки вытаскивают обломок стекла. Помню, кричал от боли, обливаясь кровью. Жуткое зрелище не только для меня, но и для тех, кто находился рядом и наблюдал за происходящим. Часть ступни — вся в стекле. Но кто вытаскивал, с трудом припоминаю. Можно, конечно, верить или нет, но всеобщее напряжении ощущалась в каждом члене семейства, оно словно витало в воздухе и не давало никому покоя, не позволяло спокойно выдохнуть и расслабиться. Все сильно переживали друг за друга. Невыносимой тоской военных лет я пропитывался практически каждый день, и хоть, казалось, совсем ничего не понимал, однако внезапно вспыхивающее чувство страха говорило об обратном. И страх, понятное дело, не безосновательный. Всему можно было найти объяснение, но только не бессмысленности войны, где люди гибли каждый день.

Помнится, в зимний вечер 1942 или 1943 года я и несколько старших мальчишек играли в нашем дворе. И, вдруг, послышались крики: «Волки! Волки!». Потом в памяти всплывают обрывки из рассказов матери, какие это страшные волки, а она слышала эту историю от двух мужчин-инвалидов, оставшихся на всю деревню. Нам, мальчишкам, строго-настрого запретили появляться на улице

без присмотра старших. Нам приходилось смотреть во двор через окно, особенно любопытно в вечернее время, когда за окном ничего не видно, лишь какие-то тени и силуэты. Чувство трепета и страха, присутствовавшее тогда, помнится до сих пор.

Знали ли мы что-нибудь о смерти? Вряд ли... Впервые пришлось с нею познакомиться годика эдак в три или в четыре, когда в деревню на телеге привезли какую-то женщину-соседку. В моей памяти осталось удивление, когда взрослые мне пояснили, что мертвые не умеют ходить и разговаривать. Своим смертным дыханием война касалась моей детской жизни... всё доходило, поэтому год шел за два, а то за три. Ребятишки взрослели очень быстро и понимали всё быстро. Никто нас особо не оберегал, как сейчас, от ужасов войны — они каждый день стучались к нам в двери и доносились всякие вести с фронта. Женщины плакали... много плакали.

Уже в Ленинграде, куда мы вернулись с матерью после великой победы, видели настоящих немцев, пленных, которые разгребали завали. Они нагоняли на нас какой-то ужас, хоть с виду и казались безобидными. У каждого свои счеты с войной — у взрослых одни, у детей совершенно другие. Но как детям, так и взрослым, тяжело было переносить ее тяготы. Как и упоминалось, отец вернулся с Дальнего Востока в апреле 1945 года. Рассказывал, что они подавали рапорта, чтобы их отправили в действующую армию на Ленинградский фронт, но такое разрешение получили лишь несколько человек, в число которых отец не входил. Остальных оставили работать на военных кораблях и заводах Дальнего Востока.

Кудрявцева Е.Н.

Мой отец глазами ребенка войны

Я смотрю на фотографию папы в красноармейской книжке. Совсем ещё мальчишка — пухлые детские губы, ни намёка на щетину и сосредоточенный взгляд. Он был студентом МОСРЫБВтуза. Всем первым курсом они пошли на войну, как только её объявили. На фронт они сразу не попали. Папа, призывавшийся Тимирязевским РВК г. Москвы, был направлен на краткосрочные артиллерийские курсы и ушел на фронт старшим сержантом, командиром отделения связи. Там уже попал в зенитно-артиллерийский полк войск ПВО. Москва и ближайшие подступы к ней прикрывались зенитной артиллерией. Осенью 1941 года немцы перешли в наступление на западном направлении — участились налёты немецкой авиации на Москву. Тогда отец получил боевое крещение, не давая прорваться к Москве вражеским самолётам.

Когда сложилась тяжёлая обстановка на фронте — враг рвался к Волге — военную часть отца перебросили защищать северные подступы к Сталинграду. Советская армия несла потери. Бойцов не хватало, поступали совсем юные бойцы. Был и такой случай. Получив во время боя команду, молодой солдат от сильного волнения повернул дуло пушки не в нужную сторону. Хорошо, что отец отделался только тремя выбитыми зубами. Призвали и девушек. Они проходили обучение для службы связистками на месте и сразу — на задания. Конечно, жизнь продолжается везде — и на фронте складывались семейные пары. И отец делал всё возможное, чтобы эти люди чувствовали себя хоть чуточку счастливыми. Они этого не забыли — благодарили его, переписываясь с отцом после войны до своих последних дней.

В 1943 полк отца был уже в составе Второго Прибалтийского фронта, который вёл наступательные бои на западном направлении. Сражения были тяжёлыми, немцы яростно сопротивлялись, не оставляя надежды захватить Ленинград. Отец получил серьёзное ранение в ногу, но продолжал воевать. Далее его боевой путь проходил через Прибалтику. Освобождая Латвию, полк отца на некоторое время остановился под Ригой. У папы оказалось буквально два часа личного времени. Он, не медля ни минуты, добрался в Ригу, чтобы увидеться со своей бабушкой. Радости не было конца! Не прошло и 20 минут, как в дверь постучали — на пороге стоял старший брат Михаил, высокий, статный, в лётной форме. Оказалось, его военная часть в этот же день тоже дошла до Риги. Так, не зная друг о друге, им довелось встретиться на войне. А как была счастлива бабушка!

Затем Третий Прибалтийский фронт, участие в боях за освобождение Литвы. В разных боевых ситуациях приходилось бывать. В лесах Литвы, заброшенные с самолётов, скрывались с оружием диверсанты, прошедшие подготовку в немецких разведшколах. Отец с боевыми товарищами участвовал в операциях по задержанию диверсантов. Последнее крупное сражение отца — взятие Кёнигсберга. Закончил войну в мае 1945 года в должности командира взвода управления полка. Среди военных медалей есть одна, которой он очень дорожил — «За боевые заслуги», полученная в 1944 году.

Отец никогда не рассказывал о тяготах и потерях на войне — ведь так жила вся страна. Но собираясь за столом 9-го мая, его первый тост всегда был за тех, кто погиб, кто не дожил до Великой Победы.

С войны живыми из курса вернулись только трое. Среди них — мой отец, Кудрявцев Николай Павлович. Помню его и бесконечно люблю.

Лановой В.С.

Родом из войны*

Все мы «родом из детства», а моё поколение родом из войны... Это глубокий след на все оставшиеся годы. Это всегда учащённое биение пульса при одном только воспоминании

* Представлен материал из книги Ланового В.С. «Летят за днями дни», ООО «ТД Алгоритм», 2017 г. Печатается с согласия, данного ранее автором.

о ней. Это память сердца, память первого восприятия добра и зла, отваги и трусости, которые откладываются в сознании, а точнее, в душе.

Война... Она мало кого обошла стороной, мало кого не обожгла своими кровавыми всполохами огня...

Тяжёлыми, лязгающими гусеницами война, можно сказать, переехала через детство моего поколения. От воспоминаний о ней никуда не уйти, никуда не деться. Они часто, даже, может быть, слишком часто нагоняют в сегодняшней стремительной, быстротекущей жизни, подавая во всей ясности и отчётливости эпизоды далёкого военного детства.

Они всплывают часто неожиданно во время работы, особенно если это спектакль или фильм о войне, помогая найти верную тональность, краску, штрих, эмоциональный настрой в исполнении.

Войну я встретил семилетним мальчишкой. Она буквально тяжёлым катком прошла по трём годам моей жизни. Случилось это на Украине, куда я был отправлен на лето к родителям отца вместе с двумя сёстрами за несколько дней до начала войны. На станцию Абамеликово, что в трёх-четырёх километрах от деревни Стрымба Одесской области, мы приехали рано утром 23 июня...

Встречал нас дедушка. И едва мы сошли с поезда, он первый нам сказал о том, что началась война.

Я, естественно, не очень-то представлял себе, что это такое, но по общей тревоге, волнению понял, что произошло что-то ужасное, непоправимое. А дедушка часто не без опаски поглядывал в небо на запад, — первые самолёты уже пролетали над станцией: «Гудилы, гудилы и на Одессу полетилы». Вдалеке слышались уже глухие разрывы бомб.

Мать с отцом должны были приехать к нам через неделю, но судьбе было угодно распорядиться по-иному. Война разлучила нас почти на три года страшных лет оккупации, когда ни родители, ни мы не знали ничего друг о друге, не знали и того, остался кто в живых или нет. Нам было нелегко без родителей, но сейчас, сам имея двух сыновей, понимаю, какое это было испытание для них, разлучённых с детьми, оказавшимися в оккупации.

И вот мы на родине родителей... Сначала было отступление наших: шли плотной колонной на восток, потом движение начало убыстряться, шли уже не колонной, а отдельными группами. Расстояние между группами становилось все больше и больше, а скоро мы увидели и первых раненых, окровавленных солдат. Шли кто сам, кого везли или тащили на себе солдаты, двигались уже не только по дороге, не только по шляху, как говорят на Украине, а больше напрямки, срезая углы, маленькими группами, поодиночке, по двое. И наконец образовалась пауза, томительная, гнетущая тишина. Крестьяне с тревогой ждали, что же будет дальше...

А дальше появились первые мотоциклисты, точно так, как показывают в кино. Сначала вдали увидели столб пыли, который поднимался над дорогой. Люди стояли у околицы и молча смотрели на приближающихся автоматчиков на

мотоциклах. Немцы ехали, не опасаясь встретить здесь сопротивление, нагло, в открытую, с губными гармошками, в касках, несмотря на летнюю жару, пели, что-то кричали, ели яблоки, молочные початки кукурузы, показывали в нашу сторону и хохотали. Доехали до центра села, развернулись, постреляли вверх, им никто не ответил, и тогда дали ракету своим, что, мол, путь свободен, открыт и можно двигаться дальше. А сами подъехали к колодцу и по-наглому, беспардонно разделись догола на виду у всего села, начали обливаться водой, вскрякивая и изредка поглядывая по сторонам с видом завоевателей.

А скоро оттуда же, откуда появились мотоциклисты, показались колонны машин, солдат, повозок, велосипедистов, зениток — это была лавина, этакая орда, чингисханщина, захватившая все пространство. Дороги не хватало, шли по посевам, обтекая деревню со всех сторон. Останавливались на несколько секунд у колодца, пили воду, обливались и шли дальше. Затем, осушив колодец, у него перестали останавливаться. На ходу ловили кур, заходили в хаты, спрашивали «матка, яйка» — это были первые слова, которые я от них услышал. Первой жертвой на селе, не считая кур, стал Тузик, который выбежал на улицу, облаивая непрошеных гостей. Его лай оборвала длинная автоматная очередь.

Двигалась эта лавина через село непрерывно около двух недель, и казалось, конца не будет. А когда прошла, один отряд остановился в деревне. Немцы расселились по хатам, ели только яйца, кур живых уже не оставалось, воду заставляли пить сначала местных жителей — боялись, что их отравят. Некоторые немцы даже угощали нас, малышей, шоколадом,

показывали фотографии своих детей и умиленно плакали. Пока это была для них всего лишь несколько затянувшаяся прогулка. А один немец, который у нас остановился в доме, подарил мне свой ремень. Я надел его и пошел гулять.

Случилось это на току... Подъехал немец, увидел меня с этим ремнем и кричит: «Ком хер, ком хер!» Я подошел. Тогда он показал, чтобы я отдал ему ремень. А я говорю: «Не дам, мой ремень». Тогда этот детина снял с плеча автомат и при всех над самой головой дал очередь, описав дугу... До сих пор слышу свист пуль у самого уха. Бабушка моя сразу упала в обморок, а дед застыл в оцепенении, как он потом говорил: «Остолбенел и слова сказать не мог». После этого я молча снял ремень и протянул его немцу. Внешне все это я перенес спокойно, но долго еще и после войны, занимаясь уже в самодеятельности, продолжал заикаться и с большим трудом избавился от этого недуга.

А дальше началось еще серьезнее. В округе действовали партизанские отряды, организованные Винницким обкомом партии: пускали под откос поезда, совершали нападения на немецкие опорные пункты, уничтожали военную технику, распространяли листовки, словом, борьба с фашистами велась активная. Естественно, усилились и карательные операции: немцы сжигали целые деревни, расстреливали мирных жителей, публично казнили пойманных партизан.

Узнали мы и о том, что возле железнодорожной станции несколько десятков пленных красноармейцев поднялись против вооруженных до зубов фашистов. Люди погибли, предпо-

чтя смерть позору. Это запало в душу навсегда и всплывало потом, когда приходилось играть роли советских воинов.

Немцы, опасаясь партизан, минировали поля, на которых подрывались люди, скот. Гибли и дети. Немцы изготовляли такие разноцветные, яркие, красивые мины, чем привлекали наше внимание. Любопытство порою брало верх, на что фашисты и делали расчет: эти смертоносные игрушки попадали в руки детей и... взрывались.

На моих глазах от снаряда погибли двое мальчишек, пасших скот. И сам я чудом спасся... Меня, как младшего, они послали завернуть отбившуюся от стада корову, а сами занялись с найденным тут же немецким снарядом. Развязка наступила скоро. Я уже возвращался к ним, гоня впереди себя корову, когда услышал страшный взрыв. Волной меня бросило на землю, а когда поднялся, то увидел только издыхающую от ран корову, принявшую на себя осколки снаряда. Помню, какой страх охватил меня тогда. Дед после этого случая строго-настрого наказал — никакие игрушки в руки не брать, и тем более снаряды, патроны, оружие.

В военное время дети взрослеют быстро. Раньше начинают понимать цену жизни, раньше осознают чувство патриотизма, быстрее учатся любви и ненависти. И если в мирное время, сегодня, ученики приходят в школе роман «Как закалялась сталь» в десятом классе, то я познакомился с ним в семь лет, еще не научившись читать. И тогда это знакомство с романом Н. Островского было в самый раз. Его нам читал учитель украинского языка Николай Иванович, фамилии я его, к сожалению, не запомнил. Причем услышал впервые роман на украинском языке — «Як гартувалась сталь» Мыколы Островского.

Парт в школе не было, сидели ученики друг за другом, писали на спинах впереди сидящих, а вот однажды, это был еще 1941 год, Николай Иванович вошел в класс, закрыл ножкой стула дверь, вынул из-под рубахи книгу и скомандовал всем: «Хлопци, хутко до мене». Мы расселись вокруг него, и, когда стало тихо, он сказал, что будет читать нам принесенную им в класс книгу, но при этом предупредил, что если хоть кто-нибудь узнает об этом, то его немцы повесят. Мы к тому времени уже видели, как фашисты зверствовали на нашей земле, и, конечно же, никто не узнал о том, что читал он нам в школе.

Чтение романа настолько захватило учеников, что все сидели, затаив дыхание, забывали о времени, о чувстве голода, и когда учитель прекращал чтение, перенося его на следующий день, то никому не хотелось расходиться и уговаривали «читать дальше». Ну а к приходу учителя на следующий день мы все уже сидели на своих местах в ожидании продолжения. Так за несколько дней роман Мыколы Островского был прочитан.

Необычайно сильное впечатление произвел он на всех нас, глубоко запав в память, в сознание каждого. Особенно покоряла мальчишек душевная стойкость Павки Корчагина, всем хотелось походить на него.

А как это было необходимо и важно тогда, в суровые военные годы. Ведь все мы воспринимали Павку не как литературного героя, для нас он был живым, вполне конкретным человеком, знакомым парнем, с которым мы за время чтения книги успели подружиться полюбить его. Таким он и остался в моем сознании до сих пор — реальным человеком, знакомым парнем из жизни и никак не литературным персона-

жем. Таким я его через много лет играл в театре и кино — как давнего моего хорошего знакомого, в котором видел для себя образец мужества, веры и решимости ее отстаивать.

Позднее, когда репрессии немцев против мирных жителей оккупированных районов усилились, ужесточились, Николаю Ивановичу пришлось уйти в подполье. Никто не знал, где он и что с ним случилось. Только позднее; стало известно, что он работал в тылу врага по поручению Винницкого обкома партии, а затем ушел в один из партизанских отрядов, боровшихся против немцев на Украине.

На мое детство выпало и другое — испытать радость общения с природой, почувствовать ее красоту во всем богатстве и неповторимости, жить настоящей деревенской жизнью, получать хорошую физическую закалку на все последующие годы. Все это также не могло не пригодиться позднее в творчестве, в жизни.

Шло время, и, несмотря на то, что продолжалась война, с наступлением весны надо было думать о новом урожае, о том, чем прокормиться в следующую зиму. К сельскому труду приобщали и нас, детей. Первое время нам, мальчишкам, доверяли пасти коров, а позднее разрешили смотреть за лошадьми, ездить верхом, купать их, отчего радость получали огромную. Мы брали с собой кусок черного ржаного хлеба, а когда с хлебом становилось трудно, несли с собой в поле малай — лепешки наполовину с кукурузой, бутылку молока. Сгоняли коров в стадо и босые, в холщовых домотканых, порою не по возрасту штанах и рубахах, уходили по утренней росе за деревню. Рано утром вставать обычно не хотелось, но стоило выйти из хаты, как утренняя свежесть и первые ласкающие лучи солнца снимали сон мгновенно.

А сколько радости и детского восторга доставляли поездки на возах свежего, душистого сена, дальние походы в лес за ягодами, за грибами!..

Вот они, жизненные контрасты: ужасы войны, смерти, увечья, бесчинства фашистов, всеобщее горе народа и каждого в отдельности, потому что война коснулась практически всех, и тут же гармония природы во всем ее богатстве, многообразии, красоте, как бы противостоящей, спорящей с той дисгармонией жизни, что пришла на нашу землю. Вот оно — прекрасное, возвышенное, жизнеутверждающее и уродливое, безобразное, античеловечное — рядом, в крайнем своем проявлении. Да, все впитывало нежное детское сердце, все волновало нежный ум»: и величественные картины природы, выверенной веками, устоявшейся деревенской жизни и ужасающие картины войны.

Я своими глазами видел, как пришел враг на нашу землю, сытый, наглый, самодовольный, и как потом бежал — жалкий, трусливый, озлобленный. В тылу по поведению немцев очень точно чувствовалось действительное положение на фронте. Эту «качку» я хорошо помню: сначала они кричали: «Москва капут! Москва капут!»; потом как-то притихли, приуныли, встревожились. Куда делись их прежнее самодовольство, внешний лоск? Теперь от них уже не пахло одеколоном, не слышно стало губной гармошки. И вот наконец по той же дороге, только уже в ином, обратном, направлении, вся эта армада, изрядно потрепанная, откатывалась назад на запад — сначала огромной лавиной, потом отдельными группками, со все более удлиняющимися перерывами, потом напрямки, срезая углы, через овраги бежали туда, откуда пришли. Дед мой стоял у калитки, смотрел

на все это и дивился, приговаривая: «Тю, дывинося!..» Что означало: «Смотрите, пожалуйста!..»

Немецкие машины, груженные техникой, снарядами, награбленным добром, вязли в грязи, и они их уже не вытаскивали, поджигали и бросали, сами унося ноги подальше от надвигающейся на них опасности, от возмездия. Изредка раздавались взрывы, рвались снаряды, разнося машины и все, что находилось рядом, по кусочкам. Так в темной апрельской ночи 1944 года вдоль дороги, насколько можно было видеть, полыхали огни, словно расставленные кем-то специально факелы, указывающие дорогу восвояси. Вместе с ними в нашем крае догорала война...

Мне все было интересно наблюдать, но дед на всякий случай упрятал меня в погреб и строго-настрого приказал сидеть тихо. Так там я просидел несколько дней. А потом наступила тишина, — долгая, томительная тишина ожидания. И вот как-то вечером мы услышали, как в дверь кто-то робко постучал. Открылась дверь, и на пороге мы увидели совсем еще мальчика в немецкой форме. Грязный, весь в слезах, он протягивал руку и жалобно просил: «Матка, яйка матка, яйка». У него был такой жалкий вид, что бабушка отломила краюху хлеба и молча протянула ему. Он буквально вцепился своими пальцами в хлеб и, приговаривая: «Данке шён, данке шён», жадно начал есть. Вот таких вояк вынужден был фюрер посылать на фронт в конце войны.

А на следующий день я пошел за водой до копанки, как вдруг услышал — из оврага доносились короткие сигналы морзянки. Осторожно подошел ближе и увидел, как двое склонились над переносной радиостанцией и передавали сигналы. И только тогда разглядел на ушанке одного из них красную звезду.

...Много лет прошло с той поры, а воспоминания о войне, о партизане в ушанке со звездочкой, взрыв радости и счастья навсегда остались для меня самыми яркими, самыми сильными. Я сообразил, что это наши, и с криком: «Наши-и-и!» — бросился что было сил в деревню. Правда, через минуту уже снова сидел в погребе — дед не сразу поверил и на всякий случай решил все же упрятать меня в уже обжитое место.

А партизаны, видимо, передавали своим о том, что в деревне никого нет, путь открыт, и уже примерно через полчаса от соседнего села Березовка двинулась лавина вооруженных людей. По тому, как они были одеты, все сразу поняли — партизаны. Они первыми вошли в село. Шли кто в военной форме, кто в телогрейках, кителях, в пальто. Одни в сапогах, другие в ботинках, а кто и вовсе в постолах — обувь, сделанная из телячьей кожи. Несли на себе и везли на лошадях пулеметы, ящики с боеприпасами, противотанковые орудия. Прошли через все село без единого выстрела вслед за немцами в направлении к железнодорожной станции. Там были еще немцы, слышались выстрелы. При приближении партизан завязался бой. Говорили, там много полегло наших, но и немцев тоже. После освобождения станции жители хоронили погибших. Позже мы узнали, что это был один из отрядов дважды Героя Советского Союза Сидора Артемьевича Ковпака.

Родители мои еще до войны работали на химическом заводе. В первые дни войны, пока не была налажена автоматическая линия, им приходилось вручную разливать жидкость, используемую для противотанковых гранат, — производство, вредное для здоровья, так что оба стали инвалидами: отец — третьей группы, а мать — второй. К концу войны они

с трудом передвигались, кружку с водой едва могли держать в руках. Но только услышали по радио о том, что наши освободили Попелюхи, Котовск, Кодиму — крупные населенные пункты близ нашего села, — как мама, не раздумывая, садится в поезд, вернее, ее сажают, сама она не могла ходить, и в таком состоянии отправляется в дальнюю дорогу. И это еще в военное время, когда транспорт был переполнен, ходил с перебоями, в основном товарняки. Но ничто ее уже не могло удержать. Несмотря на уговоры соседей, знакомых не ездить, подождать (отец не оттоваривал, знал, что это бесполезно делать, что она все равно поедет), она отправилась за детьми. Состояние ее можно было понять: все-таки около трех лет не видела своих детей, не знала, что с нами, и не было такой силы, которая могла бы ее удержать.

До станции Абамеликово ехала много дней, сейчас мы проезжаем это расстояние меньше чем за сутки. Добиралась на товарняках, с многочисленными пересадками. Поскольку сама ходить не могла, она только говорила, куда нужно, и ее солдаты переносили из состава в состав, передавали из рук в руки, как ребенка. Было в ней тогда немногим больше сорока килограммов — худая, длинная, одни огромные черные глаза неподвижно Смотрели в томительном ожидании скорее увидеть своих детей. Сведений от нас родители никаких не получали и сами о себе не могли нам ничего сообщить. Нас разделял фронт, разделяла война. Письмо, которое мы послали сразу после освобождения, конечно же, не могло так скоро дойти. Так что она ехала и не знала, найдет нас в живых или нет, а о зверствах фашистов и об их издевательствах над мирными жителями оккупированных районов было известно всем.

Время было весеннее. Хорошо это помню, потому что с утра дед посылал меня в поле оттонять воробьев, чтобы они не склевывали посеянные в землю зерна. В тяжелом брезентовом армяке я на рассвете выходил в огород. По утрам было еще холодно, а иногда случались еще легкие заморозки. И вот как-то, время близилось к полудню, слышу издалека через все поле мне кричит двоюродная сестра Нила:

— Василь!.. Василь!..

А я ей в ответ:

— Чого!

— Мамка приихала!

— Шо брешешь!

Но Нила не стала меня уверять в достоверности этого известия, а побежала в сторону станции. Тут я понял, что она не шутит, поднялся, подобрал под себя полы армяка и, не разбирая дороги, тоже припустился вслед. Я бежал, а по селу уже разнеслась весть о том, что приехала мама, и те, кто сами не шли встречать, выходили из домов и молча провожали нас взглядами. Для всех приезд ее был событием.

Я бежал, как, наверное, никогда в жизни не бегал, обгоняя других, раньше меня устремившихся к станции. Я когда кого-то обгонял, то слышал одни и те же слова: «Приихала!.. Мамка твоя приихала!..» И эти слова как будто подхлестывали меня, придавая силы. Обогнал сестру и бежал уже первым. Пробегая мимо тока, увидел, как все, кто там работал, остановились и, не скрывал слез, провожали меня своими сочувствующими взглядами. Пробежав уже больше полпути, увидел, как навстречу движется лошадь, запряженная в телегу, а на ней сидит какая-то совсем незнакомая мне, худющая женщина, только два глаза застыли в неподвижности и смо-

трят на меня. Я ее, конечно, не узнал и пробежал мимо, как вдруг слышу, как дед, который вез ее, окликнул меня: «Василь, да то ж твоя мамка, куда ж ты...»

Я тихо подошел, не отрываясь, глядя на незнакомую мне женщину. А она впилась в меня своими огромными, жутко серьезными и даже какими-то мрачными глазами, не в силах двинуться с места. Сойти не может, подняться тоже не может, смотрит на меня сверху своим долгим, неподвижным взглядом и оторваться не может. Наконец не выдержала: «Да подсади ж мне его», — обратилась она в отчаянии от своей беспомощности к деду. Он взял меня и посадил к ней на телегу. А я тоже смотрел на нее и не знал, что делать, но тут подбежала сестра, кто-то из родственников, крестьяне. Все окружили нас. Слезы, рыдания, крики — все слилось воедино. Рев стоял многоголосый, открытый, никто не стеснялся в проявлении своих чувств. В часы суровых испытаний люди как-то сближаются, чувствуют острее чужую боль, всем сердцем отзываются на нее.

Мама, увидев нас живыми и здоровыми, успокоилась, пришла в себя. Побыла в деревне около месяца, поправилась, ожила — и физически, и духовно. Отца мы увидели уже спустя более месяца по приезде в Москву. Провожало нас также все село. Станция наша была небольшая, и многие поезда не останавливались. Тогда, завидев вдалеке паровоз, все, кто провожали нас, встали на пути, кричали, махали руками и таким образом вынудили машиниста остановить поезд. Это был товарняк, вагоны, переполненные людьми, но нас втиснули в один из них, и так мы отправились в Москву.

Ехали пять суток. Остановки случались неожиданные, порою прямо в чистом поле. И тогда все моментально вы-

сыпали из вагонов вдохнуть свежего воздуха, перекусить, набрать свежей воды или кипятку. И потом, стоило прозвучать паровозному гудку, как все также мигом снова заполняли свои вагоны и ехали дальше, до новой остановки...

Все невзгоды пути и быта той поры воспринимались весело, даже радостно, потому что война шла к концу, многие возвращались в родные места. Люди после таких страданий, какие выпали на их долю, получали радость от самого малого, улыбались, переполненные счастьем оттого, что невзгоды, связанные с войной, кончаются, что близок долгожданный мир. Это было кочующее, переполненное радостью племя.

В Москву въезжали с каким-то особым чувством, у всех было приподнятое настроение, праздник души, всеобщее ликование. Это была возвращающаяся, побеждающая, счастливая Россия. На трамвае ехали от Киевского вокзала до дому около трех часов, но никто не сетовал на то, что долго едем, что тесно в вагоне. Висели на подножках, сзади вагона свисали гроздями те, кто успел хоть за что-нибудь зацепиться, — ни тени неудовольствия или обиды не было на лицах людей.

Ну и самое радостное — День Победы. Я никогда не забуду эти салюты. Как ждали мы их, ждали последние сводки Информбюро. И разве можно забыть, как после позывных на мотив песни «Широка страна моя родная» было сообщение о взятии Берлина. До сих пор слышу истошное, по всему дому раскатистое: «Взяли!.. Берлин взяли!..» Несмотря на позднее ночное время, все высыпали из своих комнат в коридоры, а потом на улицы, и началось шествие людей — народа-победителя. Люди целовались, пели, танцевали, плакали. На фоне всеобщей безграничной радости раздавались и вскрики рыданий тех, кому не суждено было дождаться своих мужей, сыно-

вей, братьев, отцов. Это была невероятная симфония ликования и слез, радости и скорби. Вот уж действительно «радость со слезами на глазах». Какое это было единение народа! Какое это чувство — ни с чем не сравнимое чувство Победы!

Латышев И.А.

Из военного дневника

Военные дневники Латышев Игорь Александрович вёл, когда ему было 16 лет. Эти его бесценные записи подготовил к печати его сын — Латышев Александр Игоревич.

22 июня — первый день войны

Как удар грома при ясном небе, как свирепый ураган, прогремело известие о войне. И мой рассказ, и поездка в лагерь, и экстернат, на который я хотел поступать, — все было сметено и уничтожено этим ошеломляющим известием.

Я опишу здесь этот исторический день. Было воскресенье. Обыкновенное

воскресенье, ничем не отличающееся от другого. В 12 часов мы с мамой были дома. После поверки времени по радио было объявлено, что в 12 часов 30 минут выступит у микрофона Молотов. Последние известия, передаваемые после этого объявления, были также совершенно обыкновенными. Мы с мамой предполагали, на какую

тему будет выступление. Мама говорила, что вероятно, будет увеличен рабочий день. Мое мнение было, что заключено какое-нибудь важное соглашение или объявляется война, но не Германии, какой-нибудь южной стране: Турции, Индии. До того времени я слышал разговоры о предстоящей войне и видел подготовку к ней в Москве: всюду строились бомбоубежища. С волнением, замиранием сердца от неизвестности предстоящего сообщения, несущего нам горе или радость, мы ждали речи. И вот раздался слегка заикающийся голос Молотова. Мы с мамой вплотную подошли к репродуктору. «Граждане и гражданки, по поручению советского правительства... уполномочен заявить... Сегодня в 4 часа утра, вопреки договорам и обязательствам, германские войска во многих местах нарушили нашу границу и подвергли бомбардировке города Киев, Одессу, Житомир, Каунас». Какое у нас было выражение лиц, когда мы посмотрели друг на друга — сложное и почти непередаваемое: в нем было и недоумение, и растерянность, и страх. Мы схватились за руки и слушали, затаив дыхание.

«Это разбойничье нападение — падали на нас сухие, запинающиеся звуки, — являются невиданным еще доселе в цивилизованном мире ВЕ-РО-ЛОМ-СТВОМ. Фашистская Германия, поработившая народы Франции, Польши, Норвегии... Бельгии... Греции посягнула теперь...». «Что же это?» — хотела спросить мама и снова обернулась к репродуктору. «Наш народ разгромил полчища Наполеона... То же будет и с зарвавшимся Гитлером!!!». Какое смятение было в моей голове в это время! Я посмотрел в окно — желая увидеть, что делается сейчас в эту торжественную минуту на улице. Все было как обычно: шли пешеходы, ничего не зная о случившемся, на противоположенном балконе стоял маленький мальчик, повиснув на перилах, болтая ногой. «Ничего не знает и не понимает», — подумал я, и чувство жалости к нему мелькнуло во мне. А Молотов продолжал речь и, наконец, прозвучали ставшие лозунгом слова: «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ! ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!!!».

Мы стояли с мамой лицом к лицу, не зная, что делать и что говорить. Она побежала на кухню, где стирала белье, потом опять ко мне. «Что же будет? Смотри, из Финляндии, из Румынии — это клещи. Наверное, теперь Япония и Турция выступят. Где бабушка? Надо запастись продуктами. Нету денег. Как же они без подготовки? После двух лет войны», -перебивали мы друг друга. Мысли в голове летели, перебивая и сменяя одна другую. Мне захотелось на улицу — в комнате я не мог сидеть. Я хотел знать: что делается там? Знают ли? Мама распереживалась и, испугавшись чего-то, со слезами на глазах просила меня остаться.

Радио молчало минут десять. Потом заиграл марш, который вскоре оборвался. И было объявлено в Москве

угрожаемое положение. Приказы живо один за другим вылетали из репродуктора. Впечатление было такое, что вот-вот что-то случится, что теперь каждую минуту могут налететь самолеты. Я выбежал на улицу, купить что-нибудь про запас. Прошло всего каких-нибудь 15 минут, но у дверей магазинов уже чернели очереди. По улице Разина, через Красную площадь я вышел на улицу Горького. Все было почти как обычно. Только на Манежной у здания гостиницы «Националь» и на углу Кузнецкого, против Телеграфа, стояли внушительные толпы народа, которые молча слушали радио. Я смотрел на лица, стараясь узнать впечатление, произведенное на них войной. Но, увы! Лица ничего не выражали. Продовольственные магазины кишели народом. Моментально были распроданы крупа, чай, сахар, масло и другие гастрономические товары. Однако я успел кое-что купить.

К вечеру на улицах стало многолюдно. Из репродукторов, установленных на площадях, раздавались звуки маршей, которые неожиданно обрывались, и голос диктора читал приказы о светомаскировке, о борьбе с очередями, паникерами, спекулянтами и др. Когда начало смеркаться, уже не зажглись, как обычно, пестрые уличные рекламы и вывески, и приветливый свет не лился из черных отверстий окон. К половине двенадцатого мы с мамой были уже в кроватях. Передавались последние известия. Была объявлена мобилизация с 1905 по 1918 год рождения по всей европейской части страны. Передавалось положение о военных трибуналах и другие приказы Верховного Совета. В комнате было темно, а в душе торжественно и страшно. «Ох, как пережить нам это время», — вздохнула мама. Целую ночь я спал неспокойно. Один раз вскочил во сне, стал

перелезать через спинку кровати, и когда мама испуганно спросила меня, что я делаю, я старался объяснить, говорил чепуху, но видя, что мама не понимает, я покорился, лег и моментально заснул.

23 июня

Все следующее утро я с нетерпением ждал известий с фронта. Сводка была немногословная. Содержание ее следующее: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Крыжопольском направлении противнику удалось достичь незначительных тактических успехов...

22 июля – первая бомбежка Москвы

В серой мгле сумерек, под гул гудков, со всех сторон, из всех переулков стремились люди, перегоняя друг друга. Картина была торжественная и ужасная. Впечатление было такое, что вот-вот покажутся самолеты и все засыплет бомбами. Вероятно, всех бежавших охватил страх и волнение. У меня помимо моей воли щелкали зубы, хотя это и было незаметно для других. От волнения я чуть не кричал, успокаивая мать, бежавшую впереди. Мы спешили через дорогу к зданию Главсевморпути. В нем восемь этажей. В темных воротах была давка. Люди толкались бок о бок, спешили скорее войти в бомбоубежище. Там было много народу. Очень

много. У большинства места не было. Однако нам с мамой удалось сесть и занять место для бабушки и Нюры (тетя И.А.). Прошел час-два. Ничего не было слышно. Это объяснялось тем, что наше убежище было под землей и хорошо закупорено со всех сторон. Волнение прошло, люди разместились, многие дремали. Стало душно. Вдруг мы услышали глухой удар небольшой по силе, но внятный. Все зашевелились. Несколько раз, три или четыре, мы слышали это, потом все успокоилось. К двум часам большинство людей спало. Спали на стульях, между стульями, лежа и сидя, бок о бок мужчины и женщины. Только около четырех часов был дан отбой.

Мы вышли на улицу. Уже было светло. Все было как обычно. Я думал сначала, что налета не было. Но на следующее утро по радио было объявлено, что около 200 самолетов пыталось налететь на Москву, но большинство не прорвалось. По Москве уже ходили слухи — где что разрушено. Только к часу дня я поехал к отцу. По пути я увидел первые следы бомбежки: на Манежной у Александровского сада была воронка, ее уже почти зарыли. На улице Герцена сгорело несколько деревянных палаток. У Никитских ворот сгорел Театр революции, возле него еще валялись груды головешек и железа. Стены были все целы. Толпа смотрела на первые жертвы бомбардировки. Передавали друг другу о других разрушениях. Какая-то женщина говорила: «Она небольшая, как бутылка, я, значит. ее взяла да в бочку с водой, она и погасла». Она говорила про бомбу, догадался я. При взгляде на театр у меня мелькнуло чувство какой-то обреченности: наконец Москва почувствовала войну на себе.

Отца я встретил у газетной будки. Он упрекнул меня за то, что я не приехал узнать о нем после такой ночи. «Но у нас

ничего не было слышно», — возразил я. «А ты знаешь, что на наш дом упало 8 бомб?» — мрачно сказал он. Я был удивлен. «Он цел?» — спросил я. Бомбы были зажигательные, их быстро сбросили с крыши и потушили на земле. Отец показал мне место, где догорала зажигательная бомба. Это было обуглившееся серое пятно на земле. Он показал и отдал мне кусочек сгоревшей бомбы. Все рассказы о множестве сброшенных зажигательных бомбах, о двух убитых ими людях, о фугасной бомбе, которая упала у Спиридоновки, были новы, страшны и ошеломляющи для меня. И опять тогда мелькнуло у меня это чувство обреченности и страха перед смертью. Но больше, хотя еще месяц продолжались налеты, никогда я не испытывал этого чувства. В тот день мы ходили с отцом посмотреть следы бомбежки, но их было мало. На асфальте тротуара иногда попадались черные, с кулак величиной, выжженные и забрызганные чем-то серым воронки. На Садовой у Филатовской больницы во дворе разбило дом фугасной бомбой, был убит один жилец. На углу Спиридоновки упала бомба, да не разорвалась. Вот и все следы.

На следующий день я ходил на Ильинку, там между Наркомздравом и банком в переулке упала фугаска. Взрыв был большой. В банке отвалилась стена, у Наркомздрава вывернуло крышу, отбило всю штукатурку, стены покосились, верхние окна провалились. По всей Ильинке, во всех учреждениях были выбиты стекла, а в некоторых домах и рамы. Кругом валялись груды битого стекла. Только эта бомба произвела на меня впечатление и составила наглядное представление о силе взрыва и о величине разрушения. Теперь стало ясно, что при прямом попадании никакие 6–7 этажей не спасут тебя. На следующий вечер, 23 августа, повторилось то же са-

мое: мы находились в том же убежище Главсевморпути. Я захватил шубу и, расстелив ее на полу под ногами сидящих, смог заснуть. Когда мы вышли, со стороны Красной площади увидели дым. Это горело на Никольской. Из окна нашего дома было хорошо видно зарево, полыхавшее в Замоскворечье.

Следующую ночь мы провели в метро. Когда мы подошли к его входу, там уже была огромная толпа. Точно в десять минут одиннадцатого завыла сирена. Все бросились к дверям вестибюля. Страшная давка продолжалась и здесь. Нас вынесло вниз к эскалаторам, а оттуда, медленно двигаясь в духоте и темноте, мы вышли на пути, там пошли быстрее. Мы — это я, мама, Коля, бабушка и Нюра. Отец тоже собрался пойти с нами, но вспомнил вдруг, что забыл часы, и уехал домой за ними, где его и застала тревога.

Я никогда до этого не бывал в тоннелях. Зрелище было необычным, когда мы сошли с платформы и вступили в тоннель. Тускло мерцали желтые лампочки, прикрытые колпаками. Высокие серые своды и стены подземелья дышали сыростью. Оно уходило далеко вперед, и по нему в полутьме бесконечной темной вереницей шли люди, неся чемоданы, кульки, сумки. Все было, как в сказке о таинственных страшных подземных царствах, как на пути в ад, по описанию Данте. Детально начал осматривать окружающее. С одной стороны путей тянулись по стене черные ряды проводов и кабелей. На высоте плеча шла узкая прикрепленная к стене дорожка. По другую сторону у стены, скрываясь вдали за поворотом, сидели, тесно прижавшись друг к другу и прислонившись к полунаклоненной стене, люди, некоторые принесли одеяла, некоторые подложили пальто и газеты под спину и голову. Они уже отдыхали. А мы все шли, шагая маленькими шажками

по черным, залитым дегтем шпалам. Чем дальше мы шли, тем народу становилось меньше, и мы прибавляли шагу. Наконец там, впереди, уже обрывалась вереница людей, сидящих у стен. Мы сели, подстелив все, что было лишнего, под себя. Сидеть было не особенно приятно и удобно: под нами была не мягкая перина, а острый, покрытый слоем липкого дегтя булыжник. И даже подстелив шубу и мягкое одеяло, мы чувствовали его неприятное присутствие. Мы сидели полулежа, согнув в коленях ноги, чтобы нам их не отдавили идущие. Пока народу здесь было мало, даже холодок пробегал. Но народ шел, все гуще и теснее. Минут через сорок они дошли до конца тоннеля и, не найдя места возле стены, начали ложиться и садиться прямо на шпалы и рельсы. Снова началась давка, крики и перебранка. Некоторые кинулись назад, но принуждены были остановиться и волей-неволей садиться на шпалы. Около часа длился этот гам и шум. Тоннель гудел от тысяч людей, заполнивших его. Стало жарко. Но, наконец, шум стал стихать, многие уже устали. Кто спал, положив голову на колени, кто прильнул щекой к заднему месту соседа, кто, сидя на узелке или на рельсах, бодрствовал. По выступу на стенке, который, как я говорил уже, вился вверху над людьми, гуляли милиционеры и пробегали ребятишки с бутылками и другой посудой за водой к баку. Если встать во весь рост, то по обе стороны тянулся, скрываясь там за углом, сырой тоннель, все дно которого было заполнено пестрой массой людей. Как будто это длинный-длинный вагон, густо забитый пассажирами, без сидений и перегородок. К четырем часам люди сначала по одиночке, потом группами, потом всей остальной массой начали подниматься и двинулись к выходу. Через двадцать-сорок минут обратного пути мы были уже у выхода. В тот день

бомба упала на Театральном проезде, разворотив мостовую и трамвайные пути. Некоторые булыжники силой взрыва закинуло в Большой Черкасский переулок, асфальт на десятки метров кругом был засыпан, правда, очень тоненьким слоем земли и песка. Мы, усталые и сонные, двинулись домой, чтобы заснуть на час-другой.

22 сентября

Несколько следующих ночей я провел в подвале нашего дома. Здесь, в отличие от предыдущих ночевок, спать было негде, и к тому же все «шумовое оформление» налета — стрельба артиллерии, отдельные редкие удары бомб и стук падающих осколков снарядов — было прекрасно слышно. Подвал наш не оборудовали. Мы сидели в самой маленькой его комнатке с кирпичным сводом. Почти каждый день в ней сидели, кроме нас, одни и те же лица. Некоторым ночи удавалось заснуть на узкой кривой доске, несмотря на стрельбу, к которой скоро привыкли и разговаривали, не обращая на нее внимания. Бомбардировки не произвели на меня большого впечатления: не было ни непрестанной оглушительной стрельбы, ни свиста падающих бомб, ни рушащихся домов. Пальба бывала только временами, а еще реже стучали пулеметы. Надо отметить, что пушки стреляют не одинаково, одна сильно — оглушительно, другая — глухо, третья издает хлюпающий, хрипящий и одновременно скребущий звук. В общем, голоса орудий — самые разнообразные, иногда очень комичные. Свист бомб слышали раза два-три, я, признаться, и вовсе не слышал. Разрывы бомб были близко раз 5–6. Они сопровождались сильным ударом. Все в подвале слегка вздрагивало, а затем по подвалу пробегала струя хо-

лодного воздуха, «ветерок» — это далекая взрывная волна. Частенько где-то далеко вверху был слышен прерывистый гул или, вернее, вой немецкого самолета. Тогда все настораживались. Но все кончалось благополучно. Иногда только нестерпимо хотелось спать. Вот и все впечатления.

Разрушений, причиненных бомбардировками, я видел не очень много, во всяком случае в центре, возможно, на окраинах их было больше. Главные из них: у Никитских ворот памятник Тимирязеву был свален взрывной волной, рядом была большая воронка, ограда и бульвар были уничтожены; на Арбате театр Вахтангова — половина разрушена совсем, в соседнем доме напротив вывалились межэтажные перекрытия; разрушена школа в Трехпрудном; дом в Богословском; маленькое здание милиции у Устинского моста; сгоревший Тишинский рынок — это главное из того, что я видел после бомбардировок. Мне еще несколько раз приходилось бывать в метро в то время, потому что отец, боясь несчастья («Вдруг бомба попадет!»), настаивал на хождении в метро.

Москва в то время днем выглядела как обычно, но к вечеру начиналось движение женщин с детьми, старух, стариков, инвалидов к подъездам метро. Часам к девяти там образовывались громадные очереди людей с детьми, узлами, одеялами, пледами. Население, в метро не идущее, ложилось спать как можно раньше, засветло, чтобы как-нибудь выспаться немножко часам к одиннадцати-двенадцати, к обычному времени начала тревоги.

31 октября 1941 г.

Прошел уже месяц с лишним, как я не садился за дальнейшее писание дневника. Теперь такие времена, что ка-

ждая неделя вносит существенные изменения в нашу жизнь. В конце того месяца была взята Полтава. В первых числах октября, после почти двухмесячного затишья немцы начали наступление на западном фронте, как видно, с расчетом до зимы добиться решающих побед, взять Москву. Немцы прорвали оборону под Ярцевым и в других местах. В короткий срок овладели Вязьмой, Брянском и Орлом. Одновременно они повели наступление на юге — на Донбасс и Ростов. Взяли Мариуполь, а позже Таганрог и Сталино. Вчера было объявлено о взятии Харькова. В Москве, несмотря на быстрое продвижение немцев, все было спокойно, и дело ограничивалось разговорами. Все так же стояли очереди за газетами.

В последние дни стрельба слышна не только ночью, но даже и днем. По вечерам тревога объявлялась ежедневно. Проводить вечер и спать под аккомпанемент стрельбы стало обычным явлением. Теперь во время тревоги редко кто уходит в бомбоубежище. Я до сего времени был у отца. В убежище мы с ним не ходили ни разу. Правда, надо сознаться, иной раз, когда стреляют близко и сильно, становится страшновато, по телу в такие минуты пробегает дрожь.

В те дни меня посетила мысль о бесконечности времени: мир будет жить, но никогда уже не будет меня. Становится жутко, когда заглянешь в бездну бесконечности. Представив перед глазами всю бесконечность времени, я понимаю, что такое смерть. Я теперь верю, что в некоторых случаях вера в судьбу совершенно правильная. Во время бомбежки я верю в судьбу и надеюсь на нее. Все надеются остаться живыми и, однако, чьи-то надежды не оправдываются. Такова уж судьба. Если то или иное событие не зависит от тебя, приходится верить в судьбу. Судьба — это течение событий,

не зависящих от твоих действий. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, начали неистово стрелять на улице. Сейчас в любую минуту на меня может обрушиться бомба. Стреляют все сильнее. Пройдет минут десять, и стрельба стихнет. Придется прервать записи сегодня, так как объявлена тревога. Вдали стреляют. В убежище не пойду, но от окна надо отойти на всякий случай.

20 декабря 1941 г.

Прошло еще полтора месяца. Действительно, 1941–год самый страшный, самый бурный, полный потрясений и событий. Мир кипит. Война всюду. Долго будет помнить человечество этот год. Сейчас события вступили в высшую фазу напряжения. Скоро Новый год! Кто победит? Что будет? Закончится ли война в будущем году или по-прежнему положение останется неясным? Трудно сказать, невозможно!

За эти полтора месяца событий и потрясений происходило, пожалуй, еще больше, чем в предыдущие месяцы. Одно из них благоприятно, другие же печальны. Начну по порядку. На фронте положение изменилось. В первых числах ноября немцы подошли к Туле почти вплотную. На западном фронте в первой половине месяца больших боев не велось. Немцы готовились к решительному броску на Москву, наши — к его отражению. Я по-прежнему был дома. Я прочел несколько книг: «Сестра Кэрри» Т. Драйзера, «Тихий Дон» Шолохова — последняя оставила большое впечатление. Кроме чтения, стоял в очередях, ходил в столовую и читал газеты, специально ездил на Пушкинскую площадь. Читал «Красную звезду» — газету наркомата обороны. В ней корреспонденция с фронтов была подробней.

С 7 ноября и до сего времени температура ниже нуля. Небывало ранняя зима! 3 декабря я поступил на экстернат за 9–10 классы. Платить 80 рублей в месяц. Всего 800 рублей. Сначала я считал деньги потерянными, но теперь я переменил мнение. Экстернат находится на Петровке. Но об этом напишу позже.

16 ноября немцы начали второе генеральное наступление на Москву. К 22–23 ноября они подошли к Истре, взяли Клин, Солнечногорск и, двигаясь на Яхрому, подошли к Зеленограду и Талице. Они прорвали фронт южнее Тулы, взяли Сталиногорск, Винев и подошли к Кашире и Зарайску, охватывая Тулу с востока. Но дальше их движение стало замедляться. К 1 декабря они взяли Истру, Яхрому, но дальше движение их замедлилось. Каширу и Зарайск им также взять не удалось. Танковые дивизии генерала Гудериана повернули от Каширы на запад, стараясь окружить Тулу. Наши войска стали теснить тем временем немцев от Каширы и Зарайска на юг. Кажется, в ночь на 30 ноября было передано сообщение — в последний час. «Еще удар по войскам врага!» — называлось оно. Надо сказать, что, предприняв наступление на Москву, немцы стали наступать на Ростов и 23 ноября заняли его. Однако наша печать об этом ничего не говорила. Только в «Красной звезде» проскальзывали сообщения о боях в «районе Ростова». Числа 25 ноября было опубликовано сообщение о нашем продвижении вперед на 60 км «западнее Ростова». Сообщение 30 ноября было для большинства непонятным, Ростов, считавшийся многими нашим, был взят нашими войсками. Я считаю, что в ростовских боях наши войска впервые добились настоящего успеха. Немцы отступили к Таганрогу. Таково было положение в те дни. Весь конец ноября погода была холодная, минус 7–10 градусов, но

снега не было, что благоприятствовало наступлению немцев. Но в начале декабря ударили морозы, да какие!!!! — минус 20–25 градусов. Они длились дня 4–5. Потом посыпал снег, густой и беспрерывный. В два дня он намел глубокие сугробы. Мороз, в основном тоже не спадал.

4 февраля 1942 г.

Голодно было жить. Крупы осталось на два раза. Вчера с мамой думали, как будем жить дальше. Я утешал ее. Она говорила: «Мне теперь кажется, что мы никогда не будем сыты, никогда». Я сказал, что люди живут и хуже, наше счастье, что мы живем в Москве — не умерли с голоду. У нас есть полтора пуда муки. Вчера вечером, да и целый день, и по сей час нету света. В комнате горела керосинка: на ней варился суп. Она же освещала комнату, она же обогревала ее, но керосина уже почти нет. Начал было читать роман Чернышевского «Что делать», но свету было мало — и прекратил. Получил письмо от Коли. Он, по его словам, рядовой красноармеец. Его признали годным, несмотря на инвалидность. Буду переписываться с ним. Уроков очень много, времени мало.

На фронте как будто ничего особенного. Сводка сегодняшняя, как и прошлые дни, гласит: «3 февраля на большинстве участков наши войска продолжали вести наступательные бои. Немцы вводят в бой новые резервы. На некоторых участках фронта немцы переходили в контратаки, которые были отбиты с большими для них потерями. Наши войска снова продвинулись вперед».

На улице холодно. Морозы не спадают. Средняя температура января была 20 градусов, если не ниже. Небывало свирепая зима.

5 февраля 1942 г.

Учил вчера математику, физику. В класс не ходил. Я замечаю за собой недостаток усидчивости, неумение сосредоточить свое внимание на уроке. Я часто отвлекаюсь и теряю много времени попусту. Стараюсь исправить этот недостаток. Света не будет до 15 февраля. Поэтому буду приезжать домой поздно. Из класса (он находится на Кропоткинской набережной у Крымского моста) я буду ездить к отцу и там заниматься при свете. У него я ежедневно получаю тарелку супа и стакан чая со сладостями, которые он припас.

В мире ничего особенного не произошло, по крайней мере газеты не сообщают ни о чем. Вечером читал «Что делать». Был у отца до 9 часов. Ночь темная, черная. Вышел во двор, и сколько ни смотрел, ничего не увидел, кроме черной непроницаемой стены. Минут 20 шел почти ощупью. Неприветлива, неуютна Москва ночью. Как приятно вспоминать зиму прошлого года: улицу Горького, блестящий снег, толпы народу, лучи света, падающие на людей, блестящие автомобили и мостовую, яркие витрины, пылающие рекламы, смех и говор! А сейчас вечером Москва словно вымирает. Пустые черные улицы, редкие пешеходы, спешащие по домам, полутемные трамваи, мрачные, похожие на скалы силуэты зданий, горы скрипучего снега и одинокая луна, печально и тускло мерцающая на небе — вот вкратце облик ночной Москвы 1942 года.

Сегодня утром поссорился с мамой. Она мало ест. Я вижу, что она голодна. И все же она старается положить мне еды побольше, сэкономить на своей порции. Она бледна и выглядит очень усталой и измученной: десять часов работает. Ей надо больше питаться. У нас с ней ежедневно из-за еды

происходят споры. Я сегодня вспылил, сказал, что не буду есть суп и ужин, пока она не перестанет экономить свою пищу. Мы расстались в ссоре. Бедная, мне жалко ее, ей это очень неприятно, но надо же заставить ее есть, иначе она не протянет долго. Сегодня решил действительно супа не есть. Это, может быть, заставит ее увеличить свою порцию, а я испытаю свою силу воли, попробую устоять перед искушением — съесть суп. Неприятно все это, конечно, мне и тем более маме. Мне жалко ее. Она единственный, прекрасный, чистый и честный и любящий человек. Она любит меня самоотверженно, а я так часто огорчаю ее.

7 февраля 1942 г.

В комнате холодно. Рука держит ручку нетвердо, так как вся посинела от холода. Вчера утром у нас в кухне с потолка потекла вода — лопнули трубы. Морозы по-прежнему лютые — 20–25 градусов. Кажется, конца холодам не будет.

10 февраля 1942 г.

Потеплело впервые за эту зиму (температура минус 6–8 градусов). На фронте без особенных перемен, судя по сводкам Информбюро, может быть, не говорят о взятых городах, приберегая их ко Дню Красной Армии (23 февраля). Наш экстернат снова лишился помещения. Где будем заниматься? Неизвестно. Сегодня учиться поэтому не будем. В воскресенье (8 февраля) ставили с мамой самовар, так как керосин на исходе. Рубил лучинки и сечкой отрубил маленький кончик большого пальца. Теперь заживет не скоро. Вчера два раза садился писать стихи, но безуспешно — ничего не вышло,

а написать что-нибудь очень хочется. Читал вчера стихотворения Некрасова, они-то и вдохновили меня. Во мне иногда возникает потребность, как у пьяницы, увидевшего водку, излить на бумагу свои мысли и чувства. Обычно, потеряв часа два, утомив голову, исчеркав листок бумаги, я остаюсь ни с чем. Но изредка удается написать коротенький стишок, что доставляет мне огромное удовольствие.

16 марта 1942 г.

Позавчера и вчера, несмотря на то, что уже середина марта, мороз достигал минус15–16 градусов, но главное — поднялась сильная, жестокая метель. Из-за заносов не ходят трамваи. Мама от завода шла пешком. Ветер порывистый, колючий — казалось, в лютости своей готов был кожу с лица сорвать. Встал вчера в 6 часов, чтобы поехать к Мише. Оделся тепло и, несмотря на протесты и мольбы мамы, собрался поехать, но, выйдя на улицу, струсил и вернулся домой. Пекли в печке булочки из муки, так как хлеба мало, а свету нет. Замечательно вкусные вышли булочки! К одиннадцати часам, поев горячих булочек, выпив чаю из самовара, я, вопреки советам мамы, поехал. На станции Сокол у автобусной остановки простоял около часу, сел в автобус еле-еле — и то с дракой. Автобус шел только до Павшино, так как дальше дорога была заметена снегом. Шел по шоссе, а потом по полю километра полтора. Вспотел, хотя ветер дул беспощадно. Миши дома не застал, пошел разыскивать. Нашел его в горсовете. Боялся простудиться, ругал себя за то, что поехал. Зашли с Мишей в столовую, он угостил меня обедом. В Красногорске у него всюду знакомые. Я остыл, Миша выкурил папиросу (это уже в его квартире), и мы пошли

с санями за картошкой в старый его дом-барак при школе. Я отобрал более крупную картошку (вся она была мороженая) и, нагрузив на сани какие-то мешки, ящик с гвоздями и картошку, мы двинулись обратно. Тяжелые сани зарывались в снег, который был, вероятно, до пояса. Мы везли их по узенькой тропинке среди глубокого снега в открытом поле. Трудный был путь, сани постоянно норовили съехать с дорожки в снег. Чтобы поддержать их, я принужден был по колено погружаться в снег. Я пропотел, рубашка была мокрая, а ветер выл, царапал, впивался в бока, пронизывал и сшибал с ног. Я, вероятно, мог простудиться. Добрались до дому. Миша нагрузил мне еще килограммов десять свеклы, которая имела отталкивающий вид, так как была сморщена и покрыта плесенью. Сапоги, которые я привез, он обещал отдать в починку. Отдохнув, мы пошли к Павшино. Мешок с овощами нес Миша. Снова проклятый ветер хлестал меня. Автобус не подходил. Подъехало такси. Я вскочил в него, и Миша всунул туда же мешок, несмотря на протесты шофера. Я обещал заплатить ему за груз. Он успокоился. Через 20 минут мы уже были у Сокола. Я заплатил шоферу 15 рублей. Мешок был тяжел. Особенно трудно было поднимать его на плечи. С трудом я дотащил его до дому. Я был весь в поту. Выпив кипятку, я лег и лежал до вечера. Болела грудь. Я думал, что схватил воспаление легких — струсил. Выпил аспирин, поставил горчичник и в страхе уснул. Сегодня у меня плохое состояние, слабость — я стал чувствовать себя стариком. Боюсь заболеть. Как я буду рад, если последствия поездки кончатся удачно.

На фронте, как говорит эти два дня советское Информбюро, существенных изменений нет.

19 марта 1942 г.

Вчера вечером, придя домой из школы, застал в Нюриной комнате Мишу и еще какого-то мужчину. Их призвали в армию. Сегодня они отправились по Казанской дороге на какую-то станцию в 150 километрах от Москвы. Михаил ночевал у нас в квартире. Вечером сидели на кухне. Света не было. Топили печку-чугунку, которую я день назад достал с печки, прочистил и пристроил, так что дым шел по самоварной трубе в дымоход. Теперь даже при отсутствии керосина и электричества мы будем сыты. Сегодня утром встретились отец и Михаил. Отец предложил помириться, и к моей радости они помирились. Утром проводил Михаила на Казанский вокзал.

На фронте без перемен.

30 марта 1942 г.

Все по-старому. Вчера был в бане, в которую теперь попасть трудно, так как в Москве бань работает мало. Мне бросилось в глаза, как похудел отец. Кожа его стала дряблой и желтой, и резко стали выступать мышцы и кости, между тем как раньше он был толст и красен. А голодовка только начинается, пока, можно сказать, мы ее не видели.

За последние дни участились налеты немцев на Москву. Уже три дня подряд объявляются по вечерам тревоги. Вчера слышно было падение бомбы. Во время тревоги я и мама сидели на кухне у печурки, грелись и варили лапшу на ужин.

Конец марта 1942 г.

Вместе с зимними холодными днями не ушли голодные дни. Я по-прежнему хочу есть и по-прежнему еды

недостаточно. Сейчас мой мешочек с сухарями осел, как снег за окном, и не сегодня, так завтра — окончательно исчезнет. Муки остался только пуд. Есть немного картофеля. С первого числа хожу в столовую, в которую отец «по блату» достал мне пропуск. Порядок еды в столовой таков: за первое и за второе у меня из крупяной карточки, которая разделена на ряд талонов по 10, 20 и 40 граммов, отрывают по определенному талончику. Если есть мясные котлетки, отрывают мясной талон. В начале месяца из карточек столовая вырезала по 100 граммов масла, а его месячная норма 400 граммов. К концу месяца должны вырезать еще 200 граммов. Меню очень однообразное. Чаще всего на первое — пшеничный суп, где в тарелку с водой брошено две-три столовых ложки пшеницы. На второе — пшеничная каша: теплое темно-коричневое, клейкое вещество, причем на тарелке его наложено всего пять-шесть, если не меньше столовых ложек. Вот и весь обед. Иногда вместо пшеничной крупы в суп бросают ложку лапши или вместо каши дают маленькую запеканку из той же лапши.

По вечерам мы с мамой последние дней двадцать сидели на кухне у чугунной печурки, где было тепло и грелась еда. Но два дня назад включили электричество, надолго ли — не знаю. На ужин мы съедаем с мамой по полной тарелке супа и пьем по ложке рыбьего жира. Суп мы варим из картошки (запас которой вот-вот кончится), свеклы и муки, которой мы засыпаем суп для густоты и сытости. Однако я ложусь спать все же полусытым. С виду я выгляжу неплохо, но все же чувствую, что ослабел. Мама очень похудела, стала костлявой, бледной и тонкой. Грустно смотреть на нее.

Май 1942 г.

Мой распорядок дня прежний: утром дома делаю задание, затем в 11 часов еду в столовую к Никитским воротам, где кушаю обычно пшеничный суп и пшеничную кашу, иногда с котлетами очень маленького размера, иногда без котлет. Возвращаюсь домой и минут через двадцать иду в школу-экстернат. Там я веду себя легкомысленно: смеюсь без причины, острю неудачно и т.д. Успехи в учебе у меня не блестящие. В десятом классе я хорошо усваиваю органическую химию, историю, литературу. Математика и физика, я чувствую, воспринимаются плоховато. Я не научился распределять время, часто отрываюсь от занятий. В 7 часов прихожу домой. Отрезаю кусочки хлеба и ем, залезу в кружку с маслом и с кончика ножа его ем, отрезаю кусочек рыбы — кеты, полученной нами перед 1 мая, и его ем. И так до прихода мамы. Затем мы варим суп. Едим его. Пьем какао, которое купил отец по карточкам вместо сахара, и последние дни закусываем все это кусочком шоколада, который купила мама также вместо сахара. В 10–11 часов ложимся спать. Так проходят дни. Мама очень похудела, мне кажется, она больна, но не хочет говорить об этом.

В Москве сейчас спокойно — тревоги давно нет. Погода, как я уже сказал, наступила дождливая. На фронте без перемен — затишье, но затишье зловещее, оно готовит бурю. Я жду ее. Думаю, что числа 15 мая начнутся тревоги, а числа 20–25 мая развернутся жестокие бои. Последнее время часто думаю в будущем заняться литературой, мечтаю создать грандиозное произведение, охватывающее 1912–1942 годы. Но, знаю, что для этого нужно не только желание, но и огромная работа, напряженная, утомительная, долгая,

нужна усидчивость, терпение. У меня пока отсутствуют эти качества — и это может свести к нулю все мои честолюбивые, амбициозные замыслы. Не обладая терпением, работоспособностью, умением владеть временем, настойчивостью и прочим, я неминуемо скачусь в русло посредственности, проведу жизнь в бесплодных мечтах, нудно, серо, жалко. Без этих качеств я не построю свою жизнь, меня оттеснят, собьют с ног, сотрут те, которые обладают ими. Таков уж закон природы — это ясно. А потому мой лозунг: «С 17 лет приобрести эти качества во что бы то ни стало. Приобрести сейчас, так как в противном случае будет поздно. Срок детства, срок формирования характера истекает». Да, надо исправить недостатки, исправить не только на словах, а и на деле. Быстрая река не страшит хорошего пловца, ему даже приятно бороться с ее течением, одолевать его. Не умеющий плавать страшится реки, и он будет сбит ее потоком, захлебнется и пойдет на дно. Так и жизнь. Практичного, энергичного человека она не страшит, он любит ее, он доволен ею, она ласкает его. Не обладающий этими качествами боится жизни, не доволен ею, и жизнь сшибает его с ног и швыряет в зловонную яму, на дно, в нищету, в разврат, в бесправие.

9 мая 1942 г.

Вот уже целый год я делаю записи в эту тетрадь. Прошел целый год. Если в том году я писал, что стою перед воротами в настоящую жизнь, то теперь я вошел в эти ворота. Да, детство прошло. Семнадцать лет — лучшие, прекраснейшие, счастливейшие годы моей жизни наступили.

За эти 12 месяцев я узнал и прочувствовал, то, чего я не знал, не испытывал за все прошедшие годы. Я узнал, что та-

кое ощущение близости смерти, что такое голод. В этот год я увидел войну, понял, что такое война, явление, кажется, самое обычное и постоянное в жизни человечества, но никогда не приносившее столько разрушений и бед, как нынче. Да, суровый был год, но и полезный, и поучительный, так как он помог мне избавиться от детских привычек, приучил смотреть на жизнь иначе. Однако впереди испытания еще более трудные. Впереди еще много страшных и тяжелых дней. Настоящая жизнь встречает меня бурей яростной, беспощадной. Я еще неопытен, непрактичен, не закален, не окреп ни морально, ни физически. Трудно мне будет бороться с этим смертоносным ураганом, бушующим вокруг. Устою ли я? Но, если я выживу, то он останется для меня хорошим уроком, хорошей закалкой.

Сейчас затишье. Но это грозная и зловещая тишина скоро кончится, и ее сменит гром. Страшные дни впереди. Итак, мне, семнадцатилетнему юноше, предстоит перенести много неприятных, страшных испытаний. Что же лгать, я страшусь их, но я и желаю их, ибо приведут меня к жизни той, которую я желаю, ибо только они могут сделать мою дальнейшую жизнь счастливой, плодотворной и полезной.

Мы отправились с мамой за город. Цель нашей поездки — посадка огорода. Я твердо решил завести огород, чтобы в случае чего не умереть с голоду. Длинный путь, последнюю его часть мы шли пешком четыре километра, был для мамы очень тяжел. Вчера был настоящий летний, июльский день. Солнце пекло. Оно делало ходьбу еще несносней. Место нашего огорода находится за поселком Текстильщики. Голое, давно не паханное поле. Недалеко пруд, но, кажется, не проточный, так что выкупаться нельзя. Усталые, пришли на

место. Сели на знойном солнце и ждали приезда телеги с лопатами и плугом. Я съел весь привезенный хлеб, правда, его было не более двухсот граммов. Кроме нас с мамой, собралось еще человек 6–7. Когда приехала лошадь, двое простых и более сильных мужчин начали работать плугом. Остальные взяли лопаты и выравнивали очень неровную, изрытую ямами и канавами поверхность участка. Мама тоже взяла лопату, несмотря на мои просьбы не делать этого, так как за нее работал я. Сначала казалось, что копать я не в силах после часовой ходьбы. Но потом я втянулся в работу и копал довольно много. Было очень жарко. Я снял не только пиджак, но и вообще все рубашки. С непривычки и от неумения я натер на ладонях и пальцах большие, мокрые мозоли. К концу дня лопату было держать трудно. Работали мы не много. Больше сидели и даже лежали. Только двое, кто работал с плугом, трудились непрерывно. Я пробовал править лошадью, но неудачно. Она шла не туда, куда полагается, и под конец даже упала, споткнувшись. Хотелось пить, но я воздержался употреблять сырую воду, боясь инфекции. Все, даже врачи, пили ее. Вокруг на поле работали люди. Большинство — приезжие из Москвы. Домой шли пешком два километра.

1941–интересный год. Сколько событий! Сколько потрясений! Сейчас вспоминаю лето 1941 года, день объявления войны, первые сводки, известия с фронта, которые я ловил с нетерпением, дни, полные радостных надежд и, наконец, первые налеты на Москву, а с ними бессонные ночи, блуждание по туннелям метро и подвалам. Затем осень — пасмурная, холодная, дождливая. Волнующие, напряженные дни. Я вспоминаю очереди за продуктами, газетные статьи, полные тревожных сообщений. 16 октября — день паники в Москве,

дни ноября, полные напряженного ожидания, и грозные, но спокойные дни. Помню 5 декабря 1941 года и далекие глухие, тяжелые, редкие выстрелы, доносившиеся до Москвы. Помню последовавшие затем громкие радостные сообщения Совинформбюро о наступлении и победах Красной Армии, дни зимы — голодные, холодные, темные, унылые. Помню морозы — жгуче-холодные, бесконечные. Не забуду комнатную температуру 4–5 градусов тепла, вечера в кухне у печурки и суп из муки и двух картофелин. Затем весна, поздняя, дружная, веселая, «ничего существенного» на фронтах. Дни надежд, ожиданий. Вот какой прошел год! Год войны.

Керчь пала. На харьковском направлении наше наступление прекращено, сейчас там наступают немцы. Жестокие бои идут под Севастополем, уже более двух недель немцы штурмуют славный русский город. Там напряженное положение. Он, вероятно, падет. В остальном на других участках ничего существенного.

Лебедев А.М.

Брест под ударами войны

Судьба распорядилась так, что я родился в городе Бресте в 1933 году, который в те годы находился в составе Польши. А это значит, что 1 сентября 1939 года наша семья на себе почувствовала, что такое война. Еще в августе месяце 1939 года местная милиция (это добровольческие отряды

вроде МЧС-ников, а полиция выполняла свои прежние функции) заставляла жителей города выкапывать во дворах V-образные окопы и разгораживать заборы, ограды, стены: с целью возможного подъезда спасательных и пожарных машин на случай пожаров и завалов. А уже в первых числах сентября начались бомбежки.

В Бресте был большой военный гарнизон и недалеко от города между Бялой-Подляской и Брестом находился авиаремонтный завод, правда он надежно был защищен зенитной артиллерией.

Бомбили почти каждый день. Ближе к середине сентября Брестская крепость почти опустела и ее занял артиллерийский полк генерала (точно не помню его фамилию) Сикорского. И почти сразу танковый корпус Гудериана окружил крепость. Завязался бой, который длился несколько дней. Все громыхало, тряслось. В те годы в крепости была проложена узкоколейка, основная цель которой была подвозить оперативно боеприпасы в разные концы огромной по территории крепости. Этим умело воспользовался генерал Сикорский. Гудериан терял свои танки, а крепость взять не мог. Благоразумье взяло верх и Гудериан покинул не только крепость, но и Брест. А Сикорский со своим полком ушел куда-то на север в район Беловежской Пущи. Немцев в городе не было, а во-

йска Красной Армии застряли под Пинском: обойти город нельзя, кругом болота, а в Пинске — хорошо вооруженный польский гарнизон. И только в конце сентября или начале октября (точно не помню) Красная Армия вошла в Брест, без остановки поехали колонны, в основном артиллерии, на запад до Минска-Мазовецкого (по рассказам многочисленных беженцев, которые толпами убегали на восток, за реку Буг, а это 26 км от Варшавы. Но почему-то история это не подтверждает и не опровергает — умалчивает. Пусть это останется на совести политиков и историков.

Вот так мы получили первое «крещение» войной. Но в моем детском понимании это было не совсем страшно. Я помню первую бомбежку. Я сидел за столом и завтракал булкой со швейцарским сыром и с гордостью запивал чаем из папиной большой кружки с красивыми фиалками. Началась бомбежка. Папа был на работе. Мама с моими братьями зовут меня скорее спрятаться в окоп. А я отвечаю: «Хорошо, закончу завтракать и спрячусь». Летают бомбардировщики, стреляют зенитки, на солнце переливаются разными цветами осколки снарядов от зениток, а старший брат Антон говорит: «Смотрите, немцы листовки бросают».

21 июня 1941 года был выходной (кажется, как в то время называли «английская суббота», т.е. попросту сокращенный рабочий день). Папа работал в областном отделе искусств Брестского облисполкома. Мама на то время была домохозяйкой. Старший брат Леня учился в старших классах школы, а Антон ходил в IV класс. Брату Мише было 4 года, а самому младшему Андрею, было 2 года. Я был средним, на то время мне было 7 лет. Вечером, перед сном я играл с младшими братьями. Расставили игрушечный стол и стулья. Рассадили

на них кукол, медвежат, собачек и котов. Расставили игрушечный сервиз. Блюдца наполнили земляничным вареньем, а в чашки налили остывший чай. Но «угостить» кукол и зверят не успели, мама «загнала» нас в постель.

Утром 22 июня, как только начало светать, я проснулся от страшной грозы. Непрерывно гремело, а молнии были где-то очень близко. Я подбежал к окну. Небо было чистым, а со стороны крепости, с запада раздавался страшный гром, а на еще темном утреннем небе сверкали огненные дуги (теперь я понимаю, что это были траектории снарядов). Все тряслось, и мебель, и пол, и сам дом. Немцы обстреливали не прицельно, не конкретно по каким-то целям, а массированным огнем. Обстреливали какое-то время определенный участок, затем переносили обстрел по городу все дальше на восток. Я кинулся всех будить. Папа глянул в окно и сказал одно лишь слово: «Война». Затем побежал к соседу-квартиранту лейтенанту артиллерии Шаповалову.

— Вы с нами? — спросил папа.

— Нет, я в часть. Правда не знаю, застану ли кого-нибудь? Накануне почти всю часть отправили подо Львов по приказу сверху.

Попрощался с женой и пятилетней дочерью Нелей и грудной дочерью Людмилой и ушел в неведение.

Папа взял на руки Мишу, мама — Андрея, Шаповалова — Людмилу, а за руку Нелю и перебежками мы направились на северо-восток, потому что артобстрел был уже очень близко к нашему дому. Затем мы пересекли железную дорогу (а Брест характерен тем, что опутан паутиной железных дорог) и через какое-то время были за пределами городской застройки. Тут уже было потише.

Когда мы подходили к совхозу «Березовка» (теперь он в городской черте), то мы увидели зеленый-зеленый луг, полевую дорогу вдоль сенокоса, огороженного колючей проволокой, чтобы коровы не попали туда. Беспокойная трясогузка сидит на проволоке, а в небе десяток самолетов гонялись друг за другом, выполняя фигуры высшего пилотажа.

Какое-то время группа солдат шла вместе с нами. На вопрос мамы: «Вы насовсем?» уверенно и пророчески ответили: «Мы скоро вернемся». Правда возвращение это затянулось до 1944 года.

Так мы дошли до деревни Плоски, а там проходила новая шоссейная дорога от Бреста на северо-восток. И естественно все по неопытности (не только беженцы, но и военные) ринулись по этой дороге. Теперь я понимаю, что нужно было пробираться тропинками, полевыми дорогами, просто полем. Но это теперь мы такие умные, а тогда была паника, народ был перепуган. Проезжали на максимально возможной скорости грузовики с солдатами. Солдаты сидели не так, как показывают в художественных фильмах — при полном параде — одетые, в касках, со скатками и так далее. А в сапогах, трусах, майке и винтовкой в руке, мундир и все прочее некогда было одевать. А немцам это и нужно было, грузовики и солдаты — не рассредоточенные цели, а отличная мишень на шоссейной дороге. Они сразу перенесли свой огонь артиллерии исключительно на дорогу.

Мы где лежали, пережидали, где бежали, пока добрались до деревни Черни. Недалеко от шоссе стояла и теперь стоит церковь с невысокой каменной оградой, а вокруг ее старинные липы. Папа велел нам спрятаться за этой оградой. Было слышно, как визжат над головой снаряды и срывают листья

с лип. Видели, как взрываются снаряды на шоссе, как падают военные и беженцы. Несколько машин с солдатами на наших глазах взлетели в воздух. Папа имел опыт, он воевал еще в первую мировую войну, был офицером царской армии, командиром пулеметного взвода на Бессарабском фронте в Карпатах. Сообразив, что у ограды долго не пролежим, в промежутках между взрывами он повел нас по липовой аллее, которая шла от церкви наискосок к шоссейной дороге. По этой аллее мы сравнительно безопасно двигались.

Какой-то сержант со своим отделением стал продвигаться также, как и мы по аллее, привлекая внимание других военных, которые тоже сворачивали под прикрытие густых ветвей и толстых стволов деревьев.

Когда немцы это заметили, то тут же перенесли огонь и на нашу аллею. Тут мы надолго залегли, даже головы нельзя было поднять. Осколки снарядов пролетали и падали совсем рядом. Антон, по детской наивности даже схватил один из них, чтобы рассмотреть, что это такое. Потом еще долго ходил с обожжённой рукой. Вся алея была в воронках. Какой-то офицер перебегал от дерева к дереву, когда рядом с ним разорвался снаряд. Он успел спрятаться за могучий ствол, кора липы была вся в осколках. Офицер вышел из-за дерева бледный-бледный, какой-то сам не свой — видимо контуженый. Обстрел закончился, когда по аллее прошли все отступающие.

Мы подождали, пока не убедились, что немцы не открывают огонь. Вышли на поля. Канонада не прекращалась. Залегли на ржаном поле. Снаряды пролетали над нами на восток. Перед нами было несколько хуторов. Мычали недоеные коровы. Хозяев не было видно — попрятались.

Мы вышли на полевую дорогу. Со стороны Бреста ехал верхом спокойным шагом кавалерист. Это был старший лейтенант чекист. Ухоженная лошадь. С собой только пистолет в кобуре и планшетка с картой. Подъехав к нам, спокойно спросил у папы: «Скажите пожалуйста, это хутор Селяхи?» когда получил утвердительный ответ, поблагодарил и спокойным шагом поехал дальше. Это был последний советский военнослужащий, которого мы видели вплоть до 1944 года.

Уже солнце поднялось к полудню, когда на полевой дороге вдоль трех ветряных мельниц с запада поднялась пыль. Беженцы, которые собрались на дороге, вглядывались и гадали, что это такое? Потом все увидели, как на велосипедах ехали нестройной колонной немцы. Доехав до нас, остановились. Папа довольно сносно разговаривал по-немецки. Немцы хвастались, говорили, что скоро возьмут Москву, а Сталина сошлют в Сибирь. Сельские женщины начали спрашивать то да сё и заинтересовались, что за надпись на пряжках ремней? Папа прочитал: «Got mit uns» - «Бог с нами». Среди местных крестьян пошел ропот: «О-о-о, так вот почему они побеждают — с ними Бог. А наши — нехристи». Но тут подъехал джип, вышел немецкий офицер, что-то сказал солдатам. Потом повернулся к беженцам и сказал, чтобы возвращались по домам, что мол впереди фронт, идут бои и мы, если пойдем дальше попадем под артобстрел. А сам сел в джип и обогнав велосипедистов уехал на северо-восток.

Мы вернулись домой. Через несколько дней уже нечего было есть. Предприятия не работали. У нас при доме был большой участок, где росла трава. Этот двор заняла временная полевая немецкая кухня. Видя, что в нашей семье пятеро

детей, повар подкармливал нас супом и кашей. Вскоре повар со своей кухней убрался. Но место пустым не осталось. Во дворе у нас разместились мадьяры (венгры). Они тоже нас снабжали хлебом, плавленными сырками (в тюбиках и их выдавливали). А перед своим отъездом дали маме кукурузной муки и большой кусок масла, посоветовав быстрее его перетопить, чтобы в летнюю жару не испортилось. Когда у нас с едой стало совсем туго, мы ходили по деревням и хуторам и обменивали все, что только можно было: сапоги, ботинки, рубашки, куртки, шапки, кастрюли, кружки, миски на картошку, крупу, муку, хлеб, молоко.

Примерно в октябре папа устроился на работу бухгалтером на мелькомбинат. Стал получать зарплату, дали талоны на хлеб. Леня (старший брат) устроился на работу в столярную мастерскую, делал табуретки.

Вскоре папу забрали в гестапо. Подозревали, что он коммунист. Продержали там 2 недели. Спасло его то, что он служил офицером в царской армии.

В ноябре папе предложили более высокооплачиваемую работу главным бухгалтером в лесничестве в Томашевке. Это на 60 км южнее Бреста. В ноябре мы туда переехали. Там мы прожили год.

К этому времени немцы поселили евреев в гетто. Это была территория или целый квартал, огражденный колючей проволокой, где жили только евреи и выходить за пределы им не разрешалось. А летом 1942 года их всех расстреляли за Томашевкой у леса во рву.

Папин знакомый предложил папе работу главбуха в Шацком лесничестве, уверяя, что там гораздо лучше с продуктами и в ноябре 1942 года мы переехали в Шацк. Шацк — это

маленький райцентр Волынской области на Украине. Там находилось районное немецко-украинское начальство, жандармерия (20–30 жандармов), полиция из местных украинцев, мельница, лесничество, молокозавод, школа, аптека, заготзерно, рыбхоз, что-то вроде райпромкомбината и нечто типа электростанции. Электростанция работала, когда начинало темнеть, и отключалась примерно в час ночи. Розеток и выключателей не было, чтобы погасить или зажечь свет, лампочки просто выкручивали и вкручивали. Электростанция и мельница работали на дизельном топливе.

Продукты питания выдавали, только если кто-то в семье работал. Если никто не работал — живи как хочешь. Хоть милостыню проси. Это никого не интересовало. Тем, кто работал, выдавали талоны на хлеб. Положено было 750 г хлеба на работающего, 500 г — на иждивенца и 250 г — на ребенка. Хлеб был разный: ячменный, овсяный, ржаной, из смеси — в зависимости от того, какая мука была на складе. Кроме того, на месяц выдавали 1 пуд (16 кг) разных круп, иногда заменяли крупу горохом или фасолью, 1 кг неочищенного сахара-сырца (он был коричневатого цвета и слегка влажноватый), 1 кг соли, 10 коробков спичек, 1 л льняного, конопляного или рапсового масла. И все! Никакого сливочного масла, мяса или сала. И это все на целую семью. И немцев не интересовало, большая семья или маленькая.

На молокозаводе продавали маслянку, так у них называли пахту — обезжиренное до предела молоко не белого, а даже голубоватого цвета и очень обезжиренный творог.

В Шацке была украинская школа. Учебники были украинские с немецким мировоззрением и язык в учебниках был вроде украинский, но таким языком на Украине никто не

разговаривал. Мама ни под каким предлогом не соглашалась, чтобы мы ходили в эту школу.

Также немцами печаталась украинская газета. Были сводки с фронта. Но когда немцы отступали, терпели поражение и сдавали города, то писали об этом в таком духе: «Для надежного ведения боев и выравнивания линии фронта, немецкие войска вели ожесточенные бои в направлении...» и никогда не говорилось «отступили», «сдали».

Вокруг Шацка были бесконечные болотистые полесские леса и к лету 1943 года уже окрепло партизанское движение. Но в отличии от Белоруссии, там было 2 вида партизанского движения: партизаны, которые боролись с немцами за освобождение советской Украины, и партизаны, которые тоже боролись с немцами, но за незалежну Украину. Местное население тогда их называло «бульбаши» (теперь их называют бандеровцы). Для немцев все они были Banditen (бандиты), а позже — партизаны.

Были еще немецкие полицаи из местного населения. Это были в основном карательные отряды, которые занимались репрессиями на Украине, Белоруссии и России. Бульбаши отбивали у немцев оружие, боеприпасы, машины и даже вездеходы и разъезжали по лесам и глухим полесским деревням.

Но уже к лету 1943 года партизанское движение настолько окрепло, что любой маломальский лес был вотчиной партизан. А каждому отряду было нужно оружие. Были и курьезные случаи. Лесники и объездчики стали приходить в лесничество и жаловаться, что население страшно ворует лес. Лесничий пошел к гебиткомиссару (это немецкий начальник типа председателя райисполкома) и сказал, что мол, население ворует лес (на самом деле лес активно вывозился

в Германию). Гебиткомиссар дал распоряжение в жандармерию, чтобы лесникам и объездчикам выдали карабины. И кражи леса прекратились.

В то время лесники с семьями жили в лесных сторожках, построенных еще Полышей. Поэтому партизаны с легкостью позабирали у лесников оружие. Лесники — снова в лесничество с жалобой. Лесничий — опять к гебиткомиссару. Гебиткомиссар — в жандармерию. Лесникам выдают карабины и все опять повторяется до тех пор, пока не дошло до высшего начальства. Гебиткомиссару «влетело» от высшего начальства, что он по сути дела снабжает оружием партизан, тогда и прекратили снабжать лесников карабинами.

Летом 1943 года партизаны напали на жандармерию. Бой длился до восхода солнца. Немного спустя полицаи убили немецкого офицера, а сами всем полицейским участком удрали к бульбашам. Обычно при убийстве партизанами немецких военнослужащих, немцы сгоняли все население (хутора или маленькой деревни) и часть населения, расположенного ближе всего к месту убийства, и расстреливали каждого второго за офицера и каждого пятого за солдата. Мы приготовились к худшему и собрались удирать в лес. Но немцы не стали никого трогать, так как знали, что убийство — это дело рук полицаев, а не населения или партизан.

Осенью 1943 года оставшийся отряд немецких жандармов, после того как весь полицейский участок перешел на сторону бульбашей, побоялся оставаться один и попросил подкрепления. В октябре пришел, так называемый караульный батальон из власовцев. А в конце ноября партизаны напали на Шацк. Был страшный бок. Партизаны сожгли все зерносклады и казармы, где размещался караульный бата-

льон. Бой длился до часов 10-ти утра. Половина караульного батальона ушла с партизанами, часть была уничтожена в бою, а оставшиеся вместе с отрядом немецких жандармов ушли на юг в г. Любомль в 30 км от Шацка, где располагался немецкий гарнизон.

В Шацке началось безвластие. Партизанам и бульбашам город был не нужен. Днем на немецком вездеходе приезжал отряд бульбашей, а на ночь снова уезжали в лес. Выбрали старосту. За поселком, за усадьбой местного польского пана Саковского, по-хозяйски выкопали ров и ничего не разъясняя расстреляли всех поляков райцентра от мала до велика. Даже объездчиков и лесников поляков, которые жили в лесных сторожках. Почему? Из-за чего?

В 1943 году партизаны очень часто расстреливали Шацк, тем самым вызывая частые пожары.

Наступил 1944 год. Немцев не было, партизан тоже, только бульбаши появлялись на день, а вечером обязательно возвращались в лес. В феврале установилась чрезвычайно теплая погода, снег растаял. 24 марта нас накрыл сильнейший циклон: подул сильный ветер, началась метель, мороз. С востока с этой непогодой пришли немцы. Машины с солдатами, артиллерия, танкетки. Это из-под Ковеля отступали немцы, вырвавшиеся из окружения.

К нам в дом зашел немецкий офицер, показал пальцем на папу и почему-то на Антона (второго брата) и велел одеваться и затем пошел вместе с группой солдат за поселок в сторону деревни Мельники и Крапивники — постоянное царство партизан. Что немцы хотели, не понятно. О чем-то поговорили, папу и Антона отпустили, приказав сидеть дома и никуда не уходить. Придя домой папа велел нам быстро

одеться, и мы задворками пошли. Прятались в перелесках и ждали, пока между немецкими колоннами, идущими по шоссе, появится «окно». Дождались, перешли шоссейную дорогу. Из-за глубокого снега было очень тяжело идти. Дошли до хутора Городище (там жил папин знакомый лесник Гуж). У него мы прожили 2 недели. Немцев там не было — далеко от больших дорог.

Однажды к Гужу пришел знакомый, тоже лесник Кушнир Гриць (Кушнир Григорий) по прозвищу Телеграмма. Он всегда знал где и что случилось. Он был из затерявшейся среди озер (в районе около Шацка очень много озер) деревеньки Пульмо. Кушнир Гриць рассказал, что в их деревне пустует дом, в котором жил до войны то ли председатель колхоза, то ли просто коммунист, который с семьей в начале войны эвакуировался. Так мы перебрались в деревню Пульмо и там жили.

Снег держался до начала мая. В мае месяце в Пульмо издалека стали наведываться три немца, они приезжали на фургоне. Эти немецкие солдаты приезжали менять свои пайки на молоко, творог, картошку, сало, яйца. Взамен они предлагали соль, спички, сахарин, иголки, нитки. Иногда выставляли прямо на деревенской дороге пустой бидон и просили (уже не требовали) его до завтрашнего обеда наполнить молоком. Крестьянки сливали туда кто свежее, кто прокисшее молоко, кто и вовсе простоквашу. На следующий день немцы забирали свой бидон, да еще и хвалили: «О! У вас хорошая деревня, в Каменке нам столько не наливали». И так повадились каждую неделю приезжать. Однажды один из них — огромный мордоворот — пришел к нам со спичками, иголками и нитками. Мама ему сказала, что спички, иголки и нитки ей, конечно, нужны, но

взамен она может только погадать на картах. Она как раз раскладывала пасьянс. Немец сел. Мама разложила карты и рассказала ему, что он женат, что у него трое детей, домой вернется не скоро, что его ждет казенный дом, а потом добавила — плен. Немец расстроился, швырнул автомат на пол. Он сравнительно хорошо разговаривал на полу-польском-полу-русском языке. Стал говорить, что ему давно война осточертела, что Гитлер гад, что у него дома хозяйство.

В Германии не хватало рабочей силы и восполняли ее жителями оккупированной территории Украины и Белоруссии. Для этого по деревням и поселкам проезжали крытые брезентом грузовые машины, оттуда выскакивали вооруженные жандармы, вылавливали всех, кроме стариков и детей, грузили в машины (эти машины в народе прозвали «хапун») и отправляли в Германию на различные работы.

Примерно в конце мая — начале июня к нам в Пульмо приехал такой хапун и стали вылавливать мужчин. Пришли и к нам. Старшие братья Леня и Антон успели спрятаться на чердаке, а папа не успел и его забрали. Повезли их всех на фронт под Ковель (город, большой железнодорожный узел в 70 км от Шацка). В это время там шли сильные бои — два кольца окружения. Немцы городили там укрепления, им не хватало солдат заниматься этим, и они кинули туда гражданское население. Мама осталась одна с пятью детьми.

Во второй половине июля местные жители заметили, что по дороге к деревне движется группа немцев. Все тут же начали загонять коров и лошадей на болота, в кусты ивняка и крушины, поближе к озеру Пулемец. Группа немцев минировала дорогу, немного постреляла в нашу сторону, но на само болото они не полезли. Хорошо, что уже прошел

второй сенокос из сена можно было делать подстилку и там прятаться. Так мы и жили на болоте несколько дней.

24 июля 1944 года мы увидели вдали рассредоточенные группки солдат, бегущие на запад, но мундиры были не цвета сосновой хвои, как у немцев, а болотного цвета. Наши — мелькнуло в голове. Начался артобстрел. Снаряды пролетали над нами и взрывались далеко на западе в районе Бога. Что-то очень сильно горело. Когда мы стали выходить из болота, встретили группу наших солдат. Солдаты загорелые, вспотевшие, на нах выгоревшие гимнастерки, никаких скаток, фляг, противогазов, патронташей. Все налегке, хорошо перетянутые ремнем, у всех немного расстегнуты гимнастерки и за пазухой, сколько можно поместить, патроны. Я теперь сравниваю художественные фильмы о войне и то, что видел на самом деле.

Возвращались мы в Шацк по дороге. Впереди крестьянка гнала свою корову с болота, за ней шел Леня (старший брат), а потом мы всей семьей. Корова наступили на мину, громыхнул взрыв, коровы не стало, а Леню осколком ранило в бедро. Офицер, что шел впереди, приказал немедленно сойти с дороги и идти за ним. Пошел он уверенно и просто по берегу озера у самой кромки воды.

Так мы вернулись домой. Наконец-то прошло чувство постоянного страха. А вдруг «хапун» схватит, а вдруг партизаны убьют в нашем районе немца и начнутся расстрелы, а вдруг... а вдруг...

Вернулся папа. Они под Ковлем копали окопы. Так как папа сравнительно хорошо разговаривал по-немецки, он был вроде переводчика, и немцы за ним почти не следили. Когда наступил подходящий момент, он оттуда сбежал.

9 мая 1945 года я пришел в школу исключительно рано и пошел на спортплощадку. Баловался, кувыркался, лазил по

канату. Одноклассники удивлялись — я был положительным учеником. Учителя опоздали, а когда пришли, объявили, что закончилась война, что все пойдем на демонстрацию и уроков не будет. А одноклассники кричали: «А-а-а! Лебедев, ты знал, что война закончилась, поэтому так и баловался!!!»

Лидер Г.И.

Война и начало блокады

Я родился в Ленинграде в 1936 году. Наша семья жила на улице Слуцкого (ныне Таврическая) в доме 45.

Войну и начало блокады я встретил пятилетним ребенком, но тем не менее в моей детской памяти многое запечатлелось.

Мой отец Роберт Иванович Лидер ушел добровольцем на Ленинградский флот. Родной брат мамы Александр Васильевич Назаров также был на фронте (до этого участвовал в финской войне).

Для нас война началась звуками метронома из репродукторов-тарелок, плотными черными шторами на окнах, воем сирен и объявлениями по радио о начале воздушной тревоги или артобстреле.

Быстрые сборы, как правило, заранее заготовленных вещей — и мы бежим в бомбоубежище.

Все это обычно происходило в темное время суток, и, когда мы бежали в бомбоубежище, по небу уже скользили лучи прожекторов и слышен был завывающий гул немецких бомбардировщиков. Мы сразу различали звуки моторов наших и немецких самолетов. Однажды, когда мы бежали в бомбоубежище, я видел, как немецкий самолет попал в перекрытие трех прожекторов и по небу били наши зенитки.

Дом, где мы жили, был расположен через дорогу от главной водопроводной станции и через полторы остановки от Смольного. Эти два объекта представляли особый интерес для гитлеровской авиации; над ними были натянуты маскировочные сети.

За всю войну в район Главной водопроводной станции немцам удалось сбросить только одну бомбу, правда, весом в одну тонну. Попала она в наш комплекс жилых зданий и разнесла до фундамента два подъезда шестиэтажного дома — за две квартиры от нашей. Пленные немцы потом разбирали эти завалы. Восстанавливать было нечего, и на этом месте сделали газон.

При взрыве в соседнем бомбоубежище лопнули водопроводные трубы, заклинило и засыпало обломками кирпичей дверь, все кто там были — погибли. В нашем бомбоубежище трубы дали течь, двери заклинило, но мужчины смогли их открыть, и мы выбрались наружу.

Наступила зима, топить было нечем, небольшой запас дров подошёл к концу. Морозы были жестокие. В ход шло все, что могло гореть: мебель и то, что удавалось найти в развалинах. Спали все в одной комнате, в теплой одежде, есть нечего. Норма — 125 граммов хлеба с различными непищевыми добавками.

Маленький брат постоянно просил есть, мама едва держалась на ногах.

В феврале 1942 года умерла бабушка — Феодосия Степановна. Целый месяц она лежала в ледяной квартире, не могли ее похоронить. В этих коротких воспоминаниях невозможно описать все, что происходило, и все, что я помню.

Летом 1942 года семьи с маленькими детьми в обязательном порядке эвакуировали из города. Нас повезли в Новосибирскую область. Эвакуация производилась в плавсредствах через Ладожское озеро. Светило заходящее солнце, все находилось с вещами на палубе, и вдруг со стороны солнца появились немецкие самолеты. Караван бомбили и расстреливали из пулеметов. Нам повезло, мы выжили. На берегу уже было питание, жизнь в товарных вагонах... Через две недели фронт остался позади.

Что бы ни писали и ни говорили, как бы ни очерняли тот период, но даже в тех условиях город жил, и в нем поддерживался порядок, велся учет населения. В качестве примера со-

хранились данные о нашей эвакуации. Они были получены мной и братом уже в 1991 году.

В июне 1944 года, по вызову, мы вернулись в Ленинград, в свою квартиру, она была цела.

1 сентября 1944 года я пошёл в первый класс 157-й средней школы, которая и сейчас находится рядом со Смольным. По окончании войны моей матери вручили медаль «За оборону Ленинграда». Она участвовала в строительстве оборонительных сооружений.

Луговский А.А.

Немцы часто заходили в дом

Когда началась война, мне было три года и застала она меня в Белоруссии, под Могилёвом. Я помню, как на лошади какой-то мужчина скакал по улице и кричал «Война! Война!». На эти крики люди в деревне начали выходить на улицу. Немцев ещё не было, но люди понимали, что происходит.

Деревня была вся зелёная в садах. Рядом с нашим домом был дом моей родной бабушки. У неё было 6 дочерей и один сын. Они были люди безграмотные. Моя мама умела только расписываться. Это, конечно, отразилось на мне в будущем, когда я пошёл в школу — было трудно, мне никто не помогал. Более того, после войны не были ни чернил, ни бумаги.

У нас была оккупированная территория. Помню, как начали заходить машину. Люди, особенно молодёжь, стали прятаться. Наша деревня была проездной.

Мой отец перед тем, как уйти в партизаны, прорыл подкоп далеко в огород и засыпал сначала досками, а потом навозом, чтобы никто не лазил, и немец не смог обнаружить. Как только был налёт немцев, все бежали к нам и там прятались. Но я туда не лазил.

В нашем доме часто ночевали партизаны. А в доме бабушки после войны организовали 4 класса школы. А в других деревнях были старшие классы и в годы войны. Туда ходили.

Немцы часто заходили в дом. Моя мама придумала способ не давать им проходить в дом и обосноваться там. В нашей семье был грудной ребёнок. Мама умышленно не стирала пелёнки и обкладывала ими заход в дом. Немец заходил и говорил «русиш швайн», что в переводе означает «русская свинья». Они не выдерживали запаха, закрывали дверь и уходили.

А некоторые немцы были более человечные и даже приносили нам сахар.

Я помню, что у нас был огромный лес около деревни. Когда шли немецкие обозы, особенно продовольственные, были ожесточенные бои. Чаще всего обозы везли на телегах. Убивали, бывало, и лошадь, и людей. Лошадей рубили на

еду. В основном забирали партизаны, но что-то доставалось и местным жителям.

Мой отец был связан с МТС (Машинно-тракторная станция). И ему доставались запасы зерна. Мой отец попрятал зерно в уники деревянные и запрятал в болото. Три больших ящика там закопал. Когда война закончилась, и люди выживали, питаясь шишками, мы не голодали, так как откопали эти ящики. Пекли хлеб.

Однажды меня чуть не расстрелял русский партизан. Я очень ясно это помню. Это был уже конец войны. Была перестрелка. Немец был убит и валялась немецкая фуражка. Я, ребёнок, поднял фуражку и побежал играться по деревне. На меня уже наставил пистолет наш партизан: «Ах ты фашист». Я очень испугался. Но неожиданно появился командир и закричал: «Ты что, это же ребёнок! Он сын нашего партизана! Не смей стрелять!». Фуражку, конечно, изъяли, но все хорошо закончилось.

Одно событие мне запомнилось особенно. Матери пришло письмо о смерти отца. Я запомнил это очень хорошо. Она страшно плакала. Я понимал, что произошло. Понимал, что отца убили. Последнее, что я о нем помню, как он приезжал к нам во время войны с серьезным ранением. Ему предложили пойти в действующую армию и поехать в полевой госпиталь. Помню, как прощался с нами.

Я не помню сам День Победы, но в этот день всегда мама жутко плакала. Для неё это была совсем не победа.

После войны мы продолжали жить в деревне, а потом уехали из-за страшного голода, который там начался.

Луговская Н.И.

«Ты что делаешь? Там же малютки!»

Я родилась в 1941 году на Ленинградском проспекте через месяц после начала войны. Мы сразу же уехали под Наро-Фоминск. Там шли ожесточенные бои. Есть даже книга, посвящённая данным событиям: «Под Наро-Фоминском», автор: В.К. Соколов.

Мой бабушка много рассказывала мне о событиях тех времен (большинство изложенного в моем очерке написано именно на основании этих повествований), однако некоторые воспоминания остались со мной, несмотря на то, что я была совсем маленькой.

В нашем доме, как и в других, поселились немцы. Они были разные: и добрые и злые...и очень злые. Все женщины с детьми (их было очень много) — все мы сидели в подвале нашего дома, а немцы располагались на этажах. Хороший немец мог дать и шоколадку детям, а плохой немец все время хотел нас убить. Однажды немец взял гранату и уже был преисполнен решимости кинуть в нас — детей и наших матерей. Но неожиданно появился другой немец... добрый... и сказал: «Ты что делаешь? Там же малютки!». Все понимали, что происходит. У этого немца всегда с собой была фотография жены и маленького ребён-

ка. Он их показывал и говорил, что у него тоже есть ребёнок. Он один из немногих относился к нам по-доброму. Спасал нас.

...А вот остальные были просто звери. Однажды немцы попросили маму вывести корову со двора: она отказалась уводить животное. Тогда немцы выхватили меня из ее рук (я была ещё в пелёнках) и бросили в сугробы, а маму начали избивать плёткой. После ей некоторое время не давали ко мне подойти.

До начала войны бабушка и мама сделали заготовки того, чем можно было меня кормить (манка). Как только началась война, и пришли немцы, они тут же забрали все имеющиеся запасы. Кормить меня было нечем. Наша деревня ходила собирать жёлуди; их натирали и ели. Вот на этом мы, дети, и росли. Есть совершенно было нечего.

В 1943 году в нашей семье случилось страшное горе. Мамин младший брат и его друзья ходили ловить рыбу — глушили ее. В один из дней погиб самый младший брат мамы от разрыва снаряда. Она одна собиралась оставшиеся от него куски тела... Одна...

После этого события маму парализовало. Мама долго лежала, потом через год, вроде, отошла от этого состояния и наметились улучшения.

Однажды, вешая занавески, маме стало плохо, и она упала. Получила удар, от которого уже и не оправилась.

В одну из ночей маму приехали забирать в больницу. Я очень хорошо это запомнила, несмотря на то, что была очень маленькой. Я схватилась за ноги, плакала, кричала: «Мамочка, не уходи от нас, не уходи». Но ее увезли, и она умерла.

Я тогда ещё даже не ходила, хотя давно было пора. Военные события и страшный голод, по всей видимости, оказали серьёзное влияние на моё здоровье. Тело было не окрепшее.

Наступил день похорон мамы. Меня отнесли в другой дом, чтобы я не видела, как несут гроб мамы. Я отчетливо помню, как выползла из дома в тот момент, когда её несли провожать в последний путь. Эти страшные детские воспоминания навсегда остались в моем сознании. Такое невозможно забыть.

Папа дошёл до Польши. Работал шеф-поваром в Академии им. Фрунзе. Ездил в войну кормить наших военных в самые горячие точки, где шли самые страшные бои.

После смерти мамы я осталась с бабушкой и дедушкой. Они ко мне относились очень тепло. Они меня выхаживали. Это были особенные люди.

Закончилась война. Сам День Победы я не помню...

Отец вернулся с фронта, но моя бабушка не отдала меня отцу, который хотел меня забрать.

Лукашов В.В.

Размышляя о прошлом

В июне 1941 года мне было 5 с половиной лет. Я жил в Мурманске, в центре города. Рано утром в дверь нашей квартиры позвонили. Вбежала взволнованная соседка и крикнула, обращаясь к моей матери: «Фаля, война!»

Обе женщины были очень расстроены, стали о чём-то громко говорить.

Я проснулся и посмотрел в балконное окно. По проезжей части главной улицы (тогда она называлась проспектом Сталина) шёл поток людей, все двигались в направлении к вокзалу, в руках у них были небольшие чемоданчики, котомки, узелки. Мать объяснила мне, что люди идут на фронт. Мобилизация началась буквально в первые же часы после объявления войны.

Отца на фронт не призвали. У него была бронь. Он должен был ходить на рыболовных судах в море, чтобы добывать рыбу для страны. Но это было не безопасное дело. В море над нашими кораблями непрерывно летали немецкие самолёты, назойливый гул которых тревожил рыбаков. Однажды, вернувшись домой из рейса, отец рассказал, что они потопили немецкую подлодку. Их судно было на ходу, тащило трал. Вдруг неожиданно перед самым носом корабля вынырнула на поверхность немецкая подлодка. Наше судно с силой ударило её носовой частью в рубку. От полученного удара образовалась пробоина, и подлодка пошла ко дну. Я очень гордился своим отцом.

В Мурманске начались бомбёжки. Деревянные дома старой постройки вспыхивали как свечи, когда в них попадала бомба. Особенно сильно горели дома, расположенные наверху, в сопках. Город пылал в огне, дымился. В наш дом попало две бомбы. Одна угодила через окно в соседнюю квартиру на нашем, четвёртом этаже, пролетела вниз через третий и второй этажи и взорвалась в квартире на первом этаже. Вся семья погибла. Вторая бомба врезалась в землю, под фундамент нашего дома. Она, к счастью, не взорвалась

и, как потом оказалось, пролежала в земле много лет. Её нашли совсем недавно при проведении земляных работ около подъезда нашего дома и тут же обезвредили.

В городе постоянно объявляли воздушную тревогу. Мы прятались в бомбоубежище, которое находилось в подвале нашего дома. Туда мы спускались по несколько раз в день.

По радио звучали военные песни. Особенно часто звучала песня, в которой были такие слова:

«Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идёт война народная,
Священная война».

Тем временем бомбардировки усилились. Город горел. Жизнь превратилась в кромешный ад. Оставаться в городе стало опасно. И нас отправили в эвакуацию в Архангельск. Помню, мы ехали на поезде. Было много народу с маленькими детьми на руках, В поезде — тесно, душно. Дети плакали и кричали, очень хотелось есть.

В Архангельске нас поселили на окраине города в деревянном бараке, длинном одноэтажном доме чёрного цвета. Нам выделили небольшую комнату площадью около 15 кв. метров. В ней разместились моя мама с двумя маленькими детьми, её родная сестра тоже с двумя малолетними детьми и мамина младшая сестра, ей было немногим больше двадцати лет — всего семь человек.

Помню, в комнате было холодно, дров для отопления не хватало. Иногда мы забирались на лежанку, чтобы хоть как-то отогреться.

С едой было, мягко говоря, очень плохо. Мать приносила немного картошки, которую с трудом доставала в городе. Мы ели её с кожурой, как бы теперь сказали «в мундире». Но чаще приходилось есть жмыхи, шелуху от семян подсолнуха, спрессованную в плиты — корм, который в мирное время дают коровам.

Однажды матери сообщили, что отец послал с моря бутылку рыбьего жира на попутном судне, которое шло в Архангельск. Мать с нетерпением ждала рыбий жир. Ведь тогда она сможет пожарить на нём картошки для детей. Но когда ей передали бутылку, и она открыла её, оказалось, что вместо рыбьего жира в бутылке вода. Вся в слезах, через весь город, на трамвае она отправилась к той женщине, которая принесла бутылку. Та призналась, что рыбий жир взяла себе. Мать стала плакать, умолять, чтобы та отдала ей украденное, чуть ли не встала перед ней на колени: «Ведь у меня дети, они просят есть». Тогда женщина «сжалилась» и отлила ей немного жира в маленькую баночку, а остальное забрала себе. К сожалению, такое в войну случалось. Голод толкал людей на неприглядные поступки.

Однажды младшая сестра мамы вышла из дому, да так и не вернулась обратно. От сильного истощения и перенесённых потрясений у неё случился сердечный приступ, и она умерла прямо на улице. Мне было очень жаль свою тётю.

В Архангельске начались бомбёжки. Однажды бомба попала в сахарный завод. Баки с патокой вылетели на улицу, их содержимое разлилось. Помню, как по трамвайным путям и рельсам текла густая сладкая жидкость. Тут же сбежа-

лись люди, с ложками, мисками, кружками, стали собирать эту тягучую липкую массу прямо с земли, с грязью и пылью. Некоторые тут же давали её детям.

Во время войны я пошёл в школу, в первый класс. Однажды прихожу к тому месту, где находилась школа, а её уже нет. На улице валяются глобусы, детские книжки, тетради, разбитые парты. В школу попала бомба, и я не смог дальше учиться.

Как-то мы все вместе сидели дома, объявили воздушную тревогу, и вдруг наш дом сильно затрясло, и он как будто приподнялся от земли в воздух. Когда закончилась воздушная тревога и мы вышли на улицу, то увидели у самого крыльца нашего дома большое серое перо, торчащее из земли. Оказалось, что это хвост немецкой бомбы, начинённой песком. Мы чудом уцелели.

После войны я вернулся в Мурманск. В нашей квартире во время войны жил мамин младший брат. И как же я обрадовался, когда, войдя на кухню, увидел, что за дверью на полу стоит моя любимая красная педальная машина, которую отец купил мне ещё до войны. Я был счастлив.

Таковы мои детские воспоминания о войне. С тех пор прошло много лет, но я хорошо помню всё пережитое, как будто это было вчера.

В наше время на Западе часто пишут и говорят о том, что у нас в стране не соблюдаются права человека. Но какими правами человека руководствовались они, эти люди с Запада, когда пришли к нам, на нашу территорию, чтобы мучить и убивать людей и жечь их жилища?

Об этом нам не забыть никогда!

Лукашова Е.А.

Об этом не забыть никогда

Я родилась в декабре 1936 года. К моменту начала войны мне было 4 с половиной года. Помню летний солнечный день. Утро. Все взрослые чем-то встревожены, возбуждены, взбудоражены. Всё вокруг меня пришло в какое-то движение, засуетилось, закружилось. В воздухе витает беспокойство. Лишь годы спустя, вспоминая об этом, я поняла, что это был день начала войны. Это было одно из моих первых детских воспоминаний.

В нашей семье в первые дни войны на фронт ушли пять человек: отец, три маминых брата и мамина сестра. Забегая вперёд, отмечу, что вернулись домой только трое. Один брат, мой дядя, пропал без вести. И мы до сих пор ничего не знаем о нём, хотя писали запросы во все инстанции. Ему было 22 года. Второй мамин брат умер в военном госпитале после тяжёлых ранений, полученных на фронте. Ему было 20 лет. Третий попал в плен, был увезён в Германию, а после войны испытал на себе все негативные последствия этого события.

Всю войну я провела в городе Вытегре Ленинградской, ныне Вологодской области. Немцы стояли на подступах к городу, всего лишь на расстоянии каких-то 50–60 километров.

Подойти ближе и взять город они не смогли из-за плохих дорог, ведь в этих местах они были в рытвинах и ямах. Даже в мирное время пассажирский автобус шёл по этой дороге со скоростью 25 км в час. Во время весенней распутицы автобусы иногда застревали в пути, и пассажиры ночевали посреди болота. Вот эта дорога и сослужила добрую службу во время войны.

Над городом летали немецкие самолёты. До сих пор помню слова диктора, которые раздавались из радиорепродуктора (это был чёрный круг в виде плоского зонтика, висевшего на стене всегда включённым): «Граждане! Воздушная тревога. Воздушная тревога». Мы, дети (а нас у матери было трое: четыре с половиной-три-полтора года), конечно, не понимали до конца значения этих слов и нависшей опасности. Но нам было страшно, и мы забирались под кровать. Через некоторое время тот же голос объявлял: «Конец воздушной тревоги. Граждане! Конец воздушной тревоги».

Окна домов в городе были заклеены узкими полосками из газетной бумаги. Вечером не разрешалось включать свет, вернее, зажигать свет, так как электричества в домах тогда не было, и мы пользовались керосиновыми лампами.

Однажды я услышала сильный грохот, доносившийся из центра города, и душераздирающие крики. Оказалось, что немцы сбросили бомбу на одно из зданий. Но, к счастью, немец, видимо, не умел стрелять, и бомба попала в угол кирпичного дома. Он, конечно, обвалился.

В другой раз жители города наблюдали за воздушным боем неподалёку от города, над лесом. Наш самолёт задымился и упал на землю. Лётчик, конечно, погиб. Жители города приходили потом на это место и ещё долго находили там обломки нашего самолёта.

Нас готовили к эвакуации. Мать собирала скромные пожитки и связывала их в небольшие узлы. Она собрала также все фотографии отца, чтобы спрятать их. Ведь если придут немцы и увидят, что это семья офицера, который воюет на фронте, они расстреляют всех нас. Но в спешке, а, может быть, и в состоянии стресса, она спрятала фотографии так далеко, что потом не могла их найти до конца своей жизни.

Во время войны в городе был голод. Люди пухли от недоедания, ели картофельные очистки, крапиву. Были случаи, что отстреливали ворон и использовали их в пищу. А ведь это птица, которая питается падалью. Хлеб выдавали по карточкам. Хлебная карточка была самой большой ценностью. И не дай бог потерять её! Но могли её и украсть, вытащив из кармана или сумки. Так случилось с одной из наших соседок. До сих пор помню её слёзы. Вместо чая пили отвар Иван-чая, горьковатый напиток с привкусом сена.

Но нашу семью спасли огород и козы. Дед, отец матери, потомственный ярославский крестьянин, в своё время сбежавший из деревни, чтобы закончить Лесную школу в Москве, вёл огород со знанием дела и, можно сказать, по науке. В огороде у него был полный порядок, но и трудился он с раннего утра до позднего вечера. Дедушка выращивал картофель, капусту, свёклу, огурцы, знал, как получить семена этих культур, так как семян в продаже в войну не было. Урожай картошки он распределял таким образом, чтобы её хватило на весь год, и чтобы остался посадочный материал на весну. Каждая картофелина была на счету. Люди нередко съедали семенной картофель, не выдержав голода, и в таком случае они оставались без урожая на следующий год. На зиму мы солили капусту, огурцы. Но соль была в большом дефиците, буквально на вес золота. И её, конечно, не хватало.

Самым большим лакомством для нас, детей, была тёртая сахарная свёкла, выпаренная в русской печи вперемешку с клюквой в небольших чугунках. Дед сажал для нас горох, который тоже считался деликатесом.

О сладостях, конечно, не могло быть и речи. И что такое «джем» (а это непонятное для меня слово я услышала как-то от взрослых), я узнала лишь много лет спустя.

Козье молоко, конечно, тоже выручало. У нас было три козы. Летом их выгоняли на выпас в лес, взрослые заготовляли им корм на зиму. Мест для сенокоса нам не выделяли, поэтому сена для них не было. Взрослые приносили на себе из леса огромные ноши берёзовых веток. Потом плели из них веники, сушили их и складывали в сарай. За лето нужно было заготовить несколько сотен таких веников.

Мы, дети, страдали от малокровия. Страдали и взрослые. Мать, молодая женщина, родившая трёх детей, весила всего лишь 38 кг. До сих пор помню её «стройный» силуэт, когда она выходила из дома и по узеньким деревянным мосточкам шла в направлении к центру города, а мы, дети, смотрели ей вслед.

О детских игрушках мы не имели и понятия. Дед брал полено (а у нас в доме было печное отопление), немного строгал его, рисовал древесным углём на верхней части полена нечто наподобие лица (по принципу «точка-точка, запятая, минус, рожица кривая»), и это была для нас кукла. Таких «кукол» у нас было три, каждой по кукле.

Во время войны катастрофически недоставало жизненно важных лекарств. Младшая сестра заболела воспалением лёгких. У неё поднялась температур, нарастал жар. Положение казалось безвыходным. Мать зимой по снегу пошла в лес, отыскала место, где, как она помнила, летом росла

малина и откопала из-под снега несколько веток. Дома она приготовила настой из малиновых веточек и этим спасла ребёнка.

Жители города принимали посильное участие в помощи фронту. Они выходили рыть окопы, стирали солдатское бельё, нередко пропитанное кровью. Помню, как мать за неимением мыла кипятила это бельё в больших вёдрах.

Хорошо помню день окончания войны. Мне к тому времени уже исполнилось 8 лет, и я заканчивала первый класс. Народ ликовал, из репродукторов звучала музыка. Я даже сочинила стихотворение, единственный раз в своей жизни. Там были такие слова: «Победа! И радость, и солнце, и луч золотой! Салюты гремят над столицей Москвой».

Вскоре после войны в магазинах появился коммерческий хлеб. Помню, как мать принесла домой буханку чёрного хлеба, предварительно отстояв в очереди полдня, и мы впервые досыта наелись хлеба, посыпав его солью.

Потом в нашем городе появились пленные немцы. Они работали на строительстве водоканала для Мариинской системы. Их водили на работу строем. Они имели бледный вид. И мы, дети, по глупости и наивности, а, может быть, и из жалости, отдавали им свои завтраки — кусочки хлеба, которые брали с собой в школу.

Со дня окончания войны прошло очень много лет, но забыть о ней невозможно. Война оставила глубокий след в душах и памяти всех, кто её пережил. Размышляя о прошлом, мысленно благодаришь тех, кто защищал страну и всех нас в годы войны, не щадя своей жизни. Благодаришь также своих близких и родных, кто заботился о нас, не покладая рук, и уберёг нас в те тяжёлые годы.

Макаров Л.А.

Мы в эвакуации.

На родине отца

Как давно это было и как долго и постоянно живут в памяти воспоминания о грозных и тяжких, пугающих годах войны, особенно первых годах, испытаниях, которые выпали на долю мирного населения, не в последнюю очередь на долю молодых матерей (моя мама стала вдовой в 26 лет) и детей, родившихся до войны и по-своему сохранивших в душе шрамы того времени.

Сохранение этой памяти для потомков — наш долг перед ушедшим поколением бойцов и тружеников! Вечная, славная и благодарная им память!

Написанное мною — не агитка, а выстраданное годами постижение того, что происходило в то время на фронте и что стало дозированно появляться в архивах и в открытом доступе. Это позволило по крупицам восстановить последний путь дивизии и полка, в котором воевал и погиб папа, установить приблизительно место и время его гибели.

Приведу распечатку только одного документа из архива Министерства обороны:

«Военному Совету 48 армии.

Начдивы 70 и 237. 16 часов, 16.08 Карта 100.00

Части 70 и 237 СД окружены и ведут в течение 2-х суток упорный бой с превосходящими силами пр-ка. Производимые контратаки успеха не имеют.

Численный состав полков доходит до 300–500 чел.

Мало автоматического оружия, огнеприпасы на исходе, арт. выстрелов и мин — нет.

Нет продовольствия. Тылы отрезаны. Нет горючего.

К 16.30 части дерутся в районе Нов. Теребони, Остров, отм. 49,9 ск.дв. отм.50,9.

Просим немедленно сообщить линию фронта армии и наиболее слабые места про-ка, и помочь выходу из окружения контрударом с направления Жестяного городка — Мойка сегодня с началом темноты.

Если не будет оказана помощь, погибнет оставшаяся матчасть и люди.

Командир 70 СД подпись (Федюнин — ?)

Командир 237 СД подпись (Тишинский-?)

Военком 70СД подпись (Галстян-?)

Военком 237 СД подпись (Давидович-?)

Исх. № 259–260

16.8.41 17.00»

Агония дивизий; непривычная, коллективная, форма доклада, без надежды на помощь. На первый план в конце обращения поставлена забота о «матчасти», а потом уже о «людях» (чтобы отвести подозрения о панике).

В эвакуации

Уже давно мысленно — в воспоминаниях и виртуально, с помощью интернета — путешествую по местам, где провел свое детство, которое выпало на годы войны. Это деревня Никоновская и село Антушево Белозерского района Вологодской области — малая родина моего отца, куда мы с мамой приехали в эвакуацию и прожили там до окончания войны.

В начале июля 1941 года меня привезли в Никоновскую, где какое-то время жил в доме у моего дяди — папиного брата. С неизбежной для возраста любознательностью стал обследовать окружающее пространство. Забравшись однажды на чердак, с удивлением, смешанным с испугом, обнаружил там две домовины (так, кажется, это называлось тогда) — два, заранее заготовленных дядей гроба, выстроганных из целых стволов деревьев — для себя и жены (как у староверов?). Полагаю, что это была давняя и вынужденная традиция — не обременять семью расходами и хлопотами, ибо плотников, да и доски на такие случаи не везде и найти можно было.

Приезд в деревню для меня, городского мальчишки, открывал новый, незнакомый, в чем-то тревожный мир, в который надо было войти, чтобы стать хоть как-то своим, не чуждым ему. А это было нелегко, поскольку как жизнь, в мальчишеском понимании, так и окружение — во всем, не только сверстники — резко поменялись. Ко всем прочим трудностям это была немалая нагрузка. Но были и радости, которые можно найти в любой трудный период жизни. Рядом с деревней — озеро. Да еще какое! Там мы, ребятишки, пропадали в хорошую погоду с утра до вечера, соревнуясь друг с другом, кто больше раз выкупается (купались до посинения).

А походы в лес за ягодами или грибами! Идешь по лесу — жарко, хочется пить. Найдешь в заброшенной колее лужицу с дождевой водой, бросишь в нее шапку и, когда она наполнится «отфильтрованной» водой, напьешься. И никаких тебе инфекций! В теплое время года мы, ребятишки, ходили всегда босиком (тоже ведь закалка организма). По траве и по дороге, а если она еще и покрыта толстым слоем пыли, ходить было легко и приятно. Хождение по лужам и мокрой грязи было «интересным», хотя после этого кожа на ногах начинала шелушиться. Но вот ходить по жнивью было для меня пыткой, равной, наверное, хождению по гвоздям, забитым в доску. И мне было завидно, что у местных ребятишек кожа ступней задубевала сызмальства и не чувствовала уколов срезанных стеблей пшеницы или ржи.

Помнится, как мы, мальчишки, добывали огонь (спичек-то ведь не было в годы войны!). Было два способа (не считая того, когда тлеющие угли брались из костра или русской печи). Первый способ, наиболее известный среди детей — это добыча огня с помощью увеличительного стекла. Так можно было зажигать паклю или сухой мох, а также выжигать свои имена и «прочее» на дереве. Второй способ был более первобытный. Из пакли или сухого мха (лучше всего подходила вата, но ее можно было только выковырять из какой-нибудь старой одежды) делался толстый жгут, на него сверху накладывался кусок кремнистого камня, по краю которого нужно было множество раз ударять сверху вниз «кресалом», сделанным нами из куска старого широкого, плоского напильника. Это кресало выбивало из кремня искры, которые, попадая на паклю, со временем могли образовать на ней тление. Его надо было раздуть и от него уже за-

жечь бересту или сухую траву, чтобы развести потом костер. Сейчас этого не нужно делать, и ребятишкам в деревнях это занятие уже, наверно, незнакомо.

А еще была игра в кости. Когда хозяйки варили и «разбирали» мясо для студня, появлялось множество костей, которые мы, после обсасывания их, собирали. Отбирались особые, небольшие кости (по-моему, «бабки»), которые можно было бросать в игре, меняться ими друг с другом. Они были у нас своего рода «валютой».

Но ничто не могло сравниться для нас, мальчишек, с рыбалкой, пусть примитивной (из-за отсутствия снастей: мы сами делали крючки из проволоки, вместо лески использовались конский волос, нитки, тонкие веревочки, не помню, из чего делались поплавки). Помню необычный способ ловли маленьких щурят. Недалеко от школы протекала небольшая речушка, которая впадала в озеро. Надо было потихонечку подойти, а лучше подползти к краю речки и высмотреть стоящего на стремнине щуренка. Затем сорвать длинную, круглую травинку, на конце которой был «хохолок» семян (не знаю названия этой травки). Сорвав этот хохолок, надо было на тонком конце травинки сделать петлю, которая бы скользила по травинке и позволяла зажать жертву. И вот, увидев щуренка, ты осторожно, чтобы его не спугнуть, заводишь с его хвоста травинку с петелькой и, когда она оказывается у его жабр, дергаешь травинку на себя. Если тебе повезло, если петелька не распустилась и не порвалась, то ты становился обладателем маленького щуренка, которого мы тут же отпускали в реку. Где еще можно было увидеть такое?

А зимой мы с ребятами ходили на озеро на подледный лов рыбы. Рыбалкой я тогда еще вообще не занимался по

возрасту, а тут такое диво! Как проходил такой лов рыбы? Старшие ребята находили старую втулку от тележного колеса, без спиц. В одно из отверстий во втулке, где до этого крепились спицы, вставлялась длинная палка. Этот молот взваливался на плечи, и вся ватага, прихватив с собой топор, шла на лед, который был еще тонок, прозрачен, не занесен снегом и местами «ходил» у нас под ногами. Наша задача была найти (увидеть) крупную рыбу подо льдом (она подходила к берегу в поисках лунок, чтобы получить кислород), тихонько подкрасться к ней и ударить по льду в том месте, где та «стояла». После удара рыба на какое-то время оказывалась оглушенной и не двигалась с места. И вот тут-то надо было быстро вырубить лунку и достать рыбу. Как такое могло забыться!

А прилет снегирей?! Дух захватывало от красот природы! Идешь вечером по деревне: луна светит ярко, чистый снег в ее свете серебрится, на морозе поскрипывает под ногами. Кругом оглушительная тишина. Из печных труб, при безветрии, столбом поднимаются дымкИ.

Иней и лед на замерзших вторых (зимних) рамах, дававший возможность рисовать ногтем различные узоры, соревнуясь в фантазиях с природой. Первые «лыжи» — что они собой представляли? Дядя выстрогал из березы две небольшие досочки, с одного конца их сделал заострения, загнул немного эти концы, предварительно распарив в горячей воде. У кузнеца (он работал тогда в деревне) сделали четыре гвоздя, которыми прикрепили к лыжам ремешки из свиной кожи. Эти ремешки потом часто отваливались, и нередко при спуске с горок мне приходилось приземляться разновременно с лыжами, которые в полете сваливались с ног.

Лыжи скользили по снегу не только вперед, но и в бок, поскольку направляющих бороздок снизу лыж не было. Мне было досадно, что мои лыжи не оставляют за собой такой же след, как настоящие, и я вырезал ножом на заднике лыж небольшие углубления. Но это не помогло: ни скольжение лучше не стало, ни вид следов.

Как выглядели тогда коньки? Что это такое было в то время? Настоящих коньков не было, и мы делали коньки из двух поленьев: выстругивали топором и ножом две «чушки», похожие на чугунные утюги. По горбылю протягивали толстую проволоку, на которой потом пытались скользить по льду. А плоской стороной коньки крепились веревками к валенкам, деформируя их.

Какой вид открывался на окрестности из деревни! Дом дяди стоял на пригорке, на краю селения. Отсюда было видно озеро Лозское, простиравшееся вокруг на большое расстояние. С пригорка вниз сбегала дорожка к проселочной дороге (Белозерск — Череповец) и далее — к озеру. Напротив деревни, посредине озера, на острове стояла полуразрушенная церковь, в которой, как я узнал в начале 2000-х годов, крестили папу.

В доме было множество рыбацких снастей: сети, мережи, челноки для ремонта сетей, пешни для рубки лунок во льду. Тут же — широкие лыжи, на которых он ходил без лыжных палок на рыбалку и на охоту (снизу они были обиты шкурой с ворсом, поэтому «отдачи назад» не было). Дядя круглый год занимался ловлей рыбы, так что свежая рыба в доме появлялась в виде ухи (с печенью налима) и крытых пирогов из ржаной муки с рыбой. Рыба рыбой, а мне нравились больше соленые корочки таких пирогов.

Помню еще рогульки (открытые блины) с картофельным пюре или с кашей (пшенной?), сочни (пресные, подсушенные и тонкие лепешки) с растительным маслом. «Чай» из самовара, когда кипяченая вода слегка подкрашивалась топленым молоком или сушеной морковью.

Вспоминаются «шаньги», «шанежки». Приготовлялись они так: гороховую муку взбивали со свежим и чистым снегом мутовкой, которую делали из верхушки молодой елки: ствол очищали, оставляя на одном конце часть веток, чем их было больше, тем удобнее взбивать тесто. Жарили на постном масле и ели горячими, потому что холодными они были невкусные.

Русская печь, ухваты, горшки, заслонки. Таинство приготовления пищи в такой печи, в которой еще хозяева раньше и мылись! За стол садились все вместе. Ели деревянными ложками из общей миски. Причем первым начинал всегда хозяин. Потом — остальные.

А походы в баню! Несколько женщин топили баню, а потом все вместе, с детьми, мылись одновременно при свете лучины (это тоже была одна из новинок моей жизни) или какой-то сальной коптилки. Мылись щелочной водой (зола, разведенная в воде). Для мытья пола в избе из бани брали дресву (растрескавшиеся камни, после того, как их (нагретые) опускали в воду для ее разогрева), она рассыпалась по полу и затем пол терся голиком — веником без листьев — до белизны! И как потом пах свежевымытый пол! Столешницу скребли ножами. Она тоже становилась, как новая.

Несмотря на трудное время, жизнь в деревне в то время не была такой убогой, как ее пытаются представить сейчас некоторые. Да, было тяжело, тяжело всем — и жителям деревень, и эвакуированным. Как работали, трудно сейчас во-

образить! Когда говорят и пишут, что пахали не только на коровах, но и «на женщинах» — это не выдумка. Но! При этом я помню, у дяди были корова, овцы, куры, свой огород. У нашей хозяйки в Антушево, куда мы позже переселились, были корова и козы. (В мои обязанности входило встречать стадо. Как же доводили меня непослушные игривые козы, не желавшие идти домой! Необычно было видеть в зимнее время народившихся козлят в избе — там, где жил и ты).

Никогда не забуду мою первую поездку на коне. У дяди была старая колхозная лошадь, на которой он возил молоко на молокозавод, а оттуда привозил обрат — остаточный продукт от производства творога и масла. Это была добавка к скромному рациону. И вот однажды дядя доверил мне отогнать лошадь не то в конюшню, не то на пастбище. Усадил меня на нее (естественно, без седла) и отправил в путь. Забот у меня при этом было немного. Главное — не свалиться, а дорогу лошадь знала отлично сама. По пути нам попался небольшой водоем, возможно, пруд, и тут лошадь захотела попить, спустилась к воде, нагнув шею, и я покатился по ней к ее голове, хватаясь за гриву и упираясь ногами ей в уши. Удержаться-то я смог, лошадь, видимо, воспринимала меня как что-то постороннее, и я ей не мешал. Эта поездка запомнилась мне ощущением напряжения от возникшего испуга.

Все военное и послевоенное время меня неотступно сопровождало желание поесть хоть что-нибудь, чтобы утолить голод. Весной 1942 года, когда земля немного оттаяла, мы ходили с ребятами по полям и собирали оставшиеся картофелины, представлявшие из себя студенистую массу, из которой хозяйки пекли с добавками костной муки сладковатые лепешки фиолетового цвета.

Когда наступало лето, становилось сытнее: мы ели клевер, плоды черемухи (что было потом со ртами!), появлялись ягоды, поспевал турнепс, морковь, брюква, репа, картошка. Выдернешь морковку или турнепс, оботрешь их о траву и ешь. Никаких инфекций и никакой тебе гигиены! А печеная на костре картошка?! Что может с этим сравниться, и не только в детстве, но и в зрелые годы, если тебе довелось этого отведать когда-то! Лакомством для нас была полусушёная-полувяленая свекла. Сырую свеклу нарезали ломтиками и выкладывали на крышки чугунов, которые ставили в печь. Вместо нынешней жвачки жевали смолу.

Из быта того времени вспомнились прялки. По вечерам, зимой, женщины собирались «под лучину» поговорить в чьей-нибудь избе. Там всегда находилась прялка. На ней крепился пучок чесаного льна. Левой рукой хозяйка выдергивала льняные пряди, скручивая их пальцами, а правой вертела веретено, на которое наматывалась уже скрученная нитка.

Помню, как «гладили» белье. Зимой его сушили на морозе. Потом заносили в избу и через некоторое время, намотав на круглую палку, «проглаживали» его овально выгнутой доской с крупными зубьями с одной стороны. Этой выгнутой доской белье каталось по столу, принимая слегка «разглаженный» вид.

Деревня познакомила со многими, незнакомыми мне до тех пор сторонами сельского быта: узнал, как запрягать лошадь, что такое хомут, как косят траву и жнут, как боронят землю, как топят русскую печь, что такое лежанка, полати (широкие доски, крепившиеся к стене, на которых спали). Пришлось осваивать местные диалектальные слова и выражения.

Сейчас уже почти все забыл, помню только казавшееся красивым слово «баско» (красиво), а также многозначное,

вводимое в речь слово «дивья»: «Дивья тебе.....», означающее в данном случае «хорошо (легко) тебе говорить».

Помню, что до нас доносилась в начале войны далекая и грозная канонада, тревожившая взрослых и казавшаяся нам, ребятам, раскатами отдаленного грома. Недавно я по карте нашел места, до которых доходил фронт близ наших мест. Оказалось, что по прямой было 250–300 километров. Совсем недалеко. Рядом с деревней новобранцев в 1941–1942 годах учили в овраге стрелять из винтовок. (Что они могли освоить за короткое время?!) Такое дело не могло обойтись без нас, ребятишек. Нас, конечно, оттоняли подальше, но в итоге мы без трофеев, в данном случае закопченных гильз, не оставались.

Много ли осталось в живых из этих необстрелянных новобранцев?

В конце июля 1941 года ко мне приехала мама, с рюкзаком за спиной и с небольшим, спешно собранным чемоданчиком в руках. Папа заставил ее поехать, чтобы «не оставлять сына одного». Какие уж тут вещи могли быть мамой вывезены! Но и они пригодились для того, чтобы менять их в первое время на продукты (вышитое еще бабушкой домотканое полотенце и еще пара каких-то подобных вещей, захваченных впопыхах, скорее для памяти). Вовремя мама уехала — вскоре выезд из Ленинграда был закрыт.

Летом 1942 года в нашу деревню забрела цыганка и ходила по домам, гадая. Кто тогда не хотел себя чем-то утешить! И вот мама попросила меня позвать в нашу избу эту цыганку. Когда я шел с ней, она меня спросила: а как звать твоего папу? И затем уже в «пророческом» разговоре с мамой говорила о том, что «твой Алексей» жив и вернется домой. После

того, как цыганка ушла, мама, заподозрив неладное, спросила меня, не расспрашивала ли меня о чем-нибудь цыганка. После моего признания мама больше никогда не позволяла себя обманываться подобными «предсказаниями».

У дяди мы прожили недолго (у него собралось много «народа» — 9 человек в одном помещении), и, пожив короткое время у одной посторонней и одинокой женщины в той же деревне, мы перебрались в Антушево. Было это в конце 1942 года. В Антушево начала работать пошивочная мастерская, куда и устроилась работать мама, портниха по специальности. Поселились мы в доме у Марии Кирилловны (к сожалению, забыл ее фамилию), напротив отделения связи. Разные в то время были люди! Кто-то бескорыстно, в меру возможности, готов был помочь нам, эвакуированным. Таким человеком была Мария Кирилловна. Светлая ей память!

А были и такие, кто смотрел на эвакуированных с подобием затаенного злорадства: «Пожили до этого в городах хорошо, почувствуйте теперь, как нам живется!»

Мы переехали в Антушево еще и потому, что мне пора было начинать учиться, а ходить из Никоновской в Антушево, в школу, было не в чем. Поэтому в школу я пошел с запозданием и не с первого сентября, а с третьей четверти 1942–1943 учебного года (помогли подтянуться учителя, ленинградки, эвакуированные). Школа располагалась в просторном деревянном доме. В классе стояли, по-моему, три ряда парт. Первый ряд — первый класс, второй ряд — второй класс, третий ряд — третий. Занятия проводились для трех классов одновременно. Так, кажется, было. Тетрадей не было. Писали на разных книгах, в местах, где были чистые пропуски: картинки, чертежи, поля. Что-то писали на бере-

сте. Зимой в помещении было холодно — сидели, кто в чем приходил. Мерзли руки.

За годы войны мне пришлось, кажется, только однажды быть в Белозерске, вынужденно. У меня разболелся зуб, надо было его удалять, вот и отправились мы с мамой на экзекуцию. Натерпелся я тогда и страху, и боли. Анестезии и других премудростей, призванных облегчить жизнь человеку, не было.

Вскоре после переезда в Антушево, в нашей детской компании произошел несчастный случай, который и сейчас стоит у меня перед глазами. Среди нас была очаровательная городская девочка (тоже эвакуированная). И мы всей ватагой, движимые интересом к технике, забрели как-то в какой-то амбар или гумно, где стояла машина (станок?), в которой мяли лен. Кто-то стал вертеть ручку, кто-то подсовывал в машину лен. И вот эта девочка, взяв пучок льна, слишком глубоко сунула в станок свою ручонку, которая попала между зубьев валиков станка. Страшно это было! Хотя и не помню, насколько серьезно ее ручка пострадала. Такие случаи в детстве запоминаются на всю жизнь.

Как и положено в детстве, мальчишки из разных деревень «воевали» друг с другом, но до серьезных драк дело не доходило. Ребята из Антушево часто играли в войну в полуразрушенной церкви. С этой церковью в памяти сохранился такой случай. Летом, возможно, 1943 года через Антушево проходил какой-то небольшой отряд красноармейцев. В деревне они заночевали, вероятно «подогрелись» самогоном и стали стрелять из винтовок по кресту на храме. Не припомню, чтобы кто-то из взрослых против этого богохульства протестовал. После того, как отряд ушел, председатель

колхоза долго обходил дома, где были дети, и собирал боевые патроны, которые раздали ребятам загулявшие солдаты.

В Антушево наша жизнь, как это бывает, особенно, в раннем возрасте, была не лишена своих маленьких радостей и проходила по своим детским законам. Вспоминается, как встречали сочельник. Вечером ребятишки одевались кто во что горазд. Причем, стремились одеться так, чтобы выглядеть необычно, казаться «пострашнее»: одежду выворачивали на левую сторону, одевали на голову старые женские платки, лица вымазывали сажей. И такими ряженными ходили по домам. Подойдем к какому-нибудь дому и хором начинаем петь колядки: «коляда, ко-ляда!..», а дальше — не помню (кажется, «убирайся со двора...»). По давней православной традиции хозяйки, как правило, чем-нибудь одаривали нас: кто картофелину даст, кто кусочек хлебца, кто сухарик. Так, за вечер мы «зарабатывали» себе угощение. Весело провожали зиму на Масленицу: ребята постарше выкатывали на горушку сани, и мы всей ватагой разгоняли их и на ходу запрыгивали. Сани, как нам тогда казалось, «бешено» мчались под горку, где утыкались в сугроб, а мы кубарем летели в снег. Как было весело в такие минуты! И беззаботно.

Осенью, под какой-то праздник на деревне, по-моему, коллективно, варили пиво. Брали зерно (ячмень?), запаривали его кипятком и укладывали в холщевой тряпке на русскую печь, следя за тем, чтобы зерно постоянно было влажным. От долгого подогрева зерно набухало и распространяло по избе сладковато-пряный даже не запах, а дух, от которого, кажется, немного кружилась голова. Конечно, ребятишки не упускали случай тайком попробовать это парево. Затем из распаренного зерна варили сусло — густой и сладкий си-

роп темно-коричневого цвета, на котором готовили пиво (по-моему, заливали горячей водой, добавив хмель, а потом настаивали). Готовое пиво выливали в бочонок, дно которого было устлано соломой, которая потом служила фильтром, а краном была «затычка». Пиво это, если не ошибаюсь, не было крепким, поскольку нам тоже давали его попробовать (или давали пробовать сусло?).

По выходным и праздникам, когда наступали сумерки, молодые ребята (вероятно, под хмельком) гуртом, под неумелые переборы гармошки, ходили взад-вперед по главной «улице» (она же проселочная дорога) и распевали, точнее, громко, отрывисто, рубя слова, выкрикивали, слова частушек, многие из которых содержали ненормативную лексику. Это был для них один из основных видов отдыха в то время.

В правлении колхоза, по вечерам, кажется, раз в неделю устраивалось кино: из Белозерска приезжала кинопередвижка. Старшим ребятам доверялось крутить динамо-машину для выработки тока.

Часто в правлении собирались на сходки женщины: поговорить. Были ли танцы, не помню. (Один раз я вынужденно оказался на такой сходке: хозяйка рано закрыла печку, я угорел, и вот, чтобы мне продышаться, мама и повела меня в правление на такую «вечеринку»).

Но мы, ребятишки, вели не только праздную жизнь. Какие-то обязанности у нас все-таки были. О том, что мы встречали стадо и забирали из него каждый «свою» корову, я уже писал. Но мы еще принимали посильное участие и в работе колхоза. Не помню точно, что нам поручалось, но, кажется, мы собирали в поле колоски после уборки урожая. За это нам записывали так называемые трудодни, которые были

в то время мерилом труда. По количеству трудодней каждому давалась определенная доля продуктов (по норме на каждый трудодень). А нам в ту пору было по 8–11 лет!

Бабушка моего племянника, с которым мы были вместе в эвакуации, ходила с нами собирать лекарственные травы, целебные коренья (калган), потом делала на их основе разные лекарственные настойки. С тех пор помню, что по народным поверьям при угаре надо в каждое ухо положить по ягодке клюквы; если поранил ногу — приложить к больному месту лист подорожника.

Но война держала всех в напряжении. С надеждой и понятной тревогой ждали почтальона и не всегда сразу открывали письма, особенно, если это были письма «официальные»: боялись «похоронок» — известий о гибели близких людей.

Вспоминается случай, показывающий постоянную тревожность человека, надолго оставшийся у нас с мамой в памяти. В то полное неизвестности время ни днем, ни ночью человек не мог расслабиться, опасаясь приближения фронта и других грозящих событиях. И вот как-то раз уже ночью жена моего дяди проснулась и недоуменно спрашивает громко у своей дочери:

— Нинуха! А Нинуха! А где мы находимся?

О Победе мы узнали одними из первых. Поскольку дом Марии Кирилловны находился напротив отделения связи, то, как только работницы почты получили сообщение о том, что война закончилась, так сразу побежали на улицу с криками: «Победа! Победа!» Хотя всем уже было ясно, что война приближалась к концу, провозглашение Победы было и остается навсегда большим, радостным, хотя и горьким праздником для всех не лишенных памяти и совести людей.

Можно ли все это забыть или равнодушно вспоминать спустя многие, многие годы?

В Ленинград мы возвращались по вызову, иначе в город въехать сразу после войны было нельзя. Его оформила нам в 1945 году мамина подруга Нина Жарская, с которой мама работала до войны. Этот отъезд я запомнил надолго и вспоминаю с тревожной грустью. Уезжали мы из Череповца. Расписания поездов, если оно и существовало на бумаге, на самом деле не было: когда придет поезд, тогда и придет. Поэтому все желающие уехать должны были караулить свой состав.

И вот он наконец подошел. Вагоны — теплушки, т. е. товарные вагоны. Единственная дверь на треть открыта (для проветривания). На пороге появились два военных (видимо, солдаты или сержанты), в задачу которых входило воспрепятствовать посадке новых пассажиров — внутри уже и так было немало народа. Но нам с мамой повезло: одним из желающих уехать оказался тоже военный, который сначала залез в вагон сам, а потом затащил в него меня и маму. Спасибо ему за эту помощь. Ехали мы долго, наверно, суток трое. Спали на полу на соломе, перекатываясь с боку на бок, в такт вагонной качки.

Когда вернулись в Ленинград, вскоре узнали, что бабушка, оставшаяся в блокадном городе, умерла не от голода, а была убита из-за пайка. Новое потрясение для мамы! Можно себе представить жизнь мамы в комнате, в которой на полу у двери долго сохранялось темное пятно от крови бабушки!

В коммунальной квартире, где, кроме нас, жило еще пять семей, было пусто. За время нашего отсутствия в нашу комнату вселилась посторонняя женщина, которую теперь надо было выселить. Наши платяной шкаф и кровать пришлось у этой дамы отвоевывать.

Наша комната находилась на последнем этаже, а кровля была посечена осколками, и когда шел дождь, надо было подставлять ведра под текущую с потолка воду. Но и это было не самое страшное. Штукатурка с потолка постепенно стала отваливаться, ее отбили, а потом, чтобы не обвалился и сам потолок, поставили в комнате две подпорки из бревен (снизу, по полу — доска, на ней — два бревна, сверху еще одна доска, подпирающая потолок). Так вот и жили многие годы до 1962 года, когда посчастливилось добиться капитального ремонта комнаты и крыши над ней.

Не сразу вставили стекла, не сразу купили минимум стульев. До 1967 года я спал на старом, установленном на четырех деревянных чурбачках матраце, который сам, мальчишкой 16 лет, дважды перетягивал.

А как получали после войны дрова! По талонам, которые выдавали, по-моему, в домохозяйстве. После этого надо было нанять машину или извозчика с тележкой, получить мокрые (сплавляли по воде) «швырки» — длинные, не толстые бревна — привезти их во двор дома и сложить в поленницу, чтобы хоть как-то подсохли. (У почти каждой семьи во дворе дома были такие поленницы). Затем распилить, расколоть и снести в подвал, где у каждой семьи была сооружена своими силами своя клетушка, запиравшаяся на замок. Потом эти сырые поленья из темного и сырого подвала надо было притащить на горбу на пятый этаж и сложить за печкой. Как трудно было растопить такие дрова (не березовые!) и какой запах от них стоял в помещении, и говорить не надо.

Мама потом мне говорила с горечью, что папин приятель, Шестихин, которому он помог перебраться в Ленинград, после войны работал начальником Ленгортопа, организации,

которая занималась поставкой дров в город, но от продолжения знакомства с нами уклонился и ничем не помог.

О том, что такое постоянное чувство и послевоенного голода, забыть невозможно. Мама работала ради заработка в две смены, да еще подрабатывала шитьем на дому. После седьмого класса, чтобы облегчить маме жизнь, я поступил в строительный техникум — какая ни есть, но стипендия. Но по этой специальности поработать не пришлось, подошла пора идти в армию. Так стал военным, познавал географию страны и мира.

Очень долго после войны, даже в 1960-е годы, уверен, не проходило ни одного семейного застолья, чтобы кто-то из взрослых не предлагал выпить за то, «чтобы не было войны!». Она оставила такой неизгладимый след в душе всех — кто воевал, кто тяжко трудился в тылу, кто лишился родных и крова, кто голодал — что всем хотелось заклинать судьбу, чтобы она больше не обрушивала на нас такого горя. Знать и помнить об этом надо всегда, не забывая тех, кто положил свои жизни и с оружием в руках, на передовой добился Победы! Да, Победы, с большой буквы, Победы, которая досталась нашему народу такой высокой ценой.

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...

Ю. Воронов

Вспоминая детство, пытаюсь представить, как выглядят сейчас деревни, в которых я провел небольшую часть своей жизни. С грустью узнаю, как они вымирают, как сокращается число жителей, какой трудной становится жизнь ста-

риков, да и не только их. И в интернете очень мало фотоинформации о деревнях и селах Никоновская, Левково, Антушево; не привлекают они к себе внимание, не считая рыбаков-любителей, которые заняты больше «увековечиванием» себя и своих уловов. Нет там достопримечательностей архитектурных и исторических, которые бы вызывали к себе интерес. Жизнь же людей старшего поколения их не интересует. А жаль!

Как дико воспринимаются в глазах тех, кто помнит о той страшной войне не только и не столько по рассказам, звучащие из-за рубежа утверждения и подозрения о том, что наша страна в силу своей мнимой «агрессивности», «ради захвата чужих территорий» «готова напасть на кого-то». Может ли любой здравый человек, не забывший, какой ценой досталась нам Победа, какие лишения перенес наш народ за годы войны и послевоенной разрухи, желать еще одной войны, которая может оказаться еще более страшной и разрушительной не только для России, но и для многих стран!!?

Желать войны на самом-то деле мало кто хочет, но болтать об этом может только тот, кто не знает, что такое война на деле, к каким жертвам и покалеченным жизням она приводит, кто сам не намерен «ходить в атаку» и рассчитывает на такой случай отсидеться в каком-то бункере.

И сейчас, когда коллективный Запад пытается пересмотреть итоги Второй мировой войны, приписать основную ее тяжесть и заслуги себе, вспоминать и рассказывать о ней, о том, что видели и испытали как очевидцы, что узнали по документам позднее, рассказать словами тех, кто ее пережил в том или ином качестве, — священный долг перед павшими на фронтах и трудившимися самоотверженно в тылу и перед мо-

лодыми поколениями, выросшими во временной дали от нее. Важно не позволить забыть ее подвиги и цену, заболтать и исказить происходившее. Цена беспамятья окажется высокой!

Кощунственно звучали не так давно в «полемическом задоре» некоторых писателей и публицистов риторические вопросы: «а кого должно защищать сейчас молодое поколение?» Да, у нас пока еще далеко не всё «образцово». Но вспомните «наше всё», А.С. Пушкина, который упрекал россиян в том, что они «ленивы и не любопытны», как он относился к нашему Отечеству: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал» (Пушкин из письма к Чаадаеву).

Опыт многолетней работы за рубежом, чтение зарубежной литературы, прежде всего, о политике, и периодической печати неопровержимо доказывает, что «идеальных» стран нет и быть не может, везде есть недовольные и изъяны, нередко в больших количествах, а демократия, которой так кичится Запад и настоятельно нам навязывает, на самом-то деле по большому счету с классической демократией ничего не имеет общего: то же социальное неравенство и расслоение, растущий разрыв между богатыми и неимущими, а в последние годы под влиянием глобализации основные города Западной Европы потеряли лицо европейских, и скоро коренное население в них может превратиться в меньшинство, со всеми нежелательными последствиями этого.

«Люди, будьте бдительны!» — призывал Юлиус Фучик, борец с фашизмом.

Максимова А.И.

Память

В день начала войны мне исполнился ровно один год и четыре месяца. За месяц до этого дети ясельного возраста, и я в том числе, были, как обычно, вывезены из Москвы на летний отдых в Подмосковье. Но насладиться свежим воздухом и загородной природой детишкам не пришлось. После объявления о начале войны родители стали возвращать детей в город. За мной приехали мама и старшая сестра, недавно перешедшая во второй класс.

Отца вскоре призвали в армию и отправили на фронт. С боями он дошел до Варшавы. Судьба благоволила к нему — за всю войну он даже не получил ни одного ранения. Хотя, как он позднее рассказывал, когда однажды с одним бойцом они курили возле дерева, отец отошел на какое-то расстояние, и в этот момент вражеским снарядом разнесло в щепки то самое дерево и боец погиб, а отец остался жив-живехонек.

Так вот, когда отец ушел на фронт, мама осталась одна с двумя малыми детьми. Все родственники со стороны мамы и отца жили в деревнях в Тульской и Липецкой областях.

Мама была вынуждена работать, несмотря на то, что на руках осталось двое малолетних детей. Работала на заводах, находившихся недалеко от дома, чтобы не оставлять нас совсем без присмотра. Вместе со всеми принимала участие в создании оборонительных укреплений на подступах к Москве. Много позднее была награждена медалью как работница тыла. Воспитателем и няней оставалась восьмилетняя сестра Маша. Из Москвы мы никуда не выезжали.

Конечно, саму войну я не помню. Единственное, что осталось в памяти, а может, из рассказов взрослых, дважды мы во время налетов вражеских самолетов на Москву прятались в бомбоубежище под домом, где мы жили. Дом был построен в конце XIX века для рабочих завода «Гужон» (позднее — металлургический завод «Серп и Молот», один из крупнейших в стране). Надпись «Вход в бомбоубежище» (огромными буквами) еще долго после войны оставалась на стене дома. А мы, уже подросшая детвора, прятались там, играя в прятки или казаки-разбойники. И хотя война давно закончилась, все равно было жутковато в этом подвальном, достаточно большом помещении.

Единственное, что я отчетливо помню — День Победы. Жили мы в коммунальной, естественно, квартире: три семьи — три матери, пятеро детей, отцы — на фронте. И вот однажды рано утром соседка тетя Клава, жившая в конце длинного коридора, стуча в двери комнат, радостно кричала: «Победа! Победа!». Об этом поведал голос Юрия Левитана: «От Советского Информбюро». Как и в годы войны он вещал о ситуации на фронте, о победах Красной Армии. Гитлер отдал команду: после взятия Москвы первым повесить Юрия Левитана. Не вышло!

Конечно все проснулись, включили репродукторы — черные «тарелки» из какого-то жесткого материала (такие «радио» теперь можно увидеть в некоторых фильмах о войне и Москве военной).

Так вот, услышав эти долгожданные слова — Победа! Победа! — все собрались на маленькой кухне и стали «переживать» эту огромнейшую радость.

А потом женщины стали с нетерпеньем ждать возвращения своих мужей, а дети — отцов. К большому общему горю не вернулся муж тети Клавы, отец двух дочек. Не вернулись и два сына бабушки по отцу, которые были старше него. Бабушка писала и обращалась в разные инстанции, чтобы хоть что-то узнать о судьбе сыновей. Но кроме ответа «пропали без вести» так ничего и не узнала. До самой кончины в 1969 году она все ждала и надеялась. Но все напрасно, в те времена не было групп поисковиков-энтузиастов, как сейчас. Благодаря их поискам часто находятся различные предметы военных времен, которые помогают определить личности погибших бойцов и отдать им заслуженные почести. Спасибо этим людям.

Позднее бабушка отца, Евдокия Егоровна, жившая в деревне Темрянь Тульской области, Белевского района, рассказывала часто об одном и эпизодов войны.

Немцы заняли город Белев и деревню Кализна на берегу Оки. А деревня Темрянь на другом высоком берегу реки, на расстоянии, ну, может быть, 2–3 км (я могу и ошибаться). И с того берега немцы обстреливали Темрянь. В избе у бабушки на постое было 17 бойцов. И еще с ней жила двоюродная сестра. У бойцов кончилась провизия, бабушка с сестрой решили затопить печь и сварить картошку. Бойцы дремали, кто на печи, кто на полатях. И как только затопили печь и из тру-

бы пошел дым, немцы начали обстрел. Один из снарядов попал точно в дом. Погибли все 17 бойцов и бабушкина сестра, достававшая или ставившая чугунок в печь. Бабушка Евдокия Егоровна чудом осталась жива. Бойцов вместе с бабушкиной сестрой спешно похоронили в братской могиле в поле за домами деревни. Когда я позднее — в 1949–1953 годах — приезжала на лето к бабушке, каждый раз, идя в лес, проходила мимо этой могилы. Она была очень проста: небольшой холмик, окруженный оградкой из струганых жердочек, скромная, как водится, стела с красной звездой и списком всех 17 погибших бойцов и бабушкиной сестры. Это, конечно же, было оформлено уже в мирное время. А тогда... просто холмик. Но история на этом не закончилась.

Мать одного из погибших бойцов, проживавшая где-то в Сибири, в результате многолетних поисков сведений о своем сыне-солдате, получила известие о том, где он похоронен. И однажды, это даже трудно представить, она приехала в Темрянь, разыскала бабушку Евдокию Егоровну и от нее узнала все подробности гибели своего сына. Бабушка рассказывала, что эта женщина несколько лет подряд приезжала к бабушке, останавливалась у нее на несколько дней. Они вместе ходили на могилу, убирали ее, как могли, и потом она уезжала, забрав с собой землицы с могилы сына. Но однажды она перестала приезжать. Колхозное руководство, сельсовет, решило перенести останки похороненных бойцов и бабушкиной сестры в большую братскую могилу большого соседнего села Велична, где был сельсовет. Бабушка рассказывала, что все было торжественно и, конечно, печально. Бабушка рассказывала, что от сестры остался большой гребень (расческа), туго заплетенная коса и красивый большой полу-

шалок. Но когда она дотронулась до него, все рассыпалось в крах. Когда готовилось перезахоронение, бабушке написала матери бойца в Сибирь (у нее был адрес) и приглашала приехать. Но ответа не получила.

А после того обстрела крыша дома была изрешечена. Когда я ночевала в сенях, сквозь эти отверстия я любовалась звездным небом. Но когда шел дождь, было не до звезд. Со временем крышу залатали, и никакой романтики не стало.

Жизнь постепенно стала налаживаться, потекли послевоенные будни. В то время в каждой из комнат была печка, которую топили дровами, иногда углем. А пищу готовили на керосинках. Шел 1946 год, газа в домах еще не было. И я отчетливо помню, как сидела возле кухонного стола, на керосинке в кастрюле варился суп, а я снимала пальчиками крышку и вытаскивала еще полусырую дольку картошки. Очень хотелось кушать. Эту картошинку я помню до сих пор. А тетя Клава, много позднее рассказывая об этом, удивлялась, что я ни разу не обожглась. В 1947 году провели газ, установили газовые плиты, и жизнь пошла веселее. Мы собирались на кухне и наблюдали, насколько быстрее закипает вода в чайнике на газовой плите, чем на керосинке. А кушать все равно хотелось, особенно хлеба, он так вкусно пах, но очень быстро заканчивался. Помню, мама всегда говорила: «Ты супчика бери побольше, а хлебушка кусай понемножку». Но у меня это редко получалось.

Много лет спустя, когда я уже работала в рыбной отрасли, руководство Минрыбхоза СССР пригласило на вечер встречи Юрия Левитана. Юрий Борисович появился перед собравшимися — невысокого роста, темноволосый, в очках — как показалось, смущенно улыбаясь. Не верилось, что

голос этого человека наводил ужас на немцев, но вселял надежду на победу в сердца народов Советского Союза. И вдруг он заговорил — и мороз пробежал по коже. Он произнес одну фразу: «От Советского Информбюро», и зал стоя приветствовал его аплодисментами. О чем он рассказывал, к сожалению, в деталях стерлось из памяти. Но эта историческая фраза запомнилась надолго.

Овчинников В.В.

Детство, блокада*

Свой рассказ о том, как я стал журналистом, хочу начать с самого детства. Мой отец Владимир Федорович Овчинников был архитектором по профессии и поэтом по призванию. Он не только построил крупные рыбоконсервные комбинаты в Астрахани и Мурманске, возвел в Ленинграде несколько заметных зданий, но и устраивал в Доме архитектора свои поэтические вечера, ставил там свои пьесы. Однако в Союз писателей вступать не стал, созна-

* Российская газета от 14.09. 2011 г. - №204 (5580); печатается с согласия, данного ранее автором.

вая, что его стихи по советским меркам были недостаточно злободневны. Школьная подруга мамы и моя крестная — Софья Петровна Преображенская — была известной оперной певицей. Так что я с малолетства часто бывал в Мариинском театре и большинство детских сказок впервые воспринял в музыкально-сценическом исполнении.

Мне было три года, когда тетя Соня воспользовалась тем, что мои родители уехали в Кисловодск, и за руку отвела меня креститься в расположенный рядом с Мариинкой Никольский собор. С этим же храмом связан и другой эпизод моей жизни. В детстве я стал страстным собирателем марок. Мелочь, которую мне давали на школьные завтраки, я тратил в филателистическом магазине на Невском. Но денег не хватало. И в пасхальные дни я встал на соборной паперти. Фигура прилично одетого мальчика с шапкой в дрожащих руках потрясла прихожан. Как-никак, шел 1937 год! Мне подавали буквально все. Но вскоре партнерши бабушки по преферансу опознали и пристыдили меня.

Мы жили на углу Фонтанки и Измайловского в отдельной квартире, что тогда было большой редкостью. Но я дружил во дворе с мальчишками из коммуналок. Носил им из отцовской библиотеки книги вроде «Острова сокровищ» и «Графа Монте-Кристо».

Война началась через две недели после нашего выпускного вечера в седьмом классе. На фасаде школы появилась надпись: «Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна». Все это было для нас, подростков, поначалу романтично. Но вот зарево гигантского пожара над Бадаевскими продовольственными складами 9 сентября дало знак, что нам грозит нечто пострашнее бомбежек и обстрелов. Нача-

лась блокада, начался массовый голод, от которого особенно пострадали мы, 15-летние мальчишки, в разгар юношеской перестройки организма. Из 24 подростков нашего класса до весны 42-го года дожило лишь семеро...

Блокада Ленинграда была страшна не только голодом. Городские многоэтажные дома превратились в ловушки, поскольку была парализована вся система коммунального хозяйства. Мы жили на шестом этаже, но остановились лифты, перестали работать водопровод и канализация, центральное отопление и электрическое освещение.

Поэтому в конце сентября мы воспользовались тем, что еще не все трамваи перестали ходить, и переехали из трехкомнатной квартиры на Фонтанке в 10-метровую комнату у тетки на Петроградской стороне. Там, во-первых, был не шестой, а второй этаж. А что еще важнее, во дворе была водоразборная колонка и не надо было ходить с ведрами на Неву.

Когда мы коротали вечера при коптилке, грея руки возле остывающей буржуйки, нашей единственной связью с внешним миром был громкоговоритель. И вот вместо привычного стука метронома мы услышали бодрый голос диктора Левитана, который возвестил, что 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве, как всегда, состоялся парад, а в своей речи накануне Сталин произнес фразу: «Будет и на нашей улице праздник!»

Мой отец, которому было 53 года, служил тогда в аварийно-восстановительном полку. Отец был на казарменном положении, но два раза в неделю приходил домой и приносил в противогазной сумке по три-четыре полена. Но дров не хватало. И время от времени мне приходилось ходить за ними в нашу квартиру на Фонтанке. Распилив там два-три

стула, я складывал куски дерева на саночки и отправлялся в обратный путь, а это было как минимум семь-восемь километров пешком. Помню, прошагал всю Садовую до Инженерного замка и вышел на занесенное Марсово поле. Кое-где виднелись небольшие холмики, как мне показалось, покрытые снегом скамейки. На один из таких холмиков я присел отдохнуть. Почувствовав какую-то эйфорию, вспомнил песню о замерзавшем в степи ямщике. Тело мое стало клониться в сторону, я уперся рукой о холмик и вдруг увидел, что подо мной человеческая нога. Оказалось, что я сижу на занесенном снегом трупе. Почувствовав словно электрический разряд, с трудом поднялся на ноги и зашагал в сторону моста через Неву. Так погибший от голода ленинградец спас мне жизнь.

Почему же наша семья выжила? Вижу тут две причины. Во-первых, моя мама всегда варила летом варенье и заранее закупала сахарный песок, чтобы, привезя с дачи ягоды, не бежать в магазин. Поэтому, когда началась война, у нас дома было 12 килограммов сахарного песка. Неслыханное богатство! Кроме того, мы с братом приспособились ловить на рыболовный крючок бездомных кошек. Подсечь кошку не представляло труда. Но что делать с ней потом? Приходилось накидывать на нее холщовый мешок и нести в госпиталь, где сердобольные сестры прямо через мешковину делали кошке усыпляющий укол, после которого ее можно было уже безопасно освежевать. Кошачью тушку мы ели целую неделю, да еще из костей потом варили студень.

Летом 42-го года уцелевших после зимовки школьников снова собрали и отправили сажать картошку на Карельский перешеек. Посадочный материал в мешках сбрасывали с военно-транспортных самолетов. Мы брали в руки клубень

и срезали с него верхушку с «глазками», чтобы использовать ее для посадки. А остальную часть клубня прямо в немытой кожуре тут же с наслаждением съедали. Хотя никто не говорил нам, что сырая картошка — лучшее средство от цинги.

Эшелоном в Сибирь

Зимовать второй раз в осажденном городе мы не решились. Поэтому в октябре, когда из-за непогоды немецкие самолеты реже появлялись над Ладожским озером, мы отправились в эвакуацию. С Финляндского вокзала нас подвезли поближе к Ладоге. Там надо было перебросить на грузовики багаж, а было у нас 24 места. Когда 8 из них мы успели закинуть в кузов, куда прыгнул и я, грузовик тронулся. Однако, когда во вторую машину мама с братом погрузили остальные вещи, их повезли уже на другой причал, потому что тот, куда уехал я, подвергся бомбардировке.

У меня не было с собой документов. Но из-за суматохи, вызванной налетом немецких самолетов, мне удалось не только погрузить багаж в катер, но и незаметно запрыгнуть под брезент самому. Когда через час мы подплыли к другому берегу Ладожского озера, я с радостью увидел на причале маму. Она, конечно, страшно переволновалась, ибо не знала, что со мной.

Но все обошлось. Нас погрузили в теплушку, то есть, в товарный вагон, где были оборудованы двухъярусные нары. И вот в этом вагоне без туалета и без умывальника мы проехали больше двух недель. Ведь нашему поезду приходилось то и дело уступать дорогу эшелонам, двигавшимся в сторону фронта.

За время пути из нашей теплушки выгрузили 9 трупов скончавшихся по дороге пассажиров. Наконец, добрались

до станции Омутинская Тюменской области. Нас еще везли на подводе весь день на север до села Плетнёво. Там нам предоставили дом раскулаченной в тридцатых годах семьи. Это была изба-пятистенка с русской печью. Маме пришлось приспосабливаться к этому совершенно незнакомому быту.

Вскоре ее взяли в МТС: сушить чурки для газогенераторных тракторов. А мне предложили работать счетоводом в соседнем колхозе, где совершенно не осталось грамотных людей. Пришлось переехать в другую деревню за три километра от мамы и брата. Зато зарплату мне положили хорошую, не в трудоднях, а в натуре. Я стал ежемесячно получать пуд зерна, 6 пудов картошки и ежедневно по двухлитровой крынке молока.

Городской мальчик, по наивности полагавший, что булки растут на деревьях, был вынужден освоить экономику и финансы колхоза, насчитывавшего более 60 дворов. Причем я вошел в курс дела настолько быстро, что зимой меня уже попросили сделать годовой отчет для соседнего колхоза, заплатив за это сто яиц.

Кроме работы счетоводом, где мне приходилось отвечать на телефонные звонки из райкома и отбиваться от постоянно приезжавших уполномоченных, я еще стал заочно учиться. Окончил за год восьмой и девятый классы, поступил в 10-й, что, как ни странно, впоследствии спасло мне жизнь.

В 1943 году меня, 17-летнего подростка, призвали на службу в армию. Направили в полковую школу в город Каинск, куда прежде ссылали за убийство. Наш артиллерийский дивизион размещался в остроге царских времен. Батареи — в общих камерах, а офицеры — в одиночках. Ко мне, ленинградцу-блокаднику, как новобранцы, так и старослужащие

относились с трогательной предупредительностью. Это была как бы «дедовщина наоборот». Не разрешали таскать тяжелые ящики со снарядами, толкать плечом пушку. Зато поручали выступать от имени дивизиона на полковых митингах, в частности, на том, который был посвящен Тегеранской конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля.

В марте 1944 года меня отправили на фронт как командира 45-миллиметровой противотанковой пушки. Эти сорокапятки называли «оружием камикадзе», ибо живучесть расчета составляла в среднем пять-семь боестолкновений. Так что дожить до конца войны, которая шла еще 14 месяцев, у меня было мало шансов. Но тут пришел приказ Верховного главнокомандующего: всех новобранцев со средним образованием или призванных из 10-го класса, направить в военные училища.

Гардемарин на Невском

Так я снова оказался в родном Питере, в здании Адмиралтейства. В столовой там были белоснежные скатерти, фарфор и столовые приборы. Я стал щеголеватым гардемарином, которые считались тогда в Питере самыми завидными женихами. На субботние вечера к нам приглашали девушек из Вагановского балетного училища, с которыми мы должны были разучивать мазурку и другие бальные танцы.

Вспоминается, что однажды наш взвод на месяц лишили увольнений. И вот мой однокурсник уговорил меня отправиться в самоволку. В то время на фасаде Адмиралтейства были установлены леса для штукатуров. По ним мы легко спустились в город. Но на обратном пути нас задержали на проходной. Пришлось бежать через Дворцовую площадь.

Дежурный офицер гнался за нами, стреляя в воздух из револьвера. Моего коллегу задержали, а сам я успел добежать до Эрмитажа и скрылся в подворотне. Поздно ночью я сумел перелезть через ворота и благополучно вернулся в казарму.

Самым знаменательным событием для моего родного города стал первомайский парад 1945 года. Он был в Ленинграде первым с довоенных лет. Когда я стоял в парадном строю на Дворцовой площади, душа буквально взлетала на небеса.

Однако, после того как я проучился три семестра в высшем военно-морском инженерном училище, оказалось, у меня развилась близорукость — наследие блокады. А морской офицер и очки — вещи несовместные. Как сказал мне тогда начальник училища: «Овчинка выделки не стоит».

Пенина И.П.

Война

В воскресенье 22 июня 1941 года папа ушёл со мной гулять, а когда вернулся, узнал, что началась война. Немецкие фашисты без объявления войны вероломно напали на нашу страну. Я была еще совсем малышкой (1 год 10 месяцев), но смутно помню, как мама,

видимо, плача, собирала папу на фронт. Я встала на цыпочки, чтобы увидеть, что лежит на столе, запомнила металлическую кружку и зелёный рюкзак. Спасаясь от приближающихся немцев, наши соседи Ненашевы уехали в эвакуацию, поставив на подводу с вещами фикус. Это неприятно поразило маму, так как вместо того, чтобы взять её с маленьким ребёнком, они пожалели цветок в кадке. После возвращения из эвакуации дядю Гришу наградили медалью «За освобождение Кавказа». Мама, будучи сверхделикатным и тактичным человеком, всё-таки не выдержала и спросила его: «Неужели Вы будете носить эту медаль?» Он промолчал. В комнату Ненашевых на время их отсутствия перешли тётя Дуся Эйсмонт с дочкой Таней старше меня на несколько лет.

9 августа 1942 года в город вошли немцы. Перед отступлением наши самолёты разбомбили военкомат, почти примыкающий к нашему дому, чтобы уничтожить оставшуюся там документацию. Начался сильный пожар. Всех детей переместили подальше от огня в другую часть дома в квартиру Зои Ивановны Юдиной, интеллигентки в пенсне из «бывших», дочери конезаводчика, ставшей после войны завучем музыкальной школы. Её дочь Мила впоследствии окончила консерваторию в Москве, а с её сыном Аликом мы вместе ходили на занятия в музыкальную школу под крики мальчишек «Жених и невеста — тили, тили тесто!» Боясь, что огонь перекинется на наш дом, все женщины вышли на борьбу с ним и каким-то образом пожар локализовали, когда по проспекту уже шли немцы.

Фашисты находились в Пятигорске до 11 января 1943 года, то есть 5 месяцев, и за это время они уничтожили более 3 тысяч мирных жителей и насильственно угнали в Германию 800 человек.

Во время воздушных обстрелов нас с Таней Эйсмонт сажали с игрушками за высокую спинку отодвинутого от стены дивана, не разрешали оттуда выходить и даже выглядывать.

Во время немецкой оккупации люди вели себя по-разному. Под началом живущего в нашем дворе и ставшего бургомистром Пятигорска Орлова составлялись списки кандидатов на расстрел коммунистов и членов их семей. Наша соседка тётя Полина устроилась на работу в управу, чтобы её не угнали в Германию. Она была азартной картёжницей, ходила к Орлову играть в карты на деньги и рассказывала маме, что Орлов интересовался у неё Солодовниковым и его семьёй. Если бы наша армия не освободила Пятигорск от немцев, неизвестно, были бы мы с мамой живы. При наступлении советских войск Орлов сбежал с отступавшими немцами.

На первом этаже нашего дома жила армянская семья Григорьян. Старший сын Дава ушёл на фронт и даже прислал мне оттуда открытку, младший Вовка позже стал приставать ко мне, пытался стукнуть и наблюдал за моей реакцией, проявляя таким образом свою симпатию. Старшая дочь Аня была взрослой красивой девушкой. Однажды она попросила маму отпустить меня с ней погулять и повела к своей подруге, к которой пришёл молодой немец. Он взял меня на руки и стал подбрасывать, приговаривая «хорошая русская девочка». А я ему в ответ: «Всё равно дядя красноармеец придёт и тебя убьёт!» Его девица перевела мои слова, а он (видимо, не совсем зверь) рассмеялся и снова стал меня подбрасывать. Когда об этом поведали моей маме, она была в ужасе и больше ни с кем никуда не отпускала свою малолетнюю дочь-патриотку.

Все магазины были разграблены и разрушены. Нужно было как-то выживать, чем-то питаться. Вся надежда была только на рынок недалеко от нашего дома. Там процветали спекулянты-барыги, без зазрения совести наживавшиеся на людском горе и нужде, им люди несли свои вещи в обмен на продукты. Мама отдала папин велосипед, свитера из верблюжьей шерсти, то есть всё то, за что можно было получить хоть какие-то продукты. О честном обмене не могло быть и речи, так как эти нелюди старались почти даром приобрести как можно больше стоящих вещей.

Мама уговорила тётю Дусю Эйсмонт пойти к хозяину кафе напротив театра оперетты, в котором питались немцы, и предложить печь для них пирожки. Он дал на пробу все продукты, высоко оценил качество пробной выпечки, и с тех пор они стали печь пирожки для этого кафе. Во дворе нужно было соблюдать осторожность, прятать муку за платяной шкаф, так как Григорьян приходила выяснять, откуда такой чудесный запах. Тесто есть тесто, и оно нас спасло от голода на какое-то время. Советская разведка не дремала, и во время очередного сборища немцев в театре наши самолёты разбомбили и театр, и кафе.

После освобождения города мама устроилась на работу в эвакогоспиталь, а меня отдали в детский сад. Там нас кормили, но всё равно хотелось есть, особенно не хватало сладкого. Ежедневно каждому давали по 1 столовой ложке рыбьего жира, который многие дети не переносили, и некоторых я по их просьбе «выручала», незаметно для воспитателя. Детский сад находился почти напротив маминого госпиталя, и я, став постарше, приходила после окончания смены к ней на работу со словами «Хочу есть!»

В саду мы готовили подарки для бойцов на фронт (рисунки и кисеты). Однажды нам выдали «американскую помощь». Мне достался шерстяной шарфик из разноцветных ниток, связанный какой-то сердобольной американкой.

К Новому году каждый ребёнок должен был принести в сад из дома одну новогоднюю игрушку для украшения ёлки. Мы отнесли поросёнка из блестящей ваты, которого мне было очень жалко отдавать. Принесённые игрушки воспитательница складывала на высокий комод. Желая всё хорошо рассмотреть, я взяла детский стульчик, с которого только что встала наша воспитательница, подвинула его к комоду и стала рассматривать всё, что там лежало. Воспитательница, не оглядываясь назад, попыталась сесть на прежнее место и оказалась на полу, видимо больно ударившись, за что меня поставила в угол на несколько часов и выпустила только после прихода мамы. Для меня это стало потрясением, так как я была послушной и меня никогда ещё не наказывали. Помню, как мне было стыдно, и я ревела, уткнувшись в мамин подол.

Участок за нашим детским садом заканчивался полуразвалившимся каменным забором. В то время вся страна была напугана бандой «Чёрная кошка». Мы с моим другом Мишей часто во время прогулки ходили, держась за руки, вдоль этого забора. Увидев любого крупного кота, медленно шествующего по забору, мы с криком «Чёрная кошка!» бежали поближе к воспитателям.

Мама была худенькой и стройной, старалась подкормить меня, а у самой было несколько обмороков от слабости и сердечной недостаточности. В госпитале она работала эвакосестрой (эвакуационной сестрой), то есть оформляла

аттестаты и паёк военным. Сотрудники удивлялись тому, что она хорошо разбирается в географии и очень точно рассчитывает расстояния и количество дней на дорогу. Она объясняла это тем, что в детстве её приобщил к географии отец (мой дед). В госпитале её уважали. Начальник госпиталя Иван Фёдорович и сотрудники звали её Сашенькой.

Ближе к концу войны стало полегче, так как папа переводил нам деньги по аттестату и даже прислал несколько посылок с какими-то тканями. В 1945 или в 1946 году мама сшила из них у портнихи нежно-голубое платье и васильковое. Обладая хорошим вкусом, она сама придумывала фасоны, которые многие женщины потом копировали.

Меня она воспитывала с большой любовью, но однажды я «отличилась». Мама предложила соседкам сделать во дворе огород из нескольких грядок и посадить овощи. Все её охотно поддержали. Однажды в воскресение за мамой прислали солдата, и она, уходя, оставила меня во дворе с другими детьми. Проголодавшись, мы сначала стали вытаскивать морковку за ботву и грызть её, помыв под колонкой, а затем полезли с мальчишками в подвал под бывшим военкоматом за гильзами из-под снарядов, среди которых были и неразорвавшиеся. За это я была единственный раз в жизни наказана мамой. Она также стыдила меня за то, что я повадилась без её разрешения ходить к Ненашевым на обед. Как только я слышала, что дядя Гриша пришёл обедать, тихонько выскальзывала из комнаты, пробиралась, борясь со страхом, по совершенно тёмному коридору, входила к ним и сразу садилась за стол. Мне ставилась тарелка, а дядя Гриша говорил: «Пришла моя хорошая». Постепенно мама отучила меня от этого безобразия, ведь всем тогда жилось очень тяжело.

В нашем дворе жил армянский мальчик Нерсесян, который тоже упорно ходил есть к соседям. Его мама очень переживала по этому поводу и стала передавать им свою еду. Но он сразу от неё отказался, закричав с возмущением «Это наша кастрюля!»

Мы с мамой ходили в кино смотреть «хронику». В доме был просто культ маршала Жукова, все верили, что он обязательно добьётся победы над фашистами. Помню, что мама всегда смотрела на него со слезами на глазах. А я, имея хороший слух, распевала по просьбе соседок на крыльце у Григорьян песни военных лет, которых знала великое множество. И женщины, слушая, как я пела им что-то вроде

«Ты ждёшь, Лизавета,
От мужа привета.
Ты не спишь до рассвета,
Всё грустишь обо мне.
А после победы
К тебе я приеду
На горячем боевом коне»,

утирали слёзы.

Самым памятным днём и радостным праздником стал для меня День Победы. Все люди вышли на улицы, обнимались, целовались, смеялись и плакали. Ликование было всеобщим. Потерявшие своих близких тоже радовались победе, хоть и со слезами на глазах. В комнате Ненашевых накрыли скромный стол. С ними и с их знакомыми мама отпраздновала победу. Маме и тёте Марусе стало плохо от капельки спиртного. Мы с дядей Гришей уложили их в постели и отправились кататься на трамвае от кольца до кольца, глядя из окон на радостные лица прохожих.

однажды я проснулась и, увидев в доме военную форму, бросилась к спящему папе с радостными воплями. Он приехал в краткосрочный отпуск и сказал, что оформляет документы на наш с мамой выезд к месту его службы в Штеттин, который после войны стал польским Щецином. Побыв с нами немного, папа отбыл по месту службы.

Нашу соседку машинистку тётю Полину вызвали в КГБ, чтобы выяснить, почему она при немцах работала в управе. Она объяснила, что сделала это только по одной причине — боялась, что её как одинокого человека могут угнать в Германию. Через некоторое время туда вызвали маму, о чём она мне рассказала спустя много лет. Мама очень волновалась и переживала, считая, что ей припомнят пирожки для немецкого кафе. Но к её великому изумлению, ей предложили поступить к ним на работу. Она вежливо отказалась, объяснив, что вскоре уедет с ребёнком к мужу за границу.

Только повзрослев, я поняла, как нам повезло, что папа вернулся с войны живой и увёз нас за границу. В стране тогда жилось всем очень тяжело, многие испытывали нужду и голод. Нужно было восстанавливать разрушенные фашистами фабрики, заводы, школы, жилые дома, поднимать сельское хозяйство. На улицах появилось много калек в военной форме, вернувшихся с войны без ног. Тяжело было видеть молодых мужчин без ног на дощечках с колёсиками. Многие из них не могли смириться со своей участью и постепенно спивались. Война была тяжелейшим испытанием для всей страны, и её последствия сказывались очень много лет.

В августе 1946 года за нами приехал папа, и мы выехали за границу. Из Москвы мы ехали в одном купе с семьёй Ани-

киных из Оренбурга. Я запомнила разрушенную Варшаву, так как зрелище было ужасным: одни сплошные развалины на всём пути следования поезда. В Польше мы купили на остановке пакетик самодельных леденцов, среди которых мне попалось острое стекло. Пакет сразу выбросили и больше не искушали судьбу. Мы поехали в Щецин, а Аникины в Берлин, где потом мы оказались соседями и часто общались.

Щецин

Папа всегда говорил, что профессия экономист сохранила ему жизнь во время войны. Сразу после командирских курсов он был назначен старшим контролёром Министерства Госконтроля СССР (министр Мехлис), получил звание майора, а позднее подполковника. Работники министерства проверяли армии, выявляли допущенные нарушения и хищения, т.е. занимались своего рода аудитом. С ним считались даже командующие фронтами. Маршал Рокоссовский здоровался с папой за руку. В боях они, конечно, не участвовали, но шли вслед за армией. Сохранилась папина открытка с фронта, где он пишет, что они едут по трупам.

В Щецине мы жили в центре, недалеко от главного костёла в трёхкомнатной квартире, где стоял огромный рояль, и меня ждала приготовленная папой немецкая кукла ростом с маленького ребёнка, с фаянсовыми руками и ногами и настоящими человеческими волосами. Я очень дорожила этой куклой. Жаль, что мама потом её кому-то отдала.

Я пошла в школу со смешанным обучением. Получив за свои каракули первую в жизни «двойку» и услышав мамины слова, что у неё разорвётся сердце, я восприняла это буквально и с тех пор родителей только радовала. Отец моего соседа

по парте однажды попросил маму отпустить меня к ним в гости в военный гарнизон. За мной прислали солдата на мотоцикле, в коляске которого я ехала туда и обратно, а мама, волнуясь, ждала меня на улице перед домом.

Папа проверял наши корабли, заходившие в порт Щецина, и однажды взял меня с собой. Его шофёр Пушкин, кстати, тоже чёрный и кудрявый, велел мне лечь на заднем сидении машины и не выглядывать, так как из многих развалин стреляли по машинам. Проезжали мы и мимо дома, где жила в детстве Екатерина Вторая. Пока папа работал с капитаном меня радостно водили по кораблю и развлекали моряки.

Родители дружили с семьёй морского инженера Богаченко. У них было двое детей: дочка Таня и маленький сынишка. Они жили в особняке с садом, бывшие хозяева которого остались в доме в качестве прислуги и, как я теперь понимаю, своих новых хозяев люто ненавидели. Таня выучила немецкий язык и при мне перевела своей маме фразу бывшей хозяйки: «Скажи своей маме, что она — дура!» В их доме я впервые увидела ванну на уровне пола, в которую спускались по ступенькам, как в бассейн.

На новый год меня пригласили на ёлку к Бирюковым. Они жили рядом с костёлом в огромной квартире, видимо, католического иерарха. Они заняли несколько комнат, а в остальных многочисленных комнатах мы играли в прятки, и было как-то не по себе от такого обилия пустых комнат.

В СССР религия была фактически под запретом, а в Щецине во время церковных праздников войско польское строем шло на службу в костёл. Однажды и мы с мамой зашли в костёл во время службы. Мама осталась у входа, а я пошла по центральному проходу поближе к ксёндзу (священни-

ку). В католических храмах молящиеся сидят, а не стоят как в православных. Когда во время молитвы не сумевшие сесть и стоявшие в проходе люди стали опускаться на колени и креститься, я, подражая им, стала тоже осенять себя католическим крестом слева направо, а затем, испугавшись, что я одна стою посреди прохода, бросилась к маме, и мы быстро удалились.

Мама очень любила природу и всегда обращала внимание на красивые пейзажи, растения и цветы. Помню, как мы сидели с ней на скамейке на очень высоком берегу Одера и любовались прекрасной панорамой.

Она всегда хотела, чтобы я училась музыке, и еще в Пятигорске начала откладывать деньги на покупку пианино. Поскольку в Щецине у нас был рояль, мне нашли учительницу музыки — угнанную в Германию молодую русскую девушку. Мама приводила меня к ней и после урока забирала домой. Особого толка от этих занятий не было, так как часто к учительнице приходил подружка, и они со словами: «Ирочка, играй, играй!» оживленно болтали, примеряя перед зеркалом шляпки. Зато дома меня сажали за рояль, по обе стороны от которого садились родители, всячески хвалили меня и совершенно искренне радовались моим потугам.

В Щецине после войны появилось много барыг, спекулянтов и мелких лавочников. А поскольку нашим военным выдавали хороший продовольственный паёк, включая шоколад и копченого угря, они часто приставали к нам с какими-то сомнительными предложениями.

Простые поляки ненавидели немцев и поражались тому, что русские так быстро смягчились к тем, кто недавно уничтожал их страну. Но немцы ведь тоже были разные, не все

были фашистами. Наша старенькая домработница-немка, готовившая странные блюда вроде молочного супа с рыбой, всё время твердила: «Hitler ist schlecht!» Мама жалела простых людей и подкармливала нашу старенькую немку в Щецине, а затем в Берлине домработницу Ирму и старичка-садовника, который в благодарность приносил ей букетики ландышей. Вскоре папу перевели в Берлин.

Берлин

В Берлине мы жили в районе Карлс Хорст в трёхкомнатной квартире с балконом на втором этаже двухэтажного дома. В доме было всего четыре квартиры с отдельным входом справа и слева, поэтому мы контактировали только с соседями, живущими на первом этаже под нами. Моя детская комната выходила в сад. Спать я там одна боялась, поэтому в спальне родителей поставили три кровати, а в детской я занималась своими делами и любила, сидя на подоконнике, распевать песни, глядя в сад. В семье наших соседей снизу было двое детей: моя ровесница Люда и её братишка Вовка, мужичок с ноготок, но при этом настоящий герой. Он самоотверженно охранял нас с Людой. Забор в саду был разрушен и, когда во время прогулок к нам забегали непрошенные посетители, он бросался на них, как коршун, и они ретировались.

В Берлине я училась в женской школе. Однажды туда вызвали маму, чтобы выяснить, почему у меня немецкая прическа, а не косички, как у всех советских девочек. Мама объяснила, что мы отращиваем волосы, а пока они слишком короткие для кос.

После того как мы купили пианино, мне нашли прекрасную учительницу музыки Ирину Викентьевну, выпускницу

московской консерватории, живущую в Берлине с мужем-переводчиком и сыном Петей, совершенно свободно болтавшим с отцом на немецком языке.

Мы ездили на экскурсии в Дрезден, Потсдам, где осмотрели дворец Фридриха (почти копию дворца в Петергофе), часто ходили в Трептов парк, осмотрели развалины Рейхстага, катались на теплоходе по реке Шпрее, ходили в зоопарк и цирк. Кроме того, мама, которая ещё девушкой в Пензе прослушала несколько опер, стоя на галёрке, не могла не побывать в Берлинском оперном театре. Один раз взяли и меня на оперу Вагнера «Летучий голландец». Запомнилось мне и посещение ипподрома, где родители ставили на какую-то лошадь, но, по-моему, ничего не выиграли. В ложах сидели «победители»: американцы, англичане, русские и французы.

Берлин был поделён на западный и восточный. Более респектабельный и богатый западный достался союзникам, а Советскому Союзу — восточный. Берлинскую стену еще не построили, но запрещали ездить в западный Берлин. Метро было общим, и многие жёны офицеров, интересовавшиеся только тряпками, шмыгали по всему Берлину в поисках каких-то вещей. Мы с мамой тоже ездили на метро к портным и скорнякам. Мама пошла на курсы немецкого языка и потом помогала нашим женщинам объясняться в магазинах.

После окончания второго класса меня отправили в пионерский лагерь на остров Рюген. Перед отправлением нашего поезда всем строго-настрого приказали задёрнуть шторки на окнах и не высовываться, так как поезд могут обстреливать. Остров Рюген — фешенебельный курорт на Балтийском море. Вожатые разрешили нам самим выбрать себе комнату, и мы с подружками выбрали себе какие-то роскошные апар-

таменты, из которых нас быстренько выгнали и перевели в более скромное место. Питались мы в ресторане с окнами в пол. На пляже с чудесным мелким песком стояли плетёные корзины-раздевалки, которые сейчас можно увидеть только в старых кинофильмах. Вода в море была холодной, купаться нам не разрешали, и только один раз за всю смену вожатая позволила нам разуться, войти в воду и, встав в кружок, спеть, двигаясь по кругу: «Баба сеяла горох!», и сразу же выйти из воды. В мой день рождения, 14 августа приехали родители с огромным тортом на заказ, которым угостили весь мой отряд. В лагере меня приняли в пионеры.

В отличие от большинства офицеров, наслаждавшихся покоем и достатком, папа очень скучал по Родине и просил в рапортах вернуть его домой. Вскоре его перевели в Тбилиси, так как там был филиал его Министерства, а мы с мамой вернулись в Пятигорск.

Возвращение в Пятигорск

В Пятигорске мы сразу обменяли наши комнаты в коммуналке на отдельную довольно запущенную двухкомнатную квартиру на Советском проспекте, 49, фактически напротив нашего бывшего дома. Квартира находилась в одноэтажном особняке с окнами в сад, заканчивавшийся какой-то речушкой.

После войны сохранившиеся школы были перегружены, обучение проводилось в две и даже в три смены. Помню, что мне приходилось в 3-м классе ходить в школу через сквер, в темноте, мимо памятника Лермонтову. Мне было страшно в темноте, и я просила Михаила Юрьевича меня защитить.

Я уже достигла более осознанного возраста и смогла лучше узнать свой родной город и его достопримечательности:

парк Цветник, грот Дианы, ротонду Эолова арфа, Лермонтовский грот, Академическую галерею с бюветами минеральных источников, скульптуру Орла — символ Пятигорска, Провал в горе Машук. Орёл — это официальный символ Кавказских Минеральных Вод с 1901 года, он изображён в схватке со змеёй и олицетворяет целебную силу минеральных вод, побеждающих болезни, которые символизирует змея в когтях у птицы. Эолова арфа построена в 1831 году. Внутри неё тогда была установлена арфа, которая играла под действием порывов ветра. Из беседки открывается замечательный вид на Пятигорск и гору Эльбрус. Грот Дианы находится в парке Цветник. Сначала его назвали грот Эльбрус, позже переименовали в грот Дианы, покровительницы охоты в древнеримской мифологии. 8 июля 1841 года, за неделю до гибели поэта, Лермонтов с друзьями устроили здесь бал.

Пятигорск, как и Тарханы, неразрывно связан с именем Михаила Юрьевича Лермонтова. Помимо установленного ему в 1889 году памятника (архитектор А.М. Опекушин), здесь есть целый комплекс зданий, связанных с его именем, который входит в музей-заповедник поэта — Лермонтовский квартал. На месте дуэли поручика Лермонтова с майором Мартыновым 15 июля 1841 года и гибели поэта, а также на месте его первоначального захоронения установлены памятники.

Многие здешние места упоминаются в произведениях классиков: Печорин из «Героя нашего времени» устраивал свидания с Верой в гроте Дианы, Киса Воробьянинов побирался в галерее в Цветнике, обращаясь на французском языке к гуляющей публике с просьбой помочь бывшему депутату Государственной Думы, аферист Остап Бендер взимал плату с доверчивых людей за вход в Провал. В термальном озере на

дне Провала вода всегда тёплая, поэтому от желающих здесь искупаться нет отбоя.

В Пятигорске много источников минеральной воды. Большая часть из них используется в процессе оздоровления и лечения курортников в дозах, строго оговоренных в их курортных книжках. Свободного доступа к этим источникам нет. Но были, видимо, и не очень лечебные источники, доступные любому желающему, причём круглосуточно, так как они не перекрывались кранами. Один из них, пахнувший тухлыми яйцами, почему-то считался детским. Когда к нам приехали в гости из Пензы, мои двоюродные сестра Римма и брат Лёва, я их повела к этому источнику и порекомендовала «испить» целебной водички. Они не только не оценили вкус воды, но и с ужасом смотрели, как я её с удовольствием потребляю.

Помимо многочисленных источников минеральной воды, Северный Кавказ славится лечебными ваннами, известными очень давно. Существовали даже правила принятия ванн. Нарзанные ванны в Кисловодске принимались больными после лечения серными ваннами в Пятигорске (ими лечили мой диатез в 1946 году) и железистыми в Железноводске. Этот процесс лечения соответствовал существующему воззрению горцев, по которому горячие серные пятигорские воды, называемые горцами «мёртвой водой», расслабляли тело человека, тёплые железноводские воды, называемые «живой водой», оживляли тело, а кисловодский Нарзан, как правило, холодный, давал организму богатырскую силу.

В Пятигорске меня приняли во 2-й класс музыкальной школы. Завуч школы, мамина приятельница и наша соседка Зоя Ивановна Юдина, решила отдать меня самому сильному педагогу. Это была пожилая женщина, выпускница Рижской

консерватории, очень строгая и довольно безжалостная. Видимо, пытаясь пробудить у меня какие-то эмоции, она лупила меня линейкой по пальцам и кричала: «Кисель! Манная каша!» Техника у неё была первоклассная и этого же она добивалась от своих учеников, которые на всех концертах (и я в том числе) получали только отличные оценки. К сожалению, она автор плоской постановки руки, от которой меня долго переучивали в Крыму.

В 1949 году папу перевели в город Симферополь, и мы переехали в Крым.

Саранчев С.И.

Моё военное детство

Родился я 11 июня 1936 г. в Иванове, куда моя мама была направлена на работу по распределению после окончания в 1932 г. 2-го Московского медицинского института. Она начала работать терапевтом в амбулатории при Ивановском меланжевом комбинате – гордости 1-ой пятилетки. Мой отец в это время работал инженером-геодезистом

в Областном отделе землеустройства. У меня была сестра, родившаяся в 1933 г. Жили мы с бабушкой в коммунальной квартире деревянного стандартного дома, а в 1940 г. мама получила от Меланжевого комбината две комнаты в 3-хкомнатной квартире нового кирпичного 4-хэтажного дома. К началу войны этот дом был ещё не совсем достроен — из 8-ми подъездов два были не доделаны и не заселены. Население дома составляли работники Меланжевого комбината, наша соседка по квартире работала ткачихой, а её муж — мастером. Практически во всех семьях были дети, чаще по два ребёнка, но были семьи с 5-ю детьми. Все мы знали друг друга по имени и фамилии, летними вечерами двор гудел от голосов детворы, игравшей в различные дворовые игры. Моя бабушка звала меня спать через форточку, обычно раньше других родителей, и я засыпал под этот дворовый гомон. Я самостоятельно ходил в детский сад, который находился поблизости. В саду было весело, были уроки музыки и танцев, на стенах висели большие портреты Сталина, и мы знали, что он Кремле и думает о нас. Сестра в 1940 г. пошла в 1-й класс. Отец с 1938 г. был мобилизован: принял участие в войне с белофиннами, затем в войне с белополяками и прошёл всю Великую Отечественную войну. Я увидел его только в 1946 г. (мне было уже 10 лет) — он был в шинели с погонами капитана, с орденом Красной Звезды, медалями за Оборону Кавказа и Победу над Германией, а также контузией позвоночника, мучавшей его до конца жизни. Мама к началу войны была тоже мобилизована и работала военным врачом в госпитале, став капитаном медицинской службы.

День начала войны мне хорошо запомнился. Я шёл в детский сад и увидал женщину, бежавшую с криком: «Война,

война!!!». Я, конечно, не понимал всей серьёзности этого события. Мы ещё до войны играли в войну, строили штабы, кричали: «Ура!!!». О вероятности войны ходили слухи, и газеты были полны патриотических лозунгов. Печатались рассказы о победной войне с белофиннами и японцами, освобождении Западных Украины и Белоруссии. Мирная жизнь текла своим чередом. Вернувшись домой, я увидел, как удручена бабушка, и стал её успокаивать. В 1940 г. в зале детского сада мы провожали старших мальчиков (группы тогда были разновозрастными) с напутствием в школу. В зале стоял фанерный танк, и три выпускника стояли рядом и пели песню «Три танкиста». Когда в журналах и газетах появились карикатуры на фашистов, которые изображались в виде крыс, то, по малолетству, я поверил, что немцы — это крысы, которых надо уничтожать.

Жизнь сразу резко поменялась: оконные стёкла стали заклеивать крестами, ночью окна завешивали тёмными шторами. Позднее стали часто выть сирены военной тревоги, так как над городом проходили трассы немецких бомбардировщиков, летевших бомбить волжские города, такие как Горький, Ярославль и др., имевшие военные заводы. Иваново не бомбили, хотя одиночные бомбы иногда падали. Бабушка прятала меня в коридоре на старом сундуке, стёкла дрожали от рёва самолётов, летевших довольно низко, так как зенитной артиллерии в городе не было. Через булыжную мостовую, ведущую к Меланжевому комбинату, находились два парка, разделённых участком, на котором стояла парашютная вышка. Эти парки, в которых мы играли и лазили по старым липам и берёзам, были образованы на бывшем кладбище. Рядом была церковь, превращённая в жильё. В парках

начали рыть окопы, и выкопанные черепа и кости были разбросаны вокруг. Из дома стали уходить мобилизованные мужчины, и весь двор знал о каждом ушедшем. Ушёл муж нашей соседки и её брат кадровый танкист, погибший в первые месяцы войны. Начали приходить похоронки, и мы знали о каждом таком случае. Прибывали московские беженцы, подселяемые к жителям дома. У моей сестры появилась московская подружка. Здания школ были превращены в госпитали, и занятия школьников проводились по подвалам и случайным помещениям. Госпиталь, где работала мама, должны были эвакуировать. Бабушка сшила нам с сестрой байковые костюмчики и рюкзачки. С минимумом вещей мы должны были на следующий день идти к эшелону, но произошло чудо — гитлеровцы были отброшены от Москвы и эвакуацию отменили.

Началась морозная и снежная зима. В доме была своя котельная, но топили очень слабо. К счастью. в квартирах дома были дровяные плиты, но с дровами была большая проблема, приходилось как-то выходить из положения. Удавалось за кастрюльку супа добыть ночью у инвалида истопника большое бревно. У каждой квартиры был в доме свой подвал, там это бревно надо было распилить и разрубить , и я активно принимал в этом участие. Однажды поранил пилой руку и очень этим гордился. Вся жизнь, когда горела печка, теплилась на кухне. Оконные стёкла кухни были покрыты изнутри толстенным слоем льда, так как на улице был сильный мороз, а на внутренней стороне конденсировался и замерзал пар. На плите варилась и жарилась скудная еда, но настроение было хорошее, так как было тепло и уютно. Появились продуктовые карточки, и приходилось бегать по магазинам, к ко-

торым они были прикреплены. Некоторые были довольно далеко и, когда приходил слух, что там что-то дают — надо было быстро бежать и занимать очередь с записью номера чернильным карандашом на руке. Электричество часто отключали и вечерами бабушка читала нам книжки при керосиновой лампе, а мы сидели, закутавшись, и слушали сказки Пушкина. Мама возвращалась поздно, и мы с сестрой с волнением, отогнув тёмную штору, глядели во двор, где мела и выла вьюга. Её приход вызывал у нас бурную радость, а она садилась отогреваться у печки и рассказывала про раненых бойцов, которых она оперировала и лечила. Иногда она брала меня с собой в госпиталь, и я видел этих искалеченных войной людей и общался с ними. Бабушка была домохозяйкой и, чтобы получить рабочую продуктовую карточку, устроилась на кукольную фабрику с работой на дому. Она приносила домой целый мешок кукольных тряпичных деталей: голов, ног и рук, и превращала это в готовых кукол и зайцев, одевала их в платья и отвозила в магазин. Других игрушек не было — весь магазин был забит этим товаром. После окончания войны бабушку наградили медалью «За доблестный труд в ВОВ». Каждый день мы с волнением слушали военные сводки. У нас в квартире был общий репродуктор (чёрный рупор), который висел в коридоре над старым сундуком. Звук был очень тихий и приходилось внимательно прислушиваться. Сообщения о наступлениях и освобождениях городов вызывали радость и предчувствие быстрой победы, но война затянулась, неся всё новые жертвы. Мы с сестрой любили слушать детские передачи, которые тогда транслировали часто. Сестра в школе написала сочинение про нашу маму, которое получило высокую оценку, и сестру вызвали

в радиокомитет и поручили его прочесть в радиопередаче. Поскольку весь дом сестру знал, то эта передача вызвала широкий хвалебный отклик у жильцов.

Военные зимы были очень холодные и снежные. Несмотря на постоянный голод, мы с удовольствием катались на санках и лыжах. За, упомянутыми выше, парками находился глубокий овраг, где протекал ручей. Его склоны были любимым местом наших катаний. Мой друг по лестничной площадке надевал лыжи дома и спускался на них по лестнице со второго этажа. Коньки были большим дефицитом и появились у меня позднее. Я их прикручивал на валенки и гонял по утоптанным дорогам или по замёрзшему ручью — катков тогда не было.

Весной 1942 г. я возвращался из детского сада и увидел, что жильцы нашего дома бегают с лопатами во дворе и размечают участки под огороды. Нам достался участок за домом, и я помогал маме его вскопать и посадить картошку. В пойме реки Уводи, которая протекала между нашим домом и Меланжевым комбинатом, было создано овощное хозяйство, снабжавшее столовую комбината. Выращенная нами картошка стала большим подспорьем. Осенью, собрав два мешка, мы обеспечили себе питание на зиму, убрав её для хранения в подвал. Самую мелкую бабушка промыла и испекла в духовке, и я, набив карманы ещё не остывшей картошкой, гордо пошёл гулять во двор и угощал друзей. Никаких фруктов в нашем рационе не было. На зиму засаливали бочку капусты и хранили её на балконе. Дверь балкона на зиму заклеивалась, и я вылезал через форточку и вырубал топором замёрзшую капусту. Картошка с капустой была основным нашим питанием. Масла не было и его заменил смалец — -зер-

нистый жир белёсого цвета и неопределённого вкуса. Тем не менее, кусок чёрного хлеба, намазанный смальцем, был лакомством. Вместо сахара появился сахарин. Из картофельной шелухи пекли лепёшки, и они казались деликатесом.

Треугольные письма с фронта приносил инвалид почтальон с большой сумкой, и мы их с тревогой раскрывали и читали. Письма приходили редко и содержали общие слова о войне — главное было, что отец жив. Сосед служил в артиллерии и присылал мне персональные письма, наставлял, чтобы я слушался маму и бабушку. Когда войска вошли в Германию, он присылал мне красивые немецкие открытки — я храню их до сих пор. Его жена часто рыдала, когда долго не было писем, а бабушка её успокаивала. Некоторые, ушедшие из нашего дома на войну, возвращались без ноги или руки, и было очень больно на них смотреть. Многие семьи остались без отцов. В 1944 г. я пошёл в начальную школу, которая была поблизости. Её директор был инвалид войны. Школьники были одеты, кто во что мог, и представляли пёструю картину. Появились вши, приходилось с ними бороться и нас стригли под ноль...

Война подходила к концу, и общее настроение улучшалось. В городе появились пленные немцы и венгры. Их приводили на работы по достройке нашего дома. Мы с ними общались, меняли хлеб на ножики, не видя в них никакой враждебности. И вот, наконец, пришло сообщение о победе. Я этот день хорошо помню. Была теплая и солнечная майская погода. Вся детвора высыпала во двор, мальчишки ходили гордые, все радостно говорили о нашей победе над фашистами. Наша соседка по лестничной площадке, мать

моего друга, у которой было трое детей, бурно радовалась. А через день ей пришла похоронка — её мужа в уже капитулировавшем Берлине застрелили выстрелом из окна. Такова цена победы. Наш сосед по квартире скоро вернулся целый и невредимый. Мой отец вернулся в 1946 г., когда я перешёл во 2-й класс. Он отдал мне свою полевую офицерскую сумку, и я носил её вместо портфеля до окончания школы.

Серебряков В.П.

Шёл разрушительный 1941 год...

Я прекрасно помню начало войны, особенно 22 июня — день объявления войны, я помню реакцию моих родителей, наших соседей, людей на улицах. Реакция у всех была одинакова, все считали, что Советский союз так хорошо подготовлен к войне, что не пройдёт и трёх-четырёх месяцев, как Красная Армия будет в Берлине. Действительность ошеломила всех и повергла всех в шок. Шоковое состояние руководства страны длилось долго — по меньшей мере 10 дней. Тем временем фронт стреми-

тельно продвигался к Москве и начались бомбёжки города. Мы с сестрой в то время находились в детском саду в городе. Чтобы вывести детей из-под бомбёжек, было решено вывезти детские сады за город. Наш сад оказался в 25 километрах к западу от Москвы.

Советская противовоздушная оборона, мобилизовав все резервы истребительной авиации и зенитных батарей, смогла сделать так, что основные бомбардировочные силы врага не могли прорваться в зону города, прорывались лишь отдельные самолёты, которые не могли принести существенные разрушения. Те же бомбардировщики, которые прорваться не могли, были вынуждены сбрасывать свой груз на Подмосковье, часто в районах, где располагались детские сады, вывезенные из города.

На территорию нашего детского сада упала большая фугасная бомба и сделала огромную воронку, так по крайней мере, это отпечаталось в моей детской памяти. Все дети и воспитатели во время воздушной тревоги находились в бомбоубежище, которое представляло собой простую глубокую траншею с дощатыми лавочками вдоль земляной стены траншеи. В тот раз мы слышали страшный вой авиабомбы и оглушительный грохот. И то, и другое мне снится по ночам иногда даже сейчас. Когда окончилась воздушная тревога и мы вылезли из убежища, меня поразило то, что на месте лужайки, на которой ещё полчаса назад мы играли в салочки, была огромная круглая яма конусом вниз, на дне которой была большая грязная лужа, это тоже мне иногда снится. Никто не пострадал в этой бомбардировке...

К сентябрю стало ясно, что детские сады надо срочно эвакуировать из западной части Подмосковья, как, впрочем, и из

Москвы вообще. Началась массовая эвакуация. Для эвакуации использовали и железные дороги, и речные пути. Наш привилегированный детский сад, превращённый в детский дом, было решено отправить на Урал в район города Пермь, который в те годы назывался город Молотов в честь соратника Ленина и Сталина, в те годы вполне здравствовавшего. Город этот стоит на реке Кама, левом притоке Волги, и нас решили отправить туда пароходом. Маме сказали, что пароход будет отправлен с Северного Речного Порта и что он пойдёт каналом «Москва — Волга», по Волге до устья Камы и затем уже в Молотов, всё путешествие было рассчитано на 5–6 дней.

Мама забрала нас из детского сада за неделю до отъезда, чтобы побыть с нами некоторое время перед нашим отъездом и перед её «командировкой» (она в МК отвечала за формирование партизанских отрядов в Подмосковье, куда и должна была выехать). В назначенный день мы втроём — мама, моя младшая сестра, ей было тогда три с половиной года, и я, мне было 7 лет — приехали на Северный Речной вокзал за три часа до отплытия, то есть заранее, чтобы напоследок немножко погулять у парохода, и чтобы мама могла посмотреть, как нас устроили на пароходе. Парохода у причалов, там, где он должен был быть, не было, его не было вообще. В справочной службе маме сказали, что с Северного Речного порта отменено отправление всех пароходов, поскольку канал «Москва — Волга» вчера был перерезан немецкими войсками. Пароходы для эвакуации детей были переправлены в Южный Речной порт, откуда и будет отправление примерно через час, то есть раньше, чем было давно объявлено, так как было опасение, что и южный путь через Оку тоже может быть перерезан со дня на день.

Расстояние до этого порта примерно 40 км, к счастью, мы были на машине нашего соседа, шофёра и давнего маминого сослуживца. Никаким другим транспортом за такое короткое время туда добраться было бы совершенно невозможно. Мы помчались через всю осеннюю военную Москву в надежде ещё успеть к отплытию. Когда мы приехали в Южный Порт, два парохода с детьми уже отошли от причала, а на третьем и последнем трап уже убрали и отдавали концы. Щель между бортом парохода и причалом начала медленно увеличиваться, мне крикнули: «Прыгай!». Я прыгнул, попал на палубу и стал кричать, чтобы ловили мою сестрёнку. Матросы, отдававшие последний конец, протянули руки, и мама, я не видел её лица, невероятно вытянувшись и изогнувшись, сумела передать мою маленькую сестрёнку прямо в руки здоровенному матросу через уже широкую полосу воды. Другие пароходы с эвакуированным детьми уже отплыли, и невдалеке впереди нас на середине реки были два парохода — двухпалубные белые прогулочные красавцы. Воспитатели подхватили мою сестрёнку и меня, и повели нас в каюты внутрь парохода.

На пароходе всё было празднично — каждый латунный поручень, каждая ручка двери были начищены и ослепительно блестели, в коридорах и на лестницах были ковровые дорожки, огромные шлицы ходовых колёс мерно шлепали с каждого борта. Я запомнил ощущение не бедствия, а праздника. Как будто мы отправлялись на большую речную прогулку в Подмосковье, где на красивом берегу будет остановка и мы будем играть на пляже, а потом будет весёлый пикник и песни хором под баян нашего Изи, воспитателя-музыканта... Но это был не пикник, и наш Изя-музыкант уже два ме-

сяца как был мобилизован в армию и был на фронте, откуда он, конечно, не вернулся...

На следующее утро после завтрака нас атаковал немецкий самолёт. Дети высыпали на палубу в восторге от такого зрелища, опасности мы не осознавали, а воздушные парады видали не раз — мы жили недалеко от парадного аэродрома Тушино. Все триста детей одновременно перебегали с одного борта на другой, создавая таким образом опасный крен то на один борт, то на другой. Капитан распорядился убрать всех детей с верхней палубы, нас разогнали по каютам. Тем временем второй пароход, за которым шёл наш третий пароход, был обстрелян, несмотря на то, что у всех трёх пароходов на самой верхней видимой с самолётов палубе были нарисованы красные кресты, низкий борт речного пассажирского лайнера был пробит ниже ватерлинии. К счастью никто не пострадал, но пароход стал медленно погружаться. Команда этого парохода вывела его на мелководье у берега, экипажи занялись снятием детей, а самолёт улетел, видимо израсходовав запас боеприпасов и топлива.

Через два часа мы продолжили наше путешествие, теперь уже на двух пароходах, вниз по течению Оки к городу Горькому, так тогда назывался Нижний Новгород. На следующий день мы были уже вне зоны действия вражеской авиации, спокойно вышли в Волгу и после недолгого плавания вниз по Волге достигли устья Камы и без приключений добрались до Молотова. Там нас ждали открытые машины и подводы, запряжённые лошадьми, что у московских детей вызвало большой восторг. На подводы погрузили наши нехитрые пожитки, а на полуторках, в кузовах которых были установлены лавки поперёк хода машины, нас отвезли в село Ильин-

ское, километрах в 25–30 от города, и поселили в 4-этажном здании школы.

Мы спали в классных комнатах, человек по 35–40 в классе, на крестовых брезентовых раскладушках, которые на день складывались и устанавливались вдоль стен. Днём в этих же комнатах с нами занимались, и здесь же мы играли в свободное время.

Очень скоро наступила зима, нам выдали зимнюю одежду и валенки, по утрам перед завтраком каждому из нас давали по столовой ложке рыбьего жиру. Снег весело скрипел, а в сильные морозы даже громко визжал под нашими валенками, когда по два раза в день мы шумно играли на свежем воздухе в салочки, догонялки и другие подвижные игры. С приходом зимы питание наше слегка оскудело, меньше стало мяса и рыбы, исчезли конфеты и пирожные, блинчики с творогом давали только на праздники, молоко было не каждый день, вместо него давали соевое молоко, вкус которого оставлял желать много лучшего. Один из наших воспитанников написал папе не фронт: «Папа, убей немца и соевую корову...». Мы все следили за военными действиями, в клубной комнате висела огромная карта нашей страны, на которой была обозначена линия фронта и синими флажками немецкие войска, а красными соответственно Красная Армия. Моей обязанностью было переставлять флажки на этой карте соответственно сообщениям Совинформбюро, которые печатались в газете Правда. Иногда нам показывали кино.

Классная комната, где жили младшие дети 3–5 лет, была расположена на первом этаже, мы, дети постарше, занимали классы на втором и третьем этажах, спали, конечно, и мальчики, и девочки в одном классе-спальне, воспитатели жили

на четвёртом этаже. Туалет был один на каждом этаже, на одном этаже для девочек, на другом для мальчиков, и только у малышей он был общим на первом этаже. Помню, как не хотелось ночью вставать в этот туалет на другом этаже, в котором иногда не было света, а на полу бывала иногда то ли вода, то ли моча, поэтому возвращаться приходилось с мокрыми ногами.

Я навещал свою сестру на первом этаже и носил ей редкие гостинцы, которые приходили к нам в виде посылок от мамы. Уже в конце осени мама сообщила нам, что наш отец, воевавший комиссаром в Ростокинской дивизии народного ополчения, попал в окружение, а затем пропал без вести. Эта была обычная формула, означавшая, что армия сведениями не располагает, а родственникам дававшая слабую надежду. Эта надежда оправдывалась очень редко. Воспитатели это знали и жалели таких детей ровно так же, как и тех, у кого родители погибли на фронте.

Быстро, как это мне теперь кажется, пролетел год, подошло время идти в школу. Школа находилась километрах в двух от нашего здания, около небольшой железнодорожной станции. Читать мы научились очень быстро и читали все надписи на железнодорожных вагонах, что вскорости очень пригодилось. Однажды, забежав после уроков на станцию из простого любопытства и пробегая мимо вагонов, мы вдруг увидели мелом на вагоне надпись «Жмых». Шёл 1942 год, наши завтраки становились всё тоньше, есть после уроков хотелось очень сильно, а тут жмых. Конечно, мы пробовали его и раньше и, пожевав его вволю, соревновались потом, кто дальше плюнет чёрной липкой слюной, только мы не знали, откуда он берётся, а тут всё стало ясно — он

берётся из вагонов. Мы тут же побежали к машинисту паровоза просить жмыху. Он сказал нам: «Берите, если сможете достать из вагонов». Вагоны же были закрытые, товарные. Открыть двери вагона нам было не под силу, но высоко, под самой крышей вагона, было окно, в которое можно влезть, если до него добраться. На занятиях по физкультуре в нашем детском доме нас учили строить пирамиды, и мы даже выступали с пирамидами по праздникам в школе. Мы сообразили построить такую пирамиду, и самый тощий, но ловкий по этой пирамиде мог добраться до вагонного окна и влезть в него. Самым тощим среди сверстников всегда был я, и мне приходилось влезать в вагон. Там, внутри, было полутемно и жутковато, но надо было торопиться и первым делом построить из больших плиток жмыха пирамиду под окном, чтобы можно было выбраться наружу. Я подтаскивал к окну и выбрасывал наружу обломки жмыховых плит, а друзья мои снаружи их ловили. У них была задача не прозевать семафор и дать мне знать, когда он откроется, а моя задача была в том, чтобы успеть выскочить из вагона до того, как поезд тронется. Я выпрыгивал из окошка как придётся, а друзья мои ловили меня внизу. Перед тем как тронуться, паровоз ударял по вагонам назад, и удар передавался каждому вагону, это был последний сигнал, после которого нельзя было медлить ни секунды, чуть промедлишь — и уедешь в никуда в тёмном товарном вагоне. Мне до сих пор снится иногда страшный сон, что я не успел выскочить из вагона, так глубоко впечатался этот страх в мою детскую память. В детский дом мы возвращались богатыми и знаменитыми и одаривали кусками жмыха всех детей, кто попадался нам на пути. Приносил я кусочки жмыха и моей маленькой сестрёнке, за что однажды

мне крепко попало, так как после этого у неё, как, впрочем, и у других детей, разыгрался понос.

Наступала поздняя осень 1942 года, немцев отогнали не только от Москвы, но и из всей Московской области. Мама была переведена на работу в Обком ВКПБ в Новосибирске, ей дали большую комнату в центре города на Красном проспекте, к ней туда приехала её сестра, наша тётя Римма, и наша двоюродная сестра Маечка. Мама тут же поехала за нами, чтобы взять нас в Новосибирск. Сейчас уже трудно представить нашу радость, когда мы увидели нашу маму в детском доме. Мне запомнилась роскошная машина Форд-вездеход с красными сиденьями из кожи, на простой машине из села Ильинское в это время года было бы не выехать, а на этой мы относительно без больших усилий пробились к городу через глинистую, всю в ухабах и огромных лужах дорогу и остановились у вокзала. Ехать нужно было через город Свердловск (теперь Екатеринбург), где нам предстояло сделать пересадку на новосибирский поезд. Добрались мы до Свердловска, сидя в комфортабельном плацкартном вагоне, попивая кипяток с баранками, которые мама везла с собой из Новосибирска. Поезд на Новосибирск был часа через 2–3, которые нам предстояло провести на вокзале, точнее время отправления никто сказать не мог. Мама посадила нас у окна вместе с чемоданами и нашими узлами, строго-настрого заказала мне никуда не отлучаться и всё время следить за сестрёнкой, а сама пошла оформлять билеты и купить что-нибудь поесть.

Я честно сидел на чемоданах вместе с сестрёнкой, мы иногда бегали вокруг нашего багажа или тут же прыгали на одной ножке. Мне понадобилось в туалет, мамы не было, я подвинул багаж ближе к окну, чтобы не было прохода меж-

ду окном и багажом, посадил сестрёнку к батарее парового отопления у самой занавески, чтобы не замёрзла, а сам побежал в туалет, который я ещё не знал где. Не знаю, сколько прошло времени, пока я нашёл туалет, пока сделал свои дела, пока я возвращался на наше место, которое я тоже не сразу отыскал. Когда я вернулся на наше место, там уже была мама и была она в полнейшем смятении, о чем-то громко и быстро спрашивая соседей. Когда я подбежал, она схватила меня за руку и стала спрашивать, где моя сестра. Я показал на место, где её оставил и стал беспомощно оглядываться вокруг, так как её там не было. Мама тут же побежала в справочное, чтобы объявили по радио, а затем мы с ней стали искать мою сестрёнку по всему вокзалу, попросив соседей присмотреть за нашим багажом. Её нигде не было, мы вернулись к нашим узлам, соседи уверяли, что они не видели, как она уходила, а если бы увидели, то подняли бы тревогу. Это было слабым утешением, мы сели в отчаянии на наши чемоданы, мама, откинувшись назад, задела рукой занавеску окна, та колыхнулась, а за ней, закрытая от всех, спала моя сестрёнка, свернувшись, как котёнок. Она, видимо, слегка сместилась со своего узла, засыпая, и оказалась таким образом совсем у стены за занавеской. Когда мама схватила её на руки и прижала к себе, сонная моя сестрёнка была ещё и не очень довольна, что потревожили её сладкий сон.

Посадка на поезд в Новосибирск была для нас очень сильным впечатлением, оставшимся на всю жизнь, как это выяснилось много лет спустя. Уже в 1967 году, то есть через 25 лет, я оказался в Риме в первой моей загранкомандировке и вообще в первой для меня поездке заграницу. В одном из римских кинотеатров шёл ещё новый тогда фильм «Доктор

Живаго», снятый по роману Бориса Пастернака, нобелевского лауреата, ошельмованного, заклейменного, загнанного, как чёрный пёс, у себя на родине писателя, роман которого был запрещён у нас в стране. Конечно, в первый же свободный вечер я пошёл в этот кинотеатр на этот фильм. Фильм шёл на итальянском языке, он был полон захватывающего действия, хотя понятны были мне лишь некоторые реплики. Когда же дело дошло до сцены посадки героев фильма в поезд, в котором вагоны-теплушки брались пассажирами «с бою», я не то что вспомнил нашу посадку на новосибирский поезд в Свердловске, я это всё почувствовал так, как будто я опять оказался среди пассажиров, берущих вагоны штурмом, я почувствовал те запахи в вагоне, те разговоры и те настроения, что сопровождали нас три дня дороги до Новосибирска.

В Новосибирске у нас началась новая жизнь, мы были с мамой, с тётей, которую очень любили, и даже со старшей двоюродной сестрой, строго следившей за тем, чтобы мои домашние задания были всегда выполнены...

Уманская Т. Я.

Два самых счастливых дня

Мой отец, Уманский Яков Аркадьевич, работал инженером в отделе капитального строительства Министерства рыбного хозяйства. В июле 1941 года Министерство предоставило пароход для эвакуации своих сотрудников с семьями в г. Астра-

хань. Мест на пароходе было гораздо меньше, чем людей, и потому часть семей была размещена на палубе, в том числе и наша семья: отец, мать, мой брат Евгений и я. Мне было 14 лет.

По прибытии в Астрахань нас расселили по квартирам, заранее приготовленным Министерством. Мы попали в одноэтажный дом в двухкомнатную квартиру, хозяева выдели нам одну комнату, сами они жили в проходной. Я поступила в 7-й класс. Министерство заботилось о нас. Мы были прикреплены к продовольственному магазину.

Зимой 1942 года начали рыть противотанковые рвы от Сталинграда до Астрахани. В Астрахани была мобилизована большая часть мужского населения на рытьё рвов. Условия были очень тяжёлые: с житьём в палатках, скудным питанием, морозами и очень тяжёлой работой, по рассказам отца и других взрослых.

В конце зимы 1942 года в Новосибирске было создано отделение «Главсибрыбпром», куда были направлены некоторые сотрудники Министерства, в том числе и мой отец.

Нас Министерство снабдило одеждой (это были ватники — брюки и куртки), а также некоторыми продуктами на дорогу. Нас погрузили в теплушки (товарные вагоны), в торце вагона с двух сторон были устроены полати, на которых мы жили и спали, естественно, не раздеваясь. У нас на пола-

тях поместилась наша семья и ещё один дядя. Очень весёлый. В середине вагона стояла «буржуйка». Спали так тесно, что поворачиваться надо было всем разом.

Ехали мы без расписания до Новосибирска 23 суток. Вперёд пропускали военные составы, госпитали и другие важные поезда. Нам никогда не было известно, когда будет остановка и на сколько времени. Поэтому для нужды — никакой команды «женщины налево, мужчины направо» — устраивались все рядом.

В Новосибирске нам дали одну комнату на две семьи: нас четверо и пара по фамилии Кругляк, с той же папиной работы. Дочь их, Мура, только что закончила Медицинский институт и была направлена сразу же на фронт.

Я продолжала учиться в 7-м классе в школе в самом центре города. Мы были очень активными. Всё время искали для себя дела с одной мыслью — как помочь фронту. Нашли мастерскую, где шили варежки, шили кисеты для фронтовиков, собирали бутылки для коктейля Молотов. В это время в Новосибирске шло строительство Государственного академического большого театра оперы и балета. Этому строительству придавалось большое значение. Мы после уроков стали ходить туда на субботники убирать строительный мусор. Символично, что первый сезон театра открыли 12 мая 1945 года, то есть на третий день после окончания войны, оперой «Иван Сусанин». Финал спектакля зал приветствовал стоя. На площади рядом с театром находился в то время госпиталь № 2239, куда мы часто приходили помочь санитарам, а также со своей самодеятельностью для раненых.

В городе работали курсы для водителей, а для девушек курсы радисток. Первый такой отряд у нас был выпущен.

Девушки, одетые в военную форму, ходили часто строем по главной улице города с песней:

Белоруссия родная!
Украина золотая!
Наше счастье молодое
Мы своими руками создадим!

Мы, школьницы, тоже пошли учиться на курсы и стали учить знаки. А чтобы мы лучше запоминали их, преподавательница нам сказала, что некоторые буквы, то есть точки-тире, можно петь. Вот такие примеры: «Пала-шла не дошла». «Я на горку шла, идут чеки-и-сты». «Тётя Ка-а-тя». К сожалению, больше примеров не помню.

Подхожу к очень счастливому дню. Меня приняли в комсомол. Это было 23 октября 1942 года. Теперь надо было участвовать в добрых делах ещё больше. Удивительно, что номер комсомольского билета я помню с первого дня и по сей день. Всегда! И храню до сих свой комсомольский билет.

Летом 1943 года меня направили пионервожатой в лагерь под Новосибирском. Все мы знаем и любим песни военных лет. Это уже не песни, это история Отечественной войны. И вот в пионерлагере на концерте самодеятельности девочка лет 12-ти спела песню «Дорогая моя столица», которую ещё никто из

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№15123703

нас не слышал. Эта песня и эта девочка произвели такое сильное впечатление, что мы все просто плакали.

В эти годы была такая утренняя воскресная любимая передача, в которой рассказывали о подвигах наших солдат, совершённых за неделю, а также в сатирической форме о действиях фашистов:

Вернёмся скоро снова
И просим вас не забыть
Шмелькова и Ветеркова
И песни их полюбить.
Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.

В каникулы летом 1943 года нас после 7-го класса отправили на уборку урожая. Мы попали в совхоз, и нас разместили в конторе, где для нас был сделаны полати. Утром нас отвозили в поле и каждой из нас выделяли участок работы. Мне в то время очень нравился фильм «Свинарка и пастух». Я была влюблена в Зельдина и знала наизусть весь фильм. Когда нас приводили на участок, девочки говорили мне: «Ну, давай!» Я брала ведро и начинала петь и плясать: «Кушайте, ешьте и пейте, ешьте, ещё замешу, и поскорее толстейте, очень об этом прошу». С нами был наш учитель, которого мы очень не любили. Мы принимались работать, а он садился на снопы и начинал что-то есть. Чаще всего он садился на моём участке. Время от времени он говорил: «Уманская, передай по цепочке. Больше хлеба фронту! Не сдавать победы трёх дней». Нас это просто бесило.

Я была не самая ловкая работница. И девочки в конце дня приходили на мой участок, чтобы помочь мне.

Однажды, возвращаясь с поля через деревню, мы с подругой накопали немного картошки в чужом огороде, чтобы на всех пожарить на углях. Учитель узнал, отругал нас и отправил нас вместе с картошкой к хозяйке, просить у неё прощения. Это было вечером, идти было довольно далеко. Мы пришли и стали просить прощения. Она жила с детьми, муж её был на фронте. И она стала причитать: «Да что вы, девочки, вы, наверное, голодные, давайте я вас накормлю, вот вам борщ, хлеб, картошка, ешьте». Сама плачет и причитает. Мы тоже плачем. Шли обратно, уже было совсем темно. За нами увязалась большая собака и, как мы её ни оттоняли, она не уходила. Она тоже шла к людям.

Совхоз заплатил нам за работу — два мешка гороха! Но мы и этому были рады.

В 1944 году отец получил разрешение вернуться в Москву. До Москвы поезд шёл восемь суток. Мест ни лежачих, ни стоячих не было. Но доехали! Одна добрая женщина уступила папе своё место, настолько плох он был.

День Победы я встретила в Москве. Весь день я провела на Красной площади вместе со своей подругой. Радости не было конца! В те годы у меня было два самых счастливых дня, которые запомнились на всю жизнь — день, когда меня приняли в комсомол, и, конечно, день Победы!

В 1945 году я закончила школу рабочей молодёжи. Поступила на подготовительные курсы, закончила Институт иностранных языков в 1952 году и была направлена на работу в школу на станции Красный Лиман Северо-Донецкой ж. д. Проработала там четыре года и в 1956 году вернулась в Мо-

скву, где меня взяли на работу во ВНИРО. Во ВНИРО я проработал 27 лет. В 1962 году вступила в партию. Будучи на пенсии, много работала, ездила в командировки. Работа была очень интересная.

На сегодня мне 92 года.

Шепель Л.И.

Война, на которой мы не сражались, но нам пришлось её пережить и помнить

Совершенно неожиданно мой лучший друг-соратник по морским скитаниям Слава Зиланов изложил свою идею относительно издания сборника воспоминаний детей войны о войне и предложил написать в него и мои воспоминания. Неожиданность была не в самой идее, а в том, что мои воспоминания требовалось представить как можно быстрее, через пару-тройку дней. Естественно, не очень легко можно восстановить и организовать в памяти так ско-

ропалительно события, свершившиеся почти столетие назад, хотя это было несколько меньше — всего лишь 80 лет, но всё же в прошедшем столетии. Да, мои воспоминания относятся именно к тем временам, которые запечатлелись в сознании по рассказам моей мамы Анны. И эти воспоминания больше относятся к моим родителям и, в особенности, отцу-лётчику Ивану Андреевичу Шепелю.

Именно об этом я хотел бы рассказать живущим в моём не очень радостном повествовании. Мы, рождённые в те предвоенные и военные годы, оказались на пороге смены не только поколений, но и цивилизационных формаций. И наше, уже уходящее поколение, жило всё это время с чувством потери, даже после торжества ПОБЕДЫ.

Цена торжества была очень велика, перевешивая в своём трагизме все радости. Но жизнь нельзя остановить, и мы оставались тем единственным звеном, связывающим преждевременно ушедших победителей с современным, опять же, беспокойным, полным тревог и надежд, миром.

Мы тогда остались живы только потому, что были они — ***«Те, кто командовал ротами и самолётами (мой отец), в горло вгрызаясь врагу...»*** Это о нём, военном лётчике, и пусть это будет также о всех других, не возвратившихся к своим семьям. И хотя я уже написал об отце и маме в своей книге «Два цвета», изданной в США на английском (“Two

Colours", 2012 г.), об этом можно и нужно писать бесконечно, чтобы живущие помнили сквозь столетия.

Нападение перед рассветом

Очевидно, ещё живы те, кто помнит — ***«Киев бомбили, нам объявили, что началась война...»*** На пути к Киеву немецкие «Мессеры», «Юнкеры» и «Фоккеры» вначале преследовали в небе над городом Овруч (Житомирской области), где располагалась военно-воздушная часть моего отца и жили мы в тихом и уютном военном городке на окраине Овруча. Командующий Киевским военным округом И.Э. Якир лично руководил созданием и постройкой Овручского укрепрайона и нескольких стратегических аэродромов. Как говаривал отец, ***это райское место жизни.*** Они тогда были молоды и полны энтузиазма, не зная, что очень скоро рай превратится в ад (для главнокомандующего И.Э. Якира ад случился в 1937 г., когда палач НКВД пустил пулю в голову генерала; в своих казематах они всегда стреляли сзади).

Остаётся загадкой, почему немцы не разбомбили стратегический объект Овруч на подлёте к Киеву. Как рассказывала мама, в ту ночь 22 июня 1941 г. они проснулись от невероятного небесного гула. Выйдя на балкон, отец быстро вернулся в комнату. Он был бледен. Лётчик даже в темноте и по звуку очень хорошо мог отличать немецкие самолёты от советских. Когда мама спросила: ***«Что случилось? Это ведь наши учения, Ваня?»***, отец ответил: ***«Нет, Аннушка, они на нас напали и могут бомбить в любой момент. Собери детей. Надо бежать в бомбоубежище».*** Мама всё ещё не верила и пыталась отрицать: ***«Но ты говорил, что у нас мирный договор с ними и войны не будет...»*** Отец только

ответил: *«Извини, дорогая, сейчас нет времени. Мне надо в часть. Одевай детей и спускайтесь к бомбоубежищу»*. Отец побежал вскорости на аэродром, чтобы поднять свой ИЛ–2 в воздух.

Таким было то утро 22 июня 1941 г. Мне было 2 года и один месяц, а моей сестре 3 года и 3 месяца. Как рассказывает моя сестра Ада, она всё же помнит то утро и последующие события очень хорошо. Но я не могу похвалиться тем же. В памяти возникают только лишь отдельные отрывки событий, не более. В тот день немецкие бомбардировщики вышли на Овруч только к обеду, когда Киев уже пылал от пожарищ и разрушений. Но к этому моменту все эскадрильи Овруча уже были в воздухе, и немцы получили хороший отпор, очевидно, первый такой в небе над Украиной. Как сказал отец, они сбили несколько «Юнкеров» и «Мессеров». Отец тогда командовал ИЛ–2 и, несмотря на то, что это был штурмовик, его звено расстроило немецкие порядки в воздухе, и поэтому Овруч остался почти невредим. Но ненадолго... Может быть с того момента немецкие лётчики стали называть ИЛ–2 «Чёрная смерть», хотя этот советский штурмовик больше угрожал сидящим в окопах, чем тем, кто в воздухе.

Для моего отца это была не первая война, а третья. Когда отец познакомился с моей мамой на пароходе, идущем по узким плавневым протокам реки Днепр из города Каховка в город Берислав в 1936-м, он готовился к отбытию в Испанию. Советские добровольцы (они все были обученными военными специалистами) добирались в Испанию для защиты той далёкой революции в основном только Средиземным морем или иногда через Балтику. Но миссия отца была особенной. В советских сводках упоминаются только

истребители И–15 и И–16, которые были доставлены в Испанию. Задача же отца была сверхсекретной. Его экипажу предстояло преодолеть расстояние около 3100–3200 км от западной границы СССР до Мадрида на новом тяжёлом бомбардировщике ТБ–3. Им это удалось, его самолёт выполнял специальные задачи по защите Мадрида, одновременно тяжёлый бомбардировщик испытывался в настоящих боевых условиях. И это была внушительная сила с 30 бомбами по 100 кг, чего не было тогда у немцев. В декабре 1936 г., когда они бомбили Франко-немецко-итальянские войска в районе стратегической дороги Корунна (Corunna Road) на северо-западе от Мадрида, чтобы защитить столицу Испании от окружения, в бою погиб второй пилот отца, его лучший друг, испанец Леонардо. Поэтому, когда я родился, мне досталось это имя — Леонард.

Второй войной отца была война в Китае. Почти сразу же после рождения моей сестры в марте 1938-го отца отозвали в Москву, откуда его группа была переправлена в Алма-Ату и затем в Китай, в северные провинции Ланьчжоу и Нанкин. Это была Китайско-Японская война, в которой опять же принимали участие *добровольцы СССР*.

В этой войне отцу не повезло, хотя посчастливилось выжить. Его бомбардировщик СБ был сбит японцами где-то в районе реки Хуанхе. Главное везение было в том, что экипажу удалось успешно приземлиться на мягкую жёлтую наносную почву, которой славится эта большая (жёлтая) китайская река. Самолёт не взорвался от удара. Однако отец повредил ногу и ему пришлось комиссоваться на некоторое время. Лечение было успешным, и он вступил в строй через год. Я хорошо помню тот подарок, который он привёз из Китая моей

маме — шёлковую скатерть с расписными причудливыми изображениями павлинов и каких-то райских птичек. Они напоминали нам отца почти 50 лет, пока даже самый прочный китайский шёлк не выдержал воздействия времени, но остался в моей памяти на всю жизнь со своими экзотичными птичками.

Тогда, 22 июня 1941 года, началась третья и последняя война для моего отца. А для нас, мамы Анны, сестры Адель и меня, начались совершенно новые испытания. Почти неделю мы находились в Овруче, который подвергался постоянным бомбёжкам, так как это была часть особенного укрепрубежа на подходах к Киеву. Всё это время, почти без передышки, отец совершал постоянные боевые вылеты. Лётчиков становилось всё меньше и меньше, и они гибли при каждом боевом вылете. Наш отец, строгий офицер и преданный коммунист, возвращался из полётов мрачным и истощённым. Как говорила моя сестра, отец даже плакал на кухне, сидя с мамой и рассказывая о погибших близких товарищах. Им приходилось делать боевые вылеты без полного боекомплекта и с полупустыми баками. Армия не была подготовлена или же была специально обезоружена. И отец, слепо веривший в Сталина и быструю победу, был разочарован. Он часто повторял: *«Зачем они оставили нас без вооружения? Это ведь предательство. Якир никогда не позволил бы это сделать. Может потому они его и убили!»*

Смысл этих слов я осознал намного позже, читая историю и вспоминая рассказы мамы и сестры (она всё же запомнила больше). Весь защитный рубеж вокруг Овруча и далее в мае-июне 1941-го был поставлен на перевооружение. Предполагалось якобы установить новые скорострельные пулемёты и пушки на самолёты ИЛ–2 и СБ, и прочие. Почти половина

самолётов стояли разоружённые и без боеприпасов. Это было явной диверсией, за которую до сих пор никто так и не понёс наказания. Только за первую неделю боёв в части отца погибли почти треть (!) лётчиков; многие из них шли на таран, не имея боеприпасов, но с верой в вождя и со словами «За Сталина!». Отцу посчастливилось, так как его эскадрилья состояла из особенных самолётов — ИЛ-2, и у них ещё оставался боезапас.

Как рассказывала мама, отец очень скоро понял, что обещанная вождём быстрая победа не состоится. Он решил сохранить свою семью и отправить нас подальше из этого ада. Очевидно, отец был на особом счету у командования и ему не составило труда достать нам полное купе в «литерном» (т.е. особенной важности) поезде, следующем в далёкую Сибирь. Почему так далеко? Несомненно, он знал и понимал намного больше, выполняя особенные задания. Тогда он сказал маме, что очень скоро вся Украина окажется в руках врага. Он, очевидно, уже начал сомневаться в ***мудрости*** вождя, допустившего разоружение своей армии в то время, когда происходило накопление войск противника на границе. Все об этом знали и беспокоились, кроме сидящего в Кремле главнокомандующего.

Мама рассказывала, что тогда появилось много поляков и отец разговаривал с поляками-перебежчиками из оккупированной Польши, пробирающихся в Овруч через леса и болота Полесья, и он хорошо осознавал, что вторжение неизбежно. Почему этого не видели в Москве? Они там, сидящие за высокими красными стенами, наказывали только тех, кто сообщал о предстоящем нападении, за распространение ***ложных слухов***. Эти люди, спасающие страну, именовались ***провокаторами*** и сурово наказывались, если не расстрелом, то ссылкой в Сибирь. По рассказам мамы, отец удивлялся,

почему столько эшелонов с зерном и мясом следовало через Житомир-Овруч на запад, в Германию. В тот период страна уже недоедала и только военные гарнизоны, и наш Овруч снабжались неплохо.

В то утро, 29 июня 1941 г., мы поднялись рано, чтобы успеть на наш «литерный» до рассвета, пока немцы не прилетели с очередной бомбёжкой. Но не совсем успели. Я помню это как в тумане, а моя сестра, Ада, говорит, что всё хорошо запомнила. Когда отец вёз нас на своём мотоцикле с коляской через поле к железнодорожному вокзалу, немецкие «Мессеры» и «Юнкеры» начали предрассветную атаку. Отец остановил мотоцикл, и мы бросились в пшеничное поле. Мама несла меня на руках. Как рассказывала Ада, бомбы ложились почти рядом, когда мы лежали в поле. Но что самое удивительное, сестра говорит, что она не испугалась и даже хотела собрать незабудки, растущие в том поле, но мама почему-то это не позволила ей сделать. К счастью, бомбёжка быстро прекратилась. Как сказал отец: ***«Они сбросили лишний боезапас после Киева»***, где противовоздушна оборона была массированной, и немцы не всегда могли выбросить все свои бомбы. Поэтому Овруч и другие города на пути получали остаточную порцию.

Я не помню расставание с отцом. Сестра говорит, что мы все плакали, а отец убеждал, что скоро встретимся. Но нам больше не пришлось встретиться. Отец сразу же, не дожидаясь отправления, помчался в свою часть на очередной боевой вылет. Он тогда сказал нам: ***«Я должен прикрыть вас с воздуха»***. Так начиналась наша новая жизнь вдали от бывшей ***райской жизни*** в военном городке Овруче. Почти три недели мы добирались до Красноярска, что стоит на могучей сибирской реке Енисей. И нам ещё повезло, так как месяц спустя тем пу-

тём могли пройти не все поезда, и многие пассажиры погибли под фашистскими бомбёжками. Так, в 2 года от роду я стал сибиряком и это «имя» надолго закрепится за мной в мои детские годы, и когда мы возвратимся в Украину, соседские ребята будут дразнить меня: *«Сибиряк молодой обливается водой»*. Я и вправду не боялся холодной ранневесенней днепровской воды. Воды Енисея были намного холоднее...

«Я должен прикрыть вас с воздуха!»

Эта часть моего повествования всё ещё болезненная для меня, даже в моём довольно пожилом возрасте. И, наверное, так будет всегда. Всё то прошлое и то, что произошло с отцом, я вижу как наяву. Отец выполнил своё обещание. Может потому мы и добрались благополучно до Красноярска и даже неплохо устроились в том незнакомом, но дружелюбном крае охотников и прочих особенных людей-сибиряков. И жили мы в особенном месте, где медведи и волки зачастую выходили на тропу и даже подходили по сугробам к окнам нашего дома. Хорошо, что сибиряки закрывают свои окна деревянными ставнями. Но мы и так не боялись, так как нашим соседом был один из самых знаменитых охотников в тех краях. Его звали Тимофей и он подкармливал нас оленьим и медвежьим мясом, говоря: «Это для настоящих мужчин». Я тогда страшился чучел-голов всевозможных животных, развешанных на стенах у Тимофея. А наша бабушка, Авдотья, угощала Тимофея украинским (ну, может быть не совсем) борщом. Она как-то умудрялась это приготовить без настоящих украинских ингредиентов, как свёкла и сало. Но это совершенно иная глава моей жизни и её невозможно изложить в этом повествовании. Я хотел бы больше написать

об отце Иване, который остался там, на передовом фронте, чтобы прикрыть нас с воздуха.

Всё, что здесь изложено, стало мне известно из отцовских писем и рассказов одного из однополчан отца и некоторых других источников, полученных уже в последние годы. Очень скоро, ввиду быстрого продвижения немцев, полк отца был эвакуирован под Киев. Кажется это было в районе современного аэропорта Жуляны. Бои продолжались без передышки. Хотя стало легче с боеприпасами, это не очень помогло сдержать немецкое наступление группы армий «Юг», вышедших в августе к Днепру на всём протяжении, от юга до Киева. И танки Гудериана угрожали окружить Киевскую группировку войск с севера, а группировка Клейста действовала со стороны Умани. В начале августа был закрыт Уманский котёл с окружением 6-ой и 12-ой армий общей численностью до 150 тысяч. Эти армии находились под объединённым командованием генерал-майора П.Г. Понеделина (будет взят в плен вместе с командующим 6-й армией генералом И.Н. Музыченко).

В августе 1941 г. эскадрилья ИЛ–2, в которой находился отец, была поставлена на бомбовые операции против наступающих немецких войск, следующих на штурм Киева по шоссе Одесса-Киев. В то время уже почти не было у Советской армии истребителей и лётчиков, практически уничтоженных в неравных боях с более современными и хорошо вооружёнными немецкими «Люфтваффэ». И в тот свой боевой вылет отец и его напарник-ведомый, капитан Петренко, ушли без сопровождения. Это было где-то в районе Белой Церкви, юго-западнее Киева, когда они заметили большую колонну немецких войск. Учитывая великолепные лётные качества ИЛ–2, лётчики могли лететь близко к земле, маски-

руясь на местности и в туманных полосах, особенно частых в этой средней полосе Украины. Поэтому немецкие лётчики не всегда могли заметить наши самолёты. Но, очевидно, немецкие артиллеристы на земле оказались более зоркими.

В 1944-м мы получили известие, что наш отец, Иван Андреевич Шепель, пропал «без вести» в боях под Киевом. Это была печальная весть, но всё же не «похоронка». И мы всё время надеялись, что отец вдруг появится на пороге. Так прошло очень много лет жизни с ощущением потери и надежды. В 2012-м мы узнали, что власти США открыли секреты некоторых немецких концентрационных лагерей. В одном из них, лагере Флоссенбюрг (Flossenburg) в Баварии, что на границе с Чехословакией, мы нашли... нашего отца. Тогда, у Белой Церкви, его самолёт не взорвался во время крушения и отец был взят в плен. И я даже представляю, что всё произошло не по слабоволию отца. Наша мама нам говорила, что он не раз повторял: ***«В моём пистолете всегда останется последняя пуля для меня, но в плен я не сдамся»***. Мы сообщили маме, что отец не погиб в 1941-м, а находился в плену в немецком лагере. Она тогда сказала: ***«Я это чувствовала, что он не умер, а жив. Бедный Ванечка, как ему было тяжело в том лагере. Теперь я знаю и могу уйти к нему»***. Мама умерла через полгода, в июле 2013-го. Ей было 97 лет.

В том лагере Флоссенбюрг, находящимся под особенным протекторатом Гиммлера, заключённые работали в гранитных каменоломнях. Сам гранит был наиболее доходным делом для генералов СС. Гранитные изделия пользовались огромным спросом в процветающей на войне Германии и по всей Европе. Почти все заключённые, работающие в гранитных пещерах без защиты, быстро умирали от поражения

дыхательных путей и туберкулёза. Отец умер в октябре 1944-го. Этот лагерь считался почти «неизвестным» по причине сравнительно незначительного количества узников. Однако немецкий порядок был всё тот же, и лагерь имел традиционный крематорий. Здесь погибали известные узники, такие, как советские генералы Дмитрий Михайлович Карбышев и Иван Михайлович Шепетов, и начальник службы немецкой военной разведки Вильгельм Каннарис. 23 апреля 1945 г. лагерь был освобождён американскими войсками. Отец не дожил до этого момента 6 месяцев, ему было всего 35 лет.

Как помнят потомки...

Моя сестра первой посетила то место, где погиб отец. Немцы сохранили лагерь, как символ жестокости нацизма и трагедии людей. Там открыт музей Холокоста и в списках можно найти всех или почти всех узников. В лагере за всё время войны содержалось около 100 тысяч узников, и большинство из них были политическими противниками Гитлера или высокопоставленными преступниками (по немецким законам тех лет). Советских военнопленных, в основном офицеров и лётчиков, было около 2500–3000 (а всего советских людей около 35000); в живых осталось только около 100 человек. Но никаких захоронений не сохранилось, кроме нескольких заброшенных пустырей с каменными плитами и колышками. Возможно, там были написаны имена, но они не сохранились, исчезли под воздействием природы. Все деревянные бараки уже разрушились и остались только дома из гранита, которые простоят, очевидно, ещё тысячу лет.

Небольшой городок Флоссенбюрг на высоком холме выполнен в граните, благо этого материала истощённые уми-

рающие узники добывали немеряно, работая в каменоломнях с 5 часов утра до 7 часов вечера. До сих пор то низинное место с бараками и крематорием немцы именуют «долиной смерти». Но надо отдать должное побеждённым. Они восстановили всю ту античеловеческую архитектуру и хранят неприятную для них историю-память о прошлом, чтобы этого никогда больше не повторилось, и чтобы люди никогда не желали воевать. В бывшей большой стране СССР-победителе нигде нет подобного бережного отношения к памяти павших солдат и ухода за памятниками. И даже если что-либо ещё осталось, то нет той бережной святой культуры и гарантии защиты от новых, своих же современных вандалов. И не в пример Германии, посетителей не очень много бывает на курганах смерти наших соотечественников.

Я решил создать свой небольшой мемориал в память отца. В Одессе есть парк «Памяти Победы». Это почти в самом центре города, и не могло быть лучше места для осуществления моей идеи. Там я высадил дерево-липу возле выступающего из-под земли большого камня и закрепил на нём мемориальную доску:

«Дерево Памяти
Военный лётчик
Иван Андреевич Шепель
Погиб в лагере смерти Флоссенбюрг
Октябрь 1944 г.»

На каждый день победы, 9 мая, я покупал гвоздики на своей 7-й станции Большого Фонтана и шёл к моему памятному символу, чтобы постоять и помолчать полчаса. Многие,

проходящие по той алее люди, останавливались и почтенно склоняли головы у дерева памяти. В прошлом году я пошёл на то место и ничего не нашёл, кроме нескольких гранитных осколков от мемориальной плиты. Я уже сделал новую и теперь ищу место на большой дороге Одесса-Киев, на которой отец штурмовал немецкие колоны. И опять я хочу посадить липовое дерево, потому что знаю — единственное тысячелетнее дерево в этой стране — это липа. По некоторым преданиям, то самое дерево высадил в Печерской Лавре, возле ближних пещер, один монах, а может быть, даже сам Владимир Мономах или Нестор Летописец.

Пролог

Судьба моей семьи и моего отца предопределялась на сцене катастрофических планетарных разрушений и человеческих страданий, свершившихся в 20-ом столетии и отразившихся на судьбах многих народов. Человечество назвало те исторические события Второй Мировой Войной (WWII), а люди одной большой страны называли это Великой Отечественной Войной. И они, пожалуй, были правы в таком названии и восприятии, учитывая чрезвычайную смертельную статистику соотечественников, которая по официальным расчётам национальных правителей составила более 25 миллионов погибших. Хотя официальные статисты не могли, а может и не стремились подсчитать реалистичные потери человеческих жизней всех тех погибших и просто исчезнувших без вести на полях сражений и не только.

Участников той войны почти не осталось в живых и даже их дети уже постарели и многие уходят. Возмож-

но, они ещё помнят рассказы воинов и говорят об этом со своими детьми и внуками. Что могут помнить дети, не сидевшие в окопах под свистом пуль, разрывами снарядов и не видевшие умирающих товарищей? Свидетели сего ушли в мир иной, и сейчас никто не может нам рассказать всю правду о войне. Я вспоминаю прошлое и мои беседы с Борисом Григорьевичем Зайцевым, капитаном дальнего плавания и затем моим заместителем по флоту в «Севрыбпромразведке» в г. Мурманске. Б. Зайцев прошёл всю окопную войну до Берлина. Однажды, когда мы отмечали День Победы и произносили с трибуны героические речи, он мне сказал то, что я не смог сразу осознать, но запомнил на всю жизнь: *«Войну надо помнить не как литературный героизм, а как трагедию с её страшными деталями — кровь, смерть и грязь... Если люди будут знать и помнить это, тогда никто не захочет повторить... В День Победы мой стол никогда не будет праздничным, а поминальным...»*

В жизни моей семьи тот стол всегда был поминальным с памятью о печальной судьбе моего отца. Весной 1944г посыльный курьер местного комиссариата постучал в дверь нашего дома и вручил небольшой лист бумаги с коротким сообщением, что военный лётчик Иван Андреевич Шепель *«пропал без вести»* под Киевом в июле-августе 1941г. Военные представители тогда никогда не обозначали потери живой силы в войне как *«пропал при выполнении боевого задания»*. Так обычно классифицируют во всех цивилизованных странах потери при военных действиях своих солдат и офицеров, исчезнувших на поле боя по причине смерти, ранения

или захвата в плен. В своей стране мой отец, военный лётчик лучшего советского бомбардировщика-штурмовика тех времён, Ил–2, просто исчез по неизвестной причине как будто он отправился на случайную прогулку в воздухе, и никто не видел его в последствии.

И таких, ушедших в небытие и неизвестность, оказалось большое множество. Они все трагически погибли и нескончаемое количество историй было написано, но этого никогда не будет достаточным, чтобы отдать им должное. В тот день, 22 июня 1941 года, война для нас началась предрассветным утром. Бомбардировочная эскадрилья отца базировалась 150км западнее Киева, и на восходе солнца он поднял свой Ил–2 в воздух, чтобы отразить атаки немецких Фокке-Вульфов и Мессеров. Его война в небе была короткой. Спустя месяц или два, он совершил свой последний боевой вылет над украинской землёй. Я помнил и записывал всё, что мне рассказывала моя мама-Анна и другие участники войны, и также то, что я чувствовал в моём сердце о нём. Отец не мог так просто исчезнуть, и, как я однажды написал, он совершил аварийную посадку на вспаханное чернозёмное поле...

«Капитан Петренко видел, что Ил–2 его ведущего командира быстро снижался, как будто в неконтролируемом падении. Затем самолёт выровнялся, но продолжал плавно и неуклонно снижаться. Петренко понял, что лётчик смог восстановить контроль и вот-вот должен начать подъём. Но расстояние до земли снижающегося Ил–2 оставалось критическим, очевидно не более 200 м, и бомбардировщик не был сконструирован для устойчивого планирования. Остановить падение

и избежать столкновения с землёй было невозможно. Очевидно, зенитный снаряд повредил управление или двигатель самолёта, но возгорания не произошло. Впереди открывалось широкое чернозёмное поле, и, наиболее вероятно, пилот решил направить свой обречённый Ил–2 на это пахотное поле... И первоклассный пилот приземлился почти как на обычный аэродром... Немецкие мотоциклисты были уже очень близко к упавшему Ил–2, когда они открыли огонь из двух бортовых пулемётов и расстреляли мотоциклистов, очевидно поразив всех. Но пилота и его стрелка не было видно на земле. Имели ли они достаточно времени, чтобы выбраться из самолёта? Обычно лётчики это делают как можно быстрее, чтобы успеть до взрыва упавшего самолёта...Капитан Петренко не имел достаточно топлива, чтобы оставаться на этом месте; он больше ничем не мог помочь своему командиру-пилоту...» («Два Цвета»; Леонард Шепель; 2012 г.)

След лётчика Ивана затерялся на гигантской сцене той войны. Но советская классификация «пропал без вести» питала наши надежды и вопреки всему мы всё ещё ждали, что он остался жив и в какой-то момент должен появиться на пороге нашего дома. Тогда мы уже знали, что многие лагеря смерти в Западной Европе были освобождены солдатам США и надеялись на это в той особенной советской системе, в которой на подобное можно было надеяться только втайне. Известие пришло позже, когда США открыли для Украины архивы нацистских лагерей смерти, освобождённых армией США. Тогда мы услышали названия — *Флоссенбюрг* (Flossenbьrg) и *Фалкенау*. Мы нашли имя отца

в списках погибших. Он умер в октябре 1944 года в лагере Фалкенау-Соколов, относящемуся к системе нацистских лагерей смерти Флоссенбюрг. Он не дожил всего 6 месяцев до освобождения лагеря (7 мая 1945г) ударной группой под командованием капитана Ричмонда Кэмпбелла из состава американской дивизии «Big Red One — Большая Красная Единица» (воины дивизии носили шевроны с изображением большой красной цифры «1»).

Отец действительно выжил при аварийной посадке на вспаханное чернозёмное поле Украины. Он содержался в немецком лагере смерти Флоссенбюрг. Затем, его переправили в филиал этого лагеря, Фалкенау-Соколов, расположенного на территории Чехословакии. И я знал, что обязан написать вторую книгу о жизни отца после его приземления на том чернозёмном поле, чтобы его трагический жизненный путь не оказался бесследно исчезнувшим и забытым. Я поехал в Чехию и Баварию и видел там печальные места, которые сегодня неизвестны для большинства живущих в этом мире. Всё то, что мне удалось услышать, прочитать и увидеть всё это совпадало с моим умственным и чувственным представлением о героической жизни отца после его «пропажи». Я знаю, что многие миллионы советских солдат оказались «пропавшими без вести» в том извращённом злом и насилием человеческом мире. В том мире многие настоящие герои и простые солдаты бесследно исчезли и оказались навсегда забытыми. Этим печальным событиям намерен в будущем написать повесть, посвящённую моему отцу и всем им «пропавшим без вести», чтобы последующие поколения знали и помнили, и хранили долгую память о павших воинах той войны.

Юртин Б.О.

Это страшное слово «война»

Когда началась война, в нашей семье было трое детей: я, старший, 1932 года рождения, брат Леонид 1935 года и сестра Людмила 1938 года. Мы жили в далёком сибирском городе Чита. У нас был большой одноэтажный деревянный дом с двором и садом на Верхневокзальной улице. Наше довоенное детство было беззаботным, радостным и счастливым. Мы были окружены любовью и заботой наших молодых и красивых мамы и папы. Папа работал на Читинском вагоноремонтном заводе мастером. Мама вела домашнее хозяйство.

Жизнь была на подъёме. Ярко запечатлелся в памяти приезд в гости бабушки (папиной мамы) из Красноярска. Она приобщила нас к рисованию, подарив огромный набор цветных карандашей. Помню чудесные новогодние праздники: вместе с мамой готовили ёлочные украшения, папа приносил из тайги пушистую красавицу-ёлку; её ставили в углу большой комнаты, украшали игрушками, конфетами, орехами. А в день Нового года мама устраивала праздник для нас и соседских детей.

1 сентября 1939 года мама ведёт меня в школу в первый класс. Школа новая, трёхэтажная. В портфеле букварь, тетради в клетку и в косую линейку, чернильница-«непроливашка», пенал. Слушаем напутственную речь директора и идём с учительницей в свой класс. Учёбу я начал с интересом и успешно.

Начало лета 1941 года. Я на каникулах после второго класса. Родители подарили двухколёсный подростковый велосипед (какое счастье!), катались я и детвора всей улицей (и быстро его сломали).

И вдруг днём 22 июня заговорила громкая уличная городская радиосеть на телеграфных столбах. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Это страшное слово «война» в одно мгновение изменило нашу жизнь. Мне 8 с половиной лет, я уже хорошо понимаю, какая трагедия обрушилась на нашу Родину. По нашей улице, ведущей к железнодорожной станции, проходят многочисленные отряды мобилизованных мужчин под руководством кадровых командиров для отправки на фронт. Женщины и дети со слезами провожают их.

Папа получил повестку в военкомат, но комиссия освободила его от воинской обязанности в связи с болезнью сердца (этот диагноз был поставлен ему ещё в 1939 году, когда проводилась мобилизация на финскую войну).

Дома в большой комнате на столе лежит большая карта Европы. Папа регулярно отмечает на ней положение на фронтах по сообщениям газеты «Правда» и сводкам Совинформбюро. Все люди остро переживают наши неудачи и потери первых месяцев войны. По городу развешаны плакаты «Всё для фронта, всё для победы». В школах ввели обязатель-

ные уроки по военному делу (строевая подготовка, разборка и сборка винтовки, как тушить зажигательные бомбы, как пользоваться противогазом). В городе начали строить бомбоубежища.

Конец 1941 года. На фронте тяжёлая ситуация, враг стремится захватить Москву. Кругом разговоры о том, устоит ли Москва; очень тревожно. И наконец угроза захвата Москвы ликвидирована — это был первый победный шаг нашей армии.

Несмотря на то, что Чита далеко от фронта в глубоком тылу, печать войны лежала буквально на всём. Время от времени с войны приходили вести о погибших мужьях, отцах, братьях. В школе такие события отмечались с особым вниманием. В городе появились инвалиды: изуродованные войной люди, без рук, без ног, привязанные ремнями к примитивным тележкам с деревянными колодками для отталкивания. Некоторые просили милостыню и тут же пропивали её. Помню, молодых людей с забинтованными левыми руками (они сознательно калечили себя, чтобы избежать армии). Школа, в которой я учился, была разделена пополам: в одной половине был оборудован госпиталь, куда доставляли раненых прямо с фронта. В погожие дни раненые, кто как мог, выбирались во двор, грелись на солнышке и с удовольствием общались с детьми.

В первую военную осень школьников (даже младших классов) сняли с занятий и отправили на несколько дней в колхоз на уборку картофеля. Ехали поездом до какой-то станции, а потом подводами. Разместили нас в старом пустом коровнике на душистом сене. Погода стояла сырая и прохладная, с моросящим дождём. Кормили два раза

в день прямо в поле; вечером сидели у костра. Через пару дней я заболел, не мог работать. Попросил учительницу отпустить меня домой. Она отпустила, видя моё состояние. Пришёл на станцию, а билет купить не могу — нет денег. Спросил у работника станции, в какой стороне Чита, и пошёл пешком по шпалам. Чувствую себя очень плохо, иду и плачу. Поздно вечером всё-таки добрался до дома. Мама ужаснулась, увидев меня в таком состоянии, а я рыдаю и не могу толком рассказать, что со мной.

Гражданское население привлекалось к различным работам для помощи фронту. У нашей мамы была ручная швейная машинка, и домоуправление прикрепило маму к городской швейной фабрике, где она работала надомницей по пошиву военных гимнастёрок. Я помогал маме: относил готовые изделия на фабрику, оформлял документы и приносил выкройки на новую партию гимнастёрок (10 штук). Поскольку родители были очень заняты, мне, старшему сыну, пришлось выполнять много домашней работы: принести воду с водокачки, наколоть дрова, присмотреть за младшими братом и сестрой, относить мамину работу на фабрику, помогать маме по хозяйству. Учёба както отошла на второй план, что сказалось на успеваемости и прилежании.

Наступил трудный период жизни. Острая проблема одежды и обуви для детей (нас трое), проблема продовольствия. Помню, как мама со своей подругой ездила в районный центр менять свою одежду и домашнюю утварь на картошку, сало, яйца и как растягивала добытые продукты на возможно долгое время. Папа использовал любую возможность, чтобы добыть продукты. Летом —

это рыбалка на озере Кенон (там на берегу среди многочисленных лодок стояла на замке их общая с другом собственная лодка). Несколько раз папа брал на рыбалку и меня. Ловили окуней, в удачные дни приносили домой полное ведро рыбы. Осенью за выходные дни папа, выезжая в тайгу на велосипеде, успевал заготовить на зиму грибы, бруснику, голубику. Весной 1943 года заводу, где папа работал в пригородном колхозе, выделили землю. Её разделили на участки и раздали работникам завода. Мы посадили на своём участке картофель и корнеплоды. Часть урожая кто-то собрал до нас, но всё-таки 30 мешков картофеля собрали и мы.

Война отразилась и на школе. Не было новых учебников, использовались старые, потрёпанные. Не было тетрадей: использовалась обратная сторона обоев и добытые китайские книги (их разворачивали на 90 градусов и писали между столбиками иероглифов). Представление о войне у меня и моих сверстников складывалось и из просмотров кинофильмов и киножурналов. Кинотеатр находился в «Саду коллективного труда». Это был культурный центр Читы–1 с парком, аттракционами, кинотеатром, библиотекой. В кинотеатр мы пробирались бесплатно через открытые для проветривания двери между сеансами, прятались под сидениями, а когда зал заполнялся публикой, устраивались на свободных местах или на полу перед экраном. Смотрели советские фильмы про войну и трофейные иностранные фильмы.

Однажды мой приятель позвал меня посмотреть военную технику. На окраине Читы на огромной территории, прилегающей к железной дороге, был устроен полигон,

на который свозили с полей военных действий разбитую немецкую и советскую технику: самолёты, танки, машины, различные орудия. Мальчишкам было очень интересно всё это осматривать. Мы забирались в кабины, отвинчивали различные детали. Я выкрутил в танке часы, которые долго служили нам. Интересовали нас и детали из цветных металлов, которые можно было сдать за деньги в пункт приёма цветных металлов. Вскоре полигон обнесли оградой и вход туда был закрыт.

Наступил 1945-й год. Сводки Совинформбюро приносили радостные вести. Советская армия освобождала Восточную Европу и добивала врага в его логове.

И вот долгожданная победа! Этот день оказался особенным и лично для меня. За провинности (прогулы, невыполнение домашних заданий) учительница отстранила меня от занятий и потребовала, чтобы я привёл маму в школу. И вот тёплым и солнечным утром я иду в школу с мамой и с тревогой на сердце представляю, что меня ждёт. Поворачиваем на улицу, ведущую к школе, и видим возбуждённых людей, которые кричат: «Победа! Победа!». Из школьного госпиталя на улицу выбрались, кто мог, раненые: ликуют, плачут. Заходим в школу — и там всеобщее ликование. Люди смеются, плачут, целуются, поздравляют друг друга. Учительница подходит к нам, поздравляет маму, обнимает меня и других детей. Я был прощён. Мы с мамой счастливые возвращаемся домой, а там нас встречает улыбающийся папа. Завод остановил работу. Все собираются в центр города на демонстрацию. Вечером мы впервые видим яркий праздничный салют над городом. Через несколько дней закончился учебный год, и я перешёл в 6-й класс.

Юртина В. И.

От первого до последнего дня войны

Война началась, когда мне было пять с половиной лет, но многие события, даты и названия ярко запечатлелись в памяти.

До войны наша семья жила в г. Днепропетровске. Папа служил в железнодорожных частях НКВД, мама работала в Облисполкоме, я (в то время единственный ребёнок в семье) воспитывалась в детском саду.

Летом 1941 года родители решили отправить меня в Крым, в детский оздоровительный лагерь работников НКВД в Бельбеке, возле Севастополя. И 21 июня папа, совмещая с командировкой в Севастополе, привёз меня и 10-летнюю дочь своего сослуживца в Бельбек; устроил нас там, поехал по служебным делам в Севастополь и в тот же день уехал в Днепропетровск. Этот первый день в Бельбеке мне не запомнился, а второй, 22 июня, помню хорошо. Утром всех детей (там были дети разного возраста) построили «на линейку»; начальник лагеря что-то объявил, после чего старшие дети начали плакать, а малыши, ничего не поняв, их поддержали. Весь день нами не занимались, на море не водили; только кормили. Вечером всех днепропетровских

посадили в поезд с военными. Вагон был переполнен; нас по двое устроили на третьих полках, угостили шоколадом. Свет в вагоне не зажигали, поэтому дети быстро уснули. Утром прибыли в Днепропетровск. Когда я проснулась, поезд стоял; в вагоне уже никого не было, обо мне забыли. Слезть с третьей полки я не могла, но в окно увидела маму, которая искала меня. Я постучала в окно, и мама увидела меня. Так мы встретились и так прошел для меня первый день войны.

До 10 августа мы оставались в Днепропетровске. Папа был на казарменном положении, дома почти не появлялся. Мама отводила меня в детский сад и шла на работу. Начались бомбёжки, начало и конец авианалёта сопровождались воем сирены. По ночам мы часто спускались с 4 этажа в подвал — в бомбоубежище; у многих семей там были постоянные места, и у нас был уголок с одеялом. Во дворе нашего дома собирали бутылки для зажигательной смеси; помню, как я относила несколько бутылок. Запомнился такой случай: утром мама отвезла меня в детский сад (это был уже какой-то другой детский сад, куда нужно было ехать трамваем); от остановки нужно было немного пройти; я уговорила маму, что дойду сама, потому что мама боялась опоздать на работу и очень нервничала. Только она села в трамвай и уехала, как началась бомбёжка. Я добежала до детского сада, а там сразу у входа было выкопано убежище «щель»; кто-то втянул меня вниз.

Бомбёжки учащались; началась эвакуация населения. 10 августа мы эвакуировались в товарном эшелоне с семьями НКВД. До отъезда в ожидании отправления мы несколько дней жили на вокзале. Все были уверены, что уезжаем на

пару месяцев, вещей нужно брать минимум, ведь ещё тепло. У нас был вещевой мешок, сшитый из портьеры (легче чемодана). Помню, что на вокзале мы встретились с моей бывшей (ещё до детского сада) няней и она убедила маму, что хотя бы для меня нужно взять зимнюю одежду; мама ходила домой за моими зимними пальто, шапкой и валенками. В Днепропетровске жили папины родители, но они категорически отказались уезжать с нами; но после сильнейшей бомбёжки 16 августа всё же уехали в Ставрополь к родственникам. К сожалению, там они и погибли во время оккупации Ставрополя.

Нас отвезли в Ставропольский край в село Ивано-Слюсаревка Кущёвского района. Взрослые сразу стали работать в колхозе. Об оставшихся в Днепропетровске мужчинах долго не было никаких известий; Днепропетровск уже был взят немцами. Потом мужчины стали появляться. Их часть отступала всегда вслед за армией, уничтожая то, что нельзя было оставлять немцам. Папа тоже нас навестил и привёз в станицу Кущёвскую, где мама стала работать, а я даже некоторое время ходила в школу (читать, считать и писать печатными буквами я уже умела).

Некоторое время папина часть находилась в г. Орджоникидзе, и мы с мамой переехали туда же: так что с папой часто виделись. Но потом часть перевели в г. Ростов-на-Дону. Помню, из Ростова папа прислал бутылку топлёного масла и мне книжку «Принц и нищий» Марка Твена (это была моя единственная игрушка и книжка; я её знала почти наизусть; она до сих пор у меня хранится).

Вскоре наша связь с папой надолго прервалась. Писем от него не было, а потом маме перестали выплачивать

по аттестату деньги, хотя и в убитых он не значился. И только летом 1942 года он нашёлся. Оказывается, он был тяжело ранен в живот (раздроблена на кусочки печень); лежал прооперированный в ростовском госпитале. Когда немцы подошли к Ростову, кого-то из тяжелораненых удалось вывезти, а остальные спасались кто как мог. Папа выбрался на улицу и тут же его снова ранили (пуля попала в позвоночник; её впоследствии пытались вытащить, но не удалось, и он прожил с этой пулей почти до 98 лет). Он потерял сознание, его подобрали и вывезли. Он очнулся в госпитале уже после операции на позвоночнике. Спросил, где он находится, и оказалось, что госпиталь в Орджоникидзе. Попросил медсестру написать маме: так он и нашёлся. Помню, как мама привела его после выписки из госпиталя: яркий солнечный день: мама выводит его во двор под руку — маленького, высохшего, в цветастой тюбетейке.

После госпиталя папа был с нами. Осенью 1942 года при приближении немцев мы снова эвакуировались на восток: сначала в Баку, потом в трюме парохода через Каспийское море в Красноводск, где застряли на несколько суток в ожидании поезда вместе с множеством других беженцев прямо на земле. Потом долгая поездка в поезде через пустыню. Состав был длинный, из разных вагонов, в основном теплушек. Мы попали в вагон пригородного сообщения со скамьями; нашей семье досталась одна скамья. Ехали долго: с множеством остановок — и на станциях, и просто в пустыне. На остановках детям разносили кашу. Попутчики, взрослые и дети, зачитали до дыр моего «Принца и нищего». Так доехали до Джамбула. Там в каком-то доме ночевали,

потом добрались до Ташкента, где жили семьи папиных сослуживцев, а через несколько дней уехали в Алма-Ату, где прожили всю зиму.

Весной 1943 года, когда немцы отступили от Кавказа, мы вернулись в Орджоникидзе (тогда он стал называться Дзауджикау). Папа немного окреп и снова уехал на службу. Мама работала, а я посещала «детскую площадку» (что-то вроде лагеря дневного пребывания); там дети разного возраста питались, играли, собирали за городом лекарственные растения; часто посещали госпитали, где развлекали раненых песнями, танцами, чтением стихов и иногда писали для них письма.

Осенью 1943 года я пошла в школу сразу во второй класс. В школе были проблемы с тетрадями: для письма и чистописания родители и учительница чертили линейки на какой-то бумаге, а задачи по арифметике решали на газетных полях. В комнате, где мы с мамой жили (это был тамбур одноэтажного домика; одна стена была от печи соседней комнаты), не было электричества; вечером светильником был «каганец» — блюдечко с каким-то жиром и фитилем. Иногда и уроки готовила при «каганце».

Зимой 1943 года произошло событие, которое чуть не изменило всю мою судьбу. Мы жили на ул. Революционной; был большой двор в окружении одноэтажных домиков с водопроводной колонкой посередине; в домах жили люди разных национальностей: осетины, армяне, грузины, чеченцы, русские, ингуши и другие. Мы жили у пожилой осетинки Дзауровой (запомнила её фамилию), вдовы ингуша. В соседнем доме жила молодая жена (вдова) этого же ингуша. Однажды ночью двор был оцеплен НКВД: среди

многонационального населения искали чеченцев и ингушей и вывозили. Пришли к нам: маму и осетинку Дзаурову не тронули, а спящую меня приняли за ингушского мальчика, сына второй жены (во время поездки из Алма-Аты меня остригли наголо от вшей, волосы только немного отросли), хотели забрать и вывезти. Действовали эти люди очень быстро, грубо, не допуская сопротивления. У мамы был шок; она испугалась, растерялась. Дзаурова кричала маме: «Покажи документы!». И только по документам они оставили меня и ушли. Утром оказалось, что многих людей из нашего двора вывезли. Я крепко по-детски спала: всё это знаю со слов мамы и Дзауровой.

Мамины родители перед войной жили в Бердянске. Они не хотели эвакуироваться; надеялись, что стариков немцы не тронут; к тому же у бабушки было очень больное сердце. Когда освободили Бердянск, мама писала туда — и им, и «кому-нибудь из соседей»; и получила письмо от соседской девочки о том, что их, как и всё еврейское население, вывели за город и расстреляли. Так что все мои бабушки и дедушки погибли во время войны.

Папу по ранениям демобилизовали из НКВД. После освобождения Киева мы уехали в Киев, где родители получили назначение на работу в только что освобождённый г. Станислав (ныне Ивано-Франковск). На Западной Украине кое-где еще шли бои, дороги были разрушены, поэтому родители оставили меня в Киеве у родственников мамы, пока сами доберутся и устроятся. Мне запомнилось такое событие: однажды по бульвару Шевченко (мы жили неподалёку, поэтому были очевидцами) через город проводили огромную колонну пленных немцев; тротуары были запол-

нены горожанами, но стояла зловещая жуткая тишина: только звуки их шагов.

Вскоре за мной приехал папа, и мы с ним 10 дней «на перекладных» добирались до г. Станислава. Помню, что в Киеве папа сумел пробраться в вагон, а меня дядя передал ему через окно. Помню ночёвку в Черткове, прямо на земле (благо, лето ещё не кончилось) и последний отрезок пути на тендере паровоза.

В Станиславе я начала учиться в третьем классе. Русская школа не имела своего здания и кочевала по разным местам, была даже в каком-то помещении при монастыре.

Зимой 1945 года папу перевели на работу в город Львов. Они с мамой уехали устраиваться, меня оставили у соседей, где была девочка из моего класса. Весной папа приехал за мной. Помню, во Львов мы приехали 29 апреля. В одной с нами квартире некоторое время ещё жила польская семья с мальчиком чуть старше меня. Они ожидали оформления своего отъезда в Польшу.

До победы оставалось несколько дней. Они запомнились мне сплошным праздником: новый красивый город, новая школа, новая обстановка. По вечерам ежедневно отмечались наши успешные действия праздничными салютами.

Об окончании войны мы узнали утром 9 мая, когда папа как обычно привёл меня в школу. Уроки отменили. Весть о победе быстро распространилась по городу. Народ ликовал, незнакомые люди обнимались, смеялись и плакали. Военные стреляли в воздух. Погода была чудесная, солнечная, как будто радовалась вместе с людьми. Вот такие воспоминания у меня о том времени: от первого до последнего дня войны.

Янек Л. В.

Защитим наших внуков и правнуков

Родилась я в разгар Великой Отечественной войны, в январе 1943 года, на Дальнем Востоке, в селе Астраханка, на берегу пограничного с Китаем озера Ханка. Мой отец — Яник Владимир Иванович — весной 1941 года закончил Военное училище связи в Ленинграде, а мать — Вера Ивановна — Педагогический институт во Владимире. Оба были направлены по распределению весной 1941 года на Дальний Восток. Мама преподавала в Астраханской школе русский язык и была назначена ее директором. Отец очень увлекался радио, и его направили в эту школу прочитать детям лекцию на эту тему. Так они и познакомились, в 1942 году поженились.

В годы войны все были обязаны работать. Поэтому, когда я появилась на свет, родителям было необходимо продолжать работать. Жили мы в деревянном доме с печкой. В доме было холодно, тепло быстро улетучивалось из-за огромной дыры в потолке около трубы. К счастью, дырку на крыше вскоре обнаружили и заделали. Но, так или иначе, ребенка приходилось, хоть ненадолго, но оставлять одного. Для обогрева ставили под кроваткой электроплитку.

Однажды меня обнаружили висящей в сетке кроватки. Вытащили вовремя. Условия были спартанскими. Игрушек не было. Единственным другом детства был маленький поросёнок Борька, живший в этой же комнате и забавлявший ребёнка своим пятачком. С едой было туго: кроме материнского молока, картошки и озерной рыбы, есть было нечего.

Наступила весна 1945, но война с Японией все ещё не была снята с повестки дня и крупная группировка советских войск оставалась на Дальнем Востоке. Однако молодых и перспективных офицеров стали направлять для учебы в Академии. В их число попал и мой отец. Когда семья более десяти суток ехала в поезде, объявили о начале войны с Японией. По приказу отец был обязан следовать в Ленинград в Академию. В связи с быстротечным исходом войны отца не отозвали обратно.

Поскольку семья ехала в голодный послевоенный Ленинград, было решено оставить на время дочь у маминой сестры во Владимире. Когда на железнодорожной станции тетя встречала родню, она протянула ребенку варёное яйцо и яблоко. Но девочка неожиданно бросила яйцо, назвав его камнем, а, откусив яблоко, сказала, что это — капуста. Таковы были гастрономические познания детей того времени.

Тетя Лена работала мужским парикмахером. Каждый день она брала ребёнка с собой на работу. Девочку ставили на табуретку, и она развлекала посетителей исполнением песен. Самой любимой была про Васю-Василька, который хлеба не довесил. Дяди слушали пение ребёнка и одаривали скудными подарками: конфеткой, яблочком, хлебушком.

В послевоенном Ленинграде семья жила в коммунальной квартире у тети отца (они с сестрой были круглыми сирота-

ми) в 8-метровой комнате с печкой и единственным окном, выходившим в стену соседнего дома. Спала я на сундуке рядом с печкой. Утром мама убегала на работу, а отец уезжал на трамвае в Академию, находившуюся в противоположном конце города. Отец старался отдавать скудный паёк семье и поэтому часто падал в голодный обморок.

Город жил по продовольственным карточкам, за которыми шла охота недобросовестных лиц. Детских садов не было, и меня оставляли одну в квартире. Однажды, открыв замок входной двери, в квартиру зашёл мужчина. Увидев ребёнка одного, он завёл с ним разговор, поинтересовался, где находятся взрослые, кто работает и получает карточки. Любочка все рассказала приветливому дяде и даже показала сумочку, в которую мама накануне положила принесённые отцом продовольственные карточки. Их давали раз в месяц. Дядя приветливо попрощался и исчез вместе с карточками, положив сумочку на то же место. Вечером девочка рассказала все родителям об обаятельном дяде, когда мама бросилась к сумке, та оказалась пустой. Семья была обречена на голодное существование в течение целого месяца. Помогли родственники и соседи. Но главным спасителем семьи был дядя Вася — брат бабушки, который привёз на подводе из деревни мерзлую картошку и капусту и спас семью от голода. С тех пор я все время проверяю, заперта ли входная дверь.

В 1946 году родилась сестра Надя, но из-за ужасных условий прожила недолго. Над отцом сжалились и дали комнату в общежитии Академии, где в июле 1949 году родилась третья дочь Оля. Мать, потерявшая дочь, была полностью поглощена уходом за новорожденным ребёнком. Мои сверстники по общежитию стали собираться в школу. Мне было 6 лет,

но я тоже хотела учиться, и мама дала мне свой паспорт. Вместе с соседской девочкой нас записали в школу. Но заниматься моими сборами было некому и некогда, поэтому я пошла в первый класс в единственном платье с матросским воротником и со старым портфелем, найденным в общежитии. К портфелю отец прикрепил две катушки от ниток и две веревки, и он превратился в ранец.

Единственный стол в нашей 15-метровой комнате был разделён мелом на четыре равные части: одна из них принадлежала слушателю Академии — отцу, вторая — первокласснице, третья служила пеленальным столом, а четвёртая — для приготовления пищи, которую варили на общей кухне. Но никто не роптал. После Нового года маму вызвали в школу, так как обнаружили, что мне только что исполнилось семь лет, хотели отчислить, но я была такой старательной, что решили оставить. Этот год мне очень пригодился при смене школ, когда предметы не стыковались. После окончания Академии отца направили на Кавказ. Там дети впервые отведали овощей и фруктов, трав, любовь к которым сохранилась на всю жизнь. Во второй класс я пошла в грузинском селе Тетри-Цкаро (Белый ключ). Школа была многонациональной, моими друзьями были грузины, армяне, греки и даже турки. Тогда мало кто знал и задумывался над национальной принадлежностью. Меня доброжелательно принимали в семьях, где родители не знали русского языка. Моей семье часто приходилось менять место жительства, и за 10 лет учебы я сменила 11 школ, но зато не было проблемы с привыканием к новому коллективу. В Мухровани (там служил Лев Толстой) средней школы не было и приходилось ходить 3 километра по горной дороге в соседнее село Уджарма. Но и там была

только Школа-семилетка. Надо было продолжать учебу, поэтому мне сняли комнату в 70 километрах от дома в городе Тбилиси. Каждый понедельник меня привозили на военном газике и забирали из школы в пятницу. Я сама ходила в школу, разогревала на плитке еду, готовила уроки. Сейчас представить подростка одного в чужом городе довольно сложно, но тогда нас приучали к ответственности и самостоятельности и проблем с криминалом не было. Возможно, именно в Грузии, где обязательными предметами были грузинский язык и литература, мне понравилось изучение языков.

Через полгода отца перевели в Москву, где был набор специалистов для космической отрасли. Я закончила школу в 1960 году и поступила в Московский государственный Университет (без репетиторов и взяток), окончила аспирантуру и стала кандидатом наук. Работала в Институте мировой экономики и международных отношений Академии Наук, в Международном отделе Министерства рыбного хозяйства, участвовала в международных переговорах с соседними государствами и принимала участие в работе Международных организаций по рыболовству. В МГУ я изучала английский язык в ИМЭМО — добавила французский. Мне повезло, так как преподавателями были носители этих языков.

Но все внезапно оборвалось в 2001 году, когда я вернулась из очередного отпуска инвалидом.

Нам, детям войны, даже тем, кто не изведал пороха, было нелегко в военные и послевоенные годы, как и нашим родителям, голодные годы отразились на здоровье, Начиная с 35 лет я перенесла несколько серьезных операций, а в 58 лет я стала инвалидом первой группы, лишившись ноги. Три года ушло на то, чтобы научиться заново ходить

и встать с инвалидной коляски. Пришлось осваивать новый протез, который плохо держался из-за полного отсутствия костей. Но надо было выживать, учиться жить в новых условиях, не роптать, помогать растить внуков.

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, моя жизнь не представляется мне убогой и несчастной. У нас была Родина, мы были равными для неё и отличались только способностями и знаниями. Каждый из нас мог ставить перед собой цель и добиваться ее достижения. У нас была бесплатная и прекрасная система образования, доступное жильё и неплохая медицина. Не было роскоши, но было все необходимое. Мы катались на горных лыжах в Баксанском ущелье, поднимались на Эльбрус, путешествовали по стране и ездили в зарубежные страны. Нас не опутывал тогда жестокий кокон всемирной паутины. Единственное, о чем приходится жалеть — это развал Родины.

В последнее время меня не перестаёт мучить вопрос: почему наше поколение плохо одетых и недостаточно кормленных детей так стремилось и стремится к учебе. Даже я уже в преклонном возрасте вместе с внучкой с удовольствием стала изучать китайский язык и тоже с носителем языка. Посмотрите на одушевлённые лица стариков, занимающихся в рамках программы «Долголетие», я тоже не стала исключением. Практически все мои одноклассники получили бесплатное высшее образование и стали специалистами. Их дети тоже охотно учились.

Но что происходит с нашими внуками? Почему они в большинстве своём так неохотно учатся?.. Почему с ними работают психологи? Не является ли причиной этого социальное сиротство, когда родители поглощены зарабатывани-

ем денег? Воспитание детей передаётся в руки репетиторов, нянь или бабушек. Школы изменили своё предназначение — оказывают услуги по образованию, программы разношерстны, плохо продуманы и не увлекают детей. К тому же дефицит родительского внимания компенсируется бесчисленными подарками или их обещанием. Дети окружены несметным количеством занимательных игрушек, не отрываются от экранов телевизоров с сомнительными по содержанию фильмами или сидят в айфонах.

Мы отвергли хорошо зарекомендовавшее себя и проверенное на практике отечественное образование и тупо стали копировать западную систему. Вместо продуманной учебы — многочисленные конкурсы, олимпиады, результат которых становится важнейшим фактором приема в ВУЗ. Раньше тоже были олимпиады, но на них приглашались лучшие из лучших. Техническая оснащенность наших детей (айпады) ниже обещанного уровня, дети продолжают таскать тяжеленные ранцы с учебниками и пособиями. Сколиоз есть практически у каждого ещё в начальной школе.

Теперь же предлагается ввести (подумать только!) бесплатное трехлетнее образование и учить дальше, исходя из принципа толщины содержимого в кошельках родителей! «Умникам» показалось мало развала страны, вывоза людских, природных, финансовых ресурсов, теперь они хотят довести нас до полного умственного истощения, А что творит с детьми и взрослыми «Всемирная паутина»! Описать невозможно. В телефонах сидят и младенцы, и старики. Никого не видим, никого не слышим. Прекрасный инструмент познания превращается в скальпель и отрезает остатки серого вещества в наших мозгах.

Дети войны, мы уже не молоды, но будучи молодыми, мы допустили экономический развал и расчленение Родины. Давайте же подумаем и защитим наших внуков и правнуков в мирное время, ведь им предстоит жить и выживать на этой земле!

Луговская А.А.

От принимающих эстафету

Он горит, чтоб мы не забывали,
Как отцы и деды воевали!
(Марк Львовский)

Я пишу эти строки, глядя на заброшенный ДОТ под Можайском. Зайдя в него, будто пронёсся туман и перенёс меня... в те военные времена. Прикасаясь к холодным стенам, вдыхая запах этого места, проводя пальцами по множественным отверстиям от пуль, в сознании возникают картины того, как здесь в те годы сражались люди, как они заряжали

снаряды; представляются даже звуки боя и крики солдат. Находясь внутри, по телу проходят дрожь и холод. Это было здесь. Это было совсем недавно. И это не должно быть забыто.

Мы приехали сюда на встречу с ветераном. Каждая такая встреча оставляет особенный след в душе, ведь, проникаясь историями этих людей, осознавая, какой путь они прошли, глядя на их эмоции во время рассказа о войне, происходит определённый переворот сознания.

Жители города Можайск рассказали, что, до сих пор гуляя по лесу, постоянно наступают на пули и гильзы военных лет. В их домах часто встречаются специальные уголки с найденными предметами той эпохи. Мне посчастливилось даже прикоснуться к ним. Особенно мне запомнился разорвавшийся снаряд, который по форме напоминает кружку. Однако, ощущая пальцами каждую неровность этого предмета, мысли совсем о другом — становится страшно, перед глазами вспыхивает картина смертей людей под этими боеприпасами.

Можайск пронизан духом военного времени. Там до сих пор есть множество неисследованных территорий. Я советую каждому читателю обязательно посетить эти памятные места, в том числе заброшенные.

Ещё одним особенным воспоминанием для меня является поездка в Брест. Подъезжая к Брестской крепости на автобусе и спешно собирая вещи, я еще не осознавала куда нас привезли. Я смотрела множество фильмов о войне, читала множество военных хроник про Брест. Однако я никак не ожидала, что посещение этого памятного места настолько сильно погрузит меня в тематику войны и станет особенным, очень важным воспоминанием.

Проходя под массивным главным входом в крепость, у меня замирало сердце. Никогда не забуду поминальную военную мелодию, которую слышно, когда проходишь под

этим сооружением на территорию крепости. Это тяжелые звуки, давящие на сознание, под которые я делаю шаги на много лет назад. Будто завертелся маховик времени и перенёс меня совсем в иную жизнь. Здесь я не просто ощущала себя на страницах истории, героиней военных фильмов и книг про те события. Здесь состояние было очень глубокое, реалистичное.

Нам провели большую экскурсию. Но мне запомнилось больше не это, а каждое прикосновение к руинам, где сражались и умирали люди. Я очень много думала об этих людях, о том, как они проходили эти тягостные испытания и сражались не на жизнь, а на смерть. Я представляла, как именно они здесь жили... как здесь стоял солдат, лежал раненный, сражался в последний раз герой... прямо здесь, где я сейчас стою и дышу. А от них здесь остались лишь каменистые развалины и воздух. Но главное — память.

Мне виделись картины, как люди питались, чем жили и как совершали героические подвиги во имя Отечества. Не уверена, что нынешний народ способен на такое. Однако, проверять эту теорию, безусловно, никогда не захочется.

К своим годам мне уже повезло увидеть множество стран мира. Каждое путешествие оставляет свой след в памяти. Однако у каждого человека есть особенные воспоминания. Посмотрев большие города и страны, побывав за океаном и на дальних островах, я точно знаю, что есть места, которые не похожи на остальные. Их сила в истории и в духе военного времени. Это два города — Брест и Можайск.

Я не родилась в годы войны. Мое детство проходило не в послевоенный период. На мою долю выпало жить в новой России. Мы — счастливый народ: мы родились под мирным небом, не слышали воя бомб и грохота канонады, не видели ужасов войны. Однако я считаю своим долгом сохранять память о войне в сердцах и душах каждого человека.

Воспринимая современную мирную жизнь как должное, наше общество, к сожалению, со временем теряет в себе чувство благодарности. В годы войны люди, не задумываясь, отдавали свои жизни ради своей Родины, своих семей и будущего новых поколений. Те бойцы шли на такие подвиги совсем не ради памяти и чести, которую заслужили своими подвигами и героическими поступками.

Великая Отечественная война... Когда погружаешься в страшные события тех времен, каждый раз душу охватывают печаль и грусть, ужас и оцепенение. И все равно не понять нам, людям, знающим, что такое война только понаслышке, всю трагедию этого события, не вернуть тех миллионов людей, погибших в бою, не восполнить чувств утраты и отчаяния матерей, потерявших своих молодых сыновей на фронте. И все, что нам, поколению двадцать первого века, остается, — помнить и чтить...

Память — это то единственное, кроме слов, чем мы можем сказать спасибо. Не забывая о лишениях, которые принесла война, мы должны осознавать, что принесенные жертвы были не напрасны.

Когда в 1941 году дети, отцы, мужья уходили воевать, они были готовы к тому, что кому-то из них не суждено вернуться, однако они смотрели в будущее и верили в победу. В наш мир. Нас там не было, и мы не можем представить, что пережили родственники этих бойцов. Каково было матери, которая провожала своего сына на войну, зная, что видит его в последний раз. Или сестре, которая обнимает брата, отправляя его на верую смерть. Или жене — молодой матери, ребенок которой оставался без отца, а она — без любимого мужчины. Они росли и доживали жизнь в освобождённой стране. Жили за себя и за тех, кто не вернулся с поля боя. Жили, сохраняя память и во имя своих преданных чувств к своим героям. А мы сейчас живем за них.

Почти в каждой семье есть собственный герой. Есть те семьи, героям которых удалось вернуться. Они прошли через все ужасы войны и передали свою историю другим. Их осталась мало, но всё же они еще живы. Подвиг каждого из них должен оставаться отпечатком в наших душах.

Каждый раз, когда кто-то в двадцать первом веке в масштабах вселенского горя рассказывает о проблемах на работе или в личной жизни, или о том, что ему продали сыр итальянской марки, а не испанской — каждому из них надлежит задуматься и вспомнить, как люди без рук и без ног продолжали сражаться за свою Родину, а также о том, как маленькие дети, лишённые какого-либо полноценного питания, все детство играли в одну единственную игрушку, сделанную из

подручных материалов... Вспомнить и ужаснуться тому, как искажены современные ценности и насколько важно задуматься о такой проблеме...

В ситуациях, когда мне трудно или что-то кажется страшным, я часто вспоминаю военные времена. И мое личное отношение к происходящим событиям мгновенно меняется. Ведь это и не трудности и не страхи вовсе, по сравнению в тем, что переживали люди в ту эпоху.

На мой взгляд, очень важно донести эту мысль до нового поколения детей, для которых тема войны, увы, становится все более далёкой и чужой. Важно развивать тему войны через культуру кино, театра, литературы: продолжать сохранять эту память так, чтобы события тех времён никогда не забывались и оставляли след в душе каждого нового человека.

Я считаю своим долгом сохранять и продлевать память об этих событиях, не позволяя техническому процессу «съедать» важнейшие жизненные ценности. Ведь, даже живя в достатке, мы никогда не должны забывать цену этой вседозволенности.

В моей семье воевали оба прадеда. Для меня — это настоящая гордость. Во время Великой Отечественной войны, в 1942 году, мой прадед Константин Спиридонович воевал под Сталинградом, на Волге, в танковых войсках. В это время наступали немцы. Шли ожесточенные бои. В одном из боёв мой прадед возглавил контратаку. Когда началась атака, он находился в танке со своим лучшим другом. И хотя немцы в этом бою потерпели поражение, но танк прадеда все же подбили. Танк загорелся! Прадед в пылающем огне взвалил на спину своего друга и, пробившись сквозь огонь, спас его от смерти.

Во время войны за совершённый подвиг прадеда Константина наградили Орденом Красной звезды. У Константина Спиридоновича всегда было правило: «Сам погибай, но товарища спасай!».

Мой второй прадед, Александр Михайлович, родом из Белоруссии. Во время оккупации Белоруссии немцами он воевал в партизанском отряде. Был ранен. После освобождения Белоруссии Красной Армией летом 1944 года вступил в её ряды и пошёл бить немцев дальше. В октябре 1944 года во время освобождения Польши на реке Нарев его батальон попал под сильный пулеметный огонь из немецкого ДОТа на высоте. Весь батальон залег. Несколько раз пытался вновь идти в атаку, но гибло всё больше и больше боевых товарищей прадеда. Тогда мой прадед взял противотанковое ружьё и пополз к ДОТу. Он смог подобраться к нему близко и огнём из своего ружья уничтожил его. Батальон поднялся в атаку и смог захватить высоту. За этот подвиг моего прадеда наградили орденом Славы. А всего через неделю после этого — 19 октября 1944 года — мой прадед был смертельно ранен в очередном бою и погиб. Похоронен он в Польше, в городе Макув Мазовецкий, недалеко от Варшавы.

В настоящее время в нашей стране реализован проект Память народа. Создан уникальный сайт с картотекой всех участников Великой Отечественной войны. Сейчас там можно найти не только сведения о наградах и фотографии, но и боевой путь героев на войне, изображённый на карте с отметкой сражений.

Я горжусь обоими моими прадедами! Они — настоящие герои! А на долю моих дедов выпало военное детство, кото-

рое они приняли достойно, о чём свидетельствуют воспоминания, представленные в этой книге.

Всё меньше остаётся ветеранов, но и не так много сейчас живёт детей войны. А ведь дети войны — это последние прямые свидетели событий тех лет. Воспоминания детей войны особенные. Эти ветераны увидели войну в ином, очень особенном мире. Погрузившись во множество таких историй, я заметила, что детское восприятие имеет отличия. Эти люди помнят множество деталей, которые обычно не оставались в памяти у взрослых солдат.

Я считаю, что наше государство и все страны бывшего СССР должны делать всё, чтобы обеспечить нашим героям достойную и счастливую старость. Нужно создавать специальные проекты, направленные на поддержку этих людей. Также, нужно продолжать вести политику, направленную на сохранение памяти о Великой Отечественной Войне.

Я с благодарностью вспоминаю о подвигах моих родных и близких, и верю, что каждое следующее поколение никогда не позволит стереть эти события из нашей памяти.

Я завершаю эти строки, сидя около красных фонтанов на Парке Победы. На улице теплый воздух, дует лёгкий ветерок, а я не могу оторвать взгляд от движения этой воды. Она олицетворяет пролитую кровь наших предков, которые сражались за то, чтобы сегодня мы могли спокойно дышать и чувствовать свободу... Мы должны нести её достойно!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1*

Вносится депутатами Государственной Думы: Г.А. Зюгановым, В.И. Кашиным, Д.Г. Новиковым, А.А. Пономаревым, Н.В. Арефьевым, Ю.В. Афониным, Н.Н. Ивановым, Н.В. Коломейцевым, Т.В. Плетневой, К.К. Тайсаевым, А.Ю. Русских, В.С. Шурчановым, В.Г.Поздняковым, П.С. Дорохиным, Н.И. Осадчим, С.М. Пантелеевым

ПРОЕКТ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О детях войны

Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые гарантии социальной защиты детей войны в Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почет и уважение в обществе.

Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Категория детей войны

К категории детей войны относятся граждане Российской Федерации, родившиеся в период с 22 июня 1928 года по 4 сентября 1945 года, постоянно проживавшие на территории Союза Советских Социалистических республик в годы Великой Отечественной войны. К данной категории не относятся лица, отбывавшие наказание в местах лишения свободы в этот период.

---

* https://xn----dtbeepi2ag6a4g.xn--p1ai/dokumenty/16-zakon/1926-proekt-federalnogo-zakona-o-detyakh-vojny-4.html.

Статья 2. Государственная политика в отношении детей войны

Государственная политика в отношении детей войны предусматривает:

1. реализацию мер социальной поддержки, установленных настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами для детей войны;
2. выделение из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации средств, необходимых для реализации мер социальной поддержки, указанных в настоящем Федеральном законе;
3. пропаганду с использованием средств массовой информации важности добросовестной трудовой деятельности с ранних лет во имя спасения Родины.

Статья 3. Организационные основы реализации функций органов государственной власти по делам детей войны

1. Реализация государственной политики в отношении детей войны осуществляется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Статья 4. Расходные обязательства по социальной защите и социальной поддержке детей войны

1. Меры социальной поддержки, установленные подпунктами 1,2 пункта 1 статьи 7 настоящего Федерального закона и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами Правительства

Российской Федерации, являются расходными обязательствами Российской Федерации.

2. Меры социальной поддержки, установленные подпунктом 3 пункта 1 статьи 7 настоящего федерального закона, являются расходными обязательствами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации соответственно.

3. Меры социальной поддержки, устанавливаемые законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в соответствии с подпунктами 4,5,6,7 пункта 1 статьи 7 настоящего Федерального закона, являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

4. В дополнение к мерам социальной поддержки, установленным статьей 7 настоящего Федерального закона, субъекты Российской Федерации могут устанавливать иные меры социальной поддержки законами субъектов Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами. Дополнительные меры социальной поддержки, установленные в соответствии с настоящим пунктом, являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

Статья 5. Законодательство Российской Федерации о детях войны

1. Законодательство Российской Федерации о детях войны состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных

правовых актов, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

2. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Федеральным законом, то применяются правила международного договора.

Статья 6. Сфера применения настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон распространяется на граждан Российской Федерации, а также на постоянно проживающих на территории Российской Федерации, иностранных граждан, относящихся к категории детей войны, указанных в статье 1 настоящего Федерального закона. Меры социальной поддержки иностранных граждан, относящихся к категории детей войны, указанным в статье 7 настоящего Федерального закона, временно проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации, определяются международными договорами Российской Федерации.

Глава II. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Статья 7. Социальная поддержка детей войны

1. Социальная поддержка детей войны предусматривает осуществление системы мер, включающей:
    1. пенсионное обеспечение, выплату пособий в соответствии с законодательством Российской Федерации;
    2. получение ежемесячной денежной выплаты;
    3. бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях и организациях здравоохранения с предоставлением

медицинских услуг, как комплекса медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию, имеющих самостоятельное законченное значение;

4. бесплатный проезд всеми видами городского транспорта, на автомобильном транспорте общего пользования в сельской местности, на железнодорожном и водном транспорте пригородного сообщения и на автобусах пригородных маршрутов в пределах области по месту жительства;
5. преимущество при вступлении в жилищные, жилищно-строительные, гаражные кооперативы, садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан;
6. преимущество при предоставлении земельного участка для строительства жилья;
7. внеочередной прием в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, центры социального обслуживания, на обслуживание отделениями социальной помощи на дому.

2. При наличии у данной категории лиц права на получение одной и той же формы социальной поддержки по нескольким основаниям, социальная поддержка предоставляется по одному основанию по выбору лица данной категории.
3. Гражданину, имеющему одновременно право на получение ежемесячной денежной выплаты по нескольким основаниям, указанным в пункте 1 настоящей статьи, ежемесячная денежная выпла-

та устанавливается по одному из них, предусматривающему более высокий размер.

Статья 8. Меры социальной поддержки детей войны

1. Ежемесячная денежная выплата детям войны устанавливается в размере 1500 рублей.
    1. Размер ежемесячной денежной выплаты подлежит индексации один раз в год с 1 апреля текущего года исходя из установленного федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период прогнозного уровня инфляции.
    2. Ежемесячная денежная выплата устанавливается и выплачивается территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации.
    3. Ежемесячная денежная выплата производится в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим выработку государственной политики и нормативное правовое регулирование в сфере социального развития.
2. Финансовое обеспечение расходов, предусмотренных пунктом 1 статьи 8, осуществляется за счет средств федерального бюджета. Пунктом 7 статьи 154 Федерального закона от 22.08.2004 N 122-ФЗ установлено, что впредь до вступления в силу соответствующего федерального закона сумма ежемесячной денежной выплаты не учитывается при исчислении размера совокупного дохода семьи (одиноко проживающего гражданина) для оценки их нуждаемости при опре-

делении права на получение субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг.

3. Меры социальной поддержки, предусмотренные подпунктами 4,5,6,7 пункта 1 статьи 7, устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Форма предоставления указанных мер социальной поддержки определяется нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.
4. Порядок предоставления мер социальной поддержки определяется в соответствии с Федеральным законом от 22.08.2004 года № 122 ФЗ.
5. Порядок расходования и учета средств на предоставление субвенций устанавливается Правительством Российской Федерации.

Глава III. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 9. Общественные объединения детей войны

1. В целях защиты прав и законных интересов детей войны в соответствии с законодательством создаются общественные объединения детей войны.
2. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления оказывают содействие деятельности общественных объединений детей войны.
3. Решения по вопросам социальной поддержки детей войны, деятельности общественных объединений детей войны принимаются федеральными органами государственной власти, органами государственной

власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при участии представителей соответствующих объединений детей войны.

Статья 10. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение законодательства Российской Федерации о ветеранах

Должностные лица федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в соответствии с законодательством несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение законодательства Российской Федерации о детях войны.

Статья 11. Судебная защита прав ветеранов

Дети войны имеют право на обращение в суд за защитой прав, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации мер социальной поддержки.

Статья 12. Документы, подтверждающие права детей войны

Реализация мер социальной поддержки детей войны осуществляется по предъявлении ими удостоверений единого образца, установленного для категории детей войны Правительством Российской Федерации.

Статья 13. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 июля 2018 года.

Президент Российской Федерации

ПРИЛОЖЕНИЕ 2*

ЗАКОН
ГОРОДА МОСКВЫ

О внесении изменений в Закон города Москвы от 3 ноября 2004 года № 70 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы» в связи с установлением категории жителей города Москвы «дети войны» и перечня мер социальной поддержки для указанной категории

Статья 1. О внесении изменений в Закон города Москвы от 3 ноября 2004 года № 70 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы»

1. Часть 1 статьи 3 дополнить пунктом 5 следующего содержания:

«5) дети войны - лица, родившиеся в период с 4 сентября 1927 года по 3 сентября 1945 года.».

2. В пункте 3 статьи 5 и пункте 4 части 1 статьи 6 слова «, в размере 190 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период».

3. В статье 7:

1) в части 1:

а) в пункте 4 слова «, в размере 190 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период»;

б) в пункте 14 слова «в размере 3000 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период»;

---

* https://www.mos.ru/authority/documents/doc/45212220/

2) в пункте 10 части 3 слова «в размере 3000 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период».

4. Дополнить статьей 7.1 следующего содержания:

«Статья 7.1. Меры социальной поддержки, предоставляемые детям войны

Детям войны, указанным в пункте 5 части 1 статьи 3 настоящего Закона, предоставляются следующие меры социальной поддержки:

1) право на бесплатный проезд в городе Москве на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси и маршрутного такси);

2) право на бесплатный проезд железнодорожным пригородным транспортом;

3) преимущественное право при вступлении в садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан;

4) обеспечение при наличии медицинских показаний неработающих детей войны бесплатными путевками на санаторно-курортное лечение через органы социальной защиты населения и возмещение расходов на проезд железнодорожным транспортом к месту лечения и обратно по указанным путевкам;

5) бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (кроме расходов на оплату стоимости драгоценных металлов и металлокерамики);

6) преимущественное право при приеме в организации стационарного социального обслуживания или организации, осуществляющие полустационарное социальное обслуживание, внеочередной прием в организации, осуществляющие социальное обслуживание на дому.».

5. В статье 8:

1) в пункте 1 части 2 слова «, в размере 345 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период»;

2) в частях 3 и 5, пункте 3 части 6, пункте 1 части 7 и части 8 слова «, в размере 190 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период»;

3) в пункте 3 части 9 слова «в размере 3000 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период»;

4) в части 14 слова «, в размере 345 рублей» и слова «на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период».

6. В статье 10:

1) часть 2 дополнить пунктом 4 следующего содержания:

«4) дети войны, указанные в пункте 5 части 1 статьи 3 настоящего Закона, не относящиеся к категориям граждан, которым в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации устанавливаются ежемесячные денежные выплаты либо которым в соответствии с пунктами 1 - 3 настоящей части устанавливается ежемесячная городская денежная выплата.»;

2) часть 3 после слов «указанным в» дополнить словами «пунктах 1 - 3».

4. Статью 11 изложить в следующей редакции:

«Статья 11. Размер ежемесячной городской денежной выплаты

Размер ежемесячной городской денежной выплаты и порядок индексации размера ежемесячной городской денежной выплаты определяются законом города Москвы о бюджете города Москвы на соответствующий год и плановый период и (или) нормативными правовыми актами Правительства Москвы.».

5. В статье 12:

1) в части 1 слова «в частях 1 и 3 статьи 3» заменить словами «в пунктах 1 - 4 части 1 и части 3 статьи 3», слова «начиная с 1 января 2006 года,» исключить;

2) часть 3 признать утратившей силу;

3) в части 4 слова «, указанная в части 3 настоящей статьи, на последующие годы» исключить, после слова «год» дополнить словами «и плановый период».

Статья 2. Заключительные положения

1. Настоящий Закон вступает в силу с 1 января 2021 года.

2. Размер ежемесячной денежной компенсации на оплату услуг местной телефонной связи, размер ежегодной денежной компенсации в случае неполучения в течение истекшего календарного года бесплатного санаторно-ку-

ортного лечения, размер ежемесячной городской денежной выплаты, определяемые в соответствии с Законом города Москвы от 3 ноября 2004 года № 70 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы» (в редакции настоящего Закона), не могут быть уменьшены по сравнению с размерами указанных компенсаций и выплаты, определенными на день вступления в силу настоящего Закона для каждой категории граждан, установленной Законом города Москвы «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы» (в редакции настоящего Закона).

3. Лицам, родившимся в период с 1 января 1928 года по 3 сентября 1945 года, имеющим место жительства в городе Москве и получающим пенсию, ежемесячная городская денежная выплата, предусмотренная частью 1 статьи 10 Закона города Москвы от 3 ноября 2004 года № 70 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы», назначается с 1 января 2021 года взамен ежемесячной компенсационной выплаты, установленной для указанных лиц нормативными правовыми актами города Москвы с 1 января 2020 года, в беззаявительном порядке на основании сведений, имеющихся в распоряжении уполномоченного органа исполнительной власти города Москвы по состоянию на 31 декабря 2020 года.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА ДЛЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ АППАРАТ

Мэр Москвы **С.С.Собянин**

Москва, Московская
городская Дума
11 ноября 2020 года
№ 23

Подписано цифровой подписью:
Департамент информационных
технологий города Москвы
Дата: 2020.11.17 13:08:09 +03'00'

ПРИЛОЖЕНИЕ 3*

Субъекты Российской Федерации, принявшие законы «О детях войны»

- Адыгея
- Алтайский край
- Амурская область
- Астраханская область
- Белгородская область
- Бурятия
- Вологодская область
- Горный Алтай
- Иркутская область
- Калмыкия
- Камчатский край
- Красноярский край
- Курская область
- Ленинградская область
- г. Санкт-Петербург
- г. Москва
- Новосибирская область
- Омская область
- Оренбургская область

---

* https://xn----dtbeepi2ag6a4g.xn--p1ai/dokumenty/29-regional-laws.html.

- Приморский край
- Псковская область
- Самарская область
- Саха (Якутия)
- Свердловская область
- Ставропольский край
- Тверская область
- Удмуртия
- Хабаровский край
- Чувашия

Литературно-художественное издание

Давая возможность авторам высказаться,
Издательство может не разделять мнение авторов.

Зиланов Вячеслав Константинович
Луговская Анна Андреевна

ДЕТИ ВОЙНЫ О ВОЙНЕ

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Под редакцией профессора В.К. Зиланова
Идея проекта В.К. Зиланова

Художник Е.В. Пикалова
На обложке воспроизведён памятник, скульпторы Максим Ведерников и Ольга Ахрамеева, автор композиции – главный художник Оренбурга Наталья Бровко.

Смотрите книжные новинки на сайте https://Rodina-kniga.ru

ООО «Издательство Родина»
Оптовая торговля:
ООО «Издательство Родина» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: Rodina-kniga.ru
Электронная почта: info@rodina-kniga.ru

Сдано в набор 10.11.21. Подписано в печать 12.12.21
Формат 84x108 1/32. Тираж 500 экз.